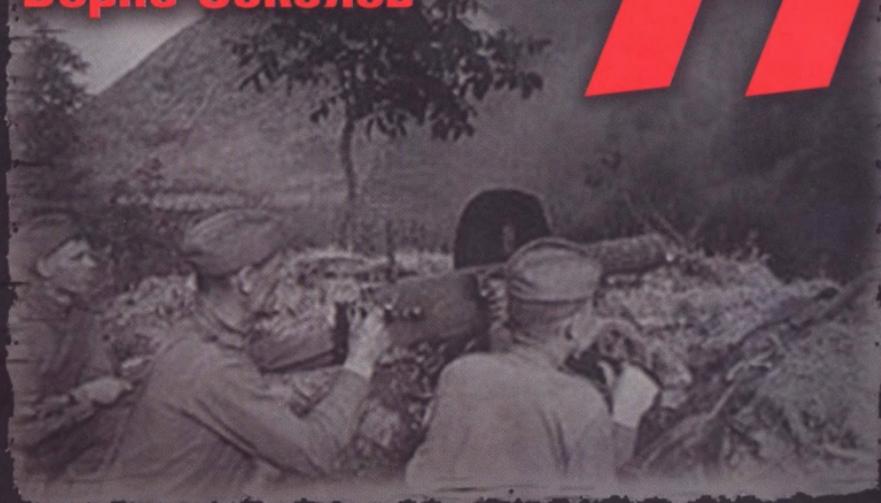

Великая Отечественная: Неизвестная война

Красная Армия ПРОТИВ ВОЙСК СС

Борис Соколов

Великая Отечественная: Неизвестная война

Борис Соколов

**Красная Армия
ПРОТИВ ВОЙСК СС**

Москва
«ЯУЗА»
«ЭКМО»
2008

Оформление серии художника *П. Волкова*

Соколов Б. В.

С 59 **Красная Армия против войск СС.** — М. : Яуза, Эксмо, 2008. — 448 с.

ISBN 978-5-699-31086-9

Ваффен-СС — «гвардия» Гитлера, «идеологические солдаты» национал-социализма — по праву считались элитой вооруженных сил Третьего Рейха, наиболее боеспособными войсками гитлеровской Германии. Эсэсовцев бросали на самые опасные участки фронта, применяли на решающих направлениях, в самых сложных ситуациях. Сокрушительный удар войск СС не раз решал исход сражений и целых кампаний. Названия эсэсовских дивизий — «Мертвая голова», «Рейх», «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер», «Викинг» и др. — знал каждый солдат по обе стороны фронта. Нацистская пропаганда культивировала миф об их непобедимости.

В своей новой книге известный историк анализирует основные сражения и операции Великой Отечественной войны, в которых дивизии и корпуса СС играли решающую роль, — бои за Харьков в феврале—марте 1943 года, Курская битва, ликвидация советского плацдарма на реке Миус в июле—августе 43-го, Корсунь-Шевченковская операция, деблокада немецкой 1-й танковой армии в апреле 44-го, контрудары в районе озера Балатон в январе и марте 1945-го.

Подробно рассматривая ход сражений и стиль ведения боевых действий, а также стратегические возможности, не реализованные обеими сторонами, автор показывает, как, несмотря на высокую боеспособность элитных эсэсовских частей и то решающее значение, которое Гитлер придавал операциям с их участием, они оказались не в состоянии переломить неблагоприятный для Германии ход войны и были в конце концов разбиты Красной Армией.

ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-699-31086-9

© Соколов Б. В., 2008
© ООО «Издательство «Яуза», 2008
© ООО «Издательство «Эксмо», 2008

ВОЙСКА СС — «ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ СОЛДАТЫ» ИЛИ ОТБОРНАЯ ГВАРДИЯ?

В разное время на Восточном фронте находилось 28 дивизий СС, однако 12 из них принимали участие в боях лишь в последние месяцы войны. В числе тех, что наиболее активно действовали, из семи танковых могут быть упомянуты «Лейбштандарт Адольф Гитлер», «Райх», «Тотенкопф» («Мертвая голова»), «Викинг», «Гитлерюгенд»; из шести моторизованных (панцер-гренадерских) — Полицейская, «Нордланд», «Рейхсфюрер СС», «Хорст Вессель». На Восточном фронте действовали также хорватские, латышские, эстонская, венгерская и другие национальные дивизии СС, а также болгарская бригада СС, сражавшаяся в последние недели войны в Австрии.

Войска СС на первом этапе своего развития рассматривались как элитные войска Рейха, отличающиеся расовой чистотой и безусловной преданностью идеям национал-социализма. Точно так же, как на отборные войска и носители человеконенавистнических гитлеровских идей, смотрели на них на советской стороне. Прибытие эсэсовских дивизий на данный участок фронта советское командование обычно рассматривало как подготовку к скорому наступлению, а если это происходило во время советского наступления, то как признак скорого контрудара и намерения упорного сопротивления на данном участке фронта, особенно упорно удерживать данную территорию. По сравнению с дивизиями вермахта дивизии СС несли значительно большие потери, по-

скольку использовались в наиболее опасных местах и для проведения наиболее важных операций.

Германские соединения войск СС, состоящие из немцев и представителей так называемых «германских народов» — голландцев, шведов, норвежцев, датчан, финнов, действительно отличались хорошей выучкой и повышенной боеспособностью. По интенсивности и продолжительности своей боевой подготовки бойцы этих дивизий превосходили большинство солдат и офицеров вермахта, за исключением элитной дивизии «Великая Германия» («Гроссдойчланд»).

С 1943 года началось активное формирование дивизий СС из так называемых «негерманских народов», которые после поражения под Сталинградом практически все были признаны арийскими. Из негерманских соединений войск СС к германским дивизиям по своим качествам приближались две латышские (15-я и 19-я) и одна эстонская (20-я) дивизии войск СС, а также моторизованная бригада «Валлония», впоследствии развернутая в 28-ю добровольческую гренадерскую дивизию войск СС. Все войска этих соединений были идеологически мотивированы к борьбе, что повышало их боеспособность. Валлоны, сражавшиеся в войсках СС, в своем большинстве примыкали к националистической организации «Аксьон Франсе» и профашистской организации «Рекс». Служившие же в войсках СС латыши и эстонцы верили, что своей борьбой они приближают восстановление независимости своих стран, хотя никаких политических обещаний на сей счет Гитлер им не давал. Поэтому эстонская и латышские дивизии СС сохраняли высокую боеспособность, по крайней мере до тех пор, пока боевые действия шли на территории своих стран или на примыкающей к ним советской территории. Прочие негерманские добровольческие соединения войск СС, формировавшиеся преимущественно в 1944—1945 годах, когда поражение Германии было уже очевидно, наоборот, высокой боеспособностью не отличались и значительно уступали в этом отношении не только германским дивизиям войск СС, но и дивизиям вермахта. Негерманские соединения войск СС, сформированные из белорусов, русских, украинцев, французов, итальянцев, хорватов,

албанцев, боснийцев, венгров, болгар, румын и некоторых других народов, а также фольксдойче, проживавших на территории соответствующих стран, приняли в большинстве своем лишь очень ограниченное участие в боевых действиях, а многие дивизии так и не закончили формирования и не вступили в бой. Большинство бойцов этих дивизий двигало стремление уйти вместе с германскими войсками от наступающей Красной Армии и войск союзников, поскольку от победителей они не ждали ничего хорошего. Например, 14-я украинская гренадерская дивизия войск СС «Галиция», сформированная в октябре 1943 года, на советско-германском фронте впервые оказалась в июле 1944 года. Еще при формировании дивизии немцев встревожил большой наплыв добровольцев — свыше 50 тыс. человек вместо требуемых 15 тыс. Германскому командованию казалось подозрительным, что так много западных украинцев горят желанием пролить кровь за фюрера и Великую Германию. Оказавшись на фронте, 14-я гренадерская дивизия сразу же попала в Бродский «котел». Из «котла» вырвалось более 3 тыс. человек вместе с командиром дивизии бригадефюрером Фрицем Фрейтагом (значительную часть прорвавшихся составляли германские военнослужащие дивизии). Остальные бойцы 14-й гренадерской дивизии войск СС (а всего к началу сражения в дивизии насчитывалось 15,3 тыс. человек) либо погибли в боях, либо в своем большинстве присоединились к Украинской повстанческой армии в Карпатах, что они и собирались сделать с самого начала, поступая в эсэсовскую дивизию. После этого 14-я дивизия войск СС была пополнена из числа украинцев, отступавших вместе с немецкими войсками. Второй и последний раз 14-я гренадерская дивизия войск СС вступила в бой 1 апреля 1945 года в Австрии и примерно месяц противостояла советским войскам, пока в начале мая не оторвалась от них, после чего благополучно сдалась в плен англо-американским войскам.

В Красной Армии ничего подобного войскам СС не существовало в принципе. Иногда им ошибочно уподобляют войска НКВД. Оперативные соединения НКВД (бригады и дивизии) действительно сражались на фронте в 1941—

1943 годах (в частности, бригада НКВД в марте 1943 года обороняла Харьков, на который наступал танковый корпус СС). Однако элитными эти войска не были ни по уровню своей подготовки, ничем не отличаясь в этом отношении в лучшую сторону от других соединений Красной Армии, ни по уровню своих вооружений. Характерно, что танковых дивизий и бригад в войсках НКВД вообще не было. Они предназначались главным образом для антипартизанской борьбы. В частности, войска НКВД принимали активное участие в операциях по депортации «наказанных народов» в 1944—1945 годах. Лишь нехватка сил в 1941—1942 годах, когда в плен попадали целые армии и фронты, вынудила послать войска НКВД на фронт, где они ничем не отличались, по крайней мере в лучшую сторону, от дивизий Красной Армии. Сказывалось то, что ведению боя во фронтовых условиях они были обучены еще хуже, чем обычные дивизии Красной Армии.

В принципе на роль элитных соединений могли бы претендовать советские гвардейские дивизии. Однако на практике присвоение звания гвардейских означало лишь небольшое увеличение солдатского пайка и средств усиления в дивизии. Никакой дополнительной боевой подготовки солдаты гвардейских дивизий не получали, а большие безвозвратные потери приводили к тому, что доля опытных ветеранов в гвардейских дивизиях была столь же невелика, как и в обычных армейских дивизиях и бригадах. И по боеспособности гвардейские части и соединения не сильно отличались от обычных дивизий и бригад.

Ближе всего к понятию «элитные войска» в Красной Армии стояли воздушно-десантные соединения. Их бойцы действительно получали более длительную подготовку по сравнению с обычными пехотинцами, поскольку десантника необходимо было еще худо-бедно научить прыгать с парашютом и вести бой в составе подразделений после приземления. Правда, по своему прямому назначению советские воздушно-десантные войска применялись редко и, как правило, неудачно. Самой известной операцией стала высадка трех воздушно-десантных бригад для захвата плацдармов за Днепром в сентябре 1943 года. В результате плохой подготовки летчи-

ков военно-транспортной авиации и из-за плохой разведки районов высадки большинство десантников оказались либо в Днепре, либо прямо на немецких позициях и задачи не выполнили. Чаще всего воздушно-десантные соединения использовались как простая пехота. В частности, немало десантников было в составе 5-й гвардейской армии генерала А. С. Жадова, сражавшейся против II танкового корпуса СС на Курской дуге, и в 9-й гвардейской армии генерала В. И. Глаголева, сражавшейся против эсэсовских дивизий в Венгрии в 1945 году. Однако эти армии состояли не только из воздушно-десантных соединений, и никакой особой боеспособности и стойкости по сравнению с простыми стрелковыми дивизиями гвардейские воздушно-десантные дивизии не показали. Ведь значительная часть того, чему учили десантников, в обычном бою не могло найти применения.

Иной раз советские генералы и маршалы даже придумывали появление отдельных эсэсовских дивизий на своих участках фронта, хотя в действительности в тот момент упоминавшиеся в их донесениях дивизии находились совсем в другом месте. Как правило, подобные приписки делались для оправдания собственных неудач, так как дивизии войск СС имели в Красной Армии большой авторитет даже тогда, когда их на советско-германском фронте было всего ничего. Например, командование 51-й Отдельной армии, осенью 41-го неудачно оборонявшей Крым, утверждало, что против них действовали дивизия СС «Викинг» и «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер». Как утверждал в мемуарах бывший заместитель командующего 51-й армией генерал П. И. Батов, 11-я армия Э. фон Манштейна в момент прорыва через Перекоп располагала моторизованными дивизиями СС «Адольф Гитлер» и «Викинг». Тут надо заметить, что, во-первых, в тот момент лейбштандарт по своему штату скорее соответствовал бригаде, а не дивизии, а во-вторых, во время вторжения 11-й армии в Крым он вместе с «Викингом» форсировал Днепр в нижнем течении, о чем советскому командованию, в том числе Ставке, к тому времени уже должно было быть известно. Тем не менее Батов настаивал в мемуарах: «Ефрейтор, взятый в плен майором Л. М. Кудидзе в районе Васильевки,

показал, что он служит в дивизии СС «Викинг», переброшенной из-под Киева на Крымское направление». Дезинформация с немецкой стороны в данном случае могла иметь место. Манштейну имело смысл преувеличить свои силы, особенно там, где он не наносил главный удар. Но могла быть сознательная дезинформация советскими командирами противостоящих им неприятельских сил, чтобы добиться присылки дополнительных резервов. Причем в данном случае дезинформация могла исходить даже не от Батова или командующего 51-й армией генерала Ф. И. Кузнецова, а, скажем, от командира обороняющейся в районе Васильевки дивизии. Советские командиры, оборонявшиеся в Крыму, тогда постоянно доносили, будто против них десятки немецких танков. На самом деле в тот момент в составе 11-й армии вообще не было танков. Не было их тогда, кстати сказать, и в составе «Викинга» и лейбштандарта, однако советская разведка об этом еще не знала и считала, что немецкие моторизованные соединения оснащены танками. Нельзя также исключить, что советская разведка добросовестно заблуждалась. Пленный ефрейтор мог быть отпускником или выздоровевшим раненым, возвращавшимся в свою часть и знавшим только, что она была переброшена на подступы к Крыму, но не имевшим представления о том, что она уже ушла за Днепр. Наша же разведка решила, что «Викинг» находится здесь, на Перекопе.

Батов писал в мемуарах: «У населенного пункта Черногрей, недалеко от совхоза «Червоний чабан», отделение младшего сержанта Красикова рыло для своей роты окопы. Внимание бойцов привлекла одиночная легковая машина, шедшая в тыл нашей роты. Да это немцы! Красиков подал команду открыть огонь по скатам машины. Вскоре перед ним было четверо пленных; один из них оказался офицером разведки 42-го армейского корпуса 11-й армии Манштейна, при нем была топографическая карта с нанесенной на ней обстановкой. Она говорила, что в первом эшелоне на Крым движутся 22, 46, 73, 50-я пехотные дивизии, усиленные танками. Таким образом, мы отчетливо представляли оперативную обстановку, группировку сил врага, сложившуюся в начале

сентября: острие 11-й немецкой армии направлялось на Крым (а не на Мелитополь, куда отходила наша 9-я армия), причем именно на Перекоп». Однако в том-то и дело, что танков не было! Не было даже и «Викинга» с лейбштандартом, у которых советская разведка хотя бы могла подозревать наличие танков. Скорее всего, про танки Батов придумал еще тогда, в сентябре 41-го, а не в 60-е годы, когда работал над мемуарами.

Точно так же во время оборонительного сражения под Курском в июле 1943 года командование Воронежского фронта утверждало, что против него действует, среди прочих, танковая дивизия СС «Викинг». На самом деле эта дивизия входила в состав 24-го танкового корпуса, находившегося в резерве ОКХ (Верховного командования сухопутных сил). Этот корпус был введен в бой только после завершения «Цитадели», и не против Воронежского фронта, а для локализации прорыва Юго-Западного фронта на реке Донец.

Кроме того, советские историки и мемуаристы очень любили «для солидности» причислять к войскам СС дивизию «Великая Германия», хотя эта действительно элитная дивизия всю войну благополучно оставалась в составе вермахта, а не войск СС.

В данной книге я не буду рассказывать о боевом пути каждой дивизии СС на Восточном фронте. Это потребовало бы создания многотомного труда. Я хочу проанализировать только несколько важнейших, имевших стратегическое значение операций, в которых войска СС применялись в качестве корпусов, а на заключительном этапе войны — в качестве танковой армии. Интересно, что массированно, в составе корпусов и армии, войска СС применялись почти исключительно на южном крыле Восточного фронта. Это объяснялось тем значением, которое Гитлер придавал удержанию Донбасса и Украины в 1943—1944 годах и нефтяных месторождений и нефтеперерабатывающих заводов Венгрии в 1945 году.

В нашей книге речь пойдет о сражении за Харьков в феврале — марте 1943 года, о Курской битве в июле — августе 1943 года, о прорыве из окружения немецкой 1-й танковой армии в марте — апреле 1944 года и двух сражениях в районе озера Балатон в Венгрии в январе и марте 1945 года. Кроме

того, в книге рассказывается о трех интересных в тактическом отношении сражениях, где войска СС принимали участие на уровне дивизий. Это — Корсунь-Шевченковское сражение в январе — феврале 1944 года (в немецкой историографии ее обычно называют «Черкасским котлом»), сражение за Ковель в марте 1944 года, а также контрудар немецких войск в районе Клещелей (ныне в составе Польши, а тогда — в составе Белостокской области Белоруссии) в июле 1944 года. В приложении помещена статья, где прослеживается судьба одного мнимого эсэсовца, выдававшего себя за советского разведчика.

СРАЖЕНИЕ ЗА ХАРЬКОВ

(февраль — март 1943 года)

II танковый корпус СС, сыгравший ключевую роль в сражении за Харьков в феврале — марте 1943 года, начал формироваться 13 мая 1942 года в Берген-Бельзене. Первоначально он назывался просто Танковым корпусом СС, а во II танковый корпус СС его переименовали только 1 июня 1943 года. Первым командиром корпуса стал основоположник войск СС обергруппенфюрер и полный генерал войск СС Пауль Хауссер (1 августа 1944 года он был произведен в оберстгруппенфюреры и генерал-полковники войск СС, став таким образом старшим из всех офицеров войск СС). Вскоре после начала формирования штаба корпуса, начальником которого был штандартенфюрер Вернер Остендорф, был переброшен во Францию и вошел в подчинение штаба 7-й армии генерала Фридриха Долльмана. Для маскировки штаб Танкового корпуса СС именовался штабом «главнокомандующего резервами на Западе». Он должен был возглавить все имевшиеся во Франции танковые части на случай вторжения на Западе. В состав корпуса входили танковые (танково-гренадерские) дивизии СС «Райх», «Тотенкопф» («Мертвая голова») и «Лейбштандарт Адольф Гитлер», проходившие переформирование после тяжелых боев на Восточном фронте. Реально формирование танкового корпуса СС было завершено к концу 1942 года. Первоначально он предназначался для деблокирования окруженной в Сталинграде 6-й армии фельдмаршала Паулюса, но она капитулировала раньше, чем

дивизии корпуса в конце января — середине февраля 1943 года прибыли на Восточный фронт.

Харьковское сражение в феврале — марте 1943 года достаточно хорошо исследовано и документировано как с советской, так и с немецкой стороны. Приказ о передислокации корпуса СС на Восток пришел в самом начале января. Переброска эсэсовских дивизий на Украину началась 9 января, первые же части прибыли в район Харькова только 22 января.

Сильной стороной танковых дивизий СС было то, что каждая из них имела по роте «тигров», только появившихся на фронте. Кроме того, каждая дивизия располагала одним танково-гренадерским батальоном, оснащенным бронетранспортерами СДК-251 (SdKfz 251).

Хауссер так описал прибытие штаба корпуса на Восточный фронт: «Командир корпуса и начальник штаба прибыли в середине января из Ставки Верховного главнокомандующего в Восточной Пруссии сначала в штаб группы армий «Дон» (главнокомандующий — фельдмаршал Эрих фон Манштейн), а затем в штаб группы армий «Б» (главнокомандующий — фельдмаршал барон Максимилиан фон Вейхс) в районе Харькова. Дивизии через некоторое время были переброшены сюда из Франции.

Полученные на пути к месту назначения сведения о положении в Сталинграде были удручающими. Новости сообщали главным образом пилоты транспортной авиации. Положение было безнадежным не только для 6-й армии, но и крайне опасным для всей группы армий (13 февраля 1943 года штаб группы армий «Дон», переименованной в группу армий «Юг», принял командование также и над войсками группы армий «Б», штаб которой был выведен в распоряжение ОКХ. — Б. С.)...

После потери пяти немецких и союзных армий Красная Армия получила огромное численное превосходство. Эта масса просто должна была победить! Однако советское командование не смогло определить кульминацию своего наступления. Превосходство немцев в командовании и боеспособности войск снова привело, несмотря на превосходство

противника в живой силе и технике, к повороту хода боев в нашу пользу.

В конце января 1943 года советские войска достигли следующей линии: Донец у Ворошиловграда — Старобельск — Валуйки — Верхний Оскол и двинулись на запад, развивая наступление. Из немецких войск под Сватово находилась 320-я пехотная дивизия. В Купянске, на Осколе, собрались остатки сильно потрепанной 298-й пехотной дивизии. Западнее Валук находились в качестве прикрытия части дивизии «Великая Германия». Севернее корпус генерал-лейтенанта Ганса Крамера собрал остатки немецких и венгерских частей. На участке между ними зияли большие разрывы. Командовал всеми этими частями немецкий генерал при командовании 8-й итальянской армии Курт фон Типпельскирх, подчинявшийся штабу группы армий «Б» Вейхса.

Так писал Хауссер в мемуарах. А тогда, в конце января, в докладе в штаб группы армий «Б» он следующим образом оценивал положение на фронте: «Развертывание группы армий «Юго-Западный фронт» в секторе, расположенном между железной дорогой Сталинград — Морозовск и линией Кантемировка — Старобельск, с целью наступления к северному берегу Донца. Итальянская и венгерская армии, расположенные к северо-западу от первого прорыва, подвергаются угрозе с фланга и с тыла, исходящей от этой ударной группировки. Ввиду такой угрозы обе армии оставляют свои позиции, не оказав реального сопротивления. Их отступление превращается в настоящее бегство. Группа армий «Юго-Западный фронт» переходит Дон к северо-западу от Сталинграда.

Северное крыло группы армий «Воронежский фронт» присоединяется к атаке после переправы группы армий «Южный фронт» через нижний Донец, а группы армий «Юго-Западный фронт» — через Оскол. Южное крыло группы армий «Воронежский фронт» присоединяется к атаке западнее.

После отступления венгерской армии, обеспечивавшей связь к югу, сектор фронта немецких VII и XIII армейских корпусов, образующий выступ к востоку, взят в клещи с севера и с юга. После соединения двух штурмовых группировок

близ Касторного эти два немецких армейских корпуса оказались в окружении. Затем вся группа армий «Воронежский фронт» приходит в движение в западном направлении. Временная позиция, наспех установленная командованием 2-й немецкой армии, затем оказывается прорванной. При продолжении атаки к западу взяты города Курск, Льгов и Рыльск. После прорыва под Курском группа армий «Воронежский фронт» присоединяется для атаки к группе армий «Брянский фронт».

Южное крыло покидает сектор Ливен при отступлении правого крыла 2-й немецкой танковой армии, северное крыло покидает сектор, расположенный к северо-востоку от Орла, чтобы наступать непосредственно на Орел. Оперативная цель и ритм русского зимнего наступления теперь ясно видны (см. карту).

Вступление в линию каждой группы армий производится таким образом, чтобы немецкий фронт, наклоненный по северо-западной оси, был постепенно охвачен поступательной атакой и, соответственно, разбит.

От Сталинграда до Орловских высот операции продолжают методически. Ожидаемые успехи достигаются по меньшей мере почти автоматически в случае 8-й итальянской и 2-й венгерской армий. Между Славянском и сектором к северу от Курска немецкий фронт прорван на протяжении более 500 километров. Армии двух советских групп безостановочно продвигаются на запад.

Русское командование имеет второй целью Днепр. Оно не придает значения усталости войск, проблемам снабжения и потерям, понесенным при наступлении. Оно мало обеспокоено фактом, что только артиллерийские части поспевают за движением и что пехотные подразделения доукомплектовываются гражданскими, набранными насильно, и пехотинцами без всякой подготовки. Артиллерия будет едва использоваться, и эффект массовости временно перевесит фактор необученности и бедности экипировки гражданских новобранцев. В силу пятилетнего износа военных сил немцев и их союзников Красная Армия располагает теперь разительным превосходством. В ходе дальнейшего течения операций мас-

са восторжествует над гораздо меньшим по численности защитником.

Решающую роль играет то, что советское командование не знает конечной цели своего наступления. Она была достигнута на Донце. На больших расстояниях наземное снабжение и организация воздушной армии противника затруднены в силу огромных трудностей зимней кампании, ударная мощь слабеет после наступательных боев, которые велись на многих сотнях километров.

Превосходство немецкого командования и армии сможет привести к военному преимуществу, несмотря на существенное численное превосходство противника».

Здесь Хауссер достаточно объективно характеризует сильные и слабые стороны противостоявших его корпусу советских войск. Главными преимуществами, которыми обладали эсэсовцы, были превосходная подготовка бойцов и большой опыт командиров, особенно в проведении наступательных операций.

Сам Курт Типпельскирх, также участвовавший в сражении за Харьков, в «Истории Второй мировой войны» характеризует обстановку следующим образом: «В результате начавшегося 14 января наступления русских войск во фронте немецких и союзных армий образовалась брешь шириной 350 км. Потери 2-й немецкой армии были очень большими, на 2-ю венгерскую армию вообще не приходилось больше рассчитывать. Введенный в ее полосу немецкий армейский корпус отошел с боями на реку Оскол. Остатки альпийского корпуса и 24-го танкового корпуса также не могли больше вести боевые действия. Из района по обе стороны Старобельска две немецкие танковые дивизии и одна пехотная дивизия с открытым северным флангом пробивались назад к Купянску, ведя бои с превосходящими силами противника, который сильно теснил их фронтально, а также постоянно угрожал обойти открытый фланг. Непосредственная связь с группой армий «Дон», чье левое крыло находилось за Северским Донцом в районе Лисичанска, готова была порваться. Этим немецким соединениям, усиленным в ближайшие недели лишь немногими частично потрепанными и находившимися

на пополнении соединениями, удалось упорным сопротивлением, которым они всегда добивались местного успеха против наступающих русских, и на этот раз настолько замедлить наступление, что к концу месяца русские войска достигли только рубежа Лисичанск, Сватово и дальше вверх по Осколу до Тима.

Немецкие войска на фронте от впадения Северского Донца в Дон до Ворошиловграда отразили удар русских, но теперь над их левым флангом нависала угроза, так как противник наступал на Изюм.

В начале февраля в группировке немецких войск на юге произошли изменения организационного характера. Штабы группы армий «Б» и итальянской 8-й армии были ликвидированы. Вместо итальянской армии появилась оперативная группа Кемпфа (впоследствии 8-я немецкая армия); в нее вошли немецкие соединения, которые до того времени подчинялись командованию итальянской армии. Группа армий «Дон» была переименована в группу армий «Юг» и включала в себя все соединения, действовавшие от Ростова до южного фланга 2-й армии. Командование 2-й армией, подчиненной группе армий «Центр», принял генерал Вейс. Твердое командование на южном участке общего фронта было тем более необходимым, что стягиваемые соединения, в которых испытывалась такая острая нужда, прибывали очень медленно, а ударная сила русского наступления отнюдь не была ослаблена.

В начале февраля русские форсировали реку Оскол и поставили своим армиям новые задачи. Дальнейшее продвижение на запад должно было привести к захвату Харькова и воспрепятствовать созданию немцами нового мощного оборонительного рубежа на Украине. Планировалось, что под прикрытием этого удара, который будет нанесен на широком фронте и приведет к глубокому продвижению на запад, крупные силы начнут наступление в юго-западном направлении, чтобы освободить Донбасс и Сталино и уничтожить находившиеся в этом районе немецкие армии. Русским едва не удалось осуществить этот опасный план.

Удар, предпринятый на запад, привел к глубокому про-

рыву фронта все еще крайне слабой 2-й армии. 9 февраля русские достигли Белгорода и затем продвинулись на 150 км дальше к Лебедину. Здесь уже нельзя было остановить наступления русских, но все же удалось его несколько замедлить, 2-я армия создала постепенно оборону на рубеже, который начинался южнее города Сумы, затем шел до района западнее Курска и примыкал к позициям 2-й танковой армии. Вследствие этой угрозы их северному флангу и из-за нехватки сил русские приостановили наступление в районе Лебедина. Под Харьковом сопротивление немецких войск продолжалось несколько дольше. 16 февраля оперативная группа Кемпфа вынуждена была оставить город, после того как ее северный фланг был обойден с направления Белгорода, центр отеснен крупными силами, а южный фланг отброшен на Мерефу в результате прорыва русских. Между тем оперативной группе Кемпфа были подброшены с запада довольно большие подкрепления в район западнее Мерефы и Краснограда, так что теперь она могла задержать русское наступление. Напротив, между этой оперативной группой и находившимся у Изюма левым флангом 1-й танковой армии, сформированной из соединений оперативной группы Фреттер-Пико, постепенно была создана широкая брешь и закрыть ее было нечем. Как раз такого положения и добивались русские. Они сразу же его использовали, чтобы повернуть через Лозовую и Барвенково на юг и затем беспрепятственно продвигаться через Павлоград почти до Днепропетровска и Запорожья, где находился штаб группы армий «Юг». Это была кульминационная точка успехов русских; как вскоре выяснилось, они взяли на себя слишком трудную задачу, желая добиться сразу двух целей».

Под двумя целями Типпельскирх здесь имеет в виду то, что советское Верховное командование стремилось одновременно и захватить промышленную столицу Украины Харьков, и достичь Днепра и захватить плацдармы на его западном берегу. Немецкий генерал-историк как будто не считает такой замысел ошибкой, а, наоборот, видит в нем определенную стратегическую логику. Дескать, удар на Харьков должен был прикрыть наступление в юго-западном направле-

нии, к Днепру, от фланговых ударов харьковской группировки. Теоретически такой план был хорош, но только в том случае, если бы обе группировки советских войск были бы достаточно сильны, чтобы одновременно и быстро выйти к Днепру и разбить харьковскую группировку противника. Однако на самом деле танковые корпуса, двигавшиеся к Днепру, понесли большие потери в предшествовавших боях и располагали лишь очень небольшим количеством боеспособных танков. А войска, наступающие на Харьков, оказались не в состоянии разбить оперативную группу «Ланц». Первоначально она состояла всего из двух дивизий, моторизованной «Великая Германия» и 168-й пехотной, но ей на помощь спешил танковый корпус СС. Командование же Воронежского и Юго-Западного фронтов, равно как и Ставка Верховного Главнокомандования, планировали операции так, будто подхода значительных неприятельских резервов не стоило ожидать. Исходя из этого, и были спланированы две операции в расходящихся направлениях. В результате получилось, что удар наносился не сжатым кулаком, а растопыренными пальцами. Ставка и командование Воронежского и Юго-Западного фронтов находились в эйфории после Сталинградской победы и разгрома всего южного крыла немецкого Восточного фронта и полагали, что разбитые части противника уже не оправятся от разгрома. Тем временем между наступающими советскими группировками образовались значительные бреши, чем не преминул воспользоваться Манштейн.

Французский историк Жорж Бернаж нарисовал эпическую и безрадостную для немцев обстановку, складывавшуюся к концу января — началу февраля на южном крыле Восточного фронта: «Фронт разорван во многих местах. Красная Армия прорывается в бреши, где продвигаются еще остатки отступающих немецких дивизий, причем иногда последние оказываются в самом тылу Красной Армии, как 320-я пехотная дивизия! Протяженность такова, что реального фронта уже нет, а есть только движущиеся массы войск, одни из которых наступают, а другие отступают! Ситуация оборачивается хаосом. Во время этого изнурительного продвижения

Красная Армия несет тяжелые потери, она заполняет пустоты поспешно мобилизуемыми гражданскими лицами, скорее «захватываемыми» на ходу в городах и селах. Их подготовка поверхностна, у них нет формы и зачастую всего одна винтовка на пятерых или десятерых! Выжившие будут забирать винтовки погибших! Для Сталина жизнь его солдат не обладала большой ценностью. Эта война не имела ничего общего с той, которую мы узнаем год спустя на Западе, летом 1944 года. Она скорее напоминает то, что происходило много веков назад в великих восточных степях: движущиеся орды сметают все на своем пути. Но теперь их численность гораздо более значительна, а пространства, где они действуют, поистине огромны. К тому же ожесточенность людей и твердость подразделений делают эту войну ужасной, дикой. Группы солдат оказываются предоставленными самим себе посреди необъятных просторов, где жизнеобеспечение осуществляется «по возможности», а «тыл» является скорее иллюзией, чем реальностью. Мертвые большей частью остаются на поле боя — хоронить их нет времени и в любом случае земля слишком промерзла...

Советское нашествие кажется неостановимым. Ближайшей целью Красной Армии являются Днепр и Днепропетровск. По ту сторону лежат Днестр, Бессарабия и Румыния.

Неужели Красная Армия вскоре окажется у ворот Рейха? Тогда можно ожидать, что Германия будет побеждена летом 1943 года».

Остановить и повернуть вспять волну советского наступления должен был танковый корпус СС. Советская разведка не смогла зафиксировать его переброску из Франции до того, как передовые части эсэсовских дивизий вступили в бой у Чугуева и Ольховатки. Однако высшему советскому командованию несложно было бы предположить, что у Гитлера остаются еще десятки дивизий во Франции, в том числе и танковых, и что после катастрофы под Сталинградом он наверняка перебросит часть из них на разваливающееся после разгрома германских союзников южное крыло Восточного фронта. Тем более что в январе и феврале, да и в марте, по условиям погоды широкомасштабная высадка англо-амери-

канских войск во Франции была в принципе невозможна. Это хорошо продемонстрировал провал локального 5-тысячного десанта канадцев в Дьепе в марте 1942 года. Да и переброску Манштейном 1-й и 4-й танковых армий из-под Ростова для защиты подступов к Днепру было не так уж трудно предугадать. Ведь долго удерживать Ростов в условиях, когда советские армии были уже у Днепра, не имело смысла. А высвободившиеся в результате отхода на реку Миус дивизии логичнее всего было бросить против Юго-Западного и Воронежского фронтов.

Наиболее разумным решением со стороны советского Верховного командования было бы бросить главные силы двух советских фронтов к Днепру, выставив одновременно против харьковской группировки достаточно сильный заслон, но не предпринимая попыток овладеть Харьковом. Ведь в случае захвата советскими войсками плацдармов на Днестре немцы все равно вынуждены были бы покинуть Харьков без боя. А после овладения переправами через Днепр разгром всего южного крыла германского Восточного фронта становился реальностью, что могло существенно приблизить конец войны. Однако перспектива овладения второй столицей Украины манила командующего Воронежским фронтом Ф. И. Голикова, и он убедил Ставку в необходимости наступления на Харьков параллельно с броском к Днепру.

Положение также могла спасти переброска освободившихся после ликвидации армии Паулюса в Сталинграде войск Донского фронта К. К. Рокоссовского на юго-западное направление. Однако Донской фронт переименовали в Центральный и бросили в наступление на Гомель.

Манштейн очень удачно воспользовался ошибками советского командования. Сам он в «Утерянных победах» так излагал свой замысел: «Германский фронт проходил большой изогнутой на восток дугой по Северному Кавказу и Восточной Украине. Правый фланг этой дуги у Новороссийска упирался в Черное море. Дальше фронт группы армий «А» (17-я армия и 1-я танковая армия) проходил по Северному Кавказу, но на востоке непосредственного соприкосновения с берегом Каспийского моря не имел.

Глубокий открытый фланг этого обращенного на юг фронта прикрывала со стороны нижней Волги 16-я мд, находившаяся в калмыцких степях восточнее Элисты (Степное)...

Расстояние от рубежа по реке Дон, на котором 19 ноября была разбита 3-я румынская армия (район советского плацдарма на Дону у Кременской и западнее ее), а также от оборонявшегося итальянцами рубежа по реке Дон у Казанской до переправы через Дон у Ростова составляло по прямой немногим более 300 км. Через Ростов проходили коммуникации не только всей группы армий «А», но также и 4-й румынской и 4-й танковой армий. Расстояние же от левого фланга группы армий «А» на Кавказе до Ростова составляло не менее 600 км, а от 4-й танковой армии, стоявшей южнее Сталинграда, — около 400 км.

Далее на запад коммуникации южного крыла германской армии проходили по переправам через Днепр в городах Запорожье и Днепропетровск. Пропускная способность пути через Крым и Керченский пролив на Кавказ была невелика. Основные переправы через Днепр в тылу южного крыла германской армии были удалены от Сталинграда почти на 700 км, а от левого крыла Кавказского фронта — почти на 900 км. В то же время расстояние до них от фронта противника (измеренное по линиям: район Казанской — Запорожье и Свобода — Днепропетровск) равнялось примерно лишь 420 км...

Таким образом, два фактора определяли собой обстановку, в которой вела боевые действия группа армий «Дон», и составляли постоянный фон, на котором разворачивались изобразимые ниже события.

Во-первых, подавляющее численное превосходство противника. Даже после того, как группа армий была усилена 1-й танковой армией (из группы «А») и переданными ей Главным командованием войсками и в ее состав вошли 3, а затем и 4 немецкие армии, соотношение численности личного состава немецких войск и войск противника равнялось 1:7 (это соотношение установлено с учетом того, что некоторые русские соединения по численности уступали немецким дивизиям).

Во-вторых, стратегическая угроза, состоявшая в том, что численно превосходящий нас противник, имевший временами в ходе операций полную свободу действий благодаря разгрому союзных армий, был ближе к жизненно важным узлам коммуникаций южного крыла германской армии — к Ростову и переправам через Днепр.

Оба эти фактора обуславливали опасность того, что это южное крыло будет отрезано от своих коммуникаций, прижато к берегу Азовского, а затем и Черного моря и здесь уничтожено. Советский Черноморский флот все еще имел возможность парализовать наши транспортные перевозки по этому морю. С уничтожением групп армий «Дон» и «А» рано или поздно была бы решена и судьба всего Восточного фронта».

Что и говорить, картина вполне апокалиптическая для немцев. В случае правильных действий со стороны советского командования можно ожидать выхода советских армий на Днепр еще до весенней распутицы, окружение и разгром всего южного крыла Восточного фронта. Но были и обстоятельства, которые давали немцам шансы выскочить из ловушки и повернуть ход событий в свою пользу. Советские войска, непрерывно наступавшие на юге уже более двух с половиной месяцев, к февралю 1943 года уже понесли чувствительные потери. К тому же их снабжение было затруднено тем, что многие дороги и мосты на недавно освобожденных территориях были разрушены отступающими войсками противника.

Принимая во внимание общее соотношение безвозвратных потерь на Восточном фронте, близкое к 7:1, с учетом потерь германских союзников, такое же соотношение численности войск не выглядит невероятным, но только для боевых частей и с учетом вводимых советской стороной пополнений, в том числе призванных непосредственно в части. О них как раз и говорил в своем рапорте Хауссер. Этих людей бросали в бой не обученными, не обмундированными и почти не вооруженными (одна винтовка на десятерых), и многие из них погибали или попадали в плен в первых же боях. Это был один из важнейших источников колоссального недоучета безвозвратных потерь в Красной Армии. В базе данных о безвозвратных потерях Министерства обороны, ныне выложен-

ной в Интернете, я пока еще не нашел ни одного человека, который бы числился как призванный непосредственно в части. А таких среди погибших должно было быть миллионы...

То, что эти необученные новобранцы не причиняли большого урона противнику, есть свидетельства и с советской стороны. Так, Воронежский фронт в феврале 1943 года призвал непосредственно в части 20 902 человека, а в марте — 8984 человека, получив за эти два месяца в качестве централизованного маршевого пополнения 20 838 человек. И это без призванных также непосредственно в части бывших «окруженцев». При этом часть местных жителей призывного возраста, чтобы не возникало неприятных вопросов насчет того, почему их не призвали в Красную Армию в 41-м, предпочитали причислять себя к окруженцам. Замечу, что общее число призванных непосредственно в части могло занижаться в донесениях армий и фронтов за счет того, что часть призывников мобилизовывалась непосредственно подразделениями — ротами и батальонами, и об их числе не докладывалось по команде. Толку же от этой «черной пехоты» (ее называли так по гражданским пальто и ватникам, в которые обычно были одеты новобранцы; немцы называли ее еще более выразительно — «воронами») было только чуть. Позднее, в марте, когда Харьков был уже оставлен, командование 3-й танковой армии сделало следующий вывод: «Практика доукомплектования войск армии за счет местного населения с освобожденной от противника территории без предварительной обработки этого пополнения себя не оправдала. Влившееся в части это пополнение, будучи необученным и немундированным, не усиливало ослабленные части, а еще более ослабляло, становясь обузой для частей, которые не в состоянии были не только их кормить и обмундировывать, но подчас и вооружить». Для пополнения танковых частей такие новобранцы не годились из-за своей полнейшей неподготовленности. А в стрелковых дивизиях 3-й танковой армии при отступлении они также не находили себе боевого применения.

Полезьа от этой «лапотной пехоты» могла быть только при наступлении на более или менее подготовленную оборону

противника. «Вороны» подрывали собой минные поля, заставляли противника расходовать на свое уничтожение снаряды, мины, патроны и авиабомбы. Наконец, непрерывно атакующие «черные волны» изматывали немцев, действовали на психику обороняющихся. В обороне же от необученных призывников, почти не имевших оружия, не было никакой пользы. Также и при прорыве из окружения они были скорее обузой. Многие из них в условиях окружения предпочитали расходиться по домам, чтобы потом, при вторичном занятии Красной Армией данной территории, опять быть призванным в части. Несмотря на то что в ряде донесений боевой эффект от применения «черной пехоты» оценивался очень низко, практика призыва непосредственно в части приобретала все большие масштабы по мере освобождения все новых и новых территорий. В последние месяцы войны, когда боевые действия шли уже на территории Германии и других стран Европы, непосредственно в части призывали освобожденных из неволи «восточных рабочих» призывного возраста. Огромные и совершенно неоправданные потери среди призванных непосредственно в части Сталина и его генералов и маршалов совершенно не волновали. Генералов беспокоило только то, что «ворон» приходилось кормить в обороне и в окружении, где их боевая ценность равнялась нулю. Вероятно, для Верховного Главнокомандующего жители оккупированных территорий были первыми кандидатами на стирание в лагерную пыль. С этой точки зрения их гибель на фронте должна была только приветствоваться: после войны НКВД меньше работы будет.

На протяжении 1943—1945 годов доля призванных непосредственно в части, т. е. практически не обученных, а часто и невооруженных новобранцев неуклонно возрастала. Это наряду с очень большими безвозвратными потерями понижало качество советской пехоты. Элитные же танковые дивизии СС сохраняли высокую боеспособность практически до самого конца войны. Нередко получалось, что отборные эсэсовские войска сражались с плохо обученным и вооруженным ополчением. Тем не менее советские войска смогли одолеть эсэсовцев, прежде всего благодаря своему превос-

ходству в численности личного состава и в количестве вооружения и боевой техники.

То, что официальные данные о советских пополнениях в ходе битвы за Харьков существенно занижены, показывает следующий пример. В ходе Воронежско-Харьковской наступательной операции, продолжавшейся с 13 января по 3 марта 1943 года, Воронежский фронт, насчитывавший к началу операции 347 200 человек, безвозвратно потерял, по официальным данным, 33 331 человека. Санитарные потери составили 62 384 человека. К началу Харьковской оборонительной операции 4 марта 1943 года группировка войск фронта, действовавшая на Харьковском направлении, насчитывала 281 800 человек. Другая группировка войск Воронежского фронта, начавшая 4 марта наступление на Рьльском и Сумском направлениях, насчитывала 93 770 человек. В сумме это дает 375 570 человек. Получается, что утверждения советских историков и мемуаристов насчет того, что к моменту начала немецкого контрнаступления под Харьковом советские войска испытывали острую нехватку личного состава, мягко говоря, преувеличены. Ведь 4 марта Воронежский фронт имел в своих рядах на 28 370 бойцов больше, чем 13 января, когда начинал Воронежско-Харьковскую операцию. Между тем в феврале он получил не менее 30 тыс. человек пополнения. Неизвестно, получал ли фронт пополнение в январе после 13-го числа. Скорее можно предположить, что части и соединения были пополнены как раз перед началом наступательной операции. Мартовское же пополнение, скорее всего, поступило в войска уже после 4 марта. Если эти предположения верны, то практически февральское пополнение могло компенсировать только официальные, наверняка заниженные безвозвратные потери в Воронежско-Харьковской операции. Даже если предположить, что каким-то чудом все раненые в ходе этой операции успели вернуться в строй к 4 марта (что, разумеется, абсолютно невозможно), войска Воронежского фронта должны были бы насчитывать около 278,5 тыс. человек. Более реалистичным выглядит предположение о том, что к 4 марта в строй успело вернуться не более половины раненых. Тогда численность войск фронта к 4 марта

должна была бы уменьшиться до 247,3 тыс. человек, то есть была бы меньше примерно на 97 тыс. человек, чем она оказалась в действительности. Таким образом, войска Воронежского фронта с середины января и до начала марта получили около 100 тыс. человек неучтенного пополнения (вероятно, часть его пришлось на новые соединения, включенные в состав фронта). Правда, качество наспех набранного пополнения, как мы уже говорили, оставляло желать много лучшего.

Несомненно, в январе — марте 1943 года в войска Воронежского и Юго-Западного фронтов поступало и какое-то количество вооружений и боевой техники в восполнение потерь, понесенных в ходе наступления. Проблема с танками заключалась скорее в том, что ремонтные базы танковых соединений не справлялись с ремонтом большого числа танков и САУ, вышедших из строя как из-за воздействия врага, так и из-за скверных дорог в условиях чередования морозов и распутицы.

22 января 1943 года Гитлер принял решение отводить 1-ю танковую армию не на кубанский плацдарм, а через Ростов. В дальнейшем ее, по замыслу Манштейна, предполагалось использовать для контрудара на Украине, чтобы не допустить советские армии к Днепру. 1-я танковая армия вошла в состав группы армий «Дон».

Прибывающие передовые части эсэсовских дивизий сразу вступали в бой, чтобы предотвратить советский прорыв и вызволить попавшие в окружение дивизии. Так, Хауссер приказал 2-й усиленной роте гауптштурмфюрера Хермана Вайзера из разведбата лейбштандарта без промедления поддержать 298-ю пехотную дивизию, попавшую в окружение в районе между Купянском и Двуречной на Осколе. До Купянска танкистам надо было пройти своим ходом 70 километров. Только вечером 30 января они соединились с пехотинцами 298-й дивизии. Однако вышедшие из окружения остатки дивизии утратили боеспособность и нуждались в отдыхе.

Остатки же 320-й пехотной дивизии вызволил из окружения 3-й панцер-гренадерский батальон 2-го моторизованного полка лейбштандарта на БТР СДК-251 «Ханоманг» во главе с штурмбаннфюрером Иоахимом Пайпером. Основные си-

лы 320-й дивизии, разбившись на несколько боевых групп, под натиском 6-й советской армии отходили на запад в направлении Изюма. Уже 4 февраля правофланговые соединения 6-й армии вышли на Северский Донец. 320-я пехотная дивизия оказалась в окружении, хотя сплошной фронт и отсутствовал. Командир дивизии генерал Георг Постель решил прорываться на северо-запад, к Харькову, где рассчитывал на помощь прибывающих частей танкового корпуса СС. 320-я дивизия направилась к Андреевке, в 60 км к северо-западу от Изюма. 7 февраля Андреевку заняла только что выгруженная из эшелонов боевая группа Пайпера, которая должна была удержать ее до подхода 320-й дивизии. Но Пайпер продержался лишь два дня, а затем прорвался из окружения к своим. 7 февраля 320-я дивизия была еще только в районе деревни Савинцы, а 11 февраля — в районе Григорьевки. 9 февраля Постель был информирован, что деблокирующая группа сможет выступить только 12 февраля. 10 февраля Пайпер получил приказ 12-го начать наступление к Змиеву. Командир взвода из трех вооруженных 75-мм пушками БТРов 14-й роты унтерштурмфюрер СС Гюрс писал в дневнике: «Получены приказы для операции Пайпер. Ночью мы должны перейти р. Донец, прорваться через основную линию обороны русских и продвинуться на 25 километров в глубь вражеской территории, чтобы вытащить дивизию «Сердце» (320-ю пехотную дивизию называли Берлинские Зеленые Сердца — из-за своего дивизионного значка. Там около 10 000 человек и 1500 раненых. Безумный план, но он пришелся по душе нашим панцергренадерам. Батальону приданы 7 штурмовых орудий. Мое орудие движется в хвосте колонны. Время 16.00. Я все приготовил и готов к бою. Смогу ли я передать мой дневник Розин и попадет ли он домой? Якоби доложил, что его орудию необходимо вернуться на 140 километров назад в Полтаву, для ремонта. Теперь у меня осталось только одно запасное орудие. Ничего не слышал о подвозе боеприпасов. Вечером мы должны получить подрывные заряды, ручные гранаты и т.д.».

В журнале боевых действий 2-го моторизованного полка СС 12 февраля было записано: 04.30: Операция Пайпер нача-

лась. Мы уничтожили врага в д. Красная Поляна и расчистили дорогу для колонны транспорта. По опоздавшим к началу операции грузовикам враг открыл огонь, и 6 из них были уничтожены. 06.40: Группа Пайпера достигла Змиева, не вступая в дальнейший контакт с врагом. 08.00: Группе Пайпера приказано продвинуться к Лиману и установить контакт с 320-й дивизией. 14.00: Контакт установлен. В течение ночи группа Пайпера охраняла место сбора 320-й дивизии в районе Черемушная Зидьки Замостье Бутовка».

Тем временем к 12 февраля 320-й дивизии удалось выйти к деревне Лиман, находившейся между Змиевом и Андреевкой. Для соединения с ней эсэсовцам предстояло занять Змиев и форсировать реки Мжа и Удай. Группе Пайпера, усиленной двумя штурмовыми орудиями, противостояли части 7-го гвардейского кавалерийского корпуса и 350-й стрелковой дивизии. На счастье Пайпера, здесь не было советских танковых частей, против которых его группа оказалась бы бессильна. Помимо двух 75-мм штурмовых орудий, у Пайпера было 6 САУ «Штуммель», 6 САУ «Гриле», а также несколько автоматических зенитных пушек на полугусеничном шасси и 60 санитарных машин. Немецкие САУ не имели брони и были бессильны в борьбе с танками.

Рейд группы Пайпера начался в 4.30 утра 12 февраля. Через 45 минут она достигла реки Удай у местечка Красная Поляна. Советская охрана моста была застигнута врасплох, и мост достался немцам неповрежденным. Для охраны моста был оставлен один взвод группы Пайпера. Еще через час группа достигла Северского Донца южнее Змиева, а затем овладела городом, не встретив серьезного сопротивления. Оставив свои основные силы в Змиеве, Пайпер послал несколько разведывательных патрулей на мотоциклах навстречу передовым отрядам 320-й дивизии, которые, как доложил разведывательный самолет, находились в 15 км от Змиева. В 8.00, менее чем через полтора часа после занятия Змиева, группа Пайпера получила приказ наступать к Лиману, так как 320-я дивизия еще не выдвинулась оттуда. Выполнить этот приказ Пайпер не мог при всем желании. Лед на Донце уже был слишком тонок, чтобы выдержать его технику, моста

в его руках не было, не было и материалов и достаточно саперов (в группе был всего один саперный взвод), чтобы быстро построить мост. В полчаса пополудни передовой отряд, предводительствуемый лично Постелем, соединился с разведчиками Пайпера. Постель и его офицеры возмущались, что Пайпер не двинулся им навстречу. Его аргументам насчет того что лед слишком тонок, не верили, пока единственное штурмовое орудие 320-й дивизии при попытке переправы не затонуло. Только некоторые подразделения были еще боеспособны. Солдаты жестоко страдали от голода и холода. Одеты они также были весьма пестро: предметы обмундирования сочетались с теплыми вещами, реквизированными у местных жителей. Колонна дивизии была очень растянута, ее арьергард находился еще у деревни Лиман. Раненых везли на телегах и санях. Врачи, пришедшие с боевой группой, работали всю ночь на 13 февраля, оказывая срочную помощь тяжелораненым. Когда батальон Пайпера вместе с окруженными, транспортируя на санитарных машинах 1500 раненых, двинулся обратно к реке Удай, здесь его ждал неприятный сюрприз. Советский лыжный батальон выбил из Красной Поляны эсэсовский взвод, охранявший переправу, и сжег мост, от которого остались лишь деревянные опоры. После ожесточенного боя мотострелки на бронетранспортерах выбили из Красной Поляны советских лыжников. Временный мост, возведенный на месте взорванного спешно прибывшими саперами лейбштандарта, не мог выдержать штурмовых орудий и бронетранспортеров. По мосту переправились только пехотинцы Постеля и раненые. В 08.25 14 февраля Постель сообщил, что его арьергард благополучно перешел реку Удай. Унтерштурмфюрер СС Гюрс так описал в дневнике события 13 февраля: «Транспорт для раненых прибыл. Мы снова должны расчистить дорогу для него. В с. Водяное был тяжелый бой с русским лыжным батальоном. К вечеру мы уничтожили их. Переходим реку. Мое орудие расстреляло 42 снаряда. У нас 6 погибших. К 19.00 переправа закончена».

Характерно, что немецкие войска, в том числе и дивизии СС, вели бой боевыми группами — временными тактическими объединениями частей и подразделений дивизии со сред-

ствами усиления, состав которых менялся в зависимости от выполняемых задач. Это позволяло оперативно реагировать на изменения обстановки. В Советской Армии к тактике боевых групп пришли только после Второй мировой войны.

После завершения переправы Пайпер со своими бронетранспортерами и штурмовыми орудиями вынужден был вернуться к Змиеву. У реки Мжа он повернул на запад и по ее северному берегу благополучно вышел к Миргороду, где у немцев был мост, способный выдержать бронетехнику. Пайпер соединился со своими после полуночи 14 февраля и прибыл в Мерефу, где находился штаб Хауссера. За успешную операцию по спасению 320-й дивизии Пайпер получил Золотой Германский крест.

Сам Пайпер в рапорте так описал бои по вызволению 320-й дивизии: «3-й моторизованный батальон 2-го панцергренадерского полка ЛАГ получил задание захватить Змиев, чтобы подобрать остатки 320-й пехотной дивизии и эвакуировать 1500 раненых. Для этого батальон получил транспорт и санитарные машины. Наша основная линия обороны проходила по реке Уды с длинным деревянным мостом через нее. На другой стороне реки была занятая врагом деревня Красная Поляна. Против наших ожиданий мы прибыли в Змиев, не встретив существенного сопротивления. Через Змиев протекала река (Донец). Там мы ждали подхода подразделений Постеля (командира 320-й пехотной дивизии). Вскоре появился генерал Постель со своими офицерами и большим количеством транспорта. Прежде всего меня спросили, почему мы не перешли реку. Мой ответ, что лед слишком тонкий и не выдержит веса наших машин, не был принят, но в тот же самый момент его подтвердил офицер связи. Он доложил: «Господин генерал, лед не выдерживает, только что провалилось штурмовое орудие».

Генерал Постель был в прекрасном расположении духа. Он заявил, что его штаб будет расположен здесь, а мы будем обеспечивать его охрану. Он очень огорчился, узнав, что наши войска находятся так далеко. Потом он куда-то пропал.

После длительной паузы подошла остальная часть дивизии. Мы молча сидели на наших БТРах, полные неприятных

предчувствий. У всех была одна и та же ассоциация: Березина! Должно быть, именно так и выглядело отступление Наполеона. Множество идущих, затем легкораненые и, наконец, тяжело раненные. Целый обоз на санях и телегах. Они были переполнены, некоторые несчастные были привязаны к ним и лежали на своих шинелях. Наши хирурги и санитары приготовились к немедленному оказанию помощи. Прежде всего раненым дали еды, горячего питья и оказали первую помощь. Я вспоминаю нашего батальонного хирурга, доктора Брюстля, пришедшего ко мне следующим утром. Он и его помощник всю ночь оперировали на морозе и помогли многим раненым. Мы стояли на страже, и нам казалось, что эта зловещая ночь никогда не закончится. На следующий день (13 февраля) бесконечная колонна двинулась в обратный путь. Дивизия и все ее раненые двигались по дороге, а наши боевые машины охраняли ее с флангов.

Когда мы наконец добрались до реки, то увидели, что от моста остались только дымящиеся сваи. Лыжный батальон русских занял деревню, перебил и изуродовал многих немецких водителей и медиков, оставшихся в деревне со вчерашнего дня. По колонне со всех сторон был открыт огонь. Мой батальон занял деревню после тяжелых боев за каждый дом, восстановил мост и переправил наших спасенных товарищей по льду и по временно восстановленному мосту на другой берег, где они были в безопасности. Когда последняя машина достигла противоположного берега, батальон вновь отошел к Змиеву и присоединился к нашим войскам после долгого рейда по занятой врагом территории».

В своем рапорте генерал Постель утверждал, что дивизия спокойно продвигалась по занятой врагом территории, а ситуация стала критической из-за постоянно снижающейся мобильности, растущего числа тех, кто не мог самостоятельно передвигаться, и падения морального духа солдат по причине того, что расстояние до немецких войск не сокращается, поскольку они продолжают отступать».

В представлении Иоахима («Йохена») Пайпера к Золотому Германскому кресту утверждалось: «3-й батальон 2-го панцер-гренадерского полка «Лейбштандарта СС Адольф

Гитлер» под командованием штурмбаннфюрера СС Пайпера был брошен в бой немедленно после высадки на железнодорожной станции Харькова. Сначала ему было приказано укрепиться в Андреевке, впереди правого крыла дивизии и создать позицию для 320-й пехотной дивизии. Пайпер выполнил приказ и 7 февраля 1943 года был окружен большими силами неприятеля (двумя стрелковыми полками и танковой бригадой). Продержавшись в Андреевке 2 дня, Пайпер вывел батальон из окружения и отошел на основную линию обороны. Выполняя поставленную задачу, он нанес врагу тяжелые потери и уничтожил 2 танка Т-34. В бою Пайпер проявил себя как опытный и храбрый командир...

После того как сектор обороны был перенесен на основную линию Роган — Лизогубовка — Миргород, Пайперу было приказано силами своего батальона занять Змиев и установить контакт с 320-й пехотной дивизией. Пайпер выполнил поставленную задачу и вывел из окружения 750 раненых солдат этой дивизии. Выполняя задание, он полностью уничтожил лыжный батальон врага, препятствовавший его возвращению».

В большинстве документов и мемуаров упоминается 1500 раненых, спасенных вместе с 320-й дивизией. Не исключено, что в представлении на Пайпера речь идет только о тех раненых, которые были эвакуированы теми 60 санитарными машинами, которые были приданы батальону Пайпера, тогда как примерно такое же число раненых было эвакуировано гужевым транспортом 320-й пехотной дивизии.

Характерно, что советские войска, наступавшие в феврале 43-го к Харькову и Днепру, большинство населенных пунктов занимали без боя, больших потерь противнику не наносили, пленных почти не брали. Немецкие войска, отступавшие в условиях бездорожья, несли большие потери в тяжелом вооружении и технике. Однако после выхода из окружения и пополнения новой техникой и оружием немецкие дивизии оказывались боеспособными и могли, по крайней мере упорной обороной, обеспечивать осуществление контр-удара.

В целом на фронте танкового корпуса СС ситуация к на-

чалу февраля и позднее оставалась опасной. 30 января Хауссер докладывал в штаб армейской группы Ланца: «69-я армия и 3-я танковая армия русских достигли Верхнего Оскола и Валук. 6-я армия сильно давит на Купянск и Сватово, в то время как армия Попова (точнее, подвижная группа генерала М. М. Попова. — Б. С.) приближается к Славянску. 320-я пехотная дивизия ведет ожесточенный оборонительный бой у Сватова. Остатки 298-й пехотной дивизии, понесшей жестокие потери в сражениях при отступлении, собираются в Купянске.

Части танково-гренадерской дивизии «Гроссдойчланд» сражаются к западу от Валук, а в секторе Корочи штаб командования сводного корпуса Крамера собирает жестоко потрепанные подразделения немецких и венгерских формирований, прибывающие с верхнего Дона. Фронт имеет обширные разрывы между различными частями. Главное командование сухопутных войск (ОКХ) намеревается сосредоточить танковый корпус СС в секторе Харькова и задействовать его в концентрированной контратаке, что затрудняется быстрым продвижением советских войск. Необходимо воспрепятствовать их проникновению в сектор сбора корпуса. Город Харьков как важный дорожный узел, ценный в экономическом и политическом отношении, не должен быть потерян. Для этого 30 января части дивизии «ДР» («Дас Райх») будут продвинуты для прикрытия в сектор к западу от Валук (к северо-востоку от «ЛАГ»).

Корпус СС, предназначавшийся для контрнаступления, пришлось сначала задействовать в оборонительных боях и к тому же вводить в сражение по частям, что не могло не сказаться на его боеспособности. Поэтому к моменту, когда началось запланированное Манштейном контрнаступление, его главная ударная сила, танковый корпус СС, был существенно ослаблен. Однако, даже если бы он мог начать контрнаступление сразу по прибытии из Франции, как представляется, его сил все равно не хватило бы для решения амбициозной задачи окружения и уничтожения главных сил Воронежского и Юго-Западного фронтов, устремившихся к Днепру.

Манштейн вспоминал: «29 января штаб группы армий из

Таганрога, куда он отошел 12 января, переместился в Сталино, так как теперь решающее направление группы армий было уже не на Дону, а на Донце...

Не подлежало сомнению, что сил сосредотачиваемого к середине февраля у Харькова танкового корпуса СС не хватит для того, чтобы закрыть брешь во фронте от Ворошиловграда до Воронежа. Его нельзя было также использовать своевременно для того, чтобы он контрударом севернее Донца ликвидировал бы угрозу на фланге южного крыла, если бы последнее оставалось на Дону и Донце...

Уже 20 января обозначилось намерение двух корпусов противника обойти левый фланг группы армий — соединение генерала Фреттер-Пико, стоявшее под Каменском, — в направлении на Ворошиловград. Противник прощупывал также оборону остатков итальянской армии, проходившую за Доном восточнее Ворошиловграда. В целом же основные силы противника, видимо, стремились продвинуться на запад в направлении Старобельска; очевидно, противник хотел прежде всего выйти на оперативный простор. Можно было ожидать, что в случае успеха этого маневра противник не ограничится только охватом группы Фреттер-Пико, но продвинется еще дальше на запад крупными силами и будет наступать через Донец в направлении на переправы через Днепр или на побережье Азовского моря».

Что же происходило в это время на советской стороне фронта? 21 января представитель Ставки А. М. Василевский и командующий Воронежским фронтом Ф. И. Голиков, в свою очередь, представили на рассмотрение Сталина план операции по овладению районом Харькова и Белгорода, получивший кодовое обозначение «Звезда». В полночь 23 января план был утвержден, и войска фронта получили соответствующую директиву. Начало операции на 1 февраля 1943 года. Войска Воронежского фронта должны были прорвать вражескую оборону и продвинуться на глубину до 250 километров. Задача Воронежского фронта осложнялась тем, что он действовал на расходящихся операционных направлениях, поскольку одновременно его правофланговая группировка наступала на Курск.

Овладеть районом Харькова должны были 38-я, 40-я общевойсковые и 3-я танковая армии, 18-й отдельный стрелковый корпус (вскоре развернутый в 69-ю армию) и 6-й гвардейский кавалерийский корпус. Обе армии были усилены соединениями, переданными из 60-й армии. В боевой состав 38-й армии, согласно распоряжению командования фронта от 28 января 1943 года, входили: 240, 167, 206 и 237-я стрелковые дивизии 38-й армии, 232-я стрелковая дивизия и 253-я стрелковая бригада из 60-й армии. Средствами усиления 38-й армии служили 180, 14 и 150-я танковые бригады и три артиллерийские полки РК.

В состав 40-й армии, наступавшей на Харьков через Белгород, входили 303-я и 100-я стрелковые дивизии из состава 60-й армии, а также 25-я гвардейская, 183, 309, 107, 340 и 305-я стрелковые дивизии, 4, 6 и 8-я лыжные бригады и 129-я стрелковая бригада. Средствами усиления армии были 4-й танковый корпус, 10-я артиллерийская дивизия, 4-я дивизия РС и 5-я дивизия ПВО. Во втором эшелоне должна была наступать 3-я танковая армия генерал-лейтенанта П. С. Рыбалко.

В ее состав входили 12-й танковый корпус генерал-майора танковых войск М. И. Зиньковича, 15-й танковый корпус генерал-майора танковых войск В. И. Копцова, 179-я отдельная танковая бригада полковника Ф. Н. Рудкина, а также 48-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора Н. М. Маковчука, 62-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора Г. М. Зайцева, 184-я стрелковая дивизия полковника С. Т. Койды, 160-я стрелковая дивизия полковника М. П. Серюгина и 111-я стрелковая дивизия полковника С. П. Хотеева. В оперативном подчинении штаба 3-й танковой армии находился 6-й гвардейский кавалерийский корпус генерал-майора С. В. Соколова, обеспечивавший операцию с юга. К началу наступления в составе 3-й танковой армии было 57 557 бойцов и командиров, у которых имелось 1353 противотанковых ружья (ПТР), 1223 миномета различных систем, 189 противотанковых, 256 76-мм и 17 152-мм орудий, а также 116 гаубиц калибра 122 мм. В армии насчитывалось 223 тан-

ка, из которых только 85 были боеготовыми к началу наступления.

Штаб Воронежского фронта требовал от 3-й танковой армии отрезать «пути отхода противнику на Полтаву» и «с хода овладеть г. Харьков не позднее чем в 5-й день наступления». Согласно первоначальному замыслу, танковые и кавалерийский корпус должны были вступить в дело только после выхода стрелковых дивизий на западный берег Северского Донца, чтобы удар на Харьков с юга и юго-запада оказался внезапным.

Однако в дальнейшем было решено наступать в один эшелон. Еще до начала «Звезды» 6-й гвардейский кавалерийский корпус вырвался далеко вперед и достиг рубежа реки Оскол и станции Валуйки. Вскоре его догнала 184-я стрелковая дивизия. Таким образом был занят рубеж для начала операции «Звезда». К 31 января здесь сосредоточились войска 3-й танковой армии. К этому времени у нее осталось только 50 боеспособных танков из 223. Правда, в ходе наступления численный состав танкового парка армии существенно возрос. К 18 февраля в 3-й танковой армии числилось 432 танка. Но из этого числа 122 находились в ремонте, а еще 214 танков были подбиты или вышли из строя по техническим причинам и ждали своей очереди на ремонт на полях сражений и дорогах от Россоши до Харькова, так что боеспособными были только 96 танков. Ремонтная база армии явно не поспевала за растущими потерями бронетехники.

Для сравнения: в танковом корпусе СС в момент прибытия на фронт насчитывалось 317 танков, в том числе 28 «тигров» и 27 командирских танков (в основном из устаревших Т-II), предназначенных для целей управления. Следует, однако, учесть, что в таком составе корпус СС в феврале — марте 1943 года ни разу не действовал, поскольку его дивизии прибывали на Восточный фронт разрозненно. К тому времени, когда они наконец собрались все вместе, чтобы постараться вернуть Харьков, их боевой состав был значительно ослаблен.

31 января 1943 года командующий группой армий «Дон» направил телеграмму ОКХ, где изложил план контрудара, ус-

пех которого он считал единственным средством удержания Донбасса. Он так изложил в мемуарах его содержание: «Основной предпосылкой этого (удержания Донбасса. — Б. С.) я считал своевременный удар со стороны Харькова и нанесение противнику поражения северо-восточнее Харькова еще до начала распутицы. Если это, как, к сожалению, следовало ожидать, окажется невозможным, то Донецкий бассейн или, во всяком случае, всю его восточную часть удержать не удастся. Поэтому будет оперативной ошибкой пытаться удержаться на Донце и нижнем Дону. Кроме того, нужно принять во внимание, что наших наличных сил и так не хватит на то, чтобы удержать весь Донбасс, если противник подтянет сюда новые крупные силы из-под Сталинграда или с Кавказа, а он это сделает непременно. Нельзя было только полагаться на то, что силы противника будут истощены (хотя в боях с немецкими войсками он действительно нес большие потери) или что затруднения со снабжением сразу же сорвут его операции. Этими аргументами Гитлер обычно возражал генералу Цейтцлеру, когда тот указывал ему на подавляющее численное превосходство противника, основываясь на имеющихся у нас в основном правильных разведывательных данных. Эти аргументы были тоже в известной мере обоснованны, но нужно было иметь в виду, что бои противника с союзными войсками стоили ему очень малых потерь и что в организации снабжения войск он имел гораздо больше свободы, чем мы (так как мы находились на территории противника). Уже в ближайшие дни наши прогнозы о действиях противника подтвердились. Его намерение потеснить и одновременно обойти наш Северный фронт на Донце стало явным.

2 февраля противник форсировал Донец восточнее Ворошиловграда; стоявшие там итальянцы не оказали серьезного сопротивления. Противник сосредоточил в этом районе ударную группу в составе трех танковых, одного механизированного и одного стрелкового корпуса, по-видимому, из числа войск, разгромивших в свое время итальянский фронт на Дону. Можно было предполагать, что целью этой ударной группы был захват Ростова или Таганрога.

Выбив 19-ю тд из Старобельска, противник направил

еще одну крупную группировку в составе трех-четырех танковых корпусов и одного стрелкового корпуса на юго-запад на рубеж Славянск — Лисичанск. Очевидно, он планировал охват нашего фланга, нанося удар далеко на запад, на участке около Ворошиловграда или восточнее его, не принимая во внимание участки, занятые разбитыми частями итальянцев...

Мы двинули 1-ю танковую армию на средний Донец, чтобы не допустить уже угрожающего группе Холлидта охвата.

Теперь нужно было сделать так, чтобы вывести из «балкона» и 4-ю танковую армию, располагавшуюся на нижнем Дону и Донце. Только так можно было своевременно предотвратить опасность, которая грозила в будущем тем, что противник, наступающий на рубеж Изюм — Славянск, будет пытаться отрезать нас от переправ через Днепр. Надо было постоянно считаться и с тем, что противник подбросит новые силы, кроме тех, которые были уже у Славянска, в направлении вверх по Донцу через реку и далее к нижнему Днепру. Кроме одной дивизии танкового корпуса СС, которая прибыла в это время в район Харькова, на участке группы «армий «Б» противнику противостояли только остатки частей. Они не могли помешать противнику повернуть и двигаться далее в наш глубокий фланг.

4-ю танковую армию можно было высвободить только путем значительного сокращения линии фронта группы армий. Вместо того чтобы и далее удерживать большую дугу, которую образовывали нижний Дон и Донец от Ростова до района западнее Ворошиловграда, надо было переместить правый фланг группы на хорду этой дуги. Это была позиция, которую южный фланг немцев удерживал в 1941 году после первого отступления из Ростова, — позиция от рубежа Миуса далее на север до среднего Донца. Сокращение фронта до этой линии позиций, которые хотя и были с тех пор разрушены, но все же давали нам известную опору, означало, конечно, оставление восточной части Донецкого угольного района».

Манштейн стремился убедить Гитлера, что для того, чтобы высвободить войска для контрудара, необходимо оставить часть Донбасса вместе с Ростовом. От этого зависел ус-

пех задуманного контрудара. Фельдмаршал вспоминал: «Как сообщил мне начальник Генерального штаба, он сам сказал Гитлеру, что дело идет о том, отдавать ли Донбасс или терять его вместе с группой армий «Дон». На это Гитлер ответил, что он, видимо, с оперативной точки зрения прав. По военно-экономическим соображениям, однако, оставление Донбасса невозможно. Это важно не столько с точки зрения потери угля для нас, сколько потому, что противник в этом случае вновь получит необходимый для производства стали важнейший угольный бассейн. В качестве выхода из положения Гитлер предусматривал осуществить прорыв силами первой из трех дивизий танкового корпуса СС, дивизии «Райх», прибывшей как раз в район Харькова, в направлении из Харькова в тыл вражеским войскам, наступающим на наш Донецкий фронт.

Не говоря уже о том, что сил этой дивизии было совершенно недостаточно для такой большой операции (она должна была в качестве ближайшей задачи разгромить 6 вражеских дивизий) и что она не была в состоянии прикрыть все более растягиваемый северный фланг, введение в бой этой одной дивизии заведомо означало бы распыление единственной ожидаемой в ближайшем будущем ударной силы — танкового корпуса СС. Впрочем, и этой дивизии в действительности не оказалось для намечавшейся наступательной операции. Вследствие быстрого продвижения Советов в направлении на Харьков командование группы армий «Б» вынуждено было бросить эту дивизию в бой. Она была связана в это время совершенно бесперспективными оборонительными боями северо-восточнее Харькова у Волчанска...

Восточнее Ворошиловграда 6-й тд, брошенной на средний Донец из группы Холлидта по приказу командования группы, не удалось вновь отбросить противника за Донец. Она смогла только сковать противника на его плацдарме.

Далее на запад противнику удалось на широком фронте перейти Донец, так как практически здесь не было сил для организации обороны. Противник располагался перед Славянском и овладел Изюмом. Уже стало проблематичным, возможен ли вообще отвод группы Холлидта на рубеж Миуса...

Если бы противник быстро атаковал из Славянска на юго-восток, то он выбил бы нас с позиции на Миусе. Хотя в это время 1-я танковая армия с подчиненными ей по приказу командования группы частями передвигалась из Ростова на средний Донец, прошло еще несколько дней, пока эта армия смогла действительно вступить в бой. Произошло это потому, что в прибрежном районе размякшие дороги значительно затрудняли движение танковых дивизий, в то время как далее на север почва сильно замерзла и не ограничивала, следовательно, возможности передвижения русских».

Манштейн даже метеоусловия характеризует весьма своеобразно. Получается, что они одновременно были благоприятны для русских и неблагоприятны для немцев.

Хауссер так вспоминал о первых боях своего корпуса: «Выполнение планов Верховного командования сухопутных войск (ОКХ) об использовании Танкового корпуса СС на Восточном фронте для нанесения массированного контр-удара было ускорено из-за стремительного наступления Красной Армии. Нужно было предотвратить прорыв в наш тыл. Харьков, являвшийся важным транспортным, промышленным и политическим узлом, терять было никак нельзя. Части дивизии СС «Райх» были направлены для прикрытия Валук, поскольку находившиеся там части «Великой Германии» потребовалось перебросить на северный фланг Сводного корпуса генерал-лейтенанта Ганса Крамера.

1 февраля генерал горнострелковых войск Губерт Ланц был назначен командующим армейской группой, названной его именем. В этот день русские, введя в бой 3-ю танковую армию, продолжали наступление на широком фронте. 320-й и 298-й пехотным дивизиям были отрезаны пути к отступлению. Они вынуждены были пробиваться в тяжелых боях по труднопроходимым тропам и с большими потерями. Дивизия СС «Райх» сначала удерживала район у Ольховатки к западу от Валук. Она должна была задержать противника восточнее Донца, чтобы потом вместе с лейбштандартом (который уже оборонял плацдарм на Донце в районе Чугуева. — Б. С.) начать контр наступление в юго-восточном направлении. Однако этого не произошло. Дивизия СС «Райх», окру-

женная с двух сторон, чередуя оборонительные бои с контратаками, вынуждена была отступать на запад. 5 февраля 2-й танковый полк СС этой дивизии выступил для своей первой танковой атаки. Ему удалось в условиях сильно пересеченной местности и снега уничтожить группу противника, которая вклинилась между позициями дивизии и разведывательного батальона. Этот временный успех, однако, не мог долго задержать советское наступление.

Юго-восточнее, перед лейбштандартом, русские отбросили боевое охранение с восточного берега Донца и подступили к переднему краю обороны. Развернулись тяжелые оборонительные бои, особенно за ключевую позицию у Печенегов. Хотя на дивизию приходился фронт в 90 км и сил катастрофически не хватало, русским удалось достичь лишь местных прорывов».

Один из таких местных прорывов, например, был предотвращен 4 февраля, когда части советской 3-й танковой армии возле Печенегов атаковали против 1-й роты 1-го панцергренадерского полка лейбштандарта. Ее командир гауптштурмфюрер Хайнц Шпрингер впоследствии вспоминал: «Русские появляются перед нашими позициями. Они несколько раз пытаются прорвать их, переходя через замерзший Донец, но неудачно. У нас достаточно сил для контратак благодаря глубоко эшелонированным позициям, чтобы отбросить прорвавшихся русских. У нас по два пулемета MG 42 на взвод, которые оказывают опустошительное действие. В этот день «папаша Хауссер» приходит на мой командный пункт, чтобы лично удостовериться в эффективности пулеметов: на льду Донца перед нашими позициями — множество трупов советских солдат. Это результат искусной организации нашей обороны». Согласно свидетельствам других участников этого боя, после того как первые волны советских солдат, у которых были винтовки, были сметены пулеметами, безоружные солдаты последующих волн (несомненно, из только что призванного пополнения) подбирали оружие погибших, чтобы продолжать бой».

Манштейн тем временем требовал от ОКХ, чтобы танковый корпус СС, «как только он в результате ускорения тем-

пов переброски будет сосредоточен у Харькова, был направлен для удара южнее Донца на Изюм, в случае если обещанное наступление дивизии «Райх» к 6 февраля не даст успеха, который должен был помочь нам достигнуть Купянска».

Командующий группой армий «Дон» также настаивал перед Гитлером насчет «немедленного перевода боевого состава 13-й тд и двух пехотных дивизий 17-й армии на нижний Днепр, где они должны были получить новое оружие и обозы — из обозов и колонн 6-й армии. Если Гитлер уже отказался выслушивать далеко задуманные оперативные планы, то обстановка, связанная с этими требованиями, по крайней мере, должна была показать ему всю серьезность положения.

Результатом этой телеграммы было то, что 6 февраля у нас приземлился «Кондор» фюрера, который должен был доставить меня в его Ставку. Видимо, здесь помогло посещение в конце января его шеф-адъютанта генерала Шмундта, которому мы очень серьезно изложили наше мнение о положении на фронте и о высшем военном руководстве, и Гитлер решил выслушать меня лично».

Во время этой беседы Манштейну удалось убедить фюрера в необходимости оставить Восточный Донбасс. В этих драматических переговорах решалась судьба всего Восточного фронта. Фельдмаршал вспоминал: «Я объяснил Гитлеру, что на южном фланге может фактически решиться судьба Восточного фронта. Можно было с уверенностью ожидать, что противник подбросит из своих сильных резервов (прежде всего из Сталинграда) новые силы, чтобы осуществить отсечение южного фланга. Следовательно, никак нельзя было рассчитывать, что танкового корпуса СС будет достаточно для того, чтобы предотвратить контрударом этот неизбежный глубокий обход. Противник имеет достаточно сил, чтобы провести этот маневр по охвату и одновременно прикрыть его из района Харькова в западном направлении. Всех сил, которые можно было ожидать в качестве немецких подкреплений, не хватило бы, чтобы предотвратить этот удар врага. Было необходимо, следовательно, направить за 1-й танковой армией, находившейся к этому времени на марше в направлении среднего Донца, сразу же 4-ю танковую армию, чтобы

она смогла сорвать к этому времени еще не начавшийся, но неизбежно надвигающийся охватывающий маневр противника между Донцом и Днепром. Только тогда будет возможно восстановить во взаимодействии с подходящими подкреплениями положение на южном крыле Восточного фронта, то есть на всем фронте между побережьем Азовского моря и правым флангом группы армий «Центр». Без вывода 4-й танковой армии с нижнего Дона это было бы невозможно. Но отвод ее с этого участка означал бы необходимость отхода с дуги Дон — Донец на более короткую хорду на Миусе. Нельзя было терять ни одного дня».

В этой связи стоит отметить, что, по всей вероятности, решение Ставки направить после уничтожения 6-й немецкой армии войска Донского фронта Рокоссовского, переименованного в Центральный фронт, на центральный, а не на южный участок советско-германского фронта, было ошибочным, если его оценивать с позиций сегодняшнего дня, когда нам известен дальнейший ход событий. Если бы армии Рокоссовского наступали бы на юге, то контрудар Манштейна вряд ли бы имел успех. Наступление же Центрального фронта, в который вошли две армии бывшего Донского фронта, и танковая и общевойсковая армии и еще ряд соединений из резерва Ставки, в направлении Гомель — Смоленск, не имело в тот момент принципиального стратегического значения. Но Сталин хотел наступать всюду, явно переоценивая падение боеспособности вермахта после Сталинграда, а его ближайшие сотрудники Василевский и Жуков или разделяли его точку зрения, или не рискнули ему противоречить, или, наконец, не сумели убедить его в необходимости сосредоточить все усилия на юге. Впрочем, судя по мемуарам А. М. Василевского, по крайней мере, в Генштабе всецело разделяли позицию командующих фронтами о необходимости наступать как на Харьков, так и к Днепру. Александр Михайлович утверждал: «Стратегические задачи противника сводились к тому, чтобы ударами танкового корпуса СС из района Краснограда, а 48-го и 40-го танковых корпусов — от Красноармейского по сходящимся направлениям на Павлоград и Барвенково разгромить выдвинувшиеся на подступы к Днепро-

петровску войска правого крыла нашего Юго-Западного фронта, отбросить их на Северский Донец и восстановить прерванные коммуникации группы армий «Юг», ведущие к переправам через Днепровскую излучину. В последующем, перегруппировав силы в район юго-западнее Харькова, враг намеревался нанести мощный удар по войскам Воронежского фронта, вновь захватить Харьков и Белгород и, восстановив оборону своих войск по рубежу Северского Донца, продолжать наступление в сторону Курска. Предусматривалось также, что встречный удар нанесет на Курск 2-я танковая армия группы «Центр» из района южнее Орла.

Последовавший 19 февраля удар для советских войск Юго-Западного фронта, продвинувшихся в ходе зимнего наступления к Днепру и стоявших недалеко от Запорожья, был крайне неожиданным. К концу февраля в ходе ожесточенных сражений врагу удалось оттеснить наши войска за Северский Донец. Как же это произошло?.. Командующие Юго-Западным и Воронежским фронтами неправильно оценивали сложившуюся к середине февраля стратегическую обстановку на этом крыле советско-германского фронта. Начавшуюся в десятых числах февраля перегруппировку войск врага, в частности переброску танкового корпуса СС из-под Харькова в район Краснограда, а 48-го и 40-го танковых корпусов — с левого фланга Юго-Западного фронта в район Красноармейского, они восприняли как начало отвода врагом его донбасской группировки за Днепр. Исходя из этой неправильной оценки, командующий Юго-Западным фронтом Н. Ф. Ватутин просил у Ставки разрешения на стремительное наступление всеми силами фронта, чтобы окончательно разгромить противника между Северским Донцом и Днепром и выйти на Днепр еще до начала весенней распутицы.

В ответ на это И. В. Сталин в переговорах с Н. Ф. Ватутиным в ночь на 11 февраля сказал следующее: пока Харьков не взят нашими войсками, вместо предлагаемой фронтом операции «Скачок» лучше было бы принять другой план — с ограниченными задачами, но более реальными на данный момент. Общая задача фронта на ближайшее время — не допускать отхода противника в сторону Днепропетровска и

Запорожья и силами всего фронта принять меры к тому, чтобы зажать донецкую группу противника, оттеснив ее в Крым, затем закупорить проходы через Перекоп и Сиваш и изолировать ее таким образом от остальных вражеских войск на Украине. Операцию необходимо начать возможно скорее, а решение прислать в Генеральный штаб.

17 февраля, после освобождения Харькова, И. В. Сталин лично передал по телефону Н. Ф. Ватутину, что представленный им новый план фронтовой операции утвержден. Но Верховный просил учесть его замечания о задачах 6-й армии, сделанные еще при переговорах об операции «Скачок». Речь шла о том, чтобы эта армия заняла Синельниково, а потом Запорожье и не дала войскам противника возможности отойти на западный берег Днепра через Днепропетровск и Запорожье. «Других задач, вроде выдвижения на Кременчуг, пока не давать шестой армии». Таким образом, и Ставка, и Генеральный штаб допускали ту же ошибку, что и командующие Юго-Западным и Воронежским фронтами: не ожидали наступательных операций врага, считая его здесь разбитым. Ставка не только согласилась с предложениями командующих по развитию дальнейшего наступления, но в своих директивах даже расширила планы фронтов. При этом Ставка никаких мероприятий по усилению их войск не предпринимала. В результате Юго-Западный фронт продолжал с боями продвигаться в западном и юго-западном направлениях, с каждым днем увеличивая ширину фронта наступления, к началу контрнаступления врага достигшую уже более 400 км. К тому же наши войска в результате непрерывных и длительных наступательных боев несли большие потери в живой силе и технике и из-за чрезмерной удаленности от баз снабжения испытывали острый недостаток в боеприпасах».

Манштейн так прокомментировал аргумент фюрера против отступления: «Гитлер все время подчеркивал, что если упорно драться за каждый клочок земли и заставить противника продвигаться ценой тяжелых потерь, то когда-нибудь наступательная сила даже Советской Армии иссякнет. Противник уже два с половиной месяца непрерывно наступал. У него очень большие потери, его наступательный по-

рыв скоро будет исчерпан. Да и трудности снабжения при увеличивающихся расстояниях от исходных пунктов, видимо, остановят намечаемый им глубокий обходный маневр. Несомненно, во всем этом было много правды. Бесспорно, противник, по крайней мере, при своем наступлении на удерживаемые немецкими войсками участки понес большие потери, которые сильно уменьшили его ударную силу. Тем легче достались ему победы на тех участках фронта, где немецкие войска не оказывали ему упорного сопротивления. Верно также, что боеспособность советских войск, прежде всего пехоты, значительно уменьшилась вследствие понесенных потерь. С другой стороны, ввиду многократного превосходства противника мы вообще не сможем удержаться. И если вражеские дивизии вследствие потерь частично утрачивали свою боеспособность, то на их место вставляли новые дивизии. Верно также и то, что по мере увеличения района операций Советской Армии у нее возникало больше трудностей с организацией снабжения. Все же расстояния от конечных железнодорожных пунктов противника до побережья Азовского моря или до нижнего Днепра не были такими большими, чтобы они смогли в век автомашин сорвать проведение столь опасной для нас операции по отсечению южного фланга германской армии...

В отношении оперативной обстановки Гитлер, собственно, выразил только мнение, что танковый корпус СС мог бы устранить серьезную опасность для фронта на среднем Донце ударом из района Харькова на юго-восток на Изюм. Предпосылкой для этого должно служить, однако, то, чтобы еще до прибытия лейбштандарта дивизия «Райх» могла бы покончить с противником у Волчанска (третья дивизия, «Тотенкопф», могла прибыть только позже). Его надежда на ударную силу этого вновь сформированного танкового корпуса СС была, по-видимому, безгранична. В остальном его сообщения показали, что он еще не понимает или не хочет понимать грозящих в будущем опасностей, а именно, опасностей, связанных с появлением на новом поле боя сталинградских соединений противника».

По утверждению Манштейна, переброска 4-й танковой

армии из-под Ростова на западный фланг группы армий «Дон» должна была занять около двух недель. Ее отступление за Дон началось 7 февраля, когда советские войска уже взяли Батайск на южном берегу реки.

Манштейн скептически относился к возможности того, что корпус СС сможет нанести контрудар, который остановит наступление противника: «Мы узнали, что дивизия СС «Райх», которая должна была отбросить противника у Волчанска, чтобы затем продвигаться на юго-восток в направлении на Изюм, не разбила противника. Более того, она сама отошла за Донец. Было ясно, что при таких условиях ничего не выйдет из намеченного Гитлером удара танкового корпуса СС, из состава которого имелась пока только дивизия «Райх», с целью облегчить положение на нашем западном фланге.

9 февраля противник овладел севернее Харькова Белгородом и Курском. Он наступал из дуги Донца у Изюма на запад. Практически в брешу между Днепром и правым флангом группы «Центр», начинавшимся значительно севернее Курска, действовала только группа Ланца, наступление которой на Харьков было уже сомнительно, и западнее Курска — сильно потрепанная 2-я армия группы армий «Б».

Так как эта обстановка давала противнику возможность осуществить глубокий обходный маневр через Днепр выше Днепропетровска, то было ясно, что наша группа армий не сможет долго обеспечивать собственными силами, несмотря на переброску 4-й танковой армии на западный фланг, безопасность своих тыловых коммуникаций. Надо было предпринять какие-то кардинальные меры. В телеграмме на имя генерала Цейтцлера я требовал поэтому сосредоточения новой армии силой не менее 5—6 дивизий в течение двух недель в районе севернее Днепропетровска, а также сосредоточения еще одной армии за фронтом 2-й армии, то есть в районе западнее Курска для нанесения удара на юг. Для этого было необходимо коренное улучшение службы подвоза. Частичное прибытие отдельных дивизий медленными темпами, как это было до сих пор, не соответствовало требованиям обстановки».

Цейтцлер пообещал Манштейну 6 дивизий из состава

групп армий «Север» и «Центр». Тем временем 1-й танковой армии, сражавшейся у Донца, грозил двусторонний охват. Ее дивизии безуспешно пытались овладеть Краматорском. Тем временем советские танки прорвались через считавшуюся немцами танконепроходимой местность западнее реки Кривой Торец до деревни Гришино и перерезали главную коммуникацию группы армий «Дон» Днепропетровск — Красноармейское. Манштейн по этому поводу философски заметил: «Этот эпизод еще раз показал, что западные понятия о непроходимости местности для русских имеют лишь очень ограниченное значение. Широкие гусеницы их танков значительно облегчали преодоление препятствий, которыми являлись для наших танков грязь или глубокий снег». Положение осложнялось тем, что 17-ю танковую дивизию пришлось бросить на борьбу с советским кавкорпусом (7-м гвардейским кавалерийским корпусом. — Б. С.), захватившим важную станцию Дебальцево в тылу рубежа, куда должна была отступать группа Холлидта. Этой группе тем не менее 17 февраля удалось отступить за Миус и занять там оборону. Прорыв же у Гришина удалось локализовать с помощью подошедшей танковой дивизии СС «Викинг».

12 февраля Манштейн направил донесение в ОКХ с оценкой обстановки. Он утверждал, что на фронте его группы армий, равно как и на фронте группы армий «Б», соотношение сил остается на уровне 1:8, тогда как на фронтах групп армий «Центр» и «Север» оно составляет только 1:4, и требовал подкреплений. Командующий группой армий «Дон» больше всего опасался, что советские войска, наступающие от Изюма, выставят заслон против Харькова и повернут на юг, на Павлоград, чтобы захватить переправы через Днепр у Днепропетровска и Запорожья и отрезать весь южный фланг немецкого фронта. Но, к сожалению, советская Ставка не приняла такой план действий, наиболее опасный для немцев. Манштейна тревожило также то, что советские войска могли разбить группу Ланца, находившуюся еще в стадии формирования (к тому времени ее успела подкрепить только дивизия СС «Райх»), и выйти к переправам через Днепр у Кременчуга. 13 февраля, после ликвидации штаба группы армий «Б»,

эта группа вошла в состав группы армий «Юг», которой командовал Манштейн.

Он утверждал в мемуарах, что после формального переподчинения ему группы Ланца «еще в течение нескольких дней группа «Б» (в действительности же Гитлер) сама руководила операциями в этом районе.

Группа Ланца получила приказ от Гитлера — во что бы то ни стало удержать Харьков, потеря которого могла отразиться на престиже Германии, как своего рода новый Сталинград. Кроме того, группа Ланца силами танкового корпуса СС, который составлял ядро этой группы, но который все еще состоял из двух вместо трех дивизий, должна была прорваться на Лозовую, чтобы облегчить положение левого фланга группы «Юг».

Естественно, группа Ланца своими силами могла решить только одну из этих задач. Она могла или драться за Харьков, или наступать на левом фланге группы «Юг». Я поэтому предложил Гитлеру, чтобы группа Ланца в первую очередь отказалась от Харькова и попыталась разбить противника южнее Харькова. Тем самым была бы предотвращена опасность обхода группы армий через Днепр по обе стороны Кременчуга. Мы же надеялись справиться сами с противником, нацелившим свой удар на переправы через Днепр у Запорожья и Днепропетровска, введением в бой 4-й танковой армии. Если бы Ланц разбил противника южнее Харькова, то тогда он мог бы повернуть на Харьков и снова овладеть им. Но такое решение не соответствовало планам Гитлера, для которого Харьков, столица Украины (к тому времени Харьков уже не был столицей Украины. — Б.С.), стал уже вопросом престижа. Он отдал поэтому 13 февраля еще раз строгий приказ группе Ланца при всех обстоятельствах удерживать Харьков...

Что касается обстановки у Харькова, то обстоятельства оказались сильнее, чем желания Гитлера. Танковый корпус СС, который уже был в опасности окружения в Харькове, отступил 15 февраля — впрочем, вопреки приказу генерала Ланца, — из города. О совершившемся факте нам сообщил штаб группы «Б», который в эти дни находился в процессе

ликвидации. Если бы Харьков был оставлен по приказу какого-либо армейского генерала, то Гитлер, несомненно, предал бы его военному суду. Но так как это был танковый корпус СС, который — действуя, впрочем, совершенно правильно, — избежал окружения, этого не произошло. Правда, командующий группой — Ланц через несколько дней был заменен генералом танковых войск Кемпфом под тем предлогом, что генерал Ланц принадлежал к горнострелковым войскам, а Кемпф был танкистом (вскоре Ланц стал командовать горнострелковым корпусом. — Б. С.)...

16 февраля сообщили, что противник, как мы уже давно ожидали, начал крупными силами наступление из района западнее Изюма в направлении на Павлоград и Днепропетровск. Если бы противнику удалось здесь достичь железнодорожного узла Лозовая или Павлограда (или расположенной юго-западнее Павлограда станции Синельниково), то железнодорожная связь через Полтаву была бы перерезана. Одновременно снова ослабевали темпы подвоза обещанного нам ОКХ пополнения. Вместо обещанных 37 транспортов ежедневно 14 февраля прибыло только 6...

Положение стало настолько критическим, что Гитлер решил прибыть в мой штаб. Мои неоднократные донесения с оценкой обстановки заставили его, видимо, задуматься. Как бы я ни приветствовал возможность доложить ему лично мои соображения, а также то, что он лично мог убедиться в серьезности положения, все же, конечно, трудно было обеспечить безопасность его пребывания в таком крупном промышленном городе, как Запорожье (тем более что к городу приближался противник). К тому же он сообщил, что пробудет несколько дней. Он разместился в нашем служебном помещении вместе со своей свитой, в которую входил начальник Генерального штаба и генерал Йодль (как всегда, Гитлер взял, конечно, с собой своего личного повара). Весь прилегающий район надо было герметически изолировать. Все же положение нельзя было считать безопасным, так как приезд Гитлера не был секретом и при въезде с аэродрома в город его узнавали и приветствовали солдаты, находившиеся в Запорожье, представители его партии и другие лица. Для охраны

мы имели в Запорожье, кроме нашей караульной роты, только несколько зенитных подразделений. В ближайшее время вражеские танки должны были подойти настолько близко к городу, что они могли бы обстреливать аэродром, расположенный восточнее Днепра».

По поводу возможности обороны Харькова в феврале 43-го Хауссер писал в мемуарах: «Было необходимо принять принципиальное решение: либо немедленно начать атаку против сил, обходивших город с юга, и при этом оставить Харьков, либо подпустить вражеские войска близко к городу, чтобы потом вести круговую оборону — это означало бы полное окружение».

Сначала благодаря отходу с Донца на линию Константиновка — Рогань — Русские Тишки высвободившиеся силы обеих дивизий, которые предполагалось использовать для атаки в юго-восточном направлении, были собраны у Мерёфы. Снова была предпринята попытка прорыва правым флангом, чтобы предотвратить окружение Харькова. Глубокий снег задержал развертывание сил, а неизбежное из-за этого перемешивание подразделений усложнило подготовку войск к наступлению. Только 11 февраля в 8.30 утра три ударные группы двинулись с Мерёфского плацдарма в южном направлении. «Лейбштандарт Адольф Гитлер» возглавил атакующую группировку, состоящую из частей обеих дивизий, тогда как войска, оборонявшиеся восточнее и северо-восточнее Харькова, подчинялись штабу дивизии «Райх».

Атака поначалу была внезапной и успешной. Группа Мейера вышла в район Алексеевка — Берека. Советский 6-й гвардейский кавалерийский корпус был полностью рассеян. На внешнем южном фланге у Краснограда прикрытие обеспечивал 5-й моторизованный полк «Туле» дивизии «Мертвая голова», переброшенный сюда как ее передовая часть. Остальные части дивизии задержались в пути.

Восточнее Харькова остались только две усиленные полковые группы. 11 февраля начались интенсивные русские атаки крупными танковыми силами. Некоторые населенные пункты и часть территории были временно потеряны. Однако силами резерва, хотя и относительно слабыми, последст-

вия прорыва были устранены, и противник понес большой урон. Советское командование постоянно вводило в бой все новые силы... Последний резерв, 2-й танковый разведывательный батальон СС, был переброшен левее, на соседний участок, когда там прорвался противник. Таким образом, слабый фронт восточнее Харькова оказался лишенным каких-либо серьезных резервов. Но солдаты стояли насмерть. На севере советские войска после взятия Белгорода прорвались далеко северо-западнее Харькова. К городу подтягивались все новые части противника. Дивизию «Великая Германия», отходившую с боями из района Белгорода, пришлось использовать для обороны северо-западного сектора Харькова. Это сорвало план командования армейской группы «Ланц», которая собиралась именно дивизией «Великая Германия» заменить дивизию «Райх», предназначенную для наступления в южном направлении.

320-я пехотная дивизия с 1500 ранеными отошла с боями к Змиеву. Все санитарные подразделения корпуса, транспорт, а также службы питания (учитывая, что солдаты изголодались) были приведены в готовность. Благодаря прорыву мотопехотного батальона на бронетранспортерах дивизии «Лейбштандарт Адольф Гитлер» 12 февраля 320-я дивизия соединилась с главными силами.

13 февраля генерал Ланц объявил о приказе фюрера во что бы то ни стало удержать Харьков. Необходимо было еще сильнее сократить фронт, высвободив все возможные резервы. Вечером штаб корпуса доложил командованию армейской группы, что и новую линию обороны можно будет удерживать лишь до 14 февраля, поскольку город был уже окружен. В войска был направлен приказ провести разведку для подготовки дальнейшего отхода. Было приказано взорвать все склады, а также сооружения, имеющие стратегическое значение.

14 февраля противнику удалось в нескольких местах прорвать наш слабый фронт, состоящий только из опорных пунктов. Следовало опасаться прорыва к тракторному заводу. На северо-западе противник тоже нашел бреши в обороне дивизии «Великая Германия». Таким образом, наиболее сильные

части XI армейского корпуса генерал-лейтенанта Эрхарда Рауса уже были отрезаны от линий сообщения. Важнейшая для снабжения дорога Харьков — Полтава была уже в руках противника.

Поскольку новое предложение штаба танкового корпуса СС сдать Харьков было отклонено со ссылкой на приказ фюрера от 13 февраля, командир корпуса (здесь Хауссер пишет о себе в третьем лице. — Б. С.) решил самовольно отдать приказ об отводе войск, чтобы избежать боев в окружении и высвободить войска для контрудара. Однако поступивший в 17.50 новый приказ фюрера удерживать Харьков вынудил отложить это решение. Вечером советские войска ворвались в юго-восточные пригороды Харькова. Брошенный в контратаку оснащенный бронетранспортерами 3-й батальон лейбштандарта в ночном бою остановил продвижение противника, но не смог отбить захваченный им район. В Харькове начались выступления вооруженного гражданского населения. В связи с этим штаб армейской группы «Ланц» приказал остановить наступление ударной группы на юг, выделить резервы для обороны города и направить группу, поддержанную танками, в Валки, юго-западнее Харькова, чтобы освободить пути снабжения. Этот приказ был невыполним. Вечером командир танкового корпуса СС снова доложил обстановку, пытаясь добиться решения о сдаче Харькова.

В ночь на 15 февраля противник еще глубже вклинился в наши позиции в северо-западной и юго-восточной частях города. Танковому батальону дивизии «Райх» удалось ответным ударом остановить продвижение противника на северо-западном направлении. Вновь со стороны штаба корпуса последовало предупреждение о серьезности положения. До полуночи 15 февраля никакого решения не было принято.

В этот последний момент, в 12.50, командир корпуса приказал дивизии «Райх» оставить занимаемые позиции и с боями двигаться к Уде. При поддержке танков удалось в последний момент вывести войска из Харькова. В 13 часов об этом решении было доложено в штаб армейской группы «Ланц» и сообщено для сведения в штаб корпуса Рауса. На это в 16.30 последовал новый приказ штаба армейской груп-

пы «Ланц», предписывающий продолжать оборону города во что бы то ни стало. Приказ пришел слишком поздно. Но при этом все еще была возможность выстроить укороченную линию обороны, для которой бы хватило имеющихся сил. 16 февраля передовые части дивизии «Райх» нанесли удар по городу».

Решение Хауссера в итоге было признано правильным и Манштейном, и Гитлером. Оборона Харькова в окружении, да еще двумя элитными танковыми дивизиями СС, вряд ли имела смысл в тех условиях. Даже если бы танковый корпус СС и смог бы удержать город и впоследствии к нему прорубили бы коридор, его ударная мощь была бы сильно ослаблена в оборонительных боях, и он вряд ли был бы готов для контрудара. Да у того же Манштейна не было других сил, чтобы остановить советское наступление. Контрудар, нанесенный силами одной ослабленной прежними оборонительными боями 4-й танковой армии вряд ли бы привел к успеху.

По этому поводу Хауссер совершенно справедливо заметил: «Какими силами тогда (в случае окружения двух дивизий СС и танкового корпуса Рауса в Харькове. — Б. С.) Манштейн смог бы вести свое наступление между Донцом и Днепром? 4-я танковая армия Гота тогда состояла бы в основном из XLVIII танкового корпуса. У нее за плечами было тяжелое отступление после деблокирующего удара на Сталинград. Кроме нее в распоряжении Манштейна находились — насколько я могу судить — свежая 15-я пехотная дивизия и, в лучшем случае, части 1-й танковой армии (дивизия СС «Викинг»). Главные силы 1-й танковой армии были брошены на Миус, куда вскоре должен был быть отведен и «Викинг». Бывший командир танкового корпуса СС допускал, что у Гитлера был замысел оставить эсэсовские дивизии вместе с дивизией «Великая Германия» в окружении в Харькове, чтобы сковать побольше советских войск, но это грозило новым Сталинградом. Хауссер справедливо заключил, что оставление Харькова привело к тому, что «сформированный из испытанных дивизий танковый корпус СС оказался свободен для того, чтобы наступлением от Краснограда на юг силами «Райха» и «Мертвой головы» пробить путь к армии Гота, в то время как

лейбштандарт удерживал линию обороны на правом фланге армейской группы «Кемпф» (ранее — «Ланц»). Эти бои были не из легких! Только после них Манштейн получил плацдарм для осуществления своего масштабного плана. Во время проведения этой операции корпус СС, причем в одиночку, снова взял Харьков».

Харьков, вероятно, удалось бы удержать и предотвратить его окружение, если бы в этот район вовремя прибыла бы дивизия «Тотенкопф» в полном составе. Однако в этом случае неизвестно, был ли бы последующий контрудар Манштейна столь эффективен, поскольку советские войска имели бы больше сил, чтобы отразить его, не будучи отвлечены на удержание Харькова, взятого частями 69-й и 3-й танковой армий.

Манштейн убедил фюрера, что в данный момент бессмысленно отбивать Харьков. Важнее остановить большое советское наступление южнее города. Армейскую группу Кемпфа, западнее Харькова, могли взять в клещи советские 3-я танковая и 1-я гвардейская армии и фронтовая подвижная группа Попова, наступающие к Днепру.

Группа М. М. Попова обошла группу армий «Юг» у Славянска и быстро двигалась к Павлограду и Новомосковску. Разведывательные подразделения вышли к Днепропетровску и Запорожью. Войск под рукой у Манштейна почти не было. К Новомосковску, восточная половина которого была уже захвачена советскими авангардами, была брошена из Днепропетровска группа генерала Штайнбауэра, сформированная из отпускников и отдельных подразделений на базе штаба 52-го пехотного полка. 15-я пехотная дивизия, выгрузившаяся в Днепропетровске, направила полковую группу для прикрытия Синельникова, которое, однако, не смогло удержать.

Левое крыло 6-й советской армии, частью сил противостоявшей лейбштандарту, перерезало дорогу Красноград — Новомосковск. Хауссер сосредоточил дивизию «Райх» в районе Краснограда. 19 февраля она должна была ударить на юг, навстречу левому крылу лейбштандарта, наступавшему на север. Во 2-м танковом полку «Райх», уже потерявшем половину танков, остался лишь один батальон под командовани-

ем штурмбаннфюрера Тихзена. Второй батальон штурмбаннфюрера фон Райценштайна был отправлен в Киев для пополнения.

К 19 февраля 1943 года в ходе операции «Скачок», имевшей целью освобождение Донбасса, войска Юго-Западного фронта вышли на следующие рубежи. 6-я армия, занимавшая фронт в 200 км, достигла линии Змиев — Красноград — Новомосковск — Павлоград; 1-я гвардейская армия на фронте в 60 км занимала линию Павлоград — Славянск; подвижная группа фронта под командованием генерала М.М. Попова достигла линии Славянск — Краматорская — Красноармейское протяженностью 80 км.

Еще 17 февраля в полосе 6-й армии в прорыв были введены 1-й гвардейский танковый корпус, наступавший на Днепропетровск, и 25-й танковый корпус, целью которого было Запорожье. Планировалось и дальнейшее развитие успеха. Танковые соединения 6-й армии и группы Попова должны были наступать к Жданову, чтобы окружить в Донбассе группу армий «Юг». 19 февраля 25-й танковый корпус взял Синельниково, перерезав главную коммуникацию группы армий «Юг». Его передовая бригада находилась всего в 60 км северо-восточнее Запорожья. Группа Попова, отражая контратаки немецкого XL танкового корпуса, продвигалась южнее Красноармейска.

К тому времени две дивизии танкового корпуса СС угрожали правому флангу 6-й армии, а заканчивающий сосредоточение в районе Гуляйполя XLVIII танковый корпус угрожал левому флангу 6-й армии и вошедшим в прорыв танковым корпусам.

LVII танковый корпус, располагавшийся восточнее XLVIII танкового корпуса, должен был ударить на север по 1-й гвардейской танковой армии.

III и XL танковые корпуса немецкой 1-й танковой армии, в свою очередь, должны были сходящимися ударами на Славянск окружить и уничтожить подвижную группу Попова. XL танковый корпус Манштейн вынужден был ввести в дело еще 10 февраля, чтобы локализовать прорыв 4-го гвардейского танкового корпуса в районе Красноармейского.

После оставления Харькова обстановка виделась Хауссеру следующим образом: «Советские войска большими танковыми силами генерала Попова у Славянска обошли с фланга группу армий «Дон». Попов стремительно двигался через Павлоград к берегам Днепра. Его разведка уже достигла Днепропетровска и Запорожья. Здесь почти не было наших боевых частей. Собранная из отпускников и остатков разбитых частей группа генерал-лейтенанта Герхарда Штайнбауэра смогла занять район западнее Новомосковска, прикрывая Днепропетровск с севера. 15-я пехотная дивизия была переброшена в Днепропетровск и обеспечивала прикрытие города с востока.

Южная группировка 6-й советской армии, значительные силы которой стояли перед фронтом «Лейбштандарта Адольф Гитлер», начала окружение танкового корпуса с юга и уже пересекла передовыми колоннами нескольких дивизий шоссе Новомосковск — Красноград. Обстановка требовала принятия незамедлительных мер по спасению группы армий «Дон».

После ухода из Харькова обе дивизии СС снова были приведены в боевую готовность. Дивизия «Райх» сосредоточилась у Краснограда. 19 февраля она выступила для нанесения решающего удара в южном направлении. Наступление поддерживалось из района северо-восточнее Краснограда местными атаками лейбштандарта против наступавшего с востока неприятеля. Лейбштандарт после постепенного отвода своего левого фланга закрепился на новой линии обороны рядом с корпусом Рауса. Войска смогли облегченно вздохнуть. Наконец-то дни отступления были позади и пришел час ответной атаки. Серьезность положения и решающее значение предстоящей битвы были ясны каждому солдату.

Атака началась с рассветом. Дивизия СС из своих исходных районов наступала тремя группами. Первой задачей был разгром ударной группировки противника, готовившейся к наступлению восточнее Краснограда. Это был жестокий бой; сначала атака развивалась с трудом. Основное препятствие — приток Орель на юге — было преодолено ближе к вечеру. Атака была продолжена ночью под личным руководством командира 3-го моторизованного полка «Дойчланд» штандар-

тенфюрера СС Хайнца Хармеля, и в тяжелом ночном сражении против обескураженного врага столь важный плацдарм был захвачен. Радиограмма фюрера лишь подчеркнула важность этого момента. Но натиск войск и без этого уже невозможно было остановить. Острие танкового клина двигалось в ночи на юг. Удар за ударом наносился по флангам двигавшихся на запад вражеских колонн. Одна группа преследования сменялась другой до тех пор, пока 20 февраля в 14 часов передовые части СС не достигли Новомосковска и не соединились с группой Штейнбауэра».

Еще 17 февраля Манштейн доложил Гитлеру, который опять прилетел в Запорожье, план контрудара. Танковый корпус СС должен был наступать из района Краснограда на юго-восток в общем направлении на Павлоград. Здесь ему на помощь должна была прийти прибывающая в этот район 4-я танковая армия. Они вместе должны были разбить советские войска, атакующие группы Ланца и 1-ю танковую армию. После этого предполагалось нанести удар в районе Харькова и опять захватить вторую столицу Украины.

Тем временем 18 февраля советская 267-я стрелковая дивизия появилась к югу от Краснограда, а 35-я гвардейская стрелковая дивизия заняла Павлоград, который находившаяся там итальянская дивизия сдала без сопротивления. В этот же день танковая дивизия СС «Тотенкамф» выгрузилась в Киеве, но ее продвижение к Полтаве было затруднено распутицей. Гитлер одобрил решение Манштейна бросить на Павлоград дивизию «Райх». Лейбштандарт же должен был обороняться южнее Харькова.

19 февраля советские войска заняли станцию Синельниково в 60 км от Запорожья. Вечером того же дня Гитлер покинул город.

В этот день Манштейн издал приказ 4-й танковой армии начать наступление к рубежу Перещепино — Павлоград — Гришино. 21 февраля она заняла Павлоград. Советская группировка, наступавшая к Днепру, была разбита. Манштейн оценивал ее силу в два танковых, один стрелковый и один кавалерийский корпус. Затем во взаимодействии с 1-й танковой армией была разбита советская группировка, стоявшая

перед фронтом этой армии. Манштейн полагал, что она не считывала четыре танковых и механизированных корпуса. Ко 2 марта сражение закончилось.

Авиаразведка Юго-Западного фронта обнаружила проводимую Манштейном перегруппировку, но командование фронта расценило ее как намерение противника начать отвод основных соединений группы армий «Юг» за Днепр, а для прикрытия ее отхода бросить навстречу наступающим советским войскам танковые дивизии. Ставка согласилась с Ватутиным и санкционировала операцию по разгрому донбасской группировки противника и выходу к Днепру.

Поскольку начавший наступление 19 февраля ударом от Полтавы «Райх» уже 20 февраля захватил Новомосковск на реке Самаре, а на следующий день лейбштандарт подошел к Павлограду, наступающие советские части попали в ловушку к югу от Самары. Под удар попал 4-й стрелковый корпус 6-й армии. Его дивизии оказали ожесточенное сопротивление, и противнику не удалось прорвать фронт корпуса. Но тому пришлось отойти в район севернее Павлограда.

Командующий Юго-Западным фронтом генерал Н. Ф. Ватутин все еще думал, что контрудар танкового корпуса СС — это всего лишь попытка прикрыть отход основных сил группы армий «Юг» за Днепр, и приказал продолжать наступление. Это был роковой просчет. Еще было время, остановив наступление, бросить рвущиеся к Днепру танковые корпуса на отражение вражеского контрудара и предотвратить надвигающуюся катастрофу. В ночь на 21 февраля командующий подвижной группой М. М. Попов, в отличие от командующего фронтом, оценивавший сложившееся как весьма серьезное, попросил разрешить отвести корпуса на рубеж 40—50 км севернее Красноармейского, но получил отказ, причем в штабе фронта подчеркнули, что «это противоречит возложенной на группу задаче».

21 февраля 4-й гвардейский, 10-й и 18-й танковые корпуса подвижной группы Попова, у которой к тому времени в строю оставалось только 40 танков, отражая контратаки немецкого XL танкового корпуса, продолжали наступление к югу от Красноармейского. 25-й танковый корпус подошел к

Запорожью, а 1-й гвардейский танковый корпус — к Днепропетровску.

22 февраля начался следующий этап немецкого контрнаступления. XLVIII танковый корпус от Гуляйполя ударил на Павлоград, LVII танковый корпус начал наступление против 1-й гвардейской армии. Одновременно после мощной артподготовки XL корпус 1-й немецкой танковой армии нанес удар от Селидово на Барвенково, а III танковый корпус — на Славянск, создавая угрозу окружения подвижной группы Попова.

В результате 1-му гвардейскому танковому корпусу пришлось отойти восточнее Павлограда. Многие части 6-й армии попали в окружение и были уничтожены. Также и основные силы группы Попова были уничтожены соединениями XL танкового корпуса, в который входили 7-я и 11-я танковые дивизии, дивизия СС «Викинг» и 333-я пехотная дивизия.

После того как 23 февраля XLVIII танковый и танковый корпус СС соединились в Павлограде, 25-й танковый корпус и находившаяся всего в 25 км севернее Запорожья 106-я отдельная стрелковая бригада, достигшая юго-восточной окраины Днепропетровска, оказались отрезаны от основных сил 6-й армии, от которых они оторвались почти на 100 км.

23 февраля Ватутин доложил в Ставку, что танковые корпуса немцев прорвались в районе действия 6-й армии и подвижной группы Попова. Но лишь 25 февраля ему было разрешено отвести правое крыло фронта на рубеж Северского Донца.

В этот день Манштейн уже послал обе свои танковые армии на север для подготовки наступления на Харьков. 1-я танковая армия должна была занять Петровское и Изюм и отрезать окруженным советским войскам пути отхода через Донец, а 4-й танковой армии предстояло наступать на Лозовую и далее по железной дороге к Харькову.

27 февраля 3-я танковая армия Воронежского фронта нанесла контрудар во фланг танкового корпуса СС, наступавшего против 6-й армии. Были взяты села Варваровка и Кегичевка к востоку от Краснограда. Однако вскоре 20 танков 12-го танкового корпуса и 19 танков 15-го танкового корпуса

встали из-за отсутствия горючего и сами оказались в «котле». Фронт окружения не был плотным, но отступавшие по равнинной местности советские части несли тяжелые потери от авиации и танков противника.

25-й танковый корпус был уничтожен практически полностью. Больше повезло 106-й отдельной стрелковой бригаде. Она смогла, уклоняясь от столкновений с противником, пройти Перещепино, Сахновщину, Краснопольское, Кочичевку, Алексеевское, двигаясь вслед за наступающими немецкими дивизиями, и в марте прорвалась через линию фронта южнее Чугуева почти без потерь. Из окружения вышло 5627 человек, что практически соответствовало штатному составу бригады. Из этого числа раненых было только 127, это говорит о том, что, как во время движения к Днепру, так и во время выхода из окружения, бригада почти не имела боев. Ей также удалось полностью сохранить артиллерию и технику.

Тем временем немецкий XL танковый корпус уничтожил все танки 18-го танкового корпуса из группы Попова, прорвавшиеся к Селидово, и оттеснил корпус обратно в район южнее Красноармейского. В самом городе оборонялся 4-й гвардейский танковый корпус, в то время как 10-й танковый корпус сражался к западу от Красноармейского.

Глубокий снежный покров заставлял танки действовать только по основным дорогам, что затрудняло выход из окружения советских танковых подразделений.

3-й танковый корпус, будучи сменен в Краматорске 57-й гвардейской стрелковой дивизией, направился к Красноармейску. 23 февраля у Андреевки его остановил XL танковый корпус, поддержанный пикирующими бомбардировщиками. 4-й гвардейский, 10-й и 18-й танковые корпуса отошли от Красноармейска в направлении Северского Донца и 26 февраля заняли оборону рядом с 3-м танковым корпусом.

В это время 52-я и 57-я гвардейские стрелковые дивизии оборонялись, соответственно, в Славянске и Краматорске против немецкого 3-го танкового корпуса.

27 февраля подвижная группа Попова наконец получила разрешение на отход к Северскому Донцу. Ставка вынуждена была расстаться с мечтами о скором броске к Днепру. Но от-

ход слишком запоздал, и отходившие на Барвенково танковые корпуса оставили неприятелю почти всю бронетехнику.

57-я гвардейская стрелковая дивизия в 18 часов 28 февраля оставила Краматорск и к 1 марта заняла оборонительные позиции в Славянске, но долго здесь не задержалась. В ночь на 3 марта, чтобы избежать окружения, дивизия переправилась через Северский Донец и заняла оборону в районе Красного Лимана.

Немцы попытались форсировать Северский Донец, чтобы обойти Харьков с востока и взять город в кольцо. Однако 28 февраля в р-не Балаклеи XLVIII танковый корпус постигла неудача при попытке переправиться через Донец и развить наступление на Купянск. До 10 марта здесь успешно оборонялись дивизии 1-го гвардейского кавалерийского корпуса. Обороняющимся помогло то, что лед на Донце растаял и через реку нельзя было перебросить бронетехнику. После этой неудачи Манштейн стал рассматривать наступление XLVIII корпуса только как отвлекающий удар, перенеся главный удар в полосу наступления танкового корпуса СС.

Дивизия «Райх» 26 февраля заняла Лозовую после ожесточенных уличных боев. 28 февраля 17-я танковая дивизия взяла Петровское.

К 4 марта 6-я и 1-я гвардейские армии и подвижная группа Попова отошли за Северский Донец, заняв рубеж Балаклеи — Красный Лиман и удерживая небольшой плацдарм в изгибе Донца, южнее Балаклеи. Советские войска были ослаблены боями в окружении и не успели создать прочную оборону. Они испытывали нехватку горючего и боеприпасов.

Тем временем немецкий LVII танковый корпус и 17-я танковая дивизия XLVIII танкового корпуса заняли оборону на южном берегу Северского Донца.

Советские силы, столкнувшиеся с ними, были теперь с малыми запасами топлива и других поставок, хотя их пехотные части в некоторых секторах держались стойко. Теперь немецкая 4-я танковая армия Гота наступала на Харьков, а 1-я танковая армия фон Макензена — к Донцу.

Вот как происходил первый этап контрнаступления танкового корпуса СС, согласно данным, содержащимся в кор-

пусном и дивизионном журналах боевых действий и в послевоенных воспоминаниях офицеров корпуса.

17 февраля Хауссер на «Физелер Шторхе» посетил боевую группу лейбштандарта, достигшую Тарановки. Затем он полетел на командный пункт армейской группы Ланца. Здесь Хауссеру было приказано отвести корпус за Мжу, чтобы подготовиться к задуманному Манштейном контрудару. Тем временем дивизия «Тотенкопф» наконец собралась в полном составе.

18 февраля из штаба Ланца был получен следующий приказ: «19 февраля не позднее 9 часов танковый корпус СС покидает сектор Краснограда с усиленной дивизией «Райх», следуя в южном направлении через Перещепино и Новомосковск. Цель дня — Перещепино. Бронепоезд 62 будет ей придан, он прибудет на вокзал Краснограда в 18 часов и будет действовать вдоль дороги, ведущей в Перещепино. Приказ о продолжении атаки к востоку последует». Дивизия «Райх» должна была соединиться с 4-й танковой армией, чтобы отсечь советские соединения, прорвавшиеся к Днепру.

19 февраля началось давно ожидаемое наступление. В этот день советская 6-я стрелковая дивизия должна была взять Красноград, но эсэсовцы ее опередили. В пять часов утра усиленный полк «Дойчланд» оберштурмбаннфюрера Хайнца Хармеля атаковал с плацдарма Наталино в южном направлении. 1-я ударная группа в составе усиленного 1-го мотопехотного батальона, большей части танков и штурмовых орудий «Райха», а также 14-й зенитной роты двигалась на Отраду. 2-я ударная группа, включающая 2-й батальон, защищала фланг 1-й группы от атак с востока. 3-й батальон действовал во втором эшелоне вслед за 1-м батальоном.

Командир 16-й саперной роты «Дойчланда» оберштурмфюрер Хайнц Махер вспоминал:

«Погода была на редкость хреновая, туман, мокрый снег, пронизывающий и влажный холод... В ротах осталось по 50—60 человек... Люди верили, что это будет решающий день, который вернет успех немецкому оружию.

Командир полка Хармель постоянно рискует жизнью, поэтому сформирована команда прикрытия для постоянно-

го его сопровождения. Она включает: три самоходных зенитных пулемета из 14-й роты, группу мотоциклистов из 15-й роты и ударную группу из 16-й роты.

Противник поливает полк из минометов и пулеметов. Гренадеры вынуждены искать укрытия. Мы несем первые потери. Раненых перевязывают индивидуальными перевязочными пакетами. Эвакуироваться никто не хочет...

Туман давит свинцом. Местность мягко понижается в направлении противника. Пронизывающий ветер дует с юго-востока нам в лицо. Каждый шаг стоит усилий. Люди погрузили свои ящики с боеприпасами, пулеметы и тяжелые минометы на сани, сделанные еще во Франции...

Саперы, отправляющиеся искать мины, держат штыки в руках. Батареи миноискателей уже давно разрядились. Эти люди не имеют права на ошибку: Одно неверное движение, и они взлетят на воздух. Они должны верить в себя. Саперы прощупывают снег руками и отодвигают замерзшие мины штыками. Они заняты этой работой уже некоторое время и уже собрали и уничтожили 30 мин. Проход в минометном заграждении открыт.

Командир полка ждал этого мгновения. Он поднимает руку: «Вперед!» — и атака начинается. Полк приходит в движение, поначалу неуверенно. Командир стоит в башне своей разведывательной машины. Он отдает приказы, делая знаки рукой. Враг отброшен с передовых позиций. Гренадеры 1-го батальона сидят на броне танков и штурмовых орудий. Слева и справа выдвигаются 20-мм зенитки... Танки и штурмовые орудия открывают огонь по выявленным целям, и атака продолжается, первые вражеские колонны, отступающие на восток, сломлены и разбиты. Мы все быстрее продвигаемся среди врагов, объятых паникой».

К полудню эсэсовцы достигли линии Абазовка — перекресток в 12 километрах к юго-востоку от Краснограда — Берека. В 17 часов батальоны Хайнца Хармеля взяли Отраду. Вечером несколько танков под командованием гауптштурмфюрера СС Тихзена вместе с 3-м батальоном полка «Дойчланд» вышли на дорогу, ведущую в Перещепино. Танковый батальон Тихзена тогда имел 56 танков, в том числе 33 Т-III,

7 Т-IV и один Т-VI. Имелся еще дивизион из 15 75-мм штурмовых орудий. На следующий день полк «Дойчланд» продвинулся еще глубже во фланг 6-й советской армии.

Полк «Фюрер», один батальон которого с 23 января по 7 марта 1943 года сражался в районе Ворошиловграда, во второй половине дня 19 февраля присоединился к наступлению, чтобы достичь Перещепина на рассвете следующего дня. Ночью 3-й батальон полка «Дойчланд» форсировал реку Орель и захватил Перещепино. Эта молниеносная атака, проведенная танками и штурмовыми орудиями, на которых разместились бойцы батальона, при огневой поддержке 20-миллиметровых зенитных полугусеничных орудий 14-й роты полка «Дойчланд», оказалась внезапной для обороняющихся советских частей, не располагавших танками и противотанковыми орудиями. Батальонный командир, штурмбаннфюрер СС Гюнтер Эбергард Вислицени, в самом конце войны, уже после смерти Гитлера, ставший единственным в полку «Дойчланд» кавалером Рыцарского креста с дубовыми листьями и мечами, так вспоминал об этом бое:

«3-й батальон, имея впереди все приданные ему танки, на которые взобрались пехотинцы сопровождения, движется вперед в светлой зимней ночи и пересекает русские линии безединого выстрела. Русские часовые приняли нас за своих. Мост в Перещепино охраняется двумя часовыми. Они пропускают нас, не останавливая. Достигнув другого берега, мы уничтожаем обоих часовых. Внезапно нас обстреливают из Перещепино, которое мы берем после короткого боя. Оберштурмбаннфюрер Хармель хочет тотчас начать преследование. Однако я добиваюсь передышки для пополнения горючего и боеприпасов. Одна рота остается для прикрытия моста в Перещепино, Хармель тоже остается там вместе со своим эскортом. Остальная часть батальона продолжает ночью двигаться вперед. На рассвете энергичная атака позволяет захватить Дмитриевку, там мы ожидаем полка «Фюрер». Для меня ночная атака на Перещепино была одной из самых дерзких за всю войну».

После взятия Перещепина дивизия «Райх» получила

приказ выдвинуть на Новомосковск один батальон, усиленный артиллерией, танками и штурмовыми орудиями.

В 5 часов утра 20 февраля полк «Фюрер» обогнал полк «Дойчланд», чтобы продолжать наступление на юг. 3-й батальон «Фюрера» перерезал пути снабжения советской 6-й армии. При поддержке пикирующих бомбардировщиков танковые подразделения в 6 часов 35 минут захватывают Губиниху, затем, после ожесточенных боев, в 11 часов берут Марьяновку и Николаевку и в 14 часов соединяются в Новомосковске с группой Штайнбауэра. Это продвижение было облегчено постоянной поддержкой атак пикирующих бомбардировщиков, которые причинили советским войскам тяжелые потери. Во второй половине дня советские войска предприняли контратаку из района Андреевки на позиции 2-го батальона полка «Дойчланд», отбитую при поддержке артиллерии. При отступлении советские части бросили несколько орудий.

За два дня дивизия «Райх» прошла с боями 90 километров от Краснограда до Новомосковска. Штаб корпуса СС доносил: «В результате ожесточенных боев, частично в ночное время, 19 и 20 февраля, дивизия «Райх» продвинулась на 90 километров вдоль дороги Красноград, Перещепино, Новомосковск и установила контакт с нашими войсками у Новомосковска. Дивизия «Лейбштандарт» разбила врага перед своим правым крылом и держит линию Ворошилово (в 25 километрах к востоку от Краснограда), Парасковея, высоты к западу от Тарановки, станция Борки».

На 20 февраля дивизии корпуса, включая только что прибывшую в полном составе дивизию «Тотенкопф», получили следующие задачи:

«1) Дивизия «Райх» располагается своими боевыми частями на захваченном ею плацдарме в Новомосковске и удерживает его. Усиленной полковой группой полка «Фюрер» она начнет наступление с плацдарма 21 февраля для захвата Павлограда. Необходимо оставить полковую группу в районе Перещепино (исключительно), Дмитриевка, Губиниха (включительно), с задачей обеспечить прикрытие с востока. Части прикрытия останутся на линии Перещепино, Отрада, Крас-

ноград для защиты шоссе. По прибытии первых подразделений дивизии «Тотенкопф» они присоединяются к ним.

2) Дивизия «Тотенкопф» собирается 21 февраля в районе Перещепино (включительно), Красноград (включительно). Первые подразделения, прибывшие на линию, сменяют дивизию «Райх».

3) КП корпуса будет находиться в Краснограде».

Тем временем один из батальонов «Райха» был атакован двумя советскими батальонами, и ему пришлось отступить к Губинихе. Разведбат дивизии углубился на 60 километров в советские позиции в лесах к востоку от Новомосковска.

21 февраля дивизии «Райх» и «Тотенкопф» вместе со штабом танкового корпуса СС переходят в подчинение 4-й танковой армии Германа Гота. Лейбштандарт же был оставлен в армейской группе Кемпфа.

22 февраля дивизия «Райх» должна была выдвинуться к югу и юго-западу и уничтожить противника к востоку и северо-востоку от Синельниково. Дивизия «Тотенкопф» должна была наступать к переправам через Самару севернее Павлограда. Пока полк «Фюрер» оборонялся к северу и востоку от Павлограда, подразделения мотоциклетно-стрелкового батальона дивизии «Райх» днем установили связь с дивизией СС «Викинг», сражающейся южнее в составе XLVIII танкового корпуса. Значительная часть 6-й советской армии оказалась в окружении.

22 февраля, около полудня, полк «Дойчланд» с приданными танками атаковал в южном направлении и в 14.30 взял деревню Зайцево. В 14.42 танки «Райха» соединились в Синельникове с 15-й пехотной дивизией. Атака была поддержана 77-й эскадрой пикирующих бомбардировщиков.

23 февраля штаб 4-й танковой армии приказал танковому корпусу СС «продолжать силами дивизии «Тотенкопф» атаку к северу от Самары, чтобы освободить переходы у Павлограда». Фельдмаршал фон Манштейн пишет: «Прошедшие дни принесли ожидаемые успехи контратаке 4-й танковой армии и, наконец, новый переход инициативы на немецкую сторону в этой кампании. Армия уничтожила вражеские силы, продвигавшиеся к переправам через Днепр, то есть враже-

скую группировку вокруг и к югу от Павлограда. То, что Гитлер не хотел учитывать, подтверждается. Здесь идет речь о двух танковых, одном пехотном и одном кавалерийском корпусах противника».

В тот же день, 23 февраля, в дождь и туман, полк «Фюрер» отбил атаку с северо-востока, направленную на Павлоград, и занял лес северо-западнее города. Дивизия «Тотенкопф» переходит в атаку в 1 час ночи и берет Всесвятское в 5 часов утра. Атакующие части медленно продвигались на Вязовку, уничтожив семь танков Т-34, и вечером овладели северо-западной окраиной местечка.

Полковая группа Хайнца Хармеля производила зачистку к востоку от железнодорожного пути и шоссейной дороги Синельниково — Павлоград и уничтожила советский стрелковый полк. Мотопехотный батальон дивизии «Райх» делал то же самое к северу от шоссе Новомосковск — Павлоград. В конце дня полковая группа «Дойчланд» вступила в бой с двумя советскими полками у Марьевки. Советские войска, окруженные к югу от дороги Новомосковск — Павлоград, были атакованы немецкой 15-й пехотной дивизией. А дивизия «Тотенкопф» получила задание прорвать у Вербок оборону противника, захватить Орельку и перекресток к югу от нее, чтобы затем атаковать в направлении Лозовой.

Ночью 24 февраля к северо-западу от Павлограда 16-й роте унтерштурмфюрера Махера из полка «Дойчланд» пришлось отбивать контратаку советской пехоты и танков. На помощь саперам пришли истребители танков из 2-го батальона полка «Фюрер». Их 88-мм зенитные орудия уничтожили четыре танка Т-34.

Полк «Фюрер» атаковал Вербки и с помощью пикирующих бомбардировщиков около 14 часов сломил упорное сопротивление противника и овладел северной и восточной окраинами села. Дивизия «Тотенкопф» подавила сопротивление советских войск к северу и в 13 часов 45 минут овладела Вязовкой. Авангарды «Райха» и «Тотенкопфа» соединились в Вербках. Оберштурмбаннфюрер Отто Кумм из «Райха» так описал это событие: «Передовые роты подверглись танковому обстрелу с высоты на расстоянии около 500 метров. К сво-

ему удивлению, мы понимаем, что это свои. Вскоре нам удастся опознать друг друга. Это танковый авангард дивизии «Тотенкопф». Таким образом мы соединились с частями танкового корпуса СС, наступающими с северо-востока. К счастью, наш полк «Фюрер» не понес потерь».

В донесении штаба танкового корпуса СС так говорилось о первых итогах контрудара: «Населенный пункт Орелька в излучине реки Орель был также взят разведывательным батальоном дивизии «Тотенкопф», подошедшим с запада вдоль Ореля и обеспечившим прикрытие корпуса с северного фланга. Кроме того, это растяжение левого крыла особенно благоприятно для продолжения атаки к северо-востоку.

Тот факт, что продвигающиеся передовые части врага были отрезаны, ни в коем случае не делает его неспособным к новым атакам. Основная часть советской 1-й гвардейской армии еще в пути; враг, похоже, считает, что обороняющийся, внезапно перешедший в наступление должен скоро выдохнуться.

Он привлек новые силы против фронта лейбштандарта. Части группы Попова уже блокированы 1-й немецкой танковой армией, действующей справа от корпуса СС. В то же время пять танковых корпусов противника все еще находятся на марше к юго-западу против 4-й танковой армии.

Потепление, наступившее примерно после 20 февраля, благоприятствует наступательной операции. Речь идет о том, чтобы не дать ускользнуть врагу, отступающему к северо-востоку, а остановить его и разгромить».

В приказе штаба корпуса № 6 от 24 февраля говорилось:

«1) Враг уничтожен к югу и к северу от сектора Самары, зажатый двумя дивизиями. Командующий армией выразил свою особую признательность. Надо рассчитывать на прибытие мощных вражеских сил с северо-востока. Отдельные танки замечены воздушной разведкой в секторе к северу от Вязовка.

2) 25 февраля на рассвете танковый корпус СС берет Лозовую и Панютино.

3) Будут введены в действие на рассвете: а) дивизия «Райх» из района вокруг Вербок своим основным составом через

Морозовский, Юрьевку, Жемчужное на Лозовую; б) дивизия СС «Тотенкопф» из района вокруг Орельки на Панютино. Необходимо захватить подразделениями перекресток 177 (в 15 километрах к северу от Панютино)».

25 февраля, на рассвете, в 4 часа 30 минут дивизия «Райх» начала атаку на Лозовую. В помощь ей был брошен полк «Тулле» дивизии «Тотенкопф», передвигавшийся на мотоциклах и машинах-амфибиях.

В 8 часов 45 минут «Райх» овладел поселком Жемчужное. В 14 часов полк «Фюрер» достиг южных подступов к Лозовой, в то время как полк «Дойчланд» атаковал Веселое. С южных окраин Лозовой части советской 1-й гвардейской армии вели перестрелку с полком «Фюрер». Им удалось окружить 9-ю роту 3-го батальона этого полка, которой пришлось провести в окружении два дня. Только к вечеру 25 февраля немцам удалось захватить железнодорожный вокзал Лозовой.

Усиленный полк «Дойчланд» и мотоциклетно-стрелковый батальон «Райха» дошли до южной части Самойлова и атаковали противника к востоку от Веселого. Дивизия СС «Тотенкопф» атаковала силами своего 3-го пехотного полка СС восточнее Орельки, встретив ожесточенное сопротивление советских войск. В донесении дивизии «Тотенкопф» утверждалось, что за день она уничтожила 22 танка и 2 разведывательных броневедомства противника. Это число кажется сильно преувеличенным, даже если речь идет о поврежденных танках.

Ночью 26 февраля полк «Фюрер» и мотоциклетно-стрелковый батальон «Райха» медленно продвигались к центру Лозовой, встречая упорное сопротивление. 3-й батальон оказался в окружении в западной части города и держался только благодаря тому, что противостоявшие ему советские части подвергались постоянным атакам немецких пикирующих бомбардировщиков. В 16 часов «Райх» перерезал железнодорожный путь, ведущий на северо-запад, но советские войска продолжали сопротивляться в районе новых заводов на северо-западной окраине Лозовой. К тому времени в дивизии «Райх» осталось только 14 танков Т-III, 5 танков Т-IV, 3 командирских танка и 16 штурмовых орудий. 24 и 25 февраля

дивизия уничтожила 16 советских танков. Весь день она вела ожесточенные уличные бои. Вечером, в 19 часов, советские войска контратаковали, но вынуждены были отступить, потеряв 6 танков Т-34 и 20 орудий.

Дивизия «Тотенкопф» продолжала наступление на север силами 3-го танкового полка СС, но вскоре стало известно о гибели командира дивизии Теодора Эйке. Его самолет был сбит в километре к юго-востоку от Артельного. Бригадефюрер СС Макс Зимон был немедленно назначен новым командиром «Тотенкопфа». Только 27 февраля тело Эйке удалось доставить в расположение дивизии.

27 февраля после удара пикирующих бомбардировщиков по северо-восточной части Лозовой полк «Дойчланд» в 8 часов начал атаку к востоку от Лозовой, в то время как мотоциклетно-стрелковый батальон в 10 часов атаковал северо-восточную окраину города. Эсэсовцам удалось захватить Веселое и часть железнодорожного пути возле черепичного завода. Советские войска отступили на северо-восток, преследуемые 1-м батальоном и 16-й саперной ротой полка «Дойчланд». В то же время полк «Фюрер» проводил зачистку Лозовой. Дивизия «Тотенкопф» захватила Царедаровку и Панютино.

28 февраля началась оттепель, и преследование советских войск замедлилось. Полк «Дойчланд» занял Николаевку, Благореченское, Ново-Бунаково и Отрадово. Полк «Фюрер» в районе Раздолья вел бой с советской пехотой и танками и занял село к 17 часам. Затем полк возобновляет свое продвижение на север.

Вечером 28 февраля командование 4-й танковой армии докладывало Манштейну: «По истечении недели тяжелых наступательных боев против сильного и весьма решительного врага части 4-й танковой армии не только способствовали устранению угрозы, тылу группы армий, но и захватили район глубиной 120 и 100 километров шириной. 25-й русский танковый корпус с тремя танковыми и одной моторизованной бригадами, 35-я гвардейская дивизия, 41-я гвардейская дивизия, 244-я и 267-я стрелковые дивизии и 106-я стрелковая бригада были жестоко потрепаны, некоторые из их под-

разделений уничтожены... В период с 21 по 28 февраля были захвачены или уничтожены: 156 танков, 24 разведывательные бронемшины, 178 артиллерийских орудий, 284 противотанковые пушки, 40 зенитных орудий. Захвачено 4643 пленных и найдено около 11 000 трупов врага...»

В это время лейбштандарт оборонялся на широком фронте, нанося тяжелые потери наступающим советским войскам, и не допустил их прорыва к Полтаве. 28 февраля атаке подверглось правое крыло дивизии. Советское командование перебросило сюда два танковых корпуса и три стрелковые дивизии 3-й танковой армии из района Люботин — Валки. Однако атака успеха не имела.

Остальные дивизии корпуса СС продолжили 1 марта наступление в северо-западном направлении, стремясь овладеть высотами к востоку от линии Берека — Ефремовка. 4-я танковая армия пыталась своим правым крылом достичь Донца, тогда как танковый корпус СС должен захватить высоты у Ефремовки и установить связь с лейбштандартом.

1 марта, несмотря на почти непрерывный дождь, дивизия «Райх» к вечеру заняла высоты к северо-западу от Береки. Полк «Фюрер» прорвался в Ефремовку.

Ночью 2 марта три ударные группы «Райха» при поддержке штурмовых орудий атаковали это село, уничтожив 13 советских танков, и полностью захватили Ефремовку к 10 часам утра. С помощью дивизии «Тотенкопф» дивизия «Райх», повернув на запад, уничтожила советские части, действовавшие против лейбштандарта. В полночь 3 марта лейбштандарт был вновь включен в состав танкового корпуса СС.

Пауль Хауссер в мемуарах так подвел итоги этому этапу контрнаступления: «Армия хотела достичь Донца своим правым крылом, в то время как корпус СС должен был восстановить связь с правым крылом армейской группы Кемпфа. Атака продолжалась 1 и 2 марта. Мы смогли установить результат этой атаки: недавно прибывшие советские силы продвинулись в брешь между атакующим танковым корпусом СС и оборонительным фронтом «Лейбштандарта Адольф Гитлер». Таким образом, правое крыло дивизии «Тотенкопф» было обойдено. Противник попытался освободиться из окруже-

ния к юго-востоку и северо-востоку. Напрасно! Основная часть этих войск была опрокинута дивизией «Тотенкопф» при поддержке подразделений дивизий «Райх» и лейбштандарта и разгромлена вокруг Еремеевки в ходе трехдневных боев. Эскадрильи штурмовой авиации, сопровождавшие атаку дивизии, добились большого успеха. Несколько вражеских частей прорвались и создали угрозу нашим тылам. Они были уничтожены».

Ночью 3 марта метель намела высокие сугробы, которые мешают движению. На колеса приходится надевать цепи.

На рассвете 3 марта советские силы попытались вырваться из окружения в северном направлении. Их численность, по немецким оценкам, превышала 100 000 человек. Дивизии СС в то время испытывали трудности со снабжением. Уже несколько дней солдаты не получали горячей пищи. Советский авангард силами примерно двух полков атаковал подразделения полка «Фюрер» дивизии «Райх» в Медведевке и мотоциклетно-стрелковый батальон той же дивизии в Лозовой. Однако атака была отбита, и окруженным пришлось отступать на юг и юго-восток. При отступлении они, в свою очередь, окружили 2-й батальон и часть 1-го батальона 1-го мотопехотного полка «Туле» к югу от Котляровки. На выручку пришел 3-й панцер-гренадерский батальон полка «Фюрер». Оба советских полка были отброшены к северу от завода «Ленинский». Было уничтожено 9 советских танков. Отступающие советские части также обстреляли обоз 3-го батальона полка «Туле» к югу от Лозовой.

Дивизия «Тотенкопф» формирует штурмовые группы, которые атакуют разрозненные советские колонны, пытающиеся выйти из «котла».

В ночь с 3 на 4 марта советские колонны, силой от роты до батальона, вместе с танками пересекли шоссе с обеих сторон от Ефремовки на север. Вскоре после полуночи в штаб танкового корпуса СС в Красном от дивизии «Райх» поступило следующее донесение: «Командующий 3-й русской танковой армией находится у Еремеевки, командир 15-го советского гвардейского танкового корпуса — к югу от Лозовой».

4 марта после тяжелого боя 2-й батальон полка «Фюрер»

и 1-й батальон полка «Дойчланд» при поддержке 4-го артиллерийского дивизиона и 1-й батареи 2-го зенитного дивизиона овладели селением Охочее. Было уничтожено четыре танка Т-34, и 29 советских артиллерийских орудий становятся частью добычи дивизии «Дас Райх». 1-й батальон полка «Дойчланд» достиг начала района Берестовой.

В «котле» оказались 111, 184 и 219-я стрелковые дивизии, 15-й гвардейский танковый корпус со 113-й танковой бригадой, 52-я танковая бригада, части 12-го танкового и 6-го гвардейского кавалерийского корпусов, рассеянные вокруг Мионовки и Грушино.

У Еремеевки дивизия «Тотенкопф» закрыла «котел». Она уничтожила 24 танка. В районе Красного, Береки и Ефремовки подразделения штаба и обоза 1-го батальона полка «Дойчланд» сражались с советскими войсками, пытающимися прорваться. Охрана КП корпуса в Красном подбила один танк Т-34. Лейбштандарт своими правофланговыми частями захватил Станичное. Дивизия «Райх» вела тяжелый бой в районе Берестовой.

После недели непрерывных боев силы танкового корпуса СС заметно ослабли. Особенно это касалось дивизии «Райх», которая находилась на фронте с 30 января 1943 года. В лучшем положении находилась дивизия «Тотенкопф», вступившая в сражение 22 февраля.

5 марта эта дивизия закончила ликвидацию окруженных советских частей. Штаб танкового корпуса СС докладывал по этому поводу: «Дивизия СС «Тотенкопф» добилась выдающегося успеха, уничтожив окруженного врага. Она уничтожила или взяла в плен основную часть двух танковых корпусов и трех стрелковых дивизий. Трофеи очень значительны: 36 танков, 11 разведывательных бронемашин, 159 артиллерийских орудий, 32 миномета, 117 противотанковых винтовок, 70 пулеметов, 520 грузовиков, 352 конских упряжки. Было найдено 3000 неприятельских трупов».

Дивизия «Райх» зачистила северо-западный берег Берестовой и двигалась на советский опорный пункт Новая Водолага.

С разгромом 6-й советской армии и танковой группы По-

пова в советском фронте возникла брешь шириной в 200 километров. Теперь Манштейн решил наступать непосредственно на Харьков, рассчитывая уничтожить советские войска, находившиеся в этом районе.

Манштейн так подвел итоги первого этапа контрнаступления: «Вражеские армии Юго-Западного фронта были настолько сильно потрепаны, что они уже не были способны к наступлению. Особенно ослаб натиск частей противника, наступавших на левый фланг 1-й танковой армии и встык между нею и группой Кемпфа: 6-я армия противника, группа М. М. Попова, действовавшая у Гришино, и 1-я гвардейская армия. Можно было полагать, что мы уничтожили 25-й тк и три стрелковые дивизии, разгромили 3-й тк и 4-й гв. тк, 10-й тк, одну отдельную танковую бригаду, одну механизированную бригаду, одну стрелковую дивизию и одну лыжную бригаду. Значительные потери понесли 1-й гв. тк и 18-й тк, 6 стрелковых дивизий и 2 лыжные бригады.

По донесениям наших войск, противник в этой битве между Донцом и Днепром потерял 23 000 убитыми. Мы захватили 615 танков, 354 орудия, 69 зенитных орудий и большое количество пулеметов и минометов. Пленных же было мало — 9000. Это объясняется тем, что наши войска, в основном танковые дивизии, не в состоянии были создать плотное кольцо вокруг противника. Холод заставлял — особенно ночью — располагаться в населенных пунктах и вокруг них, так что для солдат противника и его частей, бросивших свои машины, было достаточно пространства для выхода из окружения. Но нам не удалось перерезать Донец в тылу противника, так как река все еще была скована льдом и ее легко преодолевали солдаты с легким оружием.

Кроме указанных соединений противника, нами были уничтожены окруженные за рубежом Миуса 4-й гв. мк и 7-й гв. кк».

Манштейн, безусловно, достиг оперативного успеха, но столь скромное число пленных явно свидетельствовало, что одержанная победа — далеко не реванш за Сталинград.

А вот как контрнаступление запомнилось Хауссеру: «21 февраля, после того как ночью был оборудован плацдарм,

атака была продолжена в восточном направлении, и около полудня наши войска подошли к Павлограду. 3-й моторизованный полк СС «Дойчланд» выдвинулся юго-западнее города, где в трехдневном сражении уничтожил сильного противника. Была установлена связь с 15-й пехотной дивизией. В тот же день руководство войсками на фронте южнее Самары было передано штабу 4-й танковой армии генерал-полковника Германа Гота, который между тем уже подтянул дополнительные силы с востока. 22 февраля был установлен контакт с XLVIII танковым корпусом генерала Отто фон Кнобельсдорфа.

Хотя ударом дивизии «Райх» из Краснограда на юг и удалось разбить передовую группировку двигавшегося на запад советского «клина», крупные силы противника все еще находились восточнее линии недавней атаки. Для уничтожения этой группировки и установления сообщения между лейбштандартом и армейской группой «Кемпф» северо-восточнее Краснограда срочно нужны были дополнительные силы. Тут как раз в состав танкового корпуса СС вошла наконец прибывшая на фронт дивизия «Мертвая голова» обергруппенфюрера Теодора Эйке, которая была высажена у Полтавы и сконцентрирована в районе Перещепино.

22 февраля дивизия выступила для атаки в юго-восточном направлении между Самарой и Орлом и уничтожила упорно оборонявшегося противника. Дивизия «Райх» между тем была развернута на север и, наступая на Павлоград, преодолела при массированной поддержке бомбардировщиков переправу через Самару и взяла Вебки. Здесь 24 февраля соединились передовые отряды обеих дивизий. Севернее левофланговая колонна дивизии «Мертвая голова» захватила Орелку и тем самым прикрыла открытый левый фланг...

20 февраля наступило потепление, дороги освободились от снежного покрова, что повысило мобильность моторизованных подразделений. Первый день наступления всей 4-й танковой армии в северном направлении привел к мощному прорыву и выходу атакующих частей на возвышенность у Лозовой. Атакующие дивизии прорывались ударными клиньями с сильным фланговым прикрытием по обходным доро-

гам... После полудня ударная группа дивизии «Райх» провралась на южную окраину Лозовой, а правая колонна — в Вессели.

Западнее наступала дивизия «Мертвая голова», в составе которой действовал усиленный танковый полк. Другие части двинулись в восточном и северо-восточном направлениях. При этом левый фланг все еще был под угрозой находящихся там советских войск. После получения данных радиоразведки советское командование отдало приказ к отступлению, сосредоточивая войска в районе Лозовой, куда они пробирались небольшими группами, подкрепленными танками. Другие неприятельские части в течение нескольких следующих дней отступили из района южнее Павлограда на север. Одно из этих соединений атаковало 28 февраля штаб корпуса в Юрьевке, другое — штаб 15-й пехотной дивизии в Орелке. Удар был сильным, и нужно было принимать решительные меры. Между передовыми отрядами дивизии «Мертвая голова» также все еще находились крупные силы противника. Особенно сильная оборонительная позиция противника была создана противником в районе Лозовой.

Задачей танкового корпуса СС было, во-первых, разгромить этот опорный пункт противника и, во-вторых, устранить угрозу с тыла и фланга дивизии «Мертвая голова». Первая задача была поставлена 26 февраля перед дивизией «Райх», вторая — перед дивизией «Мертвая голова» и 15-й пехотной дивизией. Последним двум дивизиям пришлось вступить в бой уже 25 февраля. Их сосед справа, XLVIII танковый корпус, должен был стремительным ударом на север перерезать стратегически важную дорогу на Изюм, чтобы предотвратить подход новых советских частей. Однако силы противника у Лозовой были уже настолько велики, что потребовалось использование всей дивизии «Райх». Только 27 февраля фронт был прорван и корпус достиг района шоссе Лозовая — Орелка. Организованное 28 февраля преследование позволило частям корпуса прорваться далеко на север. Первая задача была выполнена, ударная группа Попова разбита.

В эти дни дивизию «Мертвая голова» постигла тяжелая утрата. Самолет ее командира Эйке «Фузилер-Шторьх» при

выполнении разведывательного полета был сбит, и Эйке погиб (это произошло 26 февраля у селения Артельное. Эйке, кстати сказать, был одним из организаторов системы концлагерей в Германии. Ему также Зепп Дитрих приписывал убийство главы штурмовиков Эрнста Рема. — Б. С.). Он был душой дивизии!

Между тем лейбштандарт выполнил свою задачу. Его части постоянными атаками на различных участках фронта растянули советские силы и благодаря этому остановили вражеское наступление на Полтаву.

Начиная с 28 февраля перед правым флангом дивизии была отмечена перегруппировка сил противника. Из района юго-западнее Харькова против танкового корпуса СС были переброшены два танковых корпуса и три стрелковых дивизии 3-й советской танковой армии. Началась новая фаза нашего наступления. Теперь направление удара было повернуто на северо-запад. Цель атаки — высоты у Береки и Ефремовки, район, хорошо знакомый нам по февральским боям.

4-я танковая армия стремилась достичь своим правым флангом Донца, тогда как корпус СС должен был восстановить связь с правым флангом армейской группы «Кемпф», где находился лейбштандарт. Наступление было продолжено 1 и 2 марта. В результате этих боев стало ясно, что только что подтянутые советские войска были введены как раз между наступающим танковым корпусом СС и линией обороны лейбштандарта. На них был направлен удар правого фланга дивизии «Мертвая голова». Противник попытался с помощью сильных ударов в юго-восточном и северо-восточном направлении избежать окружения. Тщетно! В трехдневных кровопролитных боях у Ефремовки эти войска были уничтожены дивизией «Мертвая голова» при поддержке частей «Райха» и лейбштандарта. Успешно действовали поддерживавшие атаку эскадрильи штурмовиков. Некоторые сумевшие вырваться из «котла» советские части в течение нескольких дней вновь угрожали нашим частям с тыла. Они были уничтожены. Командир советского 15 гвардейского танкового корпуса был найден мертвым недалеко от командного пункта танкового корпуса СС (здесь Хауссер немного ошиб-

ся. Нумерация советских гвардейских танковых корпусов заканчивалась на 12. Здесь, несомненно, речь идет о генерал-майоре танковых войск, Герое Советского Союза Василии Алексеевиче Копцове, который командовал 15-м танковым корпусом 3-й танковой армии Воронежского фронта. 7-м гвардейским этот корпус стал только 27 июля 1943 года. Любопытно, что о командире учебного танкового батальона школы младшего комсостава 11-го механизированного корпуса в забайкальском поселке Песчанка капитане Василии Алексеевиче Копцове тепло написал в своих мемуарах Леонид Ильич Брежнев, который был курсантом этой школы: «С большим удовольствием до сих пор вспоминаю этого требовательного командира и душевного человека. Не могу сказать, что мы с ним стали друзьями (он был командир, я — курсант), но комбат относился ко мне хорошо, я тоже испытывал к нему уважение. По вечерам мы нередко говорили об армейской службе, о возможной войне. Впоследствии Василий Алексеевич Копцов участвовал в боях на Халхин-Голе, получил звание Героя Советского Союза, к Отечественной войне пришел генералом и на фронте героически погиб. Это был первый кадровый офицер, которого я узнал: о таких говорят обычно — военная косточка. По складу характера человек немногословный, волевой, всегда подтянутый, бодрый. Он был для меня и наставником, и примером настоящего командира, посвятившего свою жизнь воспитанию советских солдат, которые в любой момент могли стать на защиту нашей великой Родины». — Б. С.). 4 марта было налажено сообщение между нашими частями. 5 марта дивизия «Мертвая голова» завершила уничтожение окруженных вражеских частей и закончила тем самым самую успешную свою операцию. Противник понес большие потери в живой силе и технике. Район в кольце окружения был переполнен невероятным количеством брошенного оружия и техники».

А вот как о тех же боях вспоминает соратник погибшего Копцова генерал-лейтенант Александр Александрович Ветров, тогда — полковник, заместитель командира 15-го танкового корпуса по технической части: «К рассвету 28 февраля штаб 15-го танкового корпуса и некоторые его части сосредото-

точились в Медведовке. После согласования вопросов взаимодействия со штабом 111-й стрелковой дивизии бригады корпуса начали бой за овладение Кегичевкой. Но при подходе еще к Ленинскому Заводу и Пар-Шляховой они встретили упорное сопротивление врага, который танковыми контратаками и массированными действиями авиации остановил их продвижение.

Выручили подоспевшие полки 219-й стрелковой дивизии генерала В. П. Котельникова. С их помощью мы в середине дня овладели Ленинским Заводом и Пар-Шляховой. Больше того, 88-я танковая и 52-я механизированная бригады, преследуя отходившие части противника, к вечеру заняли еще и Ново-Львовку.

Но всех нас настораживало появление в этом районе большого количества немецких танков и возрастающая активность вражеской авиации. Как бы нам, как говорится, не зарваться...

Стемнело. Налеты авиации прекратились. Воспользовавшись этим и темнотой, 88-я танковая и 52-я механизированная бригады с ходу ворвались в Кегичевку и овладели городом. Заняв здесь круговую оборону, мы провели тщательную разведку. И оказалось, что против нас в этом районе действует 15-я пехотная дивизия гитлеровцев со штабом в Орельке, а также некоторые части танковой дивизии СС «Мертвая голова». Силы, прямо скажем, огромные. И как это нам еще удастся продвигаться вперед?!

1 марта 1943 года части нашего корпуса совместно с полками 111-й и 219-й стрелковых дивизий стремились развить наступление дальше. И вначале имели успех. Так, мотострелки подполковника А. А. Головачева выбили гитлеровцев с территории совхоза имени Чапаева, а танкисты 88-й бригады подполковника И. И. Сергеева отбили сильную вражескую контратаку.

Но в этот же день мы узнали, что бригады соседнего с нами 12-го танкового корпуса и части 184-й стрелковой дивизии с большим трудом отражают настойчивые танковые атаки противника с тыла. А тут и наша разведка обнаружила выдвижение танковых колонн противника на рубеж Пар-Шляхо-

вая, Павловка, Калюжное. Генералу В. А. Копцову пришлось срочно останавливать продвижение на запад и поворачивать 195-ю танковую бригаду фронтом на восток.

И вовремя! Ибо до двадцати немецких танков Т-IV тотчас ударили по этой бригаде. Завязался ожесточенный бой, в результате которого гитлеровцы, потеряв несколько танков, были остановлены. Но и наша 195-я бригада потеряла три из семи имевшихся у нее машин.

Взросшая активность врага позволяла судить о том, что боевая инициатива постепенно переходит к нему. И уже недалек тот момент, когда гитлеровцы перейдут в решительное контрнаступление против наших ослабленных, далеко оторвавшихся от баз снабжения бригад.

Тревожные сообщения, поступающие из тыловых частей, тоже подтверждали наши опасения. Фашисты уже начали окружать корпус.

Трезво оценив неблагоприятно складывающуюся обстановку, генерал В. А. Копцов скрепя сердце запросил у Военного совета 3-й танковой армии разрешение на выход из еще не замкнувшегося кольца окружения. Но ответа сразу не получил. И только вечером 2 марта из Мерефи, где располагался штаб армии, пришел приказ, из которого явствовало, что мы, по существу, уже окружены врагом. Далее говорилось, что создается группа войск 3-й танковой армии в составе 12-го и 15-го танковых корпусов, 111, 184 и 219-й стрелковых дивизий, объединенных под общим командованием командира 12-го танкового корпуса генерала М. И. Зенковича.

В тот же вечер генерал В. А. Копцов с начальником штаба корпуса подполковником А. Б. Лозовским были приглашены в Еремеевку на совещание к генералу М. И. Зенковичу (встречается и другое написание фамилии этого генерала — Зинькович, которая, кажется, и была паспортной фамилией Митрофана Ивановича, смертельно раненного 24 сентября 1943 года при форсировании Днепра и посмертно удостоенного звания Героя Советского Союза. — Б. С.). По возвращении они довели до нашего сведения, что командующий группой генерал М. И. Зенкович наметил следующий порядок отрыва от противника: 15-му танковому корпусу совместно с 111-й

стрелковой дивизией полковника И. Г. Зиберова предстояло прорываться в направлении Ленинский Завод, восточная окраина Параскавеи и далее на Охочее. 12-й танковый корпус и 184-я стрелковая дивизия полковника С. Д. Койды должны были следовать параллельно с нами на Лозовую и далее через Мелеховку на Бровки. В арьергарде для прикрытия тылов и всего боевого порядка группы оставлялась 219-я стрелковая дивизия генерала В. П. Котельникова.

Но части нашего корпуса, а также полки 111-й и 219-й стрелковых дивизий в это время находились в самом тесном соприкосновении с войсками противника. Поэтому поворот их на 180 градусов и отвод представляли чрезвычайную трудность. Было намечено отвести сначала части 111-й стрелковой дивизии, затем нашего 15-го танкового корпуса и, наконец, с двух часов ночи 3 марта — полки 219-й стрелковой дивизии.

Причем последние должны были пропустить через себя у Антоновки оставшуюся без снарядов артиллерию, тылы и только уж затем следовать за ними.

К этому времени у нас в корпусе уже снова оставалось всего лишь 9 танков с ничтожно малым запасом горючего и пятью-семью снарядами на каждый. Вся мотопехота корпуса состояла из 120 — 130 стрелков, вооруженных главным образом трофейным оружием. Автотранспорт насчитывал 72 автомашины, в бензобаках которых оставалось горючего на 20—30 километров пути. Все это было решено организовать в две колонны, следующие на север параллельными маршрутами...

На рассвете обе колонны двинулись из района Ленинского Завода на север. Колонна, которую повел В. А. Копцов, следовала по шоссе в направлении совхоза «Ульяновка» и далее на Охочее. Левее по раскисшему снежно-глинистому с рытвинами проселку медленно передвигалась вторая, моя, выдвинув впереди себя небольшую разведгруппу и головное охранение в составе броневика и отделения автоматчиков на грузовике.

Стояла неприветливая, пасмурная погода. Выпавший накануне снежок слегка запорошил дорогу. Но под ним подернутые тонким льдом были лужи, лужи и лужи...

Сутулясь под тяжестью оружия и походного снаряжения, идут усталые стрелки. Обгоняя пехоту, скользят сани с тяжелоранеными, натруженно гудят моторами автомобили с имуществом, буксируя за собой орудия без снарядов, пустые автотицистерны...

На втором часу движения, когда я уже стал было подумывать об объявлении привала, в небе послышался нарастающий самолетный гул. И вот уже над нами закружила уродливая «рама». Ничего хорошего это, естественно, не предвещало, так как нашу километровую колонну здесь, в безлесном районе, не спрячешь, а разведчик не преминет навести на нас своих авиаторов или танкистов.

Во избежание преждевременной встречи с противником я направил голову колонны в обход встретившейся на пути деревни. Однако, когда наша разведгруппа попыталась незаметно подойти к ее окраинным домам, чтобы выяснить обстановку, по ней был открыт пулеметный огонь. Мы взяли еще левее и двинулись уже по целине.

Но не прошло и получаса, как впереди снова разгорелась перестрелка. Я остановил колонну, ожидая от разведчиков доклада о силах встретившегося им противника. И тут на середину колонны посыпались снаряды.

На двух машинах сразу же возник пожар, другие автомобили стали поспешно разворачиваться в обратную сторону.

С большим трудом мне все же удалось навести в колонне порядок и принять меры для отражения атаки небольшой группы неприятельских танков. Однако они, уничтожив наш броневик и грузовик, на котором ехали автоматчики, нажимали. Видя, что нам недолго удастся продержаться под огнем танковых пушек, я отдал приказ разворачивать колонну в обратном направлении и следовать на соединение с колонной командира корпуса, под защиту ее танков и пехоты...

И все-таки мы оторвались от фашистов, которые осторожноичали и не решались нас преследовать. И где-то через час соединились с первой колонной.

Разыскав генерала Копцова, я доложил ему о случившемся. Комкор был явно обеспокоен моим сообщением о появлении вражеских танков с севера, где, по всем данным, дол-

жен был действовать 12-й танковый корпус генерала Зенковича. Затем предложил присоединиться к его колонне.

Отдав необходимые распоряжения о возвращении машин своей колонны в части, которым они принадлежали раньше, я поехал дальше вместе с В. А. Копцовым. Василий Алексеевич был, как всегда, собран и бодр.

На мой вопрос, не прояснилась ли общая обстановка, Копцов ответил отрицательно.

— До сих пор нет связи ни со штабом армии, ни с генералом Зенковичем, — озабоченно сказал он.

Часов в одиннадцать где-то слева от нас послышались хлесткие выстрелы, и впереди, около самого шоссе, стали рваться снаряды.

— Немецкие танки! — раздались тревожные крики. Люди посыпались из машин, укрылись в придорожном кювете, выставив в сторону выстрелов стволы винтовок и автоматов.

По всему чувствовалось, что на этот раз нам не избежать серьезного боя.

Генерал В. А. Копцов тут же организовал круговую оборону. Его голос, когда он отдавал приказы, был тверд, а сами распоряжения — лаконичны, четки и продуманны.

В бинокль я увидел в километре от нас колонну вражеских танков из 15—20 машин. Да, против такого количества нам будет не так-то легко устоять...

Тем временем по врагу открыли огонь наши немногочисленные «тридцатьчетверки», противотанковые орудия. Завязалась артиллерийская дуэль. Но долго продолжаться она, конечно же, не могла: снарядов, как уже говорилось, у нас было очень мало.

От частых разрывов дрожала земля, плавился снег. Густо разлетались осколки. Вдруг застонал и опустился на землю генерал В. А. Копцов. Я бросился к нему. Но в этот же миг пронизывающая боль обожгла мою левую голень...

Подбежали автоматчики из комендантского взвода и ординарец командира корпуса Николай Юдин. Уложив генерала на полушубок, они понесли его в одну из воронок, в укрытие.

— Ветров! Оставайтесь за меня и держитесь! — были последние слова Копцова. Он потерял сознание.

Не перевязав даже раны, я продолжил начатое комкором дело. Опираясь на обломок палки, переходил от орудия к орудию, от танка к танку. Неприятно хлюпала заполнившая сапог кровь, но мне было не до этого. Нужно было корректировать огонь.

Танки противника несколько раз пробовали атаковать нас, но организованные и смелые действия наших артиллеристов, стрелявших хотя и редко, но с большой точностью, не позволили врагу приблизиться. Правда, наши потери в людях и особенно в автомашинах росли, но и у гитлеровцев возникли три дымных столба пламени, после чего противник стал менее нахальным.

Уже к вечеру меня снова ранило. Подоспевшие санитары отнесли меня в штабной автобус, где капитан медицинской службы Д. Г. Шинкаренко промыла спиртом раны. И по тому, как вдруг стало озабоченным ее симпатичное лицо, я понял, что мои дела неважные. И врач подтвердила это.

— У вас двадцатисантиметровая рваная рана правой части грудной клетки с переломом трех ребер, а также слепое ранение левой голени, — сказала она. — А у меня нет противостолбнячной сыворотки и даже анестезина. Все сгорело в санитарном автобусе...

Заверив расстроившегося врача в том, что со мной ничего не случится и без укола, я поинтересовался здоровьем генерала В. А. Копцова.

— Василий Алексеевич лежит в соседней машине, у него сквозное ранение правой голени и большая потеря крови, — ответила Дарья Григорьевна.

После ухода врача в машину вошел адъютант командира корпуса старший лейтенант Владимир Ревушкин. Доложил:

— Мы по-прежнему находимся в окружении. Но как только стемнеет, сойдем с шоссе и будем пробиваться на север.

Что ж, решение верное. Вот только бы продержаться до вечера.

И мы продержались. А как только стемнело, вперед по-

шли две «тридцатьчетверки» с автоматчиками на броне. За ними двинулась машина, на которой везли генерала В. А. Копцова. Штабной автобус, в котором лежал я, медленно следовал за ней. Дальше шли еще автомашины, а замыкала колонну третья, последняя из оставшихся, «тридцатьчетверка».

Скоро в автобусе кончился бензин. Его прицепили тросом к замыкающему танку, но вскоре трос оборвался, а танкисты этого не заметили. Ветрову и его спутникам пришлось еще долго блуждать по занятой немцами территории, прежде чем им удалось перейти линию фронта. Только в начале мая Александр Александрович вышел из госпиталя. В санатории он встретился с начальником штаба корпуса А. Б. Лозовским, который сообщил, что комкор погиб в ночь прорыва, т. е. в ночь с 4 на 5 марта 1943 года. Василий Алексеевич Копцов так и не узнал, что нашел смерть всего в 300 метрах от командного пункта Хауссера в Красном.

Из мемуаров Ветрова видно, что прорывом окруженной группировки никто не руководил, каждое из соединений выходило в одиночку, без координации своих действий с соседями. Что и неудивительно: радиостанции всех попавших в окружение танковых корпусов и стрелковых дивизий были уничтожены артиллерийским огнем и налетами авиации противника еще до начала прорыва. Поэтому корпус Копцова и не мог получить никаких указаний от формально руководившего группой окруженных соединений 3-й танковой армии генерала Зиньковича. Вот когда немцы прорывались из Корсунь-Шевченковского «котла», как мы увидим дальше, они все-таки смогли сохранить управление группировкой до самого конца, хотя находились в гораздо более плотном «котле» и значительно дольше, чем соединения 3-й танковой армии в марте 1943 года. Немецкие генералы в условиях окружения все-таки управляли своими войсками лучше советских. А уж о том, чтобы оставить группу Зиньковича в окружении, и речи не было. Об этом не думали ни попавшие в «котел» генералы, ни командование Юго-Западного фронта, ни Ставка. Там прекрасно понимали, что в условиях небольшого числа радиостанций в советских танковых корпусах генералы в условиях окружения быстро потеряют управление вой-

сками, да и снабжать окруженных в ожидании деблокирующего контрудара не позволит слабость советской транспортной авиации и господство люфтваффе в воздухе.

Дивизии корпуса Хауссера, игравшие главную роль как при проведении контрударов, так и при обороне важнейших позиций, гораздо быстрее и осмысленнее, чем советские войска, маневрировали в условиях того слоеного пирога, который сложился на южном крыле советско-германского фронта.

Кстати сказать, структура советских танковых войск в том виде, в каком она сложилась к началу 1943 года, способствовала более быстрому карьерному росту высшего состава. Советские танковые войска состояли из танковых бригад, танковых корпусов и танковых армий. Командир бригады — это должность полковничья, ею обычно командовали полковники и подполковники, реже — майоры. Должность командира корпуса была в вилке генерал-майор — генерал-лейтенант, т. е. уже вполне соответствовала должности командира стрелкового корпуса. Точно так же танковая армия вполне соответствовала по должностной категории общевойсковой армии. И теми и другими в конце войны командовали генерал-полковники или даже маршалы бронетанковых войск (П. С. Рыбалко, С. И. Богданов). Таким образом, танковые командиры перепрыгивали необходимую для общевойсковых командиров ступень командира дивизии, которой в танковых войсках просто не было. Но и риск погибнуть у танкового генерала в среднем был выше, чем у общевойскового. Чтобы эффективно руководить танковым корпусом, его командующему надо было быть непосредственно в боевых порядках, а не наблюдать за сражением с замаскированного НП. Поэтому риск гибели среди командиров советских танковых корпусов, равно как и у командиров немецких танковых дивизий, был выше, чем у общевойсковых командиров.

28 февраля был отдан приказ о наступлении немецких войск на Харьков. Первой его целью был разгром советской 3-й танковой армии в районе Берестовой к юго-западу от Харькова. Манштейн утверждал: «Эта цель была достигнута

4-й танковой армией к 5 марта. Из 3-й танковой армии противника были частично разгромлены 12-й и 4-й тк, один кавалерийский корпус и три стрелковые дивизии, часть их личного состава была взята в плен в небольшом «котле» у Краснограда. Пленных опять было сравнительно мало, убитыми же противник потерял примерно 12 000 человек; мы захватили 61 танк, 225 орудий и 600 машин».

Однако в дальнейшем окружить крупные советские силы в районе самого Харькова не удалось. Манштейн утверждал, что виной тому — начавшийся на Донце ледоход и оттепель. (Ранее точно так же он утверждал, как мы помним, что полному уничтожению окруженных советских 6-й и 3-й танковых армий помешало то, что Донец был еще покрыт льдом и окруженные пехотинцы могли переправиться по льду.) Поэтому 4-я танковая армия не смогла форсировать Донец ниже Харькова и атаковать советские войска с востока. Пришлось атаковать харьковскую группировку во фланг. К моменту начала наступления 4-й танковой армии 7 марта дивизия «Тотенкопф» уже полностью прибыла на фронт и приняла в нем участие в составе корпуса Хауссера. Позднее к этому наступлению присоединилась группа Кемпфа. Теперь уже ледоход на Донце затруднил подход к полю боя советских резервов и подкреплений. Однако советские войска смогли захватить и удержать небольшой плацдарм северо-западнее Изюма на южном берегу Донца. В район Харькова также сумел подойти 2-й гвардейский танковый корпус.

Как писал Манштейн, «мы хотели оттеснить от Харькова противника, стоявшего южнее, против группы Кемпфа, или отрезать его от переправ через Донец восточнее Харькова. Если бы это нам удалось, то мы могли бы штурмом взять Харьков. Группа при всех обстоятельствах намерена была избежать повторения боев под Сталинградом, где атаки наших сил захлебнулись на подступах к городу.

Но было неизбежно, что слово «Харьков» магически притягивало солдат и среднее звено руководства армии. Танковый корпус СС хотел преподнести вновь завоеванную столицу Украины «своему фюреру» в качестве знака победы и кратчайшим путем пробивался к нему. Потребовалось резкое

вмешательство командования группы, чтобы добиться отказа командования корпуса от намерения фронтально наступать на Харьков, иначе бы он застрял здесь и этим дал бы возможность частям противника, действовавшим западнее города, избежать окружения. Наконец, удалось направить танковый корпус СС в обход Харькова с востока. Город пал без больших боев, и нам удалось отрезать отступление через Донец крупных сил противника».

На самом деле на этот раз командир корпуса СС никаких приказов не нарушал. Первоначально Хауссер в соответствии с приказом 4-й танковой армии Германа Гота бросил на штурм Харькова части двух дивизий — лейбштандарта и «Райха». Позднее, когда стало ясно, что с налета захватить город не удастся и завязались тяжелые уличные бои, Хауссер, опять же по приказу штаба армейской группы, вывел из города части «Райха», которые, в свою очередь, сменили «Тотенкопф», направленный в обход Харькова.

Хауссер так описал в мемуарах операцию по взятию Харькова: «Состояние дорог вновь ухудшилось. Снег был здесь еще глубокий, и это затрудняло передвижение (здесь Хауссер не кривит душой. На юге к тому времени снег уже сошел, но дороги еще не развезло. Севернее же, у Харькова, снежный покров еще не освободил дороги, что затрудняло передвижения моторизованных частей. — Б. С.). Куда должно было быть направлено следующее наступление? Должно ли оно быть направлено на повторный захват Харькова или на уничтожение вражеских сил, находящихся перед армейской группой «Кемпф»? Решение еще не было принято (речь идет о дне 5 марта, когда был очищен «котел» к юго-западу от Харькова. — Б. С.). Сначала нужно было достичь района Мжи. 6 марта наступление было продолжено... 7 марта потеплело. За время ночных морозов земля уже не промерзала. Дороги были то занесены снегом, то утопали в грязи. Люди и техника находились на пределе возможностей.

У русских появилось слабое место. Сражение между Донцом и Днепром стоило им больших потерь. Они бросили на подмогу новые войска, которых, однако, оказалось недостаточно... Со взятием 7 марта Валок направление главного уда-

ра сместилось на западный фланг. Большие силы врага несколько дней удерживал XLVIII танковый корпус у Тарановки. Взять Мерепфу не удалось. 8 марта лейбштандарт продвинулся через железнодорожный узел к северу Валков, его передовые отряды достигли западной окраины Харькова.

Разведывательные отряды развернувшейся слева дивизии «Мертвая голова» достигли Ольшан. Продвижение «Райха» было задержано из-за условий местности и сильной угрозы флангам с востока. 9 марта был достигнут район Уды и взяты Ольшаны. Находившиеся слева войска армейской группы «Кемпф» тоже продвигались вперед. Следующей целью мог быть только Харьков. В танковом корпусе СС решили начать атаку 10 марта. Город должен был быть атакован одновременно с севера и северо-востока частями лейбштандарта, с запада — «Райхом», каждая атака — по трем направлениям. Дивизия «Мертвая голова» получила задание прикрывать армейскую группу «Кемпф» на северо-западном и северном направлениях как от прежних, так и от недавно подтянутых советских войск.

10 марта, продолжая наступление, лейбштандарт и «Мертвая голова» обошли Харьков с севера и отрезали город. Лейбштандарт и «Райх» создали себе хороший плацдарм для прорыва в город, однако из-за усилившегося сопротивления на окраине города смогли выступить только после сосредоточения всех сил. Атака была отложена до 11 марта.

Вечером 10 марта танковый корпус СС был готов к штурму: «Райх» — на западной окраине города, группа прикрытия фронтом на юго-восток, против неприятеля, действующего против соседа справа; лейбштандарт, разделенный на три ударные группы, — на северной окраине города; «Мертвая голова» обеспечивает прикрытие на северо-западе, от Дергачей до Ольшан. Началось третье сражение за Харьков. Противнику удалось организовать оборону города подручными средствами. Баррикады, блокирующие продвижения войск и техники, были разбросаны по всему городу. Берега реки также представляли собой сильные оборонительные позиции.

11 марта лейбштандарт неожиданно ворвался в город. В жестоких уличных боях он прорвался до Красной площади

и занял ее. Улицы, ведущие на северо-восток, оказались в досягаемости наших тяжелых орудий.

В ночь на 12 марта «Райх» преодолел противотанковую позицию на западе и открыл путь в город. Дивизия достигла главного вокзала. Противник проводил отвлекающие атаки с северо-востока против дивизии «Мертвая голова», фронт которой растянулся до реки.

Между тем сильные части противника прочно удерживали позиции против частей XLVIII танкового корпуса южнее и юго-восточнее Харькова, невзирая на угрозу окружения со стороны танкового корпуса СС. Появилась возможность ударом через Рогань окружить и уничтожить противника. Но это можно было сделать лишь при открытии сквозной дороги через Харьков. Приказ штаба 4-й танковой армии немедленно вывести части «Райха» из уличных боев и бросить его в обход Харькова с севера означал сильную задержку. Поэтому части «Мертвой головы» были использованы для наступления на Чугуев, чтобы здесь перекрыть главную дорогу на юго-восток, в то время как штаб корпуса настаивал, что необходимо сначала взять под контроль сквозную дорогу через город. После того как вечером 12 марта было налажено сообщение между лейбштанدارтом и «Райхом», боевая группа штандартенфюрера Гейнца Хармеля, основу которой составлял моторизованный полк «Дойчланд» (из дивизии «Райх». — Б. С.), была направлена марш-броском на Рогань, чтобы здесь перерезать неприятельские пути снабжения.

После отвода этих частей «Райха» основная тяжесть боев в городе легла на лейбштанدارт. Дивизия отбивала у врага улицу за улицей, пока 14 марта в 18 часов не поступило сообщение, что и южная часть Харькова захвачена. Территория фабрики, находившаяся к востоку, также была очищена.

Между тем дороги, за исключением мощеных, были уже практически непроходимы. Части дивизии «Мертвая голова» и боевой группы Хармеля 14 марта стояли без горючего, потому что колонны снабжения застряли в пути. Им пришлось дожидаться снабжения по воздуху, и потому трудно было достичь поставленных целей.

Утром 15 марта боевая группа «Хармель» пробилась к же-

лезной дороге южнее Рогани, а «Мертвая голова» после успешных танковых боев достигла перехода у Чугуева и перекрыла его. В течение следующих дней заградительную линию пришлось защищать от мощных попыток прорыва и от атак с востока. Основные силы окруженного противника, и прежде всего его технику, удалось уничтожить или захватить...

Значительное число советских соединений было уничтожено, другие понесли тяжелые потери. Это была последняя победа вермахта на Восточном фронте! В последующие дни в ходе преследования противника на восток и на север части корпуса достигли берега Донца, а 18 марта, как завершение успешной операции, после короткого боя был взят Белгород. Там был установлен контакт с наступавшей с запада дивизией «Великая Германия», которая в последние дни в ожесточенных боях уничтожила большое количество живой силы и техники противника (согласно рапорту дивизии, в боях за взятие Харькова она уничтожила 269 советских танков, главным образом из состава 2-го и 3-го гвардейских танковых корпусов. — Б. С.).

Общие потери корпуса СС за время третьего сражения за Харьков составили 365 офицеров и 11 154 унтер-офицера и солдат».

4 марта лейбштандарт и «Мертвая голова» вели наступление вдоль шоссе Красноград — Мерефа — Харьков. «Райх» тем временем пытался обойти Харьков с востока и вступил в бой с 25-й гвардейской стрелковой дивизией и 179-й отдельной танковой бригадой под Тарановкой.

В соответствии с планом наступления на Харьков, 5 марта дивизия «Райх» повернула на север, имея полк «Дойчланд» на правом фланге и полк «Фюрер» — на левом. К 18 часам полк «Фюрер» достиг высоты 185,5 м к северу от Охочего и южной окраины Новоселовки. Лейбштандарт тем временем взял Винники.

Первой целью корпуса становится Новая Водолага и южный берег Мжи между Бахметьевкой и Валками. На левом фланге лейбштандарт должен был двигаться быстрее других дивизий корпуса, чтобы оттеснить на запад советские подразделения, находящиеся еще к юго-востоку и к югу от Ва-

лок. За ним двигалась «Мертвая голова», а на правом фланге — «Райх». Но танков в строю оставалось очень мало. «Райх» располагал только 11 танками, у лейбштандарта была 51 машина, а у «Тотенкопфа» — 58. Хауссер обратился в оперативный штаб с тревожной телеграммой: «Немедленное подкрепление в 50 танков Т-IV для дивизии «Райх», посланное экспресс-транспортом через Полтаву в направлении Краснограда, является решающим для продолжения операции. Сведения об имеющихся в распоряжении корпуса танках переданы Верховному командованию сухопутных войск». Однако до завершения сражения за Харьков запрошенные машины прибыть не успели.

5 марта танковый корпус СС вступил в сражение с частями советской 3-й танковой армии, пытавшейся контратаковать, и окружил часть ее сил. Отдельные группы солдат выходили из окружения к Донцу вплоть до апреля.

6 марта, не дожидаясь подкреплений, танковый корпус СС перешел в наступление с линии Охочее — Крутая Балка в направлении Мжи. Вызванная оттепелью распутица дает о себе знать. XLVIII танковый корпус, наступающий правее танкового корпуса СС, продвигается очень медленно и отстает от «Райха». Чтобы прикрыть разрыв, мотоциклетно-стрелковый батальон дивизии был отправлен через Караванское на Сомнальков и к вечеру занял этот поселок.

Лейбштандарт быстро достиг Мжи, преследуя отступающие советские части. Силами одного из своих батальонов дивизия создала плацдарм на северном берегу реки близ деревни Бридки. Затем лейбштандарт продвинулся далее к северозападу и приблизился к Валкам.

Тем временем при поддержке 5-й танковой роты, пикирующих бомбардировщиков и нескольких зенитных орудий полк «Дойчланд» занял Новую Водолагу, уничтожив 4 танка Т-34 и полностью овладев этим райцентром к утру следующего дня.

В ночь на 7 марта полк «Фюрер» также достиг Мжи, не встретив серьезного сопротивления. Советские бомбардировщики безуспешно пытались разрушить мост в Новой Водолаге.

7 марта 6-я рота полка «Дойчланд» и 5-я рота танкового полка дивизии «Райх», поддержанная взводом зениток, осуществили разведку в направлении Карловки, встретив там сильное сопротивление советских войск, располагавших противотанковыми пушками, минометами и «катюшами». 2-й батальон полка «Дойчланд» дошел до Павловки. 3-й батальон полка «Фюрер» при поддержке штурмовых орудий и самоходных противотанковых пушек сумел продвинуться на северо-восток и наконец установить контакт с 11-й танковой дивизией XLVIII танкового корпуса. Во второй половине дня этот батальон вышел в район Мерёфы к северу от Каравана. В 15 часов командир батальона гауптштурмфюрер Кайзер получил от самолета-разведчика сообщение о том, что советские войска уходят из Коротыча и отступают к юго-западной окраине Харькова. Тогда батальон возобновляет атаку, чтобы овладеть важным перекрестком дорог к северу от Коротыча. Унтерштурмфюрер Шмагер, командир взвода 9-й панцер-гренадерской роты полка «Фюрер», вспоминал: «Ворча и громыхая, бронетранспортеры трогаются с места. В сумерках, которые теперь наступают быстро, передовой взвод начинает движение на хорошей скорости. «Быстрее! Приготовьте пулеметы и гранаты! Внимание справа и слева!» Таковы приказы, данные маленькому экипажу «консервных банок» со слабой броней. Головной бронетранспортер устремляется вперед одним рывком, так что сидящие внутри люди падают друг на друга. За ним, сохраняя дистанцию, следуют три других бронетранспортера 4-го взвода, за которыми на большей дистанции движутся «охотники за танками» (самоходные противотанковые пушки), а затем снова идут бронетранспортеры и штурмовые орудия. Дорога хорошая и в относительно неплохом состоянии.

С появлением первых домов по радио отдается приказ следующим сзади машинам: «Помедленнее и сгруппируйтесь!» Радиосообщение командиру 9-й роты полка «Дер Фюрер»: «Головная машина достигла окраины Коротыча. Продолжаем двигаться к предписанной цели атаки». Тогда в наушниках слышится потрескивающий голос командира роты: «Продвигайтесь осторожно, будьте предельно бдительны!

Соединяюсь с вами!» Четыре бронетранспортера едут вперед со скоростью шага, контролируя местность. Из домов не доносится ни звука. Слышны лишь глухие раскаты артиллерийской стрельбы, звучащие вдалеке, и пулеметные очереди. Темнота стоит полная, и, наклонившись вперед, четыре человека и их взводный командир пытаются проникнуть взглядом сквозь этот мрак. Унтерштурмфюрер ругается: «Чертово дерьмо! — И добавляет шоферу: — Останови, выключи мотор». Не удается разглядеть следующую сзади машину. Приподняв меховые шапки и стальные каски, пятеро людей напряженно всматриваются в местность. «Унтерштурмфюрер, прямо перед нами слышу голоса и шум одного мотора», — шепчет радист Шмидт командиру взвода. «Вперед, поехали!» — и снова посылается донесение роте. Водителю отдается приказ: «Эй, Виргс, чуть побыстрее!» Внезапно радист кричит своему командиру взвода: «Они там!» — и их пулемет начинает стрекотать. Теперь настоящий огненный ураган вылетает из наших пулеметов. Будто подоженный факелом, загорается русский грузовик и освещает большой перекресток. Мы у цели! Там копошение и суетливая беготня, как в разворошенном муравейнике, крики, и пулеметы собирают большую жатву. «Стреляйте по всем, кто удирает! Виргс — вправо! Мольц, радиодонесение ро...» Но именно в этот момент в бронетранспортере раздается взрыв. Командир взвода падает, и водитель, унтершарфюрер Виргс, кричит. Затем — глухой удар рядом с бронетранспортером, который подбит, стрекочут другие пулеметы, и, бросая перед собой гранаты, гренадеры быстро проскальзывают к подбитой машине командира взвода и защищают ее».

В этих мемуарах бросается в глаза широкое и эффективное использование радиосвязи на марше и в бою, а также оперативное использование результатов авиаразведки.

На рассвете 8 марта эсэсовцы заняли дорожный перекресток к северу от Коротыча и перерезали железнодорожный путь Люботин — Харьков. После этого полк «Фюрер» повернул на восток.

7 марта дивизия лейбштандарт расширила Бридокский плацдарм. Его 1-й танково-гренадерский полк захватил Вал-

ки, что обеспечило фланг дивизии «Райх» при продвижении и продвижение полка «Фюрер» в направлении Мерефы и Люботина. После успешного овладения Валками лейбштандарт продолжает быстрое продвижение на западном крыле танкового корпуса СС.

8 марта, после захвата перекрестка, расположенного к северу от Коротыча, полк «Дойчланд» форсировал Мжу у Павловки, а полк «Фюрер» — у Бахметьевки. На правом фланге дивизии «Райх» полк «Дойчланд» вынужден парировать угрозу со стороны советских сил, действующих к востоку от района Ракитное — Люботин.

В этот день командир дивизии «Райх» оберфюрер Фаль доложил штабу танкового корпуса, что «техническое состояние, особенно гусеничных машин, катастрофическое. Дальнейшие боевые действия будут зависеть от оставшейся материальной части. Продолжение движения без технического перерыва в 4—5 дней не оставит резервов для весны, грузовики уже проехали 1000 километров сверх обычной смены масла. На танки необходимо надеть летние гусеницы». Вдобавок ко всем напастям партизаны атаковали колонны снабжения танкового корпуса СС возле Ореля.

8 марта лейбштандарт взял старый Люботин и выслал разведку в сторону Харькова, до района Гуки и Пересечной. Бойцы лейбштандарта уничтожили 3 танка Т-34 и 30 артиллерийских орудий.

XLVIII танковый корпус генерала фон Кнобельсдорфа на южных подступах к Харькову столкнулся с 25-й гвардейской стрелковой дивизией генерала Шеференко, задержавшей его продвижение на пять дней. Однако танковый корпус СС нависает над обороняющей Харьков группировкой с запада. Генерал Гот приказывает Хауссеру обойти Харьков.

9 марта «Райх» перебросили к западным окраинам Харькова. В этот день 6-я танковая дивизия выбила советские войска из Тарановки. И тогда же советская 6-я армия попыталась нанести контрудар из района Змиева во фланг танкового корпуса СС, но столкнулась с 11-й танковой дивизией XLVIII танкового корпуса. В этот день после захвата немцами Валков 69-я армия начала отход. С фронта на нее наседали 320-я

пехотная дивизия, а встык между 69-й и 40-й армиями наступала 167-я пехотная дивизия. Для парирования этой угрозы из состава 40-й армии 69-й армии были переподчинены 107, 183 и 340-я стрелковые дивизии, которые должны были нанести удар в направлении Богодухов — Ольшаны. Но было уже поздно.

9 марта 2-й моторизованный полк лейбштандарта под командованием штандартенфюрера Теодора Виша атаковал Люботин с запада. В то же время полк «Фюрер» продолжил наступление на север. Все утро его солдатам пришлось расчищать лопатами занесенную снегом дорогу к северу от Байрака и через лес к югу от Люботина. Полк «Фюрер» атаковал восточную окраину Люботина, выдвинув с юга свой 2-й батальон, а с востока и юго-востока — 3-й батальон. В городе завязались ожесточенные бои, исход которых был решен только после того, как к северной окраине Люботина подошел 2-й моторизованный полк лейбштандарта. Вечером немецкие авангарды уже входят в Пересечную и Полевое, чтобы продолжать наступление на Дергачи и Русскую Лозовую к северу и к северо-востоку от Харькова.

Тем временем советские войска предприняли контратаку и вновь овладели Коротычем. Полк «Фюрер» вынужден бросить свои 2-й и 3-й батальоны, чтобы выбить 303-ю стрелковую дивизию русских из Коротыча. Это удастся сделать вечером 9 марта.

Между тем полк «Дойчланд» вышел к Харькову севернее дороги Полтава — Харьков, а затем, повернув к городу, занял деревню Солонищевка. Дивизия «Тотенкопф» взяла Ольшаны.

Вечером 9 марта Хауссер отдал приказ взять Харьков. Лейбштандарт должен был атаковать город с севера и северо-востока, а «Райх» — с запада. Дивизия «Тотенкопф» должна была прикрывать наступление с северо-запада и с севера.

В 19 часов 20 минут 9 марта командование 4-й танковой армии отдало приказ, поступивший в штаб танкового корпуса СС в 20 часов 43 минуты. Приказ гласил:

«Задачи:

— XLVIII танковый корпус: силами 11-й танковой дивизии корпус контролирует переправы через Мерэфу у Мере-

фы, выдвигается на дорогу Мерефа — Харьков к северо-востоку и мешает продвижению врага к югу от Харькова против восточного фланга танкового корпуса СС.

— Танковый корпус СС: сконцентрировав свои силы, захватывает 10 марта вдоль Лопани район между Харьковом и Дергачами и плотно запирает Харьков с запада и с севера.

— Следует прояснить ситуацию в городе. Следует использовать возможности взятия города одним ударом.

— Разграничительная линия между XLVIII танковым корпусом и танковым корпусом СС до Коротыча, как и до сих пор, Липовая Роща (XLVIII танковый корпус), Лосево (XLVIII танковый корпус).

— Штаб армии начиная с утра 10 марта находится в Вавазовке к югу от Лозовой. Подпись: Гот».

10 марта брешь в советской обороне достигла 60 км. Немцы вышли с юга к Богодухову и 11 марта захватили его. По приказу командования Воронежского фронта 40-я армия начала отход, чтобы избежать окружения. Две из трех ее дивизий, переданных в 69-ю армию, были уничтожены в районе Богодухова.

И Гот, и Хауссер надеялись, что Харьков удастся взять одной атакой без тяжелых уличных боев. Они полагали, что основные советские силы уже перемолоты на подступах к городу. Они также рассчитывали на поддержку 4-го воздушного флота, насчитывавшего 900 самолетов.

Харьков обороняла советская 3-я танковая армия, располагавшаяся в городе. 69-я армия защищала западные подступы к городу, а 40-я армия — северные. В городе сосредоточены значительные силы.

По немецким оценкам, население Харькова, перед тем как в феврале 43-го город заняли советские войска, насчитывало около 300 000 жителей. После того как немецкие войска в марте вновь заняли Харьков, его население, опять-таки, по оценке немецкой военной комендатуры, уменьшилось до 200 000 человек. Германские оккупационные власти утверждали, что из 100 тысяч жителей, исчезнувших из Харькова за месяц Советской власти, около 10 000 человек (10%) были эвакуированы немцами в феврале; столько же, 10 000 жите-

лей (10%), в том числе удивительно много лиц пожилого возраста, были уведены советскими войсками; 4000 жителей (4%) были казнены советскими войсками, в том числе молодые девушки, гулявшие с немецкими солдатами; 15 000 жителей, или 15% населения от 15 до 45 лет, были немедленно отправлены на фронт в гражданской одежде. У них была одна винтовка на 5—10 человек. На замечание о том, что у них нет опыта, им отвечали: «Потяните затвор налево, затем направо, затем стреляйте в направлении врага и, может быть, во что-нибудь попадете». 5000 жителей (5%) из числа молодых девушек были отправлены в тыл, чтобы пройти подготовку в качестве вспомогательных служащих-связисток; 35 000 жителей (35%) покинули город, чтобы искать лучших условий жизни на селе; 21 000 жителей (21%) остались и нашли смерть во время боев в городе.

Следует подчеркнуть, что, за исключением первой цифры, т. е. числа харьковчан, эвакуированных немцами в феврале, все остальные цифры взяты, что называется, с потолка и использованы в явно пропагандистских целях. Во-первых, явно преувеличенным выглядит число харьковчан, казненных за связь с немцами. Девушек и женщин, имевших интимную связь с немцами, смертной казни не подвергали. Кто-то из них, конечно, мог быть убит, попавши под горячую руку советским солдатам, но число погибших никак не могло исчисляться тысячами. Большинство коллаборационистов предпочли уйти с немцами. Харьков оставался прифронтовым городом, и НКВД не успел за месяц развернуть там в феврале — марте массовые репрессии. Нет никаких свидетельств о массовых расстрелах в Харькове в этот период. Можно предположить, что расстреляно было несколько сот человек, но никак не 4 тысячи. Количество эвакуированных из Харькова во внутренние районы СССР лиц непризывного возраста кажется завышенным. Ценных специалистов эвакуировали еще в 41-м, а в марте 43-го советское командование до последнего надеялось удержать Харьков и эвакуации не объявляло. Вряд ли с советскими войсками ушло 10 тыс. человек, скорее — 1—2 тысячи. Совершенно невероятной выглядит цифра переселившихся в сельскую местность жи-

телей Харькова — 35 тыс. человек. Все, кто мог, уже переселились из голодного Харькова в деревни в период немецкой оккупации. Столь же завышенным представляется и число гражданских лиц, погибших во время боев в Харькове. В феврале уличных боев в городе не было. Немцы покинули город без боя, и даже против восставших харьковских рабочих активных действий не предпринимали. Жертв тогда могло быть от силы несколько сотен, но не несколько тысяч. В марте, когда город покидали советские войска, уличные бои были. Но опять же, абсолютно невероятно, что в них погибла 21 тыс. горожан — десятая часть всего населения, оставшегося к тому времени в Харькове. Горожан в уличных боях никак не могло погибнуть больше, чем советских солдат. А во всей Харьковской оборонительной операции 4—25 марта войска Воронежского фронта, согласно официальным данным, потеряли погибшими и пропавшими без вести 29 807 красноармейцев, из которых лишь ничтожная часть пришлось на бои в самом Харькове. Даже если предположить, что официальные советские данные о безвозвратных потерях завышены втрое, в уличных боях не могло погибнуть более 5—6 тыс. красноармейцев, а горожан должно было погибнуть гораздо меньше. Надо учесть, что в самом городе сражались только 86-я и 179-я танковые бригады, 17-я бригада НКВД, 253-я и 104-я стрелковые бригады и 62-я гвардейская, 19, 303 и 350-я стрелковые дивизии, причем основные потери они понесли в оборонительных боях на подступах к Харькову и при отступлении из города. Прикрывавшая отход 62-я гвардейская стрелковая дивизия была почти полностью уничтожена, а ее командир генерал-майор Г.М. Зайцев погиб.

Общее число жителей Харькова, погибших во время боев в городе в результате советских репрессий, а также ушедших вместе с Красной Армией лиц непризывного возраста, я оцениваю не более чем в 10 тыс. человек. К этому надо добавить 10 тыс. человек, ушедших с немцами. Остальные 80 тыс. человек (в том числе, возможно, до 5 тыс. женщин) — это, скорее всего, те харьковчане, кто был мобилизован в Красную Армию, как централизованно, через военкоматы, так и непосредственно в части. Ведь тот же Воронежский фронт только

с середины января до начала марта 1943 года получил порядка 100 тыс. пополнения, не учтенного официальной статистикой. А ведь это было еще до отхода советских войск из Харькова, когда они наверняка постарались прихватить с собой как можно больше военнообязанных. Столь высокий процент военнообязанных мужчин среди населения, оставшегося в Харькове к моменту его первого освобождения, — до 25%, не кажется невероятным. Надо учесть, что Харьков был промышленным городом, и многие рабочие, инженеры и техники имели бронь и не были призваны в Красную Армию в 1941 году. Теперь же на бронь вряд ли обращали внимание, тем более что многие рабочие и инженеры вынуждены были работать на немцев и потому считались не вполне благонадежными с точки зрения Советской власти.

Но вернемся к сражению за Харьков. 10 марта дивизии лейбштандарт и «Тотенкопф» блокировали город с севера. Затем лейбштандарт и «Райх» должны были ворваться в Харьков, но встретили сильное сопротивление. «Тотенкопф» прикрывала их с севера.

Полк «Фюрер» должен был выдвинуться на южную окраину Харькова, перерезать железную и шоссейную дороги Мерефа — Харьков и прикрыть правый фланг танкового корпуса СС с востока.

Хауссер стремился окружить Харьков и прежде всего отрезать оборонявшихся от подкреплений с севера.

В 22 часа 30 минут штаб 4-й танковой армии передал по радио оперативный приказ штабу корпуса СС на 11 марта 1943 года:

«1) Враг, кажется, покидает Харьков.

2) 4-я танковая армия берет Харьков, окружая его с севера и северо-востока.

3) Задачи:

а) XLVIII танковый корпус силами 6-й танковой дивизии преследует врага, отходящего к востоку от Тарановки, вытесняет его из района Мжи и запирает район Мжи между Змиевом и Соколовом. Силами 11-й танковой дивизии корпус продолжает атаку за пределами района Мерефы, дабы запечатать Харьков с юга.

б) Танковый корпус СС берет Харьков. Восточное крыло наступает до дороги Чугуев — Харьков и преграждает ее. Как можно более мощные силы сосредотачиваются северо-восточнее Харькова до самого вхождения в город. На западе достаточно запереть город. Для прикрытия с севера следует достичь линии Дементиевка — Золочев и удерживать ее».

Вечером 10 марта эсэсовцы ворвались в Харьков.

Дивизия «Райх» вышла на западную окраину города боевой группой полка «Дойчланд» (Хармеля). В составе полка не было его 2-го батальона. Зато он был усилен 3-м батальоном полка «Фюрер», 1-й ротой танкового батальона дивизии «Тотенкопф», 2-м танковым батальоном, 2-м саперным батальоном, батареей штурмовых орудий, 2-м артиллерийским полком дивизии (без 1-го дивизиона) и 2-м зенитным дивизионом дивизии «Райх». Эту штурмовую группировку прикрывали с юго-востока 2-й батальон полка «Дойчланд», 2-й батальон полка «Фюрер» и приданные им подразделения тяжелого вооружения. Ударные группы, предназначенные для атаки Харькова, сосредоточились в Солоницевке и к западу от Куряжанки.

Лейбштандарт разместил одну ударную группу в Алексеевке, вторую — на северном выходе из города в направлении Белгорода и третью — на западной окраине Большой Даниловки.

На севере «Тотенкопф» удерживал рубеж: северный квартал Дергачей, железнодорожная станция Феськи, Новая Культура и западная окраина Ольшан.

На западе и на юго-западе города советские войска успели вырыть противотанковые рвы. Многие улицы были перегорожены баррикадами. Для обороны использовались и реки, пересекающие Харьков, и подступы к нему.

В ночь с 10 на 11 марта дивизия «Райх» отбила несколько атак на дороге Харьков — Ольшаны. Куряжанку немцам пришлось оставить под сильным напором советских войск, но ее удалось отбить в 6 часов утра, после короткого боя. Лейбштандарт также отбил несколько атак, применив танки. Вечером 10 марта дивизия «Тотенкопф» заняла Русскую Лозовую.

В 4 часа утра 11 марта лейбштандарт начал методическую

атаку с севера. Его западная ударная группа застряла у Алексеевки, натолкнувшись на сильное сопротивление. Обойдя Алексеевку с запада, основная часть дивизии перерезала железнодорожный путь у Северного Поста и достигла к 7 часам 50 минутам северо-западной окраины Харькова. Двигаться пришлось медленно, подавляя упорное советское сопротивление. Было уничтожено 7 танков Т-34. Атакующая на Белгородской дороге боевая группа Макса Ханзена (2-й батальон 1-го танково-гренадерского полка лейбштандарта) ворвалась в северные кварталы Харькова по Белгородской дороге.

В полдень авангардные подразделения лейбштандарта встретили ожесточенное сопротивление, и их продвижение замедлилось. Эсэсовцам пришлось отбивать советские танковые контратаки, и к 12.30 они уже заявили об уничтожении 19 танков Т-34. Немецкая артиллерия обстреливала дороги, ведущие в город с северо-востока, чтобы не допустить подхода советских подкреплений.

Дивизия «Райх» начала штурм Харькова в 8 часов утра, после того как вторично удалось выбить противника из Куряжанки. Боевая группа Хармеля в составе усиленного полка «Дойчланд» встретила яростное сопротивление. 1-й батальон к 16 часам дошел до станции Залютино. Правое крыло боевой группы было контратаковано со стороны станции Рыжово. Контратака была отражена с помощью зениток 3-го взвода 2-го зенитного дивизиона СС, отличавшихся высокой скорострельностью. В полдень северная штурмовая группа полка СС «Дойчланд» вышла к краю леса к юго-востоку от высоты 160. Здесь атака была остановлена ожесточенным сопротивлением советских войск, располагавшим значительным количеством противотанковых средств.

В районе Буд боевая группа Кумма, образованная из полка «Фюрер», прорывается через советские оборонительные позиции на южной окраине Харькова и во второй половине дня, перейдя реку Уды, перерезала дорогу Харьков — Мерефа.

В 15 часов штаб 4-й танковой армии отдал следующий приказ танковому корпусу СС:

«4-я танковая армия препятствует всякому отходу врага к

востоку перед XLVIII танковым корпусом. Для этого танковый корпус СС, оставив несколько подразделений для обеспечения безопасности, перебрасывает дивизию «Райх» с западной окраины Харькова вдоль северной окраины Харькова до восточного фланга корпуса. Корпус должен наступать силами этой дивизии восточнее Харькова, нанеся удар к югу, на Змиев, в спину врага, находящегося перед XLVIII танковым корпусом, чтобы сделать невозможным отход противника на Чугуев. Следует действовать сильными подразделениями лейбштандарта через восточные кварталы или по восточной окраине Харькова, к югу на Безлюдовку».

Таким образом, от первоначальных планов взять Харьков с налета силами двух дивизий СС пришлось отказаться из-за ожесточенного сопротивления противника. Ведь для советской стороны обладание Харьковом в меньшей степени, чем для немцев, было вопросом престижа. Теперь дивизия «Райх» выводилась из города, чтобы обеспечить проведение обходного маневра для того, чтобы заставить советские войска под угрозой окружения оставить Харьков.

Лейбштандарт, наступавший к Красной площади, был остановлен упорным сопротивлением противника. Столь же упорное сопротивление встретила и дивизия «Райх». Поэтому Хауссер опасался, что отход, обеспеченный лишь слабым прикрытием, повлечет тяжелые потери, учитывая, что советские войска использовали малейшую возможность для контратак.

Он полагал, что советские соединения, обороняющиеся против XLVIII танкового корпуса, можно окружить и уничтожить ударом на юго-восток, через Рогань. Но для этого необходимо открыть сквозную дорогу через Харьков, поскольку перемещение войск в обход города связано с большой потерей времени и риском, что они на марше подвергнутся неприятельским атакам. Исполнение приказа командования 4-й танковой армии, предписывавшего немедленно отвести части «Райха», ведущие уличные бои, чтобы они совершали марш по раскисшим от распутицы дорогам и потеряли бы по крайней мере день, привело бы, по мнению Хауссера, к тому, что из Харькова успеют уйти на восток значительные советские силы.

Поэтому комкор приказал дивизии «Тотенкопф» наступать на Чугуев, чтобы создать там заслон против советских контратак. Вопреки приказу штаба армии, танковый корпус СС пока оставил дивизию «Райх» в Харькове, до овладения сквозной дорогой через город.

Роты 1-го батальона полка «Дойчланд» были остановлены на восточной окраине Залютина, всего в 500 метрах от Харькова. Перед самой окраиной города, между двумя лесками, находился короткий, но глубокий противотанковый ров, который защищался советскими войсками, занявшими позиции в окраинных домах. Немецкие танки и штурмовые орудия, приближающиеся ко рву, оказывались под прицельным огнем противотанковых пушек и 122-мм орудий. Тогда Хайнц Хармель решил использовать 16-ю саперную роту полка «Дойчланд» под командованием унтерштурмфюрера Хайнца Махера, чтобы обеспечить форсирование противотанкового рва и ворваться в Харьков ударными группами и создать там плацдарм.

Саперы вступили в дело в ночь с 11 на 12 марта. Вот как этот бой описан в походном журнале 16-й роты: «Один взвод 1-го батальона полка «Дойчланд» и один взвод саперного батальона дивизии «Райх» предоставлены в распоряжение 16-й саперной роты полка «Дойчланд»... Разведка смогла установить, что советские силы значительны, что их передовые линии размещаются в первых домах, на наклонном участке местности и на хорошо обустроенных позициях. В противотанковом рву не видно никакого движения. С этой стороны, на нижнем краю противотанкового рва, находится мертвый угол. Чтобы сохранить внезапность, мы отказываемся от глубокой разведки. После передачи командиру ударной группы инструкций, касающихся местности и установления участка прорыва, в 2 часа 40 минут утра на этот район обрушивается огонь тяжелых орудий 1-го батальона полка «Дойчланд», и передовые группы занимают свои места. Как только они проходят первые 300 метров до колодца, внезапно начинается сильный советский заградительный огонь. Противотанковый ров удалось достичь одним броском.

На противоположной его стороне с помощью штыков

выкапываются ступеньки, и по ним атакующие взбираются наверх. Прямо по другую сторону противотанкового рва, в 30 метрах от неприятельских позиций, раздается команда: «Приготовиться к прорыву!» К счастью, вражеский огонь направлен слишком высоко. Наши собственные выстрелы обрушиваются точно на участок прорыва.

В 2 часа 53 минуты рота с криком «Ура!» устремляется вперед, швыряя связки гранат и стреляя из ручных пулеметов в направлении города. Построившись углом, ударные группы 16-й роты полка «Дойчланд» пересекают второй, а затем третий ряд домов. Далее группа поворачивает направо и еще раз налево и прикрывает только что захваченный плацдарм, тогда как другая группа бежит вперед. Еще одна группа отведена к противотанковому рву и остается на участке прорыва, как резерв для контратаки.

Оба приданных взвода получают приказ достичь участка прорыва. В 3 часа 15 минут прибывает 1-й взвод полка «Дойчланд» — вместе с ним плацдарм увеличился в глубину на 300 метров. С прибытием взвода дивизионного саперного батальона плацдарм расширяется еще на 300 метров. В 3 часа 40 минут все ближайшие подразделения 1-го батальона полка «Дойчланд» переданы под начальство командира 16-й роты, и он посылает их в атаку в глубину вражеских позиций, в направлении центра города. Противник отдает себе отчет в серьезности ситуации. Мы с трудом отбиваем отчаянные контратаки, главным образом с левого фланга.

В 4 часа 15 минут группа Эпса, последний резерв, вынуждена вступить в бой слева. Штурмовые орудия, состоящие под командованием оберштурмфюрера СС д-ра Рёдера, выступают в 4 часа 20 минут и движутся в направлении колодца над противотанковым рвом.

В 4 часа 15 минут саперный взвод танкового полка дивизии «Райх» начинает взрывать и выравнивать противотанковый ров. Около 4 часов 40 минут плацдарм оказывается под полным нашим контролем. Захваченные противотанковые пушки повернуты на 180 градусов и усиливают нашу огневую мощь.

Атака в направлении центра города развивается. Замес-

титель командира полка гауптштурмфюрер Диркс, который присоединился к 16-й роте, был ранен снайпером на правом фланге вблизи колодца.

В 4 часа 45 минут прибывают пешком первые подразделения 3-го панцер-гренадерского батальона полка «Фюрер» под командованием гауптштурмфюрера Кайзера, и они продолжают пробивать себе путь в центр города. Снайперы, активные на нашем правом фланге, вынуждены замолчать под заградительным огнем пулеметов и под выстрелами наших собственных снайперов. Атаки штурмовой авиации противника удается отбить с помощью пулеметов и винтовок.

В 5 часов 15 минут наши первые танки пересекают выровненный противотанковый ров и врываются в Харьков. Около 5 часов 25 минут противник отходит перед всем фронтом плацдарма, и атака полка «Дойчланд» продолжается в направлении Харьковского вокзала.

16-я саперная рота полка «Дойчланд» пробила брешь во вражеской позиции на западной окраине города, что имело решающее значение для успеха наступления. Сначала она остается вместе с приданным ей взводом саперного батальона дивизии «Райх» в качестве прикрытия на захваченных позициях.

Рота понесла следующие потери: 1 унтер-офицер ранен, 5 рядовых ранено.

Потери противника: 28 пленных и 40 убитых.

Трофеи роты на плацдарме: 114 винтовок, 13 автоматов, 15 ручных пулеметов, 12 станковых пулеметов, 8 тяжелых минометов, 5 противотанковых пушек, 6 орудий калибра 122 мм, 4 легких миномета. Сбит один самолет Ил-2».

Дивизия «Лейбштандарт» была усилена 4-й тяжелой ротой танкового полка СС «Лейбштандарт». Эта рота гауптштурмфюрера Хайнца Клинга, располагала 14 танками «тигр», но 4 марта в строю оставалось только 8 «тигров». Кроме того, имелось 5 танков Т-IV. Советский танк КВ-1, спрятавшийся за углом дома, уничтожил несколько танков Т-IV. Другой танк КВ-1 повредил «тигр». При этом был убит наводчик и ранен командир танка. Другой «тигр» уничтожил 6 танков

Т-34 и один КВ-2. В Харькове вошли также другие танковые роты танкового полка лейбштандарта.

Весь день 12 марта в Харькове продолжались ожесточенные бои. Советские снайперы удачно действовали с крыш города. Даже тяжелые орудия зенитного дивизиона лейбштандарта были выдвинуты на прямую наводку. Штурмовые орудия и бронетранспортеры также участвовали в боях. Еще вечером 11 марта 11-я рота 1-го панцер-гренадерского полка СС достигла Красной площади, не встретив сопротивления. Но уже 12 марта на площади завязались ожесточенные бои, и она не раз переходила из рук в руки.

Утреннее донесение танкового корпуса СС 12 марта так описывало сложившееся положение:

«В первые утренние часы враг продолжает сражаться в Харькове, располагая значительными силами. Были замечены:

— 2-й гвардейский танковый корпус с тремя танковыми бригадами и одной моторизованной (механизированной. — Б. С.) бригадой;

— 1-й гвардейский танковый корпус с одной танковой бригадой и 19-я стрелковая дивизия;

— остатки 104-й стрелковой дивизии (вероятно, здесь имеется в виду 104-я стрелковая бригада. — Б. С.);

— 350, 303 и 104-я стрелковые дивизии.

С 10 часов в западной части можно заметить отступление врага. Положение противника в секторах Богодухова, Грайворона, Борисовки, Золочева ясно указывает на отступление к востоку и северо-востоку. Еще невозможно увидеть в целом намерения врага. Он может намереваться удерживать районы Донца, Мжи, Мерёфы, так же как и Харьков. Севернее Харькова он может отступить на линию Липцы — Белгород. Контратаки у Циркунов подтверждают его намерение переместиться в район Харькова. С отступлением правого крыла армейской группы Кемпфа следует ожидать атак вдоль Белгородской дороги.

Дивизия «Райх» слабыми силами (1,5 батальона) обеспечивает прикрытие линии, проходящей через высоты к юго-западу от Карасевки и восточную окраину Карасевки до же-

лезнодорожного пути у Шаповаловки. Основная часть дивизии, действующая на северном берегу реки Уды, достигла окраины города, ведя жестокий бой вдоль дороги Пересечная — Харьков и выдвинувшись из лесов к северо-востоку от нее, прорывается в город. Спротивление врага слабеет.

К 10 часам дивизия сообщает, что ее передовые моторизованные подразделения продвинулись на один километр к западу от вокзала, где соединились с 3-м батальоном полка «Дойчланд» (Вислицени). Равным образом дивизия «Лейбштандарт» прорвалась в город с севера, северо-востока и востока. В 10 часов передовые подразделения достигают высоты 103,3, к югу от Красной площади, а также перекрестка дорог Харьков — Волчанск и Харьков — Чудуев. 11 марта в полдень дан приказ перенести основные усилия на восточный фланг дивизии. Один еще оставшийся не использованным батальон переброшен на восточный фланг, что заняло 24 часа.

Дивизия «Тотенкопф», без панцер-гренадерской группы, приданной дивизии «Райх», и без саперного батальона, который должен восстанавливать мосты для путей подвоза снабжения, в данный момент изыскивает возможности движения к востоку.

Более сильный враг находится в Циркунах, где северную окраину пришлось временно оставить перед лицом превосходящих сил вражеских танков.

Состояние дорог, связанное с потеплением, сильно ухудшилось, особенно в секторе к северу от Харькова. Там не хватает дорог, идущих с запада на восток. По этой причине прибытие к северу от Харькова более крупных частей требует времени.

В настоящий момент имеются следующие возможности:

1) Выполнение приказа армии.

Закупорка фронта дивизии «Райх» поглотит значительные силы. Понадобится много времени для перемещения к северу. Подразделения дивизии «Райх» не смогут быть переброшены к востоку от Харькова раньше второй половины дня 13 марта 1943 года.

Боевые подразделения дивизии «Тотенкопф» могут быть собраны утром 13 марта 1943 года вокруг Лосева.

Основные силы дивизии «Лейбштандарт» остаются связанными боями в Харькове. Отсюда следует, что дивизия «Райх» прибудет слишком поздно для того, чтобы осуществить преследование советских войск. Еще невозможно предвидеть, когда приказ о прекращении атаки дойдет до войск и где они тогда будут находиться. Вместе с другими частями «Тотенкопф» будет готова к преследованию.

2) Исполнение приказа командования корпуса.

Оставить дивизии «Райх» и «Лейбштандарт» атаковать Харьков, чтобы затем вместе с дивизией «Райх» лейбштандарт мог выступить из города в направлении Змиева.

«Тотенкопф» будет перемещена через Циркуны, Лосево, чтобы прибыть на вокзал Чугуева.

Передовые подразделения дивизии «Райх» находятся в северо-западной части города и продвинулись до железнодорожного вокзала. Враг слаб. Новые сражения на юго-западе. Враг отступает и там. На юге из района Уды враг производит отход. Продолжение наступления лейбштандарта в южной части города приведет к полному успеху и позволит быстро захватить дорогу Основа — Безлюдовка. Основные силы дивизии «Райх» смогут оказаться там утром 13 марта 1943 года.

Преследование тремя дивизиями по дороге Люботин — Пересечная — Дергачи к юго-востоку не гарантировано».

Как и при отходе из Харькова в феврале, Хауссер и теперь не собирался слепо повиноваться приказу. Гот боялся, что в Харькове эсэсовцы втянутся в затяжные уличные бои, как это случилось в свое время в Сталинграде. Но командующий немецкой 4-й танковой армией не учел, что советских сил в районе Харькова было значительно меньше, чем когда-то в Сталинграде, и они находились под угрозой обхода и окружения. В уличных же боях немцы имели значительное преимущество благодаря большому опыту применения штурмовых групп и гораздо лучшему взаимодействию различных родов оружия. Красная Армия переняла у немцев штурмовые группы в период боев за Сталинград, но они действовали значительно менее умело, чем противник. Да и взаимодействие различных родов войск в Красной Армии оставляло желать лучшего вплоть до самого конца войны. Поэтому в уличных

боях советские войска несли значительно большие потери, чем противник, по сравнению с потерями в полевых сражениях. И в предложении Хауссера завершить разгром противника непосредственно в городе был определенный смысл.

Гот хотел обойти Харьков и создать обороняющим его советским частям угрозу с востока. 12 марта, в 11 часов 50 минут, он по радио призвал Хауссера скрупулезно выполнять его приказы, в частности приказ о выводе дивизии «Райх» из уличных боев. Но десять минут спустя, в полдень, штурмовые группы дивизии «Райх» уже подошли к Центральному вокзалу Харькова. Хауссер рассчитывал, что две его дивизии быстро сломят советское сопротивление в Харькове. Поэтому, чтобы формально выполнить приказ, он сначала вывел из боев лишь несколько подразделений. Гот в своем радиообращении еще раз повторил: «Я возлагаю на командира танкового корпуса СС всю ответственность за исполнение моего приказа вывести дивизию «Райх» из боев за Харьков и перевести ее к северу от Харькова на восточный фланг корпуса».

Фактически боевая группа Хармеля, выполнив свою задачу в Харькове и соединившись с лейбштандартом, уже вечером 12 марта двинулась через северную часть города в направлении Рогани, чтобы перерезать путь отступления противника по линии Рогань — Водяное.

В ночь с 12 на 13 марта советские самолеты сбросили 35 бомб на позиции танкового корпуса СС. Этой же ночью боевая группировка Хармеля с 1-м батальоном и полковыми подразделениями полка «Дойчланд» начала отход, оставив прикрытие из 3-го батальона. Она направилась вдоль железнодорожного пути в западную часть Харькова и на рассвете, в 7 часов 45 минут, выступила через Красную площадь, Литвиновку, Большую Даниловку в направлении тракторного завода.

К юго-западу от Харькова находилась боевая группа Биссингера в составе 2-го батальона полка «Дойчланд». Ее патрули выяснили, что из юго-западных кварталов города советские войска ушли, а на южной окраине Харькова остаются лишь слабые советские подразделения, насчитывающие по-

рядка 150 человек с двумя артиллерийскими орудиями. Группа Биссингера легко уничтожила этот заслон.

На севере после ухода боевой группы Хармеля, бои продолжает лейбштандарт, которому приходится драться за каждый дом, за каждый метр харьковских улиц. Красноармейцы ожесточенно сопротивляются, используя противотанковые ружья, гранаты и бутылки с зажигательной смесью. Советские снайперы ведут огонь из домов. Но две трети города уже в руках немцев. Советские арьергарды забаррикадировались в юго-восточной части Харькова, в основном с помощью баррикад, прикрывая отход остатков гарнизона на восток.

В 0 часов 30 минут 13 марта передовые подразделения «Тотенкопфа» вышли в район к юго-востоку от Байрака. На рассвете они продвинулись в направлении Рогани и уничтожили у Соколовки неприятельские части, пытавшиеся уйти на юго-восток. В 15 часов, после боя к югу от деревни Короды, дивизия достигла высот, расположенных к северу от Рогани. Здесь она выдержала сильные контратаки с востока и северо-востока. В ходе боя на северной окраине Циркунов «Тотенкопф» уничтожил, согласно донесению штаба дивизии, 10 танков Т-34. Всего, по данным корпусного штаба, 11 и 12 марта танковый корпус СС уничтожил 47 советских танков (в основном — Т-34) и 52 артиллерийских орудия.

13 марта танковый корпус СС направил донесение Главному командованию войск СС, жалуясь на большие потери в технике в первую очередь в дивизии «Райх»:

«1) Наступление, начатое 18 февраля 1943 года, с целью уничтожения русских моторизованных сил, которые прорывались к Днепропетровску, вовлекло танковый корпус СС в наступательные бои и преследование противника, продолжавшееся до 10 марта 1943 года на расстоянии в 420 километров, частично при плотном снежном покрове, частично в глубокой грязи, вызванной оттепелью.

Поскольку корпус уже в течение трех недель находится в состоянии непрерывного боя, и машины, главным образом танки, прошли расстояния во многие сотни километров, в начале марта мы отмечаем значительное снижение числа

имеющейся в нашем распоряжении боевой техники, особенно в дивизии «Райх», которая почти всегда находится в центре атак. Дошло до того, что в этой дивизии боеспособными остались только 8 танков Т-III и 6 штурмовых орудий.

Поскольку подобные действия по преследованию на большие расстояния не являются редкостью, следует пересмотреть организацию танково-гренадерской дивизии СС, дабы она сохранила достаточную боеспособность при значительных потерях в бронированной технике...»

Хауссер предложил разделить каждую дивизию на танковую и панцер-гренадерскую бригады, причем на последнюю, усиленную самоходной артиллерией, должна была ложиться основная тяжесть преследования разбитого противника, дабы дефицитные танки не расходовали зря моторесурс. Эта реформа будет осуществлена только в бундесвере, уже после Второй мировой войны.

13 марта в 22 часа командование 4-й танковой армии передало в штаб танкового корпуса СС приказ на следующий день. В нем, в частности, говорилось:

«...Наступательными силами дивизий «Райх» и «Тотенкопф» танковый корпус СС сокрушает вражеское сопротивление на севере и на дороге Харьков — Чугуев, продвигается до реки Уды, на восток от Водяного и к Чугуеву, и отрезает отступающему врагу возможность отхода на ту сторону Уды и Донца. Нужно, чтобы проход через Чугуев был быстро блокирован.

Корпус продолжит силами лейбштандарта уничтожение врага в Харькове и возьмет город. Разведка в сторону Донца должна быть выслана по обе стороны Салтова и в направлении Волчанска. Особенно важно вовремя выявить намерение врага контратаковать...»

Ночью 14 марта боевая группа Хармеля (полк «Дойчланд») овладела станцией Рогань, но вынуждена была остановиться из-за нехватки горючего. Ее пришлось снабжать по воздуху, так как из-за распутицы дороги без твердого покрытия стали почти непроходимыми. Из-за этого подразделения дивизии «Тотенкопф» и боевая группа Хармеля вынуждены были остановиться на несколько часов.

Около 7 часов 30 минут мотоциклетно-стрелковый батальон дивизии «Райх» взял Ледное и расположился в Зайцеве, выставив заслон к востоку.

Боевая группа Кумма (усиленный полк «Фюрер») на рассвете атаковала к югу от Харькова и около 10 часов взяла Липовую Рощу и южную часть Харькова, к западу от Лосева. Все мосты через реку Уды оказались разрушены, но их удалось быстро восстановить.

В 12 часов 30 минут и боевая группа Хармеля наконец получает горячее, сброшенное с парашютами восточнее Лосева. К 14 часам она выходит к высотам, расположенным к востоку от станции Васищево. В 17 часов боевая группа перерезала железную дорогу южнее станции и заняла высоты вокруг Терновой у перекрестка, находящегося к востоку от тракторного завода и станции Рогань. Здесь группа Хармеля уничтожила 3 танка Т-34 и 3 танка Т-70. В это время лейбштандарт продолжает бои в Харькове. В 17 часов 15 минут он занял центр города. Штурмовая группа (полк Баума) дивизии «Тотенкопф» взяла Рогань и на рассвете выступила на Чугуев. В 11 часов она достигла высот в четырех километрах к востоку от Рогани. В течение дня пикирующие бомбардировщики Ю-87 «Штукас» и штурмовики Ю-88 совершили около 500 вылетов, поразивших все скопления и движения советских войск. Они, в частности, поддержали танковую атаку к юго-востоку от Борисовки, уничтожив много советских танков.

14 марта началось сражение за тракторный завод, находящийся в шести километрах к востоку от Харькова. Его обороняли советская пехота и танки. Высокие заводские трубы использовались как наблюдательные посты. Боевая группа Кумма (усиленный полк «Фюрер») должна взять завод при поддержке 2-го батальона полка «Дойчланд» и огневой поддержки всех артиллерийских дивизионов. Артиллерийская подготовка начинается в ночь с 14 на 15 марта. 2-й батальон полка «Фюрер» предпринимает обход с юга, через южный аэродром Харькова, в то время как 2-й батальон полка «Дойчланд» готовится к атаке к западу от тракторного завода.

15 марта боевая группа Хармеля должна была установить связь с танковым корпусом Кнобельсдорфа возле станции

Зидьки, с 6-й танковой дивизией — у Боровой и с 11-й танковой дивизией — у Карачевки. Главным силам дивизии «Райх» (боевая группа полка «Фюрер») предстояло взять Основу и ударить на Лосево, наступая вдоль дороги, ведущей в Волчанск, чтобы выйти на рубеж реки Донец в районе Салтова и Волчанска.

Дивизия «Тотенкопф» ворвалась в Чугуев в ночь с 14-го на 15-е и к полудню очистила город от противника. Таким образом, гарнизону Харькова был отрезан путь на восток.

Лейбштандарт тем временем начал зачистку юго-восточных кварталов Харькова. Некоторые советские подразделения сдаются в плен, другие уничтожаются.

Советские части, оказавшиеся между танковым корпусом СС и XLVIII танковым корпусом, пытаются отойти на юго-запад и юго-восток.

Тем временем 2-й батальон полка «Дойчланд» и прибывший ему на подмогу мотоциклетно-стрелковый батальон остаются на позиции западнее Основы и к западу от локомотивного завода. 2-й батальон полка «Фюрера» на рассвете атаковал к югу от локомотивного завода, используя приданные ему танки и штурмовые орудия. Один советский батальон отходит в направлении Безлюдовки. Затем немецкие батальоны атакуют район заводов и застигают противника врасплох. Советские войска ожидают противника с запада, а батальон Штадлера появляется с юга. В полдень весь заводской район оказывается в руках немцев. Около 2000 советских солдат отступают в южном и юго-восточном направлении. В 17 часов части полка «Фюрер» берут Лосево.

16 марта корпус СС должен предотвратить отступление советских сил на линию Терновая — Харьковская дорога — север Чугуева — станция Рогань. Одна из боевых групп лейбштандарта должна ударить во фланг советским войскам, отходящим по дороге Харьков — Белгород, и отрезать их от тылов.

В середине дня 15 марта командующий 3-й танковой армией П. А. Рыбалко отдал приказ об отходе на левый берег Северского Донца. Вечером гарнизон Харькова прорвал окружение на юго-восток, с боями прошел около 30 км, пере-

правился через Донец и к утру 17 марта присоединился к войскам Юго-Западного фронта.

16 марта советские войска, окруженные к западу от линии Чугуев — Рогань — Байрак, попытались прорваться на север и северо-восток. Навстречу им готовился деблокирующий удар по дороге Волчанск — Харьков силами подкреплений, спешно собранных в районе Белгорода.

Боевая группа Хармея (полк СС «Дойчланд») отразила несколько попыток прорыва, уничтожив 3 танка Т-34. На правом фланге в полдень была установлена связь с XLVIII танковым корпусом.

Между станцией Рогань и Основой осталось 8 «катюш» с небольшим запасом снарядов и горючего. Боевая группа Кумма при поддержке танков и штурмовых орудий, а также реактивно-минометного дивизиона корпуса атаковала Лосевский тракторный завод, оборонявшийся двумя стрелковыми полками с 8—10 танками, и к 9 часам захватила его. Советские части пытались прорваться на восток и северо-восток к Рогани, Прелестному и Байраку. С востока им навстречу наносит удар деблокирующая группировка, которой противостоит мотоциклетно-разведывательный батальон Вейса. В полдень три десятка советских танков атакуют Липцы.

Дивизия «Тотенкопф», которую должны были сменить подразделения «Райха», вынуждена остаться для отражения атак с юга, юго-запада, запада и северо-запада.

В 8 часов утра усиленная полковая группа лейбштандарта от северного аэродрома Харькова выдвинулась на дорогу, ведущую в Белгород. Советские части атаковали ее из лесов, расположенных к югу от Малых Проходов, но неудачно, потеряв 5 танков. В 15 часов усиленный 1-й танково-гренадерский полк лейбштандарта атаковал по обеим сторонам дороги на Белгород, стремясь зажать противника в клещи у Липцов.

17 марта боевая группа Хармея во второй половине дня достигла Липцов, подвергшись в пути интенсивным атакам советских штурмовиков. Однако группа потерь не понесла, так как советские летчики еще плохо умели поражать танки и движущиеся машины. Боевая группа Кумма (полк «Фю-

рер») была усилена мотоциклетно-стрелковым батальоном Фика и последними танками дивизии «Райх» (остатками танкового батальона Тихзена). В 9 часов 2-й батальон полка «Фюрер» (Штадлера) при поддержке мотоциклетно-стрелкового батальона атаковал Михайловку и овладел ею к 12.30. Вечером, после ожесточенного боя, он овладел селением Непокрытое. Разведывательный батальон дивизии «Райх» сообщил, что советские войска отступают на север, оставив для наблюдения за немцами лишь несколько танков.

В Чугуеве дивизия «Тотенкопф» отразила все советские атаки и уничтожила 21 танк. Ее отдельные подразделения дошли до Зарожного. В Чугуеве ее сменила 11-я танковая дивизия. Лейбштандарт тем временем вышел на линию Журавлевка — Щербаковка — север Прудянки и Золочев.

Дивизия «Мертвая голова» продолжала наступление на северо-восток к селению Непокрытое и районному центру Старый Салтов. Здесь оборонялся 1-й гвардейский кавалерийский корпус, ослабленный боями на Донце. 19 марта он вынужден был отойти. Мост через Донец был разрушен «Штукасами», когда по нему переправлялись советские конники. Им пришлось отступить по льду, ведя бой с немецкими танками и пехотой.

На 18 марта Гот отдал приказ, согласно которому «4-я танковая армия должна атаковать в направлении Волчанск — Белгород, чтобы уничтожить врага к западу от Донца, во взаимодействии с армейской группой Кемпфа (слева), и воспрепятствовать прибытию других советских сил через Донец.

Танковый корпус СС овладевает переправами через Донец у Белгорода. Имея по одной дивизии по обе стороны реки Харьков, он атакует Белгород по линии Черемошное — Микояновка. Части прикрытия должны быть прорваны концентрированными силами, и следует отбросить врага, который находится к юго-востоку от Белгорода.

Ни в коем случае корпус не должен дать врагу, находящемуся южнее Волчанска, вынудить его изменить направление атаки. Для прикрытия восточного фланга одна дивизия («Тотенкопф») должна быть эшелонирована справа назад через Непокрытое в направлении Бочковки.

Линия Липцы — Дементиевка должна быть пересечена в 4 часа утра. Чтобы контролировать Харьков, в ожидании прибытия предусмотренного для этого батальона, танковый корпус СС оставляет один батальон».

Справа 11-я танковая дивизия должна была наступать на Старый Салтов. Слева дивизия «Великая Германия» из армейской группы Кемпфа готовилась атаковать своим правым флангом вдоль западного берега Лопани в северо-восточном направлении.

18 марта на рассвете усиленный полк «Фюрер» захватил Веселую Лопань и Высокое. Противник отступил на север и северо-восток. Нечаевка и Бочковка были взяты в 13 часов. Полк «Дойчланд» присоединился затем к полку «Фюрер», чтобы вместе с ним продолжать наступление на Белгород.

Наиболее сильная правая колонна лейбштандарта около 5 часов утра начала движение по дороге Харьков — Белгород, встречая лишь слабое сопротивление. Около 11.30 она вышла к юго-западным окраинам Белгорода. В полдень передовая группа бронетехники ворвалась в город. В ходе ожесточенных боев было уничтожено 17 советских танков. Советским отступающим колоннам также были нанесены тяжелые потери.

В 11 часов 30 минут боевая группа Вислицени (3-й батальон полка «Дойчланд») также ворвалась в Белгород с юга и встретила сильное сопротивление. Ей на помощь пришла группа Хармеля. Танки и штурмовые орудия этих двух групп уничтожили 14 советских танков. Белгород был взят за 4 часа. 69-я армия отошла на восточный берег Донца.

В ночь с 18 на 19 марта советская авиация бомбардировала Белгород, уже оставленный Красной Армией.

В боях за Белгород было тяжело ранен командир дивизии «Райх» оберфюрер Герберт Эрнст Фаль. Его сменил командир артиллерийского полка дивизии оберфюрер СС Курт Бразак.

Танковый корпус СС 19 марта занимался зачисткой западного берега Донца. В этот день командир 1-го батальона полка «Дойчланд» штурмбаннфюрер Эрат был назначен военным комендантом Белгорода.

20 марта. Около 6 часов 30 минут утра 3-й батальон полка

«Дойчланд» (Вислицени) при поддержке пикирующих бомбардировщиков «Штукас» взял поселок Старый город на восточном берегу Донца, образовав там плацдарм. Дивизия «Райх» достигла Донца на широком фронте.

До 22 марта продолжались бои на фронте лейбштандарта и «Великой Германии». Затем наступило затишье. Сражение за Харьков закончилось. Образовался южный фас Курской дуги.

А как оценивалась ситуация с советской стороны? Маршал Василевский вспоминал: «Вражеское контрнаступление и быстрый отход войск правого крыла Юго-Западного фронта создали серьезную угрозу левому крылу Воронежского фронта, войска которого тоже были крайне ослаблены в наступательных боях, но все еще продолжали продвигаться в западном направлении.

В первых числах марта Верховный Главнокомандующий дал мне указание вернуться на Воронежский фронт. Командование и штаб фронта находились тогда в Белгороде. Посетив войска и штаб 3-й танковой армии, я убедился, сколь серьезна сложившаяся обстановка, и подробно доложил о ней Верховному. Он распорядился передать Воронежскому фронту группу войск П. С. Рыбалко из Юго-Западного фронта. Но этого оказалось недостаточно.

4 марта противник начал второй этап контрнаступления, нанеся мощный танковый удар сосредоточенными силами по Воронежскому фронту из района юго-западнее Харькова. Используя значительное превосходство, особенно в танках и в авиации, враг после кровопролитных боев 7 марта сломил сопротивление героических войск левого крыла Воронежского фронта и вынудил их начать отход к Харькову...

После 7 марта обстановка на левом крыле Воронежского фронта продолжала ухудшаться. В ночь на 10 марта у меня состоялся обстоятельный разговор по телефону с Верховным Главнокомандующим. Мы обсудили, что должна предпринять Ставка, чтобы немедленно и серьезно усилить курско-белгородско-харьковское направление. Решили срочно перебросить сюда две общевойсковые и одну танковую армии. В директиве Ставки, адресованной командующему Цен-

тральным фронтом К. К. Рокоссовскому, мне и командующему Воронежским фронтом Ф. И. Голикову, говорилось:

«Выход южной группы противника севернее Харькова в район Казачья Лопань создает тяжелое положение для Воронежского фронта и несет угрозу разрушения тылов всего Центрального фронта. Противник имеет намерения выйти в сторону Белгорода, прорваться к Курску и соединиться с орловской группой немецких войск для выхода в тыл Центральному фронту. Ставка решила выдвинуть танковую армию Катукова навстречу поднимающемуся на север противнику с задачей совместно с 21-й армией разгромить южную группу противника и ликвидировать создавшуюся угрозу для Центрального и Воронежского фронтов. Ставка приказывает: 1. Немедля выдвинуть 21-ю армию в сторону Курска с тем, чтобы не позднее 13 марта армия выдвинулась южнее Курска, перехватила магистральное шоссе и начала ускоренное движение в сторону Обояни. 2. Оказать всяческое содействие танковой армии Катукова в деле выгрузки и быстреешего продвижения вперед бок о бок с 21-й армией. Ставка доводит до вашего сведения, что как 21-я армия, так и танковая армия Катукова передаются с 13 марта сего года в подчинение командующему Воронежским фронтом».

Находившемуся в то время в Курске в качестве представителя Ставки заместителю начальника Генерального штаба А. И. Антонову было приказано принять все меры для быстреешего выдвижения на реку Псёл 21-й армии генерал-лейтенанта И. М. Чистякова. Армия должна была прочно держать этот рубеж, прикрыть Курск с юга и обеспечить развертывание прибывавшей сюда из резерва Ставки 1-й танковой армии. Ставкой дано также указание срочно перебросить в распоряжение командования Воронежского фронта 64-ю армию генерал-лейтенанта М. С. Шумилова, находившуюся в ее резерве в районе Сталинграда. Войска Воронежского фронта продолжали упорно отстаивать подступы к Харькову, но сами своими сравнительно слабыми силами не смогли сдержать танковый напор фашистов и вынуждены были 15 марта оставить город. Под Белгородом основной удар врага пришелся по крайне ослабленной 69-й армии генерал-

лейтенанта М. И. Казакова. С юга наступал танковый корпус СС, с запада — армейский корпус. Фашисты непрерывно бомбили Белгород. 18 марта враг, прорвавшись с юга, овладел городом. Командование Воронежского фронта и я покинули его ранним утром и переехали в район Обояни.

Хотелось бы заметить, что даже при всей неожиданности вражеского контрнаступления наш отход не носил на себе следов растерянности и сумятицы. Ни порядок, ни руководство войсками не нарушались, хотя все тяжело расставались со столь дорогими нашему сердцу городами и районами».

Советская разведка прозевала сосредоточение немецких танковых группировок, а командование Воронежского и Юго-Западного фронтов не сумело вовремя осознать масштаб вражеской угрозы. Передача 21-й и 1-й танковой, а потом и 64-й армии Воронежскому фронту явно запоздала. Они уже не могли вступить в бой до начала весенней распутицы и как-нибудь повлиять на обстановку в районе Харькова и Белгорода. Другое дело, если бы сразу после ликвидации Сталинградской группировки немцев 21-я армия была бы передана не Центральному фронту, а Воронежскому или Юго-Западному, если бы туда же была переброшена 64-я армия, оставленная в качестве резерва Ставки в районе Сталинграда, если бы 1-я танковая армия к 17 февраля закончила формирование не в тылу Северо-Западного фронта, в составе которого она должна была наступать на Псков, а в тылу Воронежского или Юго-Западного фронтов, ход событий на юге мог бы быть совсем иным. Тогда бы контрудар Манштейна получил бы мощный противовес в виде трех армий, которые бы, в свою очередь, могли бы нанести мощный контрудар по группе армий «Юг», что наверняка привело бы к удержанию советскими войсками Харькова, а при благоприятном развитии событий — и к захвату ими плацдармов на Днестре. Ведь немецкие танковые дивизии перед контрнаступлением были ослаблены в предшествовавших оборонительных боях, понесли значительные потери, особенно в бронетехнике, и вряд ли смогли бы справиться со свежей советской танковой армией. Обидно, что силы для противодействия замыслам Манштейна у советского командования были, но использо-

вать их советское командование не сумело. Ставка, переоценив степень разгрома южного крыла германского Восточного фронта, решила перебросить часть сил с юга для проведения наступательных операций на центральном и северо-западном участках фронта. Командование же Воронежского и Юго-Западного фронтов слишком поздно осознало масштаб вражеского контрудара и не смогло создать достаточно сильные группировки войск для противодействия ему, в том числе путем проведения встречных контрударов. Последнее было бы наиболее эффективным средством в условиях, когда только что занятые советскими войсками в ходе наступления позиции были слабо приспособлены для обороны. Однако обороняющиеся советские войска вынуждены были ограничиваться лишь местными контратаками, которые не могли переломить ситуацию. И Голиков, и Ватутин, впрочем, как и руководители Ставки Верховного Главнокомандования — Сталин, Жуков и Василевский, далеко уступали Манштейну в военном искусстве.

Почему-то мало обращают внимания на то, что успех контрудара Манштейна под Харьковом определялся не только талантом немецкого военачальника, но и ошибками советского командования, в первую очередь Ставки. Однако и в случае оптимальных действий с советской стороны план Манштейна все равно был бы для немцев наилучшим способом действий. Тогда бы фельдмаршалу вряд ли удалось бы вернуть Харьков, но обескровить во встречных сражениях советские танковые соединения и удержать подступы к днепровским переправам было бы вполне реальной задачей.

Между прочим, оптимальным способом действий для советского командования было бы сдать Харьков без боя, чтобы не нести неоправданно больших потерь в борьбе за город, который все равно нельзя было удержать, а также при вынужденном отступлении из района Харькова под огнем противника. Стоило бы начать готовить отход на Белгород сразу после того, как определилось поражение дивизий и корпусов, наступавших к Днепру, т. е. не позднее 5 марта. Тогда можно было бы избежать тяжелых уличных боев, в которых войска фронта несли непропорционально высокие потери. В этом

случае Воронежскому фронту удалось бы сберечь силы и почти наверняка удержать Белгород, для взятия которого у обескровленного длительными маршами и боями против 6-й и 3-й танковых армий корпуса СС не хватило бы сил. При таком развитии событий условия к началу летней кампании для Красной Армии были бы гораздо благоприятнее, чем это оказалось на самом деле. Однако и над Ставкой, и над командованием фронта довели соображения престижа. Генерал Голликов не мог рискнуть предложить Сталину оставить Харьков, зная, что за этим последуют обвинения в пораженчестве.

Впоследствии, после окончательного освобождения Харькова Красной Армией, Чрезвычайная комиссия по расследованию немецко-фашистских злодеяний утверждала, что в Харькове бойцы лейбштандарта убивали советских раненых в харьковских госпиталях. На процессе над военными преступниками в Харькове 15—18 декабря 1943 года, в результате которого по заранее предрешенному приговору были казнены два сотрудника тайной полевой полиции, офицер Абвера и шофер «хи-ви» из советских военнопленных, три свидетеля, профессор, врач и медсестра дружно показали, что «13 марта 1943 года три грузовика с солдатами из дивизии СС «Адольф Гитлер» подъехали к госпиталю (1-й общий эвакуационный госпиталь 69-й армии, находившийся на улице Тринклера). Они выбили двери блока № 8 и бросили внутрь зажигательные гранаты. Возник пожар. Когда раненые пытались спастись, выпрыгивая из окон, их расстреляли из автоматов. На следующий день прибыло 9 эсэсовцев, которые выгнали медперсонал из помещений и расстреляли всех находившихся в палатах». Жена одного из раненых, пришедшая навестить его 15 марта, нашла лишь «окровавленное и изувеченное тело своего мужа, лежащего между койками. Голова его была разбита, один глаз выбит, руки сломаны, а кровь еще сочилась из ран». Советское обвинение утверждало, что всего было расстреляно, сожжено и добито прикладами и штыками около 800 раненых, причем 300 человек сожгли заживо. Утверждалось также, будто бы одного из раненых, захваченного в подвале Санитарно-гигиенического института, где располагался госпиталь, немцы распяли на воро-

тах сарая во дворе дома на улице Тринклера, 12. Его раздели, отрезали половой орган и уши, после чего распяли с надписью на груди «юда». «Я, как художник, — утверждал свидетель В. С. Осадчук, — сделал зарисовку этой жуткой казни». Но этот рисунок так и не был опубликован.

Тут надо заметить, что советская Чрезвычайная Комиссия основательно дискредитировала себя, выдав фальшивое заключение по Катынскому делу, в котором приписала немцам это советское злодеяние. Неизвестно, насколько достоверны и данные о германских злодеяниях в Харькове. У советских следователей был большой соблазн приписать немцам, в частности, жертвы советских репрессий, чьи захоронения были найдены в годы войны, в том числе и самими немцами. Например, Чрезвычайной Комиссией было вскрыто захоронение в Дробицком Яре под Харьковом, где, по показаниям свидетелей, немцы в декабре 1941-го и январе 1942 года расстреливали местных жителей, в основном евреев. Было эксгумировано 500 трупов, из которых 215 были подвергнуты судебно-медицинской экспертизе. Оказалось, что почти все погибшие были убиты выстрелом в затылок на близком расстоянии. Но это — стиль НКВД (именно так были расстреляны поляки в Катыни), а не немецких зондеркоманд, которые предпочитали стрелять на довольно значительной дистанции и довольно беспорядочно, без специальной задачи поразить какую-то конкретную часть тела. Поэтому существует очень большая вероятность того, что найденные в Дробицком Яре в 1943 году жертвы были в действительности расстреляны НКВД в 1937—1938 годах в ходе Великой Чистки.

Кстати сказать, различия в технологии расстрелов объяснялись не только большей опытностью палачей из НКВД, практиковавшихся в этом деле еще с 20-х годов (есть замечательная повесть Владимира Зазубрина «Щепка», где показано, что уже в 1921 году в сибирских ЧК практиковалась именно такая технология расстрела — в подвале, с близкого расстояния, в затылок), но и обстоятельствами, при которых совершали свои расстрелы зондеркоманды и НКВД. Немцы расстреливали евреев (а массово они стреляли только евреев

и цыган) в чрезвычайных условиях войны. Они старались расстрелять как можно быстрее как можно больше людей и с наименьшими затратами. По последней причине, в частности, довольно быстро отказались от использования автомобилей-душегубок. Для того, чтобы уморить жертвы угарным газом, а потом еще доставить их к месту захоронения, требовалось сжечь слишком много дефицитного бензина. Поэтому расстреливали на открытом воздухе, большими партиями, преимущественно в больших оврагах или противотанковых рвах, чтобы трупы можно было сразу закопать и не возиться потом с их перевозкой и утилизацией. Несчастных раздевали, но не связывали, чтобы не возиться, да возникла бы проблема — чем связывать? Наручников, да и простых веревок на многие тысячи людей, расстреливаемых одновременно, не напасешься. Поэтому стрелять в затылок с близкого расстояния не было никакой возможности. Во-первых, если палач подойдет слишком близко к обреченным, они просто могут в отчаянии наброситься на него. Терять-то уже все равно нечего. Во-вторых, необходимо более-менее зафиксировать голову осужденного. Но человек в большой яме, у которого руки и ноги свободны, не будет спокойно дожидаться смерти. Поэтому немцы предпочитали расстреливать со сравнительно большой дистанции из винтовок, автоматов и пулеметов. Пистолеты как орудие казни в этом случае не годились из-за малой дальности прицельной стрельбы. Но такой способ расстрела имел и свои издержки. Далеко не все из расстреливаемых получали смертельные ранения, поэтому оказалось довольно много уцелевших свидетелей злодеяний зондеркоманд СД.

НКВД казнил своих жертв не торопясь, сравнительно небольшими партиями, с толком, с чувством, с расстановкой. Несчастных расстреливали в замкнутых помещениях, чаще всего — в подвалах не очень большого размера, поскольку одновременно казнили максимум 4—5 человек, а часто стреляли вообще поодиночке. Жертве связывали руки за спиной, а иногда и ноги, или вообще привязывали или пристегивали наручниками к деревянному щиту, так что можно было стрелять в затылок почти в упор, не боясь промахнуться.

Во всяком случае, за убийство раненых в харьковском госпитале, если оно действительно имело место, ни один офицер или солдат лейбштандарта наказания не понес. Бывший командир дивизии Зепп Дитрих, не раз упоминавшийся на страницах этой книги Иоахим Пайпер и некоторые другие офицеры и солдаты лейбштандарта были после войны осуждены американским трибуналом за вполне доказанные убийства солдатами дивизии американских пленных в ходе Арденнской операции 1944 года, хотя ответственность за это Дитриха и Пайпера остается предметом дискуссий. А за убийство раненых в Харькове, наряду с другими преступлениями, в 1943 году предпочли повесить двух гестаповцев, капитана Абвера и коллаборациониста-шофера.

Что же касается истории с убийством раненых в харьковском госпитале, то в показаниях свидетелей есть ряд очевидных нестыковок, которые, в случае если бы дело рассматривалось в действительно независимом суде, с участием адвокатов, последние не преминули бы обратить на них внимание как на доказательства несостоятельности версии обвинения. Первый вопрос возникает с числом уничтоженных раненых. Известно, что в харьковских госпиталях в начале марта 1943 года находилось 6,5 тыс. раненых. Из них в период с 6 по 10 марта было эвакуировано 4,5 тыс., остальные остались в городе и попали в руки немцев. Отметим, что не смогли эвакуировать наиболее тяжелых раненых, что называется, «лежащих», так что сами уйти из госпиталя после отступления наших войск они никак не могли. Но тогда естественным образом возникает вопрос: если 800 раненых были убиты фашистами, то куда делись еще 1200? Местные жители при всем желании не могли разобрать по своим домам и спрятать такое большое количество раненых, в условиях, когда в городе шли уличные бои. А если немцы 1200 раненых не убили, а отправили в лагерь, то, спрашивается, почему другие 800 оказались менее счастливыми? Конечно, кого-то могли застрелить в горячке боя, мстя за погибших товарищей. Дело на войне обычное. В конце концов, гранату в дверь дома могли бросить, не разобравшись, что там госпиталь, а рассчитывая таким образом выкурить засевших в доме красноармейцев. Но,

если верить показаниям свидетелей, на следующий день происходила уже заранее спланированная акция по уничтожению раненых. Тогда встает еще один вопрос: почему эсэсовцы, поголовно истребив раненых, пощадили при этом весь медицинский персонал — совершенно ненужных свидетелей преступления? И непонятно, каким образом советские медики определили, что в госпиталь явились эсэсовцы, да еще именно из лейбштандарта «Адольф Гитлер»? Ведь полевая форма войск СС практически не отличалась от полевой формы вермахта, а эсэсовские руны на белых камуфлированных касках отсутствовали. Подозреваю, что толкового перекрестного допроса свидетели бы не выдержали.

Что же касается эпизода с распятым на дверях госпиталя евреем-красноармейцем, то это уж очень смахивает на легенду. Существует совершенно тождественная легенда, многократно тиражировавшаяся советской пропагандой, о гвардии рядовом (или младшем сержанте) комсомольце Юрии Васильевиче Смирнове, во время операции «Багратион» раненым попавшим в плен к немцам 25 июня 1944 года у деревни Шалашино Витебской области, отказавшимся отвечать на вопросы врагов и за это распятого ими на стене блиндажа. Между прочим, утверждалось, что убили Смирнова солдаты и офицеры 78-й штурмовой дивизии СС, хотя эта дивизия никакого отношения к войскам СС не имела. Ему посмертно присвоили звание Героя Советского Союза, навечно зачислили в списки части — 1-ю роту 1-го батальона 77-го гвардейского стрелкового полка 26-й гвардейской стрелковой дивизии, его подвиг был упомянут в приказе Верховного Главнокомандующего. Но слишком уж этот подвиг смахивает на миф. Действительно, был командир отделения младший сержант Юрий Васильевич Смирнов, родившийся в 1925 году в г. Макарьево Ивановской области, погибший в бою 25 июня 1944 года у деревни Шалашино Дубровинского района Витебской области, но в донесении дивизии о безвозвратных потерях, датированном 21 августа 1944 года, еще до присвоения ему 6 октября звания Героя, Ю.В. Смирнов числится убитым 25 июня, а не погибшим в плену. Скорее всего, советская пропаганда просто решила таким образом исполь-

зывать в своих целях христианскую символику. Какую уж такую большую ценность мог представлять в качестве «языка» командир отделения? В лучшем случае он мог назвать номер своего полка и дивизии, что немцы и так знали из его красноармейской книжки. Да еще сказать, куда следовал танковый десант, в составе которого он находился. Немцам к моменту допроса это тоже наверняка уже было известно. Простой сержант — это вам не какой-нибудь штабной капитан или майор. Ну, могли немцы, конечно, со злости Смирнова пристрелить, но чтобы возиться с распятием... Других забот у них, что ли, не было, когда советское наступление было в самом разгаре и немецкая оборона трещала по всем швам? Тем более что можно было запросто очутиться в плену и испытать на себе месть красноармейцев за распятого товарища... Что характерно, фотографии распятого красноармейца не сохранилось, а в качестве фамилии для героя взяли самую распространенную в России фамилию. В указе 1944 года он числился красноармейцем, а в 1978 году был издан специальный указ, где он числился уже младшим сержантом. Кстати сказать, происходит она от древнего языческого имени, однокоренного со словом «смирный». Как знать, может быть, фамилия Смирнов действительно отражает менталитет русского народа?

Столь же сомнительным выглядит и история с безымянным харьковским раненым. Он, вероятно, должен был висеть достаточно долго, не менее суток, а то и больше. Его должны были видеть десятки, если не сотни жителей. Не каждый день все-таки людей распинают! Но почему же этот страшный случай не отразился в чьих-то дневниках, письмах, а были только трое жителей соседнего дома, совершенно одинаково рассказавших на суде эту историю. По катынскому делу мы хорошо знаем, как умели в НКВД готовить свидетелей.

Любопытно, что история о погибших в 1943 году в Харькове советских раненых сама стала порождать мифы: Бывший военный разведчик и писатель Овидий Горчаков в своей повести «Внимание: чудо-мина!» писал, что осенью 1941 года, сразу после первой немецкой оккупации Харькова, «с разрешения коменданта и начальника гарнизона города эсэсовцы

из дивизии «Викинг» заживо сжигают и расстреливают около четырехсот раненых красноармейцев в армейском госпитале на улице Тринклера — госпиталь не успели эвакуировать». То, что это чистой воды фантазия, доказывается всего лишь одним фактом: в 41-м году, как, впрочем, и в 43-м, дивизия СС «Викинг» в Харьков не входила, она действовала на подступах к Ростову-на-Дону. Горчаков сведения о расправе бойцов «Викинга» с ранеными в Харькове взял из книги Питера Ноймана «Черный марш». Эта книга, впервые вышедшая в 1956 году на французском языке под названием «Черный марш», затем была переведена на английский и стала бестселлером в США. «Черный марш» выдавался за подлинный дневник офицера дивизии «Викинг» (в конце войны — гауптштурмфюрера). На самом деле «Черный марш» — это художественное произведение, и не только потому, что в «Викинге» никогда не было офицера Питера Ноймана. Характерно, что немецкого издания книги до сих пор, кажется, не появилось, что наводит на мысль, что первоначальный текст был написан не на немецком, а на французском языке. В книге полно нелепостей, и, кроме эпизода с ранеными в Харькове, она насквозь литературна. Кстати, Харьковский процесс был хорошо известен на Западе. Сталин рассматривал его как репетицию будущего Нюрнбергского процесса и допустил в Харьков иностранных корреспондентов. Эсэсовцы в книге Ноймана представлены настоящими зверьми, убивающими, пытающими и насилующими мирных жителей, особенно евреев (Нойман, в частности, собственными руками душил свою невесту-еврейку и вместе с друзьями убивает евреев в «Хрустальную ночь»). Из книги Ноймана, в частности, пошла байка о том, будто в училищах войск СС курсантов заставляли на учениях окапываться в очень ограниченное время. Тех, кто не успел вырыть достаточно глубокий окоп, танки будто бы давили насмерть.

«Черный марш» — это, несомненно, пропагандистский роман, замаскированный под подлинный документ. Данное произведение должно было разоблачить войска СС, доказать, что Нюрнбергский трибунал был прав, когда объявил их преступной организацией. «Черный марш» должен был про-

тивостоять книге Хауссера «СС в бою» и другим мемуарам бывших эсэсовских генералов и генералов вермахта, которые как раз в середине 50-х годов начали появляться в Германии, США и европейских странах. Петер Нойман — это, несомненно, псевдоним, напоминающий о «новом человеке», которого хотели создать нацисты, и каков, дескать, этот человек на деле. Имя Петер тоже, возможно, подобрано не случайно. В переводе с греческого оно значит «камень» и, быть может, намекает на твердость автора дневника в нацистской вере. Может быть, когда-нибудь мы узнаем имя истинного автора. Но можно не сомневаться, что он никогда не служил ни в дивизии «Викинг», ни вообще в войсках СС.

Сегодня мы не можем с уверенностью сказать, убивали ли бойцы лейбштандарта раненых в харьковских госпиталях в марте 43-го или не убивали. Несомненно другое. Отдельные солдаты и офицеры войск СС в ходе войны не раз совершали военные преступления, т. е. убийства военнопленных, убийства и другие виды насилия по отношению к гражданскому населению, включая расстрелы заложников. Но точно такие же преступления совершали и солдаты вермахта, а также Красной Армии, равно как, пусть и в меньшей мере, войска западных союзников. Но к преступлениям против человечества войска СС не причастны. Этим занимались СД и гестапо.

Вечером 18 марта 1943 года штаб 4-й танковой армии подвел итог четырех недель контрнаступления. В приказе по армии утверждалось, что были разбиты следующие советские соединения:

- 25-й танковый корпус с тремя танковыми бригадами и одной моторизованной бригадой;
- 15-й танковый корпус с двумя танковыми бригадами;
- 12-й танковый корпус с двумя танковыми бригадами и одной моторизованной бригадой.

А также:

- 10 стрелковых дивизий;
- 3 стрелковые бригады;
- 2 танковые бригады;
- 1 бригада НКВД;
- 1 чехословацкий легион.

По мнению штаба корпуса СС, также понесли тяжелые потери и частично утратили боеспособность следующие советские соединения:

- 6-й гвардейский кавалерийский корпус с двумя кавалерийскими дивизиями;
- 6 стрелковых дивизий;
- 1 артиллерийская бригада.

Еще несколько соединений понесли потери, но не утратили боеспособность:

- 1-й гвардейский кавалерийский корпус с тремя кавалерийскими дивизиями;
- 1-й гвардейский танковый корпус с одной танковой бригадой, одной моторизованной бригадой и одной стрелковой дивизией.

Среди прочего, были захвачены или уничтожены в период с 21 февраля по 18 марта 1943 года:

- 567 танков (включая 29 разведывательных);
- 1072 артиллерийских орудия;
- 68 орудий противовоздушной обороны;
- 1182 противотанковых орудия.

Цифры по трофейной и уничтоженной боевой технике и вооружению, скорее всего, близки к истине, особенно если учесть, что немцам досталась практически вся бронетехника окруженных танковых корпусов, находившаяся в ремонте.

На Воронежский фронт пришлось спешно перебрасывать резервы Ставки. 2-й гвардейский танковый корпус был передан в 69-ю армию, а 3-й гвардейский танковый корпус — в 40-ю армию. 1-я танковая армия была спешно переброшена в Курск. 21-я армия заняла оборону между 40-й и 69-й армиями. 64-я встала между 69-й и 3-й танковой армиями. Эти меры наряду с наступившей распутицей исключили возможность развития наступления группы армий «Юг» на север с целью ликвидации Курского выступа. Кроме того, столь масштабную операцию нельзя было проводить без участия соседней группы армий «Центр». А она как раз в дни сражения за Харьков занималась эвакуацией ржевско-вяземского плацдарма и отражением наступления центрального и правого крыла Воронежского фронта. К переходу в немедленное наступление эта группа армий не была готова.

Потери танкового корпуса СС в период между 30 января и 20 марта 1943 года убитыми, пропавшими без вести и ранеными распределялись между дивизиями следующим образом:

— «Лейбштандарт Адольф Гитлер»: 167 офицеров, 4373 унтер-офицера и рядовых. Итого: 4540.

— «Райх»: 102 офицера, 4396 унтер-офицеров и рядовых. Итого: 4498.

— «Тотенкопф»: 94 офицера, 2170 унтер-офицеров и рядовых. Итого: 2264.

— Корпусные части и подразделения: 2 офицера, 215 унтер-офицеров и рядовых.

Итого: 217.

∴ Всего: 365 офицеров, 11 154 унтер-офицера и рядовых.

По данным сборника о потерях, подготовленного Министерством обороны России, в Харьковской оборонительной операции в феврале — марте 1943 года Юго-Западный фронт потерял 15 412 убитыми и пропавшими без вести и 12 813 ранеными и больными. Воронежский фронт безвозвратно потерял 29 807. Его санитарные потери составили 28 437 человек.

Стоит отметить, что из трех дивизий корпуса «Тотенкопф» понес вдвое меньшие потери, чем каждая из двух других дивизий корпуса. Это вполне естественно, так как дивизия «Мертвая голова» прибыла лишь к середине наступления. Общие потери других немецких войск, скорее всего, как минимум вдвое превышали потери танкового корпуса СС. Учтем, что по численности другие войска, участвовавшие в сражении за Харьков в феврале — марте 1943 года как минимум вдвое превышали по численности корпус СС, но играли менее активную роль в сражении и несли меньшие потери. Тогда общие потери немецких войск, действовавших в районе Харькова и на подступах к Днепру в период с начала февраля и до 18 марта можно оценить как минимум в 35 тыс. убитых, раненых и пропавших без вести. Потери советских войск только в Харьковской оборонительной операции в период с 4 по 25 марта, в которой были задействованы 6-я армия Юго-Западного фронта и 3-я танковая, 40-я и 69-я армии Воро-

нежского фронта, а на заключительном этапе еще и 21-я армия, срочно возвращенная из состава Центрального фронта на юг, составили 45 219 человек безвозвратные и 41 250 человек санитарные. И это только по официальным данным, значительно занижавшим, как правило, безвозвратные потери. Кроме того, на сражения с участием танкового корпуса СС пришлось основная часть потерь Воронежского фронта и 6-й армии Юго-Западного фронта в ходе Воронежско-Харьковской операции, проходившей с 13 января по 3 марта 1943 года. В этой операции они потеряли 41 599 убитых и пропавших без вести и 74 539 ранеными. Несомненно, что советские потери превосходили немецкие в несколько раз. По немецким оценкам, цитированным выше, советские потери составили более 9 тыс. пленными и 35 тыс. убитыми, причем только в «котлах» в районе Лозовой (т. н. кегичевский «котел») и у Харькова, в районе Змиева — Чугуева.

Большого количества пленных, исчислявшихся десятками и сотнями тысяч в одном отдельно взятом «котле», немцы в 1943 году уже не захватывали. У них больше не было сил для того, чтобы окружать несколько советских армий и фронтов. Как в мартовском сражении за Харьков, так и группировки окруженных советских войск не превышали 5—6 дивизий. Но у немцев теперь не хватало пехоты для создания плотного кольца окружения. Кроме того, командование окруженных, в отличие от 41—42-го годов, теперь не теряло управление войсками и стремилось во что бы то ни стало прорваться к своим. Поэтому окруженные несли значительно большие потери убитыми, чем пленными.

ВОЙСКА СС В КУРСКОЙ БИТВЕ

Замысел операции «Цитадель» уже многократно описан во всех подробностях. Гитлер намеревался ударами с севера и юга срезать Курский выступ и окружить и уничтожить 8—10 советских армий, чтобы сократить фронт и не допустить в 1943 году широкомасштабного советского наступления. Это позволило бы высвободить войска для обороны Италии, которая находилась под угрозой после капитуляции в мае 1943 года германо-итальянских войск в Тунисе. Такого количества советских войск немцы никогда не окружали и в куда более благополучные для них 1941 и 1942 годы. Так что план окружения был заведомо нереалистичен. Удержать фронт против такой массы окруженных немцы, уступавшие им как в численности личного состава, так и в количестве вооружения и боевой техники, вряд ли бы смогли.

Командующий 4-й танковой армией генерал Гот еще 20 июня, за полмесяца до начала операции «Цитадель», полагал, что «находящиеся восточнее Курской дуги русские моторизованные и танковые силы столкнутся с армейской группой «Кемпф». По имеющимся на сегодня сведениям, численность и сила этих соединений таковы, что одна армейская группа «Кемпф» будет не в состоянии уничтожить их. Вероятно, потребуется развернуть на восток для участия в танковом сражении и 4-ю танковую армию с ее обоими танковыми корпусами, обеспечив ее тыл пехотными дивизиями... Только после проведения этой части операции можно будет осуществить соединение с 9-й армией... За последнее время противник еще более укрепил свои позиции, значительно усилил свои средства обороны и, кроме того, по весьма дос-

товерным сведениям, выдвинул 1-ю танковую армию... в район Обоянь, Курск... Несмотря на это, успешное проведение операции «Цитадель» все еще возможно. Однако, учитывая широкий размах мероприятий противника, она займет более продолжительное время, чем можно было предполагать до сего времени. Поэтому объединение с 9-й армией произойдет позже намеченного срока. Можно полагать, что после прорыва обеих оборонительных полос противника задача 4-й танковой армии будет состоять в разгроме 1-й танковой русской армии, ибо без ее уничтожения проведение операции невысказано». Фактически еще до начала операции в качестве ее основной цели на первый план вышло уничтожение советских резервов, а не захват территории, в том числе и собственно Курска.

Фактически главной задачей «Цитадели» стало перемазывание советских оперативных и стратегических резервов, чтобы не допустить последующего перехода советских войск в наступление на южном и центральном участке фронта. Этот план удался лишь частично. Войска Воронежского и Центрального фронтов, равно как и переброшенные им на помощь стратегические резервы, были основательно потрепаны, но не уничтожены. Соответственно, советское наступление было лишь отсрочено, но не предотвращено, и уменьшены его возможные результаты. В частности, в ходе второй фазы Курской битвы, когда наступали уже советские войска, ни одна крупная группировка немецких войска не была окружена и пленена.

В операции «Цитадель» II танковый корпус СС выступал главной ударной силой группы армий «Юг», которая наносила основной удар. В составе ее группировки, выделенной для наступления на Курск, 4-й танковой армии и армейской группы «Кемпф» было 9 танковых и моторизованных (панцер-гренадерских) дивизий, а в составе 9-й армии, наступавшей на Курск с севера, таких дивизий было только 7. Такая концентрация танковых дивизий на южном крыле германского Восточного фронта (здесь же в резерве находился 24-й танковый корпус из двух танковых дивизий) объяснялась

стремлением Гитлера по экономическим и политическим причинам удерживать Донбасс и Харьков.

Основная группировка 4-й танковой армии немцев в составе XLVIII танкового, LI армейского и II танкового корпусов СС наносила удар из района Томаровка, Борисовка, Казацкое на север вдоль шоссе Белгород — Обоянь, по кратчайшему направлению на Курск.

Что касается утверждений советских и российских историков о задержке немецкого наступления на 3 часа в результате советской артиллерийской контрподготовки, то это не более чем советский миф, родившийся в военное время и доживший до наших дней. Крупных операций ночью немцы не начинали. «Цитадель» началась в точно назначенное время — в 3.00 по берлинскому времени (в 5.00 по московскому времени) 5 июля с артподготовки. В 6.00—6.10 в атаку пошли основные силы пехоты и танков. За два часа до этого разведподразделения дивизий СС захватили нужные им высоты. По данным штаба Воронежского фронта, в 2.30 противник силой до трех пехотных батальонов при поддержке авиации атаковал и захватил позиции боевого охранения 52-й гвардейской стрелковой дивизии 6-й гвардейской армии в районе Яхонтова.

8-й авиакорпус люфтваффе, поддерживавший наступление на южном фланге Курской дуги, получил распоряжение «обратить особое внимание на сосредоточении наличных сил над участком прорыва II танкового корпуса СС». В результате корпус Хауссера поддерживало вчетверо больше самолетов, чем соседний XLVIII танковый корпус фон Кнобельсдорфа.

Люфтваффе довольно эффективно действовал против танков, в отличие от советской авиации, которая вплоть до конца войны так и не научилась надежно поражать неприятельскую бронетехнику (мы еще убедимся в этом на примере двух Балатонских сражений). Причина заключалась как в более низком уровне подготовки советских пилотов, так и в том, что немецкий Ю87 «Штукас», в том числе в своем противотанковом варианте, имел подавляющее преимущество в боевой эффективности над основным советским противотанковым истребителем ТБ-3.

танковым самолетом — штурмовиком Ил-2, так как при пикировании точность стрельбы и бомбометания была на порядок выше, чем при штурмовке. Только 46 лучших пилотов люфтваффе, летавших на Ю-87G-1 противотанковой модификации с двумя 37-мм пушками Flak18, в 1943—1945 годах на Восточном фронте подбили и уничтожили, по немецким оценкам, 2414 танков и САУ, что составляет около 4% всех безвозвратных потерь танков и САУ за этот период, составивших 60,9 тысячи. У советских же пилотов реальные показатели уничтоженной вражеской бронетехники исчислялись немногими единицами. Это подтверждается и обследованием немецкой бронетехники, оставшейся на полях боев. Доля танков и штурмовых орудий, пораженных с воздуха, составляет десятые доли процента.

Попытка сделать из Ил-2 «истребителя танков» полностью провалилась. Еще в декабре 1942 года появились штурмовики Ил-2, вооруженные двумя 37-мм пушками ШФК-37, подвешенными под крылом, а весной 1943 года появились Ил-2, вооруженные двумя 37-мм пушками НС-37 с таким же расположением. Но, в отличие от «Юнкерсов Ju87», предназначенных для пикирования, штурмовики Ил-2 изначально не имели достаточных запасов статической устойчивости и могли вести прицельный огонь лишь при полной синхронности «работы» левой и правой пушек, чего на практике достигнуть не удалось. От отдачи при первом же выстреле самолет начинало мотать из стороны в сторону и сверху вниз. Единственным эффективным противотанковым оружием у советской штурмовой авиации стала кумулятивная авиабомба ПТАБ-2,5 — 1,5 (массой 2,5 кг), впервые массово примененная в первый же день Курской битвы 5 июля 1943 года. В боевых безвозвратных потерях советских танков и САУ в Курской битве 91% приходится на артиллерию (включая танковую), 4% — на подрыв на минах и 5% — на удары люфтваффе.

Немцы господствовали в воздухе все время сражения на Курской дуге. Причины неблагоприятного для «сталинских соколов» развития обстановки в воздухе хорошо показал в своей статье «Прохоровское сражение» А. Ахмедов. Это дос-

тигалось за счет централизованного применения авиации, а также максимального использования каждого самолета (иной раз один самолет мог совершать в день 2—3 боевых вылета) благодаря наиболее рациональному размещению полевых аэродромов. Так, во время Курской битвы немецкие посадочные площадки (для самолетов связи и легких армейских разведывательных самолетов) находились в 5—7 км от передовой, а основная масса полевых аэродромов располагалась всего в 18—30 км от передовой, тогда как советские полевые аэродромы располагались в 40—60 км от передовой, в том числе из опасения, что при более близком расположении к линии фронта они подвергнутся более интенсивному воздействию со стороны господствовавших в воздухе люфтваффе. Каждый немецкий самолет имел приемо-передающую радиостанцию, а немецкие подразделения первой линии — еще и специальных авианаводчиков, снабженных средствами связи как со штабами авиагрупп, прикомандированных к данному участку фронта, так и с командирами авиаотрядов, находящихся в данный момент в воздухе. В советской же истребительной и штурмовой авиации, действовавшей над полем боя, радиопередатчики в лучшем случае ставились на самолеты командиров эскадрилий и выше, а у рядовых пилотов были только приемники (аналогичная ситуация была и в советских танковых войсках). Передовых авианаводчиков в Красной Армии не было вообще. Не появились они и в Советской Армии после войны из-за полного отсутствия соответствующих средств связи. Только в конце войны, когда по ленд-лизу было поставлено около 36 тысяч радиостанций различного типа и назначения, авианаводчиков попробовали эпизодически применять для наведения самолетов на цели, но без особого успеха. Обычно советские командующие воздушными армиями и командиры авиакорпусов посылали своих представителей в штаб фронта и штабы армий, поддержку которых с воздуха им было приказано осуществлять. Эти представители держали связь со своим командованием посредством обычного проводного телефона, к тому же не своего, а местного штабного, постоянно занятого для других целей. В результате информация до боевых авиачастей пере-

давалась слишком медленно. Часто к моменту вылета самолетов в заданный район обстановка там уже несколько раз успевала поменяться, и вылеты осуществлялись зазря. При этом попусту тратились боеприпасы и моторесурс и изматывались летчики, а удары нередко наносились по своим, что было особенно частым явлением в Курской битве, где обстановка менялась очень быстро, и в советских штабах часто не знали, на каких рубежах находятся свои войска, а на каких — противник.

О внезапности же немецкого наступления 5 июля не могло быть и речи, поскольку еще 4 июля Манштейн провел частную операцию по овладению Томаровкой и сбил советское боевое охранение, чтобы улучшить позиции для наступления. Эта операция была проведена на участке XLVIII танкового корпуса. Тем самым достигалась и дополнительная цель: отвлечь внимание советского командования от направления главного удара, где предстояло действовать II танковому корпусу СС.

К концу первого дня наступления было достигнуто вклинение в оборону 6-й гвардейской армии на глубину 5—6 км в полосе наступления XLVIII корпуса у Черкасского и на 12—13 км в полосе II корпуса СС в районе Быковка — Козьмодемьяновка. Эсэсовские дивизии прорвали на всю глубину первый рубеж обороны, оттеснив 52-ю гвардейскую стрелковую дивизию. На участке этой дивизии лейбштандарт и «Райх» на фронте в 10 км продвинулись на глубину до 10 км, захватив несколько населенных пунктов. В бой вступили передовые части 51-й гвардейской стрелковой дивизии, стоявшей на второй линии обороны. Между частями 52-й дивизии образовался разрыв в 6—8 км.

Таким образом, на фронте шириной в 5—6 км эсэсовские дивизии подошли ко второму рубежу обороны, занимаемому 51-й гвардейской стрелковой дивизией, и даже завязали бой с ее аванпостами. Однако правофланговый сосед корпуса СС, армейская группа «Кемпф», 5 июля не смог сколько-нибудь существенно потеснить соединения 7-й гвардейской армии. Между флангами корпуса СС и армейской группы образовался разрыв, накрытие которого Хауссер в течение трех

последующих дней вынужден был использовать дивизию «Тотенкопф». Ей противостояла 375-я стрелковая дивизия.

По данным немецких архивов, 5 июля на южном фесе Курской дуги немецкие потери составили 640 убитыми, 5240 ранеными, 131 пропавших без вести — в сумме 6011. Это были наибольшие потери за все дни «Цитадели».

6 июля корпус СС имел в строю 334 танка, в том числе в дивизии «Мертвая голова» бригадефюрера Г. Приса было 114 танков и 23 штурмовых орудия, в лейбштандарте бригадефюрера Т. Виша — 99 танков и 23 штурмовых орудия, а в дивизии «Райх» бригадефюрера Крюгера — 121 танк и 21 штурмовое орудие. К началу боев в составе корпуса числились боеготовыми 494 танка и штурмовых орудия, так что в первый день было потеряно около 93 машин. На второй день наступления корпус должен был прорвать второй рубеж обороны у Яковлево и выйти к излучине Псёла у села Тетеревино.

Около 9.00 6 июля 1943 года после мощной артподготовки и при поддержке 150 самолетов 8-го авиакорпуса дивизии СС обрушились на 154-й и 156-й гвардейские стрелковые полки. В ходе артподготовки были выведены из строя пункты управления и связи полков 51-й гвардейской стрелковой дивизии, что расстроило управление войсками. Каждый советский батальон дрался в одиночку. За счет хорошего взаимодействия между пехотой, танками, артиллерией и авиацией передовые подразделения эсэсовских дивизий, поддержанные танками и штурмовыми орудиями, успели выдвинуться к советским позициям еще во время артподготовки, и в момент ее окончания находились всего в нескольких сотнях метров от неприятельских окопов.

К 13.00 батальоны на стыке двух упомянутых стрелковых полков начали беспорядочный отход в направлении сел Яковлево и Лучки. Устоял только левофланговый 158-й гвардейский стрелковый полк. При неорганизованном отходе 154-й и 156-й гвардейские стрелковые полки были настигнуты танками и мотопехотой противника и понесли тяжелые потери. Так, в 156-м полку из 1685 человек к 7 июля в строю осталось не более 200, и как боевая единица он фактически перестал существовать. Некоторые подразделения 154-го и 156-го

полков вышли в распоряжение соседних дивизий. Только артиллерия 51-й гвардейской стрелковой дивизии и 5-го гвардейского Сталинградского танкового корпуса, подошедшего из резерва, смогли замедлить продвижение немцев. Скоротечный бой разгорелся за село Лучки, где находились 464-й гвардейский артдивизион и 460-й гвардейский минометный батальон 6-й гвардейской мотострелковой бригады 5-го гвардейского танкового корпуса. В 14.20 бронегруппа дивизии «Райх» в целом овладела селом Лучки. Советская артиллерия отступила на север к хутору Калинин. Сказалось то, что пушки не имели пехотного прикрытия, поскольку мотострелковые батальоны 6-й гвардейской мотострелковой бригады еще не прибыли к месту сражения. Основные силы истребительно-противотанковой артиллерии армии (14, 27 и 28-й оиптабр) находились на Обояньском шоссе и в полосе наступления XLVIII танкового корпуса. Именно это направление после первого дня боев было расценено командованием армии как направление главного удара немцев, тогда как на самом деле немецкое командование придавало удару эссовского корпуса ничуть не меньшее, а возможно, даже большее значение. Для отражения наступления дивизии «Райх» у 6-й гвардейской армии в этот момент не было больше артиллерии.

Тем временем III танковый корпус армейской группы «Кемпф», наносивший вспомогательный удар на север, своими действиями затруднял локализацию советским командованием района главного удара и маневр силами и средствами на угрожаемые направления. В результате немцы смогли последовательно наносить поражение советским частям и соединениям, в том числе и выдвигавшимся из оперативной глубины резервам, что привело к большим потерям в живой силе, вооружении и боевой технике.

Наступление лейбштандарта на обояньском направлении в первой половине дня 6 июля развивалось медленнее, чем наступление «Райх», как из-за большей плотности советской артиллерии, так и из-за контратак 1-й гвардейской и 49-й танковых бригад 3-го мехкорпуса 1-й танковой армии М. Е. Катукова. Сыграл свою роль и опорный пункт в селе

Яковлево, где развернулись упорные уличные бои с участием танкового полка лейбштандарта.

К 14.00 6 июля корпус СС смял левый фланг 6-й гвардейской армии и захватил важный опорный пункт Яковлево. Теперь его должен был сменить XLVIII танковый корпус. Дивизии корпуса СС должны были теперь встретиться с советскими оперативными резервами. Однако XLVIII танковый корпус не сумел захватить плацдармы на северном берегу реки Пены и выйти к Яковлево для смены корпуса СС.

Успех, достигнутый лейбштандартом и «Райхом», вынудил командование Воронежского фронта предпринять срочные меры по локализации прорыва во втором рубеже обороны. Ватутин передал 6-й гвардейской армии 5-й гвардейский танковый корпус генерала А. Г. Кравченко, насчитывавший 213 танков, в том числе 106 Т-34 и 21 Мк-IV «Черчилль», и 2-й гвардейский танковый корпус полковника А. С. Бурдейного, насчитывавший 166 боеспособных танков, в том числе 90 Т-34 и 17 МК-IV «Черчилль». Он одобрил предложение командующего армией И. М. Чистякова о нанесении контрударов по прорвавшимся дивизиям II танкового корпуса СС силами этих корпусов. 6 июля Чистяков приказал Кравченко вывести 5-й гвардейский танковый корпус из занимаемого им оборонительного района для удара во фланг лейбштандарта. Между тем в оборонительном районе корпуса уже были готовы места для засад и противотанковые опорные пункты. Кравченко сомневался в целесообразности контрудара, но под угрозой трибунала вынужден был подчиниться. Атака началась в 15.10.

У 5-го гвардейского танкового было очень мало артиллерии, а времени на организацию взаимодействия с соседями и с авиацией не оставалось. Поэтому контрудар начался без артиллерийской подготовки и авиационной поддержки. Танки шли по равнинной местности. «Райх» встретил лобовую атаку советского корпуса огнем своих танков, поддержанных пикировщиками и штурмовиками. Две бригады 5-го гвардейского танкового корпуса понесли тяжелые потери и вынуждены были перейти к обороне. В 17 часов танкисты «Райха» перешли в контратаку при поддержке противотанковых ору-

дий и к 19 часам обошли с флангов и вышли на коммуникации оборонявшихся танковых бригад в районе хутора Калинин. Здесь оборонялся 1696-й зенитно-артиллерийский полк и отошедшие из Лучков артиллерийские и минометные части 6-й гвардейской мотострелковой бригады. После окружения основных сил 5-го гвардейского танкового корпуса «Райх» попытался захватить разъезд Беленихино. Однако оказавшаяся за кольцом окружения 20-я танковая бригада подполковника П. Ф. Охрименко вместе с тыловыми частями корпуса создала жесткую оборону вокруг Беленихино и отразила атаку. Не имея связи со штабом корпуса, в ночь на 7 июля окруженные бригады пошли на прорыв. Те, кому посчастливилось вырваться из окружения, соединились с частями 20-й танковой бригады. 6 июля 1943 года 5-й гвардейский танковый корпус безвозвратно потерял в бою 119 танков, еще 9 танков были безвозвратно потеряны по техническим или не выясненным причинам. Еще 19 поврежденных танков были отправлены в ремонт. Это были рекордные потери для одного советского танкового корпуса за весь период Курской оборонительной операции. Даже потери корпусов 5-й гвардейской танковой армии под Прохоровкой были меньше. Как боевые единицы две окруженные танковые бригады перестали существовать.

Тем временем отряд танкового полка «Райха», пользуясь сумятицей при отступлении советских частей, вышел возле хутора Тетеревино к третьему (тыловому) рубежу обороны, занимаемому частями 69-й армии генерал-лейтенанта В. Д. Крюченкина. Однако из-за недостатка сил, после того как несколько танков было подбито, бойцы лейбштандарта отступили. Выход немецких танков к третьему рубежу обороны Воронежского фронта уже на второй день наступления вызвал большое недовольство в Ставке.

Дивизия «Мертвая голова» 6 июля не смогла сломить сопротивление частей 375-й стрелковой дивизии. Во второй половине дня начался контрудар 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса, имевшего 166 танков. Для его отражения пришлось использовать даже некоторые части дивизии «Райх». Потери 2-го гвардейского корпуса в этот день

оказались сравнительно небольшими. Они составили: 17 танков сгоревшими и 11 подбитыми. Корпус сохранил боеспособность.

6 июля на фронте в 16 км на участке 51-й гвардейской стрелковой дивизии и 5-го гвардейского танкового корпуса лейбштандарт и «Райх» прорвали вторую линию обороны на глубину до 4—5 км. Не сумев захватить в боях с 1-й гвардейской танковой бригадой Покровку, лейбштандарт повернул на север. В связи с этим Катуков приказал 100-й танковой бригаде полковника Н. М. Иванова из 31-го танкового корпуса выйти в район Б. Маячки и во взаимодействии с 5-м гвардейским танковым корпусом разгромить прорвавшегося противника и восстановить положение. К концу дня 100-я танковая бригада остановила противника, но восстановить положения не смогла. В этот день безвозвратные потери 1-й танковой армии составили 37 танков.

В Ставке не ожидали, что враг так быстро прорвет основные оборонительные рубежи Воронежского фронта. Ставка потребовала «во что бы то ни стало остановить стремительное наступление противника на рубеже р. Псел, захватив в свои руки инициативу». Она приказала «изматывать противника на подготовленных рубежах и не допустить его прорыва до тех пор, пока не начнутся наши активные действия на Западном, Брянском и других фронтах». Уже 6 июля было принято решение о выдвижении в полосу Воронежского фронта 5-й гвардейской танковой армии П. А. Ротмистрова и 5-й гвардейской армии А. С. Жадова. Немцы знали о том, что начиная с 9 июля к полю боя на южном фланге Курской дуги выдвигаются советские танковые резервы и новые стрелковые дивизии, но не знали их точного состава, а также времени, направлений и характера их действий.

В ночь на 7 июля Ватутин приказал 31-й танковый корпус выдвинуть в район Тетеревино с задачей во взаимодействии с 5-м гвардейским танковым корпусом разгромить прорвавшегося противника и восстановить положение на второй полосе восточнее Яковлево. Туда же из 40-й армии была переброшена 29-я истребительно-противотанковая артиллерийская бригада, оперативно подчиненная 1-й танковой армии.

Командующий фронтом решил также усилить 1-ю танковую армию 180-й и 192-й танковыми бригадами, действовавшими до этого в составе 38-й армии, 222-м и 1244-м истребительно-противотанковыми артиллерийскими и 66-м гвардейским минометным полками, 753, 754 и 756-м истребительно-противотанковыми артиллерийскими дивизионами и 138-м и 139-м батальонами противотанковых ружей. С переднего края были отведены 52-я и 67-я гвардейские стрелковые дивизии 6-й гвардейской армии, понесшие большие потери.

Танковые дивизии СС «Райх» и «Лейбштандарт Адольф Гитлер» планировалось использовать для нанесения удара во фланг и тыл 1-й танковой армии с востока.

На участке Дуброва — Петровский на фронте в 20 км немцы силами XLVIII танкового корпуса и II танкового корпуса СС вклинились в оборону 3-го механизированного, 31-го танкового и 5-го гвардейского танковых корпусов, 90, 67, 51-й гвардейских стрелковых дивизий на глубину от 2 до 14 км и к 20.00 продолжали упорные танковые бои в районах Гремучий, Покровка, М. Маячки, Лучки, Грезное, хутор Тетеревино, Ясная Поляна, пытаясь развить успех в направлении Обояни. Наибольшего вклинения достигли лейбштандарт и «Райх», нанеся поражение 31-му танковому и 5-му гвардейскому танковым корпусам. К исходу дня вторая полоса обороны была прорвана на фронте в 25 км на глубину до 16 км. На фронте в 10 км на участке Красный Октябрь — Ясная Поляна дивизии СС находились в 2 км от тыловой полосы обороны. За три дня они продвинулись на 32 км.

На левом фланге 3-го механизированного корпуса утром 7 июля после мощной авиационной и артиллерийской подготовки лейбштандарт продолжил наступление на участке Яковлево, Покровка. Под удар попала 1-я гвардейская танковая бригада. Около 10 часов под натиском врага она была вынуждена оставить Покровку. Командиру 3-го механизированного корпуса пришлось ввести в бой 49-ю танковую бригаду подполковника А. Ф. Бурды, с ходу развернувшуюся в боевой порядок и атаковавшую противника. Эсэсовцам пришлось отступить из Покровки.

Разгромить прорвавшуюся группировку врага на стыке 1-й танковой армии и 5-го гвардейского танкового корпуса и восстановить положение на второй полосе обороны не удалось, поскольку 31-й танковый корпус задержался с выходом в район Тетеревино. Люфтваффе разрушило переправы на реке Солотинка в районах Сухо-Солотино и Кочетовки. Передовые части корпуса, вышедшие утром 7 июля на этот рубеж, были контратакованы частями дивизии «Райх» и вынуждены были отступить на запад. Только в середине дня продвижение эсэсовцев было остановлено на рубеже Б. Маячки, Грезное. 3-й механизированный корпус к тому времени понес большие потери. Резерв корпуса — 49-я танковая бригада — уже был введен в бой. У командующего 1-й танковой армией резервов тоже не было. Под натиском противника 3-й механизированный корпус и 100-я танковая бригада 31-го танкового корпуса вынуждены были отойти на север.

М. Е. Катукову пришлось выдвинуть в полосу обороны 3-го механизированного корпуса 192-ю танковую бригаду полковника А. Ф. Каравана, прибывшую из 38-й армии, 222-й и 1244-й истребительно-противотанковые артиллерийские полки, 138-й и 139-й батальоны ПТР, а также 112-ю танковую бригаду полковника М.Т. Леонова из второго эшелона 6-го танкового корпуса.

В 23.00 командующий войсками Воронежского фронта отдал приказ о нанесении в 10.30 8 июля контрудара силами шести танковых корпусов и двух стрелковых дивизий с целью срезать фронт на участке Сырцево — Шопино против шести танковых дивизий (дивизия «Великая Германия» формально числилась моторизованной, но имела больше танков, чем большинство танковых дивизий, поэтому мы считаем ее как танковую дивизию) и одной пехотной дивизии противника. Ватутин подчеркивал, что «основная задача контрудара разгромить группировку противника в районе Беленихино, Ерик, Шопино, выйти на фронт Сырцево, Яковлево, Козьмо-Демьяновска, Быковка, Ерик, Шопино». 10-й танковый корпус должен был наступать в направлении Васильевка, Яковлево. 2-му танковому корпусу предстояло выйти на рубеж Козьмо-Демьяновка, Быковка. 5-му гвардейскому танково-

му корпусу предстояло наступать в направлении Крапивинские Дворы, Гремячий, колхоз «Смело к труду». 2-й гвардейский танковый корпус должен был продвинуться в направлении Гонок, 89-я и 375-я стрелковые дивизии — в направлении Ерик, Шопино. Наконец, 6-му и 31-му танковым корпусам 1-й танковой армии предстояло наступать в направлении Сырцев, Яковлевка, Покровка.

Начало контрудара было запланировано на 10.30, однако немцы упредили его, возобновив в 10.00 наступление с рубежа Сырцево — Грезное в северо-западном направлении. К 18.00 они взяли Сырцево, Красную Дубраву, Гремячий и вышли на рубеж Луханино — Сырцево, юго-восточная окраина Верхопенья, урочище Сухая, Сухо-Солотино, Кочетовка, Ильинский. В районе Красной Поляны в окружение попала 180-я танковая бригада. На участке 51-й гвардейской стрелковой дивизии и 31-го танкового корпуса лейбштандарт продвинулся на 6 — 7 км.

В середине дня, когда 3-й механизированный и 31-й танковый корпуса с большим трудом сдерживали натиск 4-й танковой армии врага, советский контрудар, пусть с опозданием, но все-таки состоялся, правда, только на бумаге. В атаку пошли 2-й и 5-й гвардейские, 2-й и 10-й танковые корпуса и левофланговые стрелковые дивизии 40-й армии. Намеченных рубежей достичь не удалось. Тем не менее немецкому командованию пришлось бросить на отражение контрудара часть авиации и танков и ослабить натиск на 1-ю танковую армию. Так утверждало командование Воронежского фронта, а вслед за ним — советские историки. Но вскоре наступление на ее позиции возобновилось. Во второй половине дня, как отмечалось в разведсводке штаба Воронежского фронта, войска 1-й танковой армии вынуждены были оставить Алексеевку, Сырцево, Красную Дубраву, Красную Поляну, М. Маячки, Грезное и к исходу дня отойти за реки Пена и Солотинка.

В той же разведсводке указывалось, что «на остальных участках направления противник вел огневой бой на прежнем рубеже». Это означает, что никаких контрударов 10-го и 2-го танковых, 5-го и 2-го гвардейских танковых корпусов на

самом деле не было. Это доказывается приказом Ватутина командирам этих корпусов, отданным в 14.20, — «топтанье на месте прекратить и стремительно наступать». Несмотря на то что танковые корпуса и не собирались двигаться вперед, командующий фронтом в 15.40 бодро отрапортовал Сталину, что «наш контрудар начался в 12.30 и наносится с фронта Васильевка, Беленихино (где располагались 10-й и 2-й танковые и 5-й гвардейский танковые корпуса. — Б. С.) на Яковлево». Правда, в распоряжении заместителя начальника Генштаба А. И. Антонова командующему Воронежским фронтом от 10 июля отмечалось, что «8 июля с 21.00 до 22.00 танковая бригада 2-го танкового корпуса наступала на высоту 258,2 (0,5 км севернее Тетеревино), которая к этому времени занималась частями 183-й стрелковой дивизии. В результате боя имелись потери с обеих сторон». По всей вероятности, это и было единственной попыткой контрудара, предпринятой в тот день и вылившейся в нелепо-трагический инцидент.

9 июля в результате ложной информации о расположении войск, между 7.00 и 9.00, 60 самолетов Ил-2 атаковали боевые порядки 183-й стрелковой дивизии в районе Васильевка, совхоз «Комсомолец», высота 241,6, нанеся ей потери. Заместитель начальника Генштаба А. И. Антонов на следующий день приказал привлечь к ответственности виновных.

В 9.00 германское наступление возобновилось с рубежа Верхопенье — Грезное в направлении Обояни. Были взяты Новоселовка, Сухо-Солотино. На фронте в 20—25 км немецкие войска продвинулись в глубину до 12 км. Из района Грезное «Тотенкопф» атаковал в направлении Красного Октября и Козловки. По данным штаба Воронежского фронта, «в 19.40 18 танков продолжали вести бой на подступах к Васильевке». Против дивизии «Тотенкопф» действовал 2-й танковый корпус.

В 11.30 Ватутин отдал приказ командующим 69, 6 и 7-й гвардейскими армиями на перегруппировку и оборону. В состав 69-й армии вошли 183, 305, 107-я стрелковые дивизии, 92, 93, 94-я гвардейские стрелковые дивизии, а также 375-я стрелковая и 89-я гвардейская стрелковая дивизии из 6-й гвардейской армии, 81-я гвардейская стрелковая дивизия из

7-й гвардейской армии, 96-я танковая бригада, 148-й танковый полк, артиллерийские части и прочие средства усиления. 69-й армии была поставлена задача «прочно удерживать занимаемый войсками фронт Васильевка, Беленихино, Вислое, Шопино, Черная Поляна, Старый Город, Ближняя Игуменка, Мясоедово, уничтожить противника в районе Мелехово». 111-я и 270-я стрелковые дивизии из 69-й армии передавались в 7-ю гвардейскую армию.

1-я танковая армия в период с 6 по 9 июля в ходе ожесточенных боев потеряла 453 танка (из них безвозвратно — 220). Всего к началу боев армия имела 631 танк, в том числе 120 Т-60 и Т-70. Боеспособность 1-й танковой армии значительно упала.

10 июля германское командование на южном фланге Курской дуги наносило два главных удара. Один из них был направлен из района западнее Прохоровки на северо-восток силами танкового корпуса СС, а другой — из района Мелехово в северном направлении силами III танкового и XI армейского корпусов.

Ватутин все еще беспокоился за обоянское направление, и поэтому командующий усилил основательно потрепанную 1-ю танковую армию 204-й стрелковой дивизией, находившейся до этого в резерве Воронежского фронта, и 10-м танковым корпусом. Утром 10 июля они заняли оборону на рубеже совхоз Сталинский — Калиновка. 1-й танковой армии был также подчинен и 5-й гвардейский танковый корпус генерала А. Г. Кравченко, который 10 июля сосредоточился в районе Зоринских Дворов.

В 13.00, согласно донесению штаба Воронежского фронта, противник «силою до батальона пехоты с 50 танками при мощной авиационной поддержке до 200 самолетов» овладел совхозом «Комсомолец» и Ивановским Выселком. Этому успеха лейбштандарт добился в борьбе против 2-го танкового корпуса, потеснив его на 2 км.

На Корочанском направлении, согласно донесению штаба Воронежского фронта, противник в 18.20 «силою до двух батальонов пехоты с 50 танками (из них 13 — Т-6) при поддержке 50 бомбардировщиков» наступал из р-на Севрюкова в северо-восточном направлении.

Гот опасался, что передовые части 4-й танковой армии втянутся в тяжелые бои за переправы через Псёл, и опасался русских фланговых атак. Дивизия «Мертвая голова» была двинута в заболоченную пойму реки Псёл и не могла немедленно развивать наступление на железнодорожную станцию Прохоровка. Только после захвата «Тотенкопфом» плацдарма на северном берегу Псёла дивизия могла начать маневр для удара во фланг подходящим советским резервам. Левый фланг II корпуса СС прикрывали пехотные дивизии LII армейского корпуса.

Хауссер перегруппировал лейбштандарт в центр боевого порядка корпуса и сразу ввел в бой его танко-гренадерский полк, усиленный ротой «тигров», и разведывательный батальон. При поддержке артиллерии и авиации они к исходу 10 июля захватили рубеж, намеченный для контрудара 5-й гвардейской танковой армии. Тем временем 10-й танковый, а затем и 5-й гвардейский танковый корпус были по приказу Ватутина перемещены в полосу 1-й танковой армии. Командующий фронтом опасался за обоянское направление, а перегруппировка лейбштандарта на прохоровское направление не была вскрыта советской разведкой.

Хауссер решил двинуть вперед находившуюся на левом фланге корпуса дивизию «Мертвая голова», узнав, что оборонявшаяся здесь советская 52-я гвардейская стрелковая дивизия 6-й гвардейской армии в ночь с 10 на 11 июля начала покидать свои позиции, не дождавшись сменявшую ее свежую 95-ю гвардейскую стрелковую дивизию 5-й гвардейской армии. 95-я стрелковая дивизия разворачивалась поперек реки Псёл, по обеим ее берегам, левым флангом до совхоза «Октябрьский», который находился на пути движения лейбштандарта к Прохоровке, а далее, до хутора Лутово, уже начали занимать позиции части 9-й гвардейской воздушно-десантной дивизии 5-й гвардейской армии. Немцы оперативно отреагировали на эту перегруппировку, начав наступление 11 июля в 3.00 утра, на час раньше обычного. «Мертвая голова» захватила господствующую высоту 226,6 на западном берегу реки Псёл, а лейбштандарт нанес удар в стык между 95-й стрелковой и 9-й гвардейской воздушно-десантной дивизия-

ми на восточном берегу. К 14.00 был взят совхоз «Октябрьский», а часом позже — находившаяся в 1 км от него тактически важная высота 252,2. В 17.00 лейбштандарт занял Васильевку, а к 20.00 его танковый полк, повернув на север, овладел селом Петровка на восточном берегу реки Псёл. Тем самым он вышел на линию развертывания советской 5-й гвардейской танковой армии. Ротмистров вспоминал: «Около девятнадцати часов 11 июля на мой КП прибыл маршал А. М. Василевский. Я доложил ему о боевом построении армии и задачах, поставленных корпусам и приданной артиллерии. Он одобрил мое решение и сообщил, что у него состоялся разговор с Верховным Главнокомандующим И. В. Сталиным, который поручил ему неотлучно находиться в 5-й гвардейской танковой и 5-й гвардейской общевойсковой армиях, координировать их действия в ходе сражения и оказывать необходимую помощь. Командующему фронтом Н. Ф. Ватутину И. В. Сталин приказал оставаться на своем КП в Обояни. На корочанское направление выехал начальник штаба фронта генерал-лейтенант С. П. Иванов.

Оставалось еще достаточно светлого времени, и маршал предложил осмотреть намеченные мною исходные районы 29-го и 18-го танковых корпусов.

Наш путь проходил через Прохоровку на Беленихино.

Юркий «виллис», подпрыгивая на ухабах, обгонял продвигавшиеся к фронту автомашины с боеприпасами и горячим. Навстречу медленно шли транспорты с ранеными. Кое-где на обочинах дороги стояли поврежденные грузовики и разбитые повозки.

Дорога протянулась через обширные поля пожелтевшей пшеницы. За ними начинался лес, примыкавший к селу Сторожевое.

— Там, на северной опушке леса, исходные позиции двадцать девятого танкового корпуса. Правее будет наступать восемнадцатый танковый корпус, — пояснял я А. М. Василевскому.

Он пристально всматривался вдаль и прислушивался к все нарастающему гулу боя. По клубам дыма, разрывам авиабомб и снарядов угадывалась линия фронта наших общевой-

сковых армий. Справа, километрах в двух, показались хозяйственные постройки совхоза «Комсомолец».

Вдруг Василевский приказал водителю остановиться. Машина свернула на обочину и резко затормозила у запыленных придорожных кустов. Мы открыли дверцы, отошли на несколько шагов в сторону. Явно слышался рокот танковых моторов. Потом показались и сами танки.

— Генерал! В чем дело? — резко повернувшись ко мне, с досадой в голосе спросил Александр Михайлович. — Вас же предупреждали, что о прибытии ваших танков противник не должен знать. А они гуляют средь бела дня на глазах у немцев...

Я мгновенно вскинул бинокль. Действительно, через поле, подминая созревшие хлеба, в боевом порядке шли десятки танков, на ходу стреляя из короткоствольных пушек.

— Но это, товарищ маршал, не наши танки. Немецкие...

— Так... Где-то противник прорвался. Хочет предупредить нас и захватить Прохоровку.

— Этого допустить нельзя, — сказал я А. М. Василевскому и по радио дал указание генералу Кириченко немедленно выдвинуть две танковые бригады навстречу немецким танкам и остановить их продвижение.

Вернувшись на мой КП, мы узнали, что немцы предприняли активные действия почти против всех наших армий.

Так обстановка неожиданно осложнилась. Ранее намеченный нами исходный район для контрудара оказался в руках гитлеровцев. В связи с этим подготовку к наступлению и, в частности, выбор огневых позиций артиллерии, рубежей развертывания и атаки следовало проводить заново. В сжатые сроки требовалось уточнить задачи, организовать взаимодействие между корпусами и частями, пересмотреть график артиллерийской подготовки и сделать все для четкого управления войсками в бою».

Вероятно, в сложившихся обстоятельствах наиболее разумным решением было бы отложить контрудар 5-й гвардейской танковой и 5-й гвардейской армий хотя бы на сутки, отнеся его на более дальние рубежи и дав время командирам на рекогносцировку местности и изучение обстановки. Однако

Ватутин решил не откладывать контрудар (можно предположить, что на этом настоял Василевский, находившийся на Воронежском фронте). Советское наступление должно было начаться утром 12 июля. Положение усугублялось тем, что перед контрударом танкисты Ротмистрова прошли маршем 330—380 км, что самым негативным образом сказалось на моторесурсе танков и стало одной из причин высоких потерь в Прохоровском сражении.

11 июля лейбштандарту не удалось захватить Прохоровку. Сыграла свою роль, среди прочего, и атака советского 1-го штурмового авиационного корпуса, применившего противотанковые бомбы ПТАБ-2,5-1,5. На участке Кочетовка — Беленихино «Тотенкопф» и лейбштандарт сражались против 51, 52 и 97-й гвардейской стрелковых дивизий и 2-го танкового корпуса. Они продвинулись на 8 км и вышли на западную окраину Прохоровки. В 19.45 Ватутин приказал командующему 69-й армией и командиру 2-го танкового корпуса: «Вследствие вашей беспечности и плохого управления противник прорвался в Петровку и к Прохоровке. Приказываю Вам под Вашу личную ответственность совместно с частями Ротмистрова и Жадова уничтожить прорвавшегося противника и сегодня же выйти на фронт Васильевка, Беленихино. Исполнение донести». К 23.00 11 июля контратаками и вводом в бой 42-й гвардейской стрелковой дивизии из резерва 5-й гвардейской армии удалось отбить у лейбштандарта Петровку и остановить его в 2 км от станции Прохоровка. Но первоначально намеченный рубеж контрнаступления 5-й гвардейской танковой армии (село Васильевка — совхоз «Комсомолец» — село Беленихино) был утрачен, и вновь выйти на него не удалось.

Штаб 33-го стрелкового корпуса докладывал штабу 5-й гвардейской армии:

«11. 7. 43 г. Противник превосходящими силами пехоты, при поддержке 150 танков (количество танков здесь фантастично, столько танков и штурмовых орудий у лейбштандарта давно уже не было. — Б. С.) после артналета и массированной бомбежки с 14.00 перешел в наступление на фронте Прохоровка, Красный Октябрь.

Имея превосходство в танках, противнику удалось к 18.00 прорвать передний край и овладеть выс. 230,5, выс. 252,2, свх. «Октябрьский».

Командир 33-го гв. СК гв. ген.-майор Попов отдал приказ к-ру 95-й гв. СД полковнику Ляхову и к-ру 9-й гв. ВДД гв. полковнику Сазонову ночной атакой выбить противника с занятых позиций и восстановить прежнее положение.

С утра противник силою до батальона пехоты и поддержан. танками трижды атаковал позиции 3 СБ 26 гв. СП. Подбито 6 танков противника.

В 14.00 противник снова перешел в атаку 4-й раз, потеснил 3 СБ и занял свх. «Октябрьский», развивая наступ. в 2-х направ. — вдоль грейдера на Прохоровку и большака на Михайловку.

К 16.00 противник дополнительно бросил в бой 23 танка в направлении Прелестное и 30 танков в напр. Прохоровка. Одновременно противник, поддержанный танками, неоднократно пытался наступать на Ключи. Но, встреченный мощн. арт. и руж.-пулеметным огнем, успеха не имел.

Наступление пехоты и танков пр-ка приостановлено на фронте: южн.сторона оврага, восточн. Петровка, западн.окраина Прохоровки отм. 230,5».

Забегая немного вперед, скажем, что из этого донесения следует, что в ходе Прохоровского сражения 12 июля после 14.00 лейбштандарт вновь занял совхоз «Октябрьский», оттеснив 9-ю гвардейскую воздушно-десантную дивизию на юго-запад. Это опровергает утверждение командиров советских танковых корпусов, будто им удалось в тот день удержать этот совхоз.

12 июля состоялось знаменитое Прохоровское сражение, в котором II танковый корпус СС разбил 5-ю гвардейскую танковую армию. Первым, кто дал объективную картину этого сражения, был немецкий военный историк Карл-Хайнц Фризер, опубликовавший соответствующую статью в 1996 году. На ее написание немецкого историка вдохновил просмотр советского фильма «Огненная дуга» из киноэпопеи «Освобождение». Нарисованную в фильме картину величайшего танкового сражения он нашел целиком фальшивой.

Впервые Фризер доложил новые данные о ходе сражения под Прохоровкой на международной конференции в Ингольштадте в сентябре 1993 года. Он сообщил, в частности, что советские танки в сражении под Прохоровкой превосходили немецкие примерно втрое. Безвозвратные потери немцев он определил не более чем в 5 танков, а еще 43 танка и 12 штурмовых орудий требовали долгосрочного ремонта. В дальнейшем Фризер уточнил эти данные и сообщил в фильме о Курской битве, показанной телеканалом «РТР-Планета», что безвозвратные потери немцев в сражении при Прохоровке составили только 3 танка. На материале германских архивов Фризер доказал, что советские утверждения, будто под Прохоровкой 12 июля 1943 года немцы потеряли 300 или 400 танков, — не более чем поэтическое преувеличение, содержащееся в донесениях советских танковых командиров. На самом деле II танковый корпус СС, противостоявший советской 5-й гвардейской танковой армии под Прохоровкой, безвозвратно потерял только 5 танков, а еще 43 танка и 12 штурмовых орудий были повреждены. Безвозвратные же советские потери в бронетехнике составляли значительно более 200 танков и САУ. Столь неблагоприятное соотношение безвозвратных потерь в танках объяснялось тем, что поле боя осталось за немцами. К тому же в Красной Армии очень плохо эвакуировали подбитые танки и столь же плохо ремонтировали поврежденную бронетехнику. Есть рассказ главного маршала бронетанковых войск П. А. Ротмистрова о том, как Сталин разгневался на него после Прохоровки. Этот рассказ приводит Ф. Д. Свердлов, ныне, к сожалению, покойный. Вот что поведал Павел Алексеевич летом 1964 года о Прохоровском сражении полковнику Федору Давыдовичу Свердлову, вместе с которым ехал «Красной стрелой» в Ленинград инспектировать артиллерийскую академию: «Это было самое большое танковое встречное сражение в ходе всей Второй мировой войны. Тогда 5-я гвардейская танковая армия, которой я командовал, с приданными двумя танковыми корпусами, разгромила крупную танковую группировку фашистов, нацеленную на Курск. Гитлеровцы потеряли около 350 танков и штурмовых орудий, в том числе около 100 тяжелых «тиг-

ров» и «пантер» («пантера» вообще-то была средним танком, и в составе корпуса СС их тогда не было ни одной штуки. — Б. С.), созданных специально для этой операции. После этого сражения они вынуждены были отказаться от дальнейшего наступления и перешли к обороне. Весь их стратегический план на лето 1943 года был сорван. Вот так танковое оперативное объединение выполнило стратегическую задачу. Правда, наши потери были не меньше чем у противника. Вы, конечно, не знаете, да этого почти никто не знает... — Павел Алексеевич сделал паузу и, слегка наклонившись к собеседнику, доверительно сказал: — Сталин, когда узнал о наших потерях, пришел в ярость: ведь танковая армия по плану Ставки предназначалась для участия в контрнаступлении и была нацелена на Харьков. А тут опять надо ее значительно пополнять. Верховный решил было снять меня с должности и чуть ли не отдать под суд. Это рассказал мне Василевский. Он же затем детально доложил Сталину обстановку и выводы о срыве всей летней немецкой наступательной операции. Сталин несколько успокоился и больше к этому вопросу не возвращался».

«— Между прочим, — хитро улыбаясь, заметил Ротмистров, — командующий фронтом генерал армии Ватутин представил меня к ордену Суворова 1-й степени. Но ордена на сей раз я не получил».

От суда Ротмистрова спас Василевский, доложивший Сталину, что немецкое наступление все-таки остановлено.

Понятно, зачем понадобилась Ротмистрову ложь о будто бы уничтоженных 300 или 400 немецких танках — он шкуру свою спасал от трибунала. Однако от намерения отдать незадачливого командующего 5-й гвардейской танковой армией под суд Верховный в конце концов отказался: ведь Курскую битву советские войска все-таки выиграли. В результате родилась легенда о советском успехе под Прохоровкой. Для этой цели число танков у немцев было завышено в два с половиной раза — до 700, а их потери — в 5—7 раз, до 300—400 машин, чтобы сделать их сопоставимыми с советскими. Известно, что обстоятельства и действия сторон в Прохоровском сражении расследовала специальная комиссия во главе

с Г. М. Маленковым, но ее материалы до сих пор не опубликованы и не доступны исследователям, поскольку хранятся под грифом «совершенно секретно».

Последующие исследования российских историков, прежде всего Л. Н. Лопуховского и В. Н. Замулина, и американских историков Дэвида Гланца и Джонатана Хауза на материалах российских архивов и их сравнения с германскими данными подтвердили правоту Фризера. Советские потери в людях и бронетехнике многократно превышали немецкие, а 5-я гвардейская танковая армия, в отличие от танкового корпуса СС, фактически утратила боеспособность.

Интересно, что в Прохоровском сражении танки Т-34 участвовали и с немецкой стороны. В составе дивизии «Райх» 11 июля 1943 года насчитывалось 8 «тридцатьчетверок», захваченных танковым корпусом СС на Харьковском тракторном заводе при взятии Харькова в марте 1943 года. 13 июля этих танков в дивизии стало уже 11 — то ли за счет новых трофеев, то ли вследствие поступления из ремонта новых машин (1 июля танков Т-34 во 2-м танковом корпусе СС было 25). Можно предположить, что в ходе боя под Прохоровкой потери корпуса Хауссера в «тридцатьчетверках» были незначительны или вообще отсутствовали. Между прочим, к трофейным «тридцатьчетверкам» немцы приваривали командирские башенки, чтобы командир танка мог управлять боем.

Мне довелось беседовать с одним из участников Прохоровского сражения Л. В. Чечковым. Тогда он был старшиной, командиром танка Т-34. Хотя его танк был сожжен, Леониду Васильевичу посчастливилось уцелеть. Зато из 50 его друзей по сформированному в Забайкалье танковому корпусу живыми ушли с поля боя под Прохоровкой только пятеро. Большинство советских танкистов не имело необходимого боевого опыта. Многие из них на Курской дуге приняли боевое крещение. Это, несомненно, сказалось как на результатах танкового сражения под Прохоровкой, так и на ходе всего оборонительного сражения под Курском. Истинные причины прекращения наступления группы армий «Юг», вопреки распространенному в советской историографии мнению, будто отказ немцев от продолжения операции «Цитадель»

был вызван неудачей под Прохоровкой (которой в действительности не было), лежат в том, что 12 июля уже началась советская атака против Орловского плацдарма, и поэтому шансов на окружение группировки Красной Армии под Курском, которые с самого начала «Цитадели» были призрачными, теперь не осталось вовсе. Более того, уже когда 11 июля началась советская разведка боем на участках Западного и Брянского фронтов, командование группы армий «Центр» поняло, что «Цитадель» закончилась. Продолжение наступления на Курск с юга было неоправданным риском и в перспективе могло привести к окружению и гибели немецких танковых соединений. Победа под Прохоровкой все равно не смогла изменить общей стратегической обстановки, неблагоприятной для германской стороны.

К началу операции «Цитадель» (вечером 4 июля) в составе II танкового корпуса СС было 327 танков Т-3, Т-4, Т-6, Т-34 и 129 боеготовых штурмовых и противотанковых САУ «Штуг» (Stug) и «Мардер» (Marder). Имелись также 5 устаревших танков Т-2 с 20-мм пушками и 28 командирских танков, в своем большинстве лишенных артиллерийского вооружения и непосредственно для ведения боя не использовавшиеся. В корпусе тогда было всего 35 исправных «тигров», и, вопреки позднейшим утверждениям Ротмистрова и других советских мемуаристов и историков, в корпусе Хауссера не было ни одной «пантеры». Все имевшиеся в то время во всей германской армии 200 «пантер» (Т-5) были сведены в бригаду и приданы дивизии «Великая Германия» XLVIII танкового корпуса, которая почему-то в советских источниках, вопреки фактам, упорно причисляется к СС. Также в корпусе было 54 самоходных гаубицы «Веспе» (Wespe) и «Хуммель» (Hummel) и 24 самоходных орудия «Гриле» (Grille), однако они применялись против танков только в крайнем случае, так как имели очень слабое бронирование, пусть и при мощной 150-мм пушке, и открытую сверху и сзади боевую рубку, являясь аналогом советской самоходно-артиллерийской установки СУ-76. Открытая рубка позволяла теснее взаимодействовать с пехотой и другими САУ в городских боях. Самоходчики же в большинстве не любили СУ-76М из-за противопоульного

бронирования, пожароопасности бензинового двигателя и открытой боевой рубки, которая не защищала от стрелкового огня сверху и попаданий гранат. Сами за себя говорят грубоватые прозвища СУ-76М «Сучка» или «Голожопый Фердинанд». Хотя, с другой стороны, та же открытая рубка спасала от кумулятивной струи «фаустпатрона», которая обычно наверняка убивала экипаж полностью закрытых САУ и танков, была удобна для экипажа и снимала проблему загазованности боевого отделения при стрельбе. Поэтому иногда СУ-76М ласково называли «Жу-жу» или «Коломбиной». СУ-76 имела много положительных сторон — легкость в обслуживании, надежность, малозумность, высокую проходимость по лесисто-болотистой местности. Такими же качествами обладали и немецкие «Гриле».

Устаревших во всех отношениях танков Т-2 в корпусе СС было всего 4. Со своей 20-мм пушкой он не мог поразить даже легкий советский Т-70 и годился лишь для борьбы с пехотой. К 12 июля в корпусе Хауссера имелся также 21 командирский танк. Пушек у этих танков не было. Для маскировки ствол орудия заменялся деревянной имитацией, а внутри башни устанавливалась радиоаппаратура. В дивизии «Райх» к началу «Цитадели» из 10 командирских танков 8 были танками Т-3 с 50-мм пушками, но к 11 июля в строю осталось лишь 4 таких танка.

К исходу 11 июля в составе корпуса СС осталось 211 боевых танков (Т-3, Т-4, Т-6 и трофейных Т-34) и 100 штурмовых и противотанковых САУ («Штук» и «Мардер»), а также 49 самоходных гаубиц «Веспе» и «Хуммель» и 24 самоходных орудия «Гриле». Исправных «тигров» имелось только 15. «Фердинандов», которых упорно находили в районе Прохоровки советские мемуаристы и историки, не было не только в корпусе Хауссера, но и нигде поблизости в радиусе нескольких десятков километров, поскольку все 90 «фердинандов» использовались в 9-й армии группы армий «Центр».

По другим данным, во II танковом корпусе СС к утру 12 июля насчитывалось 294 танка и штурмовых орудия (без «Мардеров»), в том числе 22 «тигра». Однако из этого числа 21 машина требовала краткосрочного ремонта, так что в бой

могли идти только 273 танка и штурмовых орудий. В этом случае получается, что 7 «тигров» находились в тот момент в краткосрочном ремонте.

Бои западнее и юго-западнее Прохоровки танковый корпус СС вел с 10 по 15 июля. В это время также продолжались бои между немецким III танковым корпусом немцев и советской 69-й армией южнее и юго-восточнее Прохоровки. 12 июля там были введены две механизированные бригады 5-го гвардейского механизированного корпуса, отдельный танковый полк и одна танковая бригада 2-го гвардейского танкового корпуса, объединенные в группы генерала К.Г. Труфанова. Все эти соединения подчинялись штабу армии Ротмистрова и насчитывали 161 танк, в том числе 116 Т-34, 45 Т-70 и 11 САУ, а также 28 противотанковых орудий. Кроме того, их поддерживала 96-я танковая бригада 69-й армии, имевшая 20 танков.

Труфанову также придали 10-ю истребительно-противотанковую артиллерийскую бригаду, имевшую 60 пушек ЗИС-2 (57-мм) и ЗИС-3 (76-мм), ранее частями входившую в состав 18-го и 29-го танковых корпусов. На отражение наступления немецкого III танкового корпуса первоначально направили подходивший к Прохоровке 1529-й тяжелый самоходный артиллерийский полк, имевший на вооружении самоходные артиллерийские орудия калибра 152 мм и предназначенный для усиления 29-го танкового корпуса. Этот полк в конце концов прибыл в район Прохоровки, но только в 18.00 12 июля, когда было уже слишком поздно. Да и снарядов у 1529-го полка было не густо — всего один боекомплект, и прибыл полк без тыловых служб. В результате получилось, что утром 12 июля армия Ротмистрова имела в резерве только 10-ю гвардейскую механизированную бригаду и 24-ю гвардейскую танковую бригаду 5-го гвардейского механизированного корпуса. Они насчитывали 96 танков и 4 СУ-76. Тяжелых самоходных артиллерийских установок СУ-122 в частях 5-й гвардейской танковой армии у Прохоровки осталось не более десятка. Получилось, что в момент начала Прохоровского сражения армия Ротмистрова была лишена большей части своей противотанковой артиллерии, в том числе

такого мощного, хотя и не очень эффективного средства, как СУ-152. Не исключено, что, если бы Ротмистрову удалось бы массово применить против танков Хауссера противотанковую артиллерию, соотношение потерь было бы более благоприятным для советской стороны. Если бы контрудар был отложен хотя бы на сутки, то, вероятно, большую часть противотанковой артиллерии из отряда Труфанова удалось бы вернуть под Прохороку и пополнить ее боезапас.

180 танков отряда Труфанова вместе с тремя стрелковыми дивизиями 69-й армии 12 июля в районе Шахово — Александровка сражались против немецкой 19-й танковой дивизии, в которой к этому времени в строю осталось всего 14 танков — 11 Т-3 и 3 Т-4, и 503-го отдельного батальона тяжелых танков. Утром 11 июля в нем было 23 боеготовых «тигра». Данных на 12 июля нет, но можно предположить, что число боеготовых машин к этому дню уменьшилось, так как «тигры» часто выходили из строя по техническим причинам. Другие две танковые дивизии III танкового корпуса — 6-я и 7-я, имевшие в общей сложности в строю около 50 Т-3 и Т-4, вместе с 228-м батальоном штурмовых орудий, у которого в строю было 19 «Штугов», сражались против еще трех стрелковых дивизий 69-й армии.

У Шахово 12 июля, в день Прохоровского сражения, произошел трагический инцидент. 53-й гвардейский отдельный танковый полк 5-й гвардейской танковой армии, посланный в составе сводного отряда генерал-майора К.Г. Труфанова на помощь 69-й армии генерал-лейтенанта В.Д. Крюченкина, не имея точной информации о расположении своих и немецких войск, не озаботился выслать вперед разведку. Разведкой, надо сказать, советские военачальники предпочитали не утруждать себя ни до Курской битвы, ни в ходе нее, ни после. В результате танкисты 53-го гвардейского отдельного танкового полка с ходу открыли огонь по боевым порядкам 92-й стрелковой дивизии и танкам 96-й танковой бригады, оборонявшимся в районе Александровки, в 24 км юго-восточнее станции Прохоровка. Одновременно советские штурмовики, высланные для поддержки атаки 53-го гвардейского отдельного танкового полка, обстреляли 92-ю стрелковую

дивизию с воздуха. Пройдя с боем сквозь своих, полк наткнулся на наступавшие немецкие танки и после короткой перестрелки начал стремительно отступать, смяв при этом и увлекая за собой отдельные группы советской пехоты. Следовавшая к линии фронта вслед за 53-м гвардейским отдельным танковым полком противотанковая артиллерия приняла танки 96-й танковой бригады за немецкие, преследующие 53-й полк, и уже собиралась расстрелять их. Но тут, к счастью, вмешались старший офицер Генерального штаба подполковник Соколов и командующий артиллерией 35-го гвардейского стрелкового корпуса и предотвратили еще одну трагедию. Командующий 69-й армией в специальном приказе назвал все происшедшее «безобразиями».

Собственно же на подступах к Прохоровке 12 июля сражался танковый корпус СС против основных соединений 5-й гвардейской танковой и 5-й гвардейской армий.

Советское командование, организуя контрудар с весьма решительными целями, рассчитывая уже в первый день наступления отбросить врага на 25 км, имело весьма смутные представления о расположении немецких войск, которое весьма мало соответствовало действительности. Так, 12 июля Ватутин, Ротмистров и Жадов полагали, что против 5-й гвардейской армии наступает дивизия «Лейбштандарт Адольф Гитлер», а 5-й гвардейской танковой армии предстоит встретиться с дивизией «Мертвая голова». На самом деле тремя днями ранее штаб корпуса СС произвел перегруппировку, и против армии Жадова оказалась «Мертвая голова», а против армии Ротмистрова — лейбштандарт. Только в разведсводке Воронежского фронта от 13 июля на основании данных, полученных к концу дня 12 июля, утверждалось, что «захватом пленного подтверждается действие ТД СС «А.ГИТЛЕР» (2 мп) в районе свх. ОКТЯБРЬСКИЙ (зап. ПРОХОРОВКА). По его показаниям, севернее ТД СС «А.ГИТЛЕР» действует ТД СС «Мертвая голова» и южнее — ТД СС «Райх». Наконец-то истинный боевой порядок корпуса СС был установлен.

Непосредственно в направлении Прохоровки действовал только лейбштандарт, в составе которого 12 июля было всего лишь 56 боеготовых танков (в том числе 4 «тигра», 47 Т-4

и 5 Т-3), 10 штурмовых орудий «Штуг» и 20 противотанковых САУ «Мардер». Этой дивизии утром 12 июля пришлось отражать атаки советских 18-го и 29-го танковых корпусов 5-й гвардейской танковой армии и 9-й гвардейской воздушно-десантной дивизии 5-й гвардейской армии.

В 18-м танковом корпусе к началу боя были в строю 68 Т-34, 18 Мк-4 «Черчилль», 58 Т-70, а в 29-м танковом корпусе — 122 Т-34, 70 Т-70 и 20 САУ (11 СУ-122 и 9 СУ-76). Всего в двух корпусах было 336 танков и 20 САУ, в том числе 190 Т-34.

Ротмистров отдал следующий приказ на наступление командиру 29-го танкового корпуса генерал-майору И. Ф. Киряченко: «Задача корпуса прежняя, то есть, действуя с 76 ГМП 1529 САП, сломить сопротивление пр-ка на рубеже роща 1 км сев. свх. КОМСОМОЛЕЦ, уничтожить его группировку в районе ЛУЧКИ, МАЯЧКИ, ПОКРОВКА к исходу 12.7.43 г., выйти в район ПОКРОВКА, готовясь в дальнейшем к действиям на юг.

Начало атаки в 8.30 12.7.43 г. Начало артподготовки с 8.00.

Разрешаю пользоваться радио с 7.00 12.7.43 г.».

С 0.30 до 1.00 ночи (с 2.30 до 3.00 по московскому времени) лейбштандарт осуществил разведку боем в направлении хутора Лутово силами пехотного батальона при поддержке роты танков. В результате выяснилось, что на передовой появилась новая 25-я танковая бригада 29-го танкового корпуса 5-й гвардейской танковой армии. Однако Хауссер, по всей видимости, решил, что пока что переброшена всего одна танковая бригада с целью укрепления оборонительных порядков. Он не ожидал, что через несколько часов на лейбштандарт обрушатся главные силы 5-й гвардейской танковой армии.

Наступление армии Ротмистрова началось в 8.30 утра. Артиллерийская подготовка оказалась не слишком эффективной. В отчете штаба артиллерии 5-й гвардейской танковой армии по поводу событий 12 июля 1943 года утверждалось: «Началу артиллерийского наступления разведка противника не предшествовала, полностью установить наличие огневых средств противника не представлялось возможным,

разведывательных данных от авиации не поступало и связи с ней не было». Артиллерия армии имела сравнительно небольшую плотность — 30 стволов на 1 км фронта наступления. Кроме того, бои 11 июля вызвали значительный расход снарядов, а нехватка автотранспорта не позволяла быстро пополнить запас снарядов.

К полудню 18-й танковый корпус приблизился к позициям немцев и, встретив сильное сопротивление, перешел к обороне. 29-й танковый к 10.30 также подошел к немецким позициям в районе совхоза «Октябрьский», где был атакован немецкой авиацией. В 11.00 совхоз «Октябрьский» был взят мотострелковой бригадой 29-го корпуса, но немцы тотчас вернули его в ходе контратаки. В 16.00 29-й танковый корпус, у которого осталось в строю всего 15 танков, последний раз попытался атаковать позиции лейбштандарта в совхозе «Октябрьский», но безуспешно.

В боевом донесении штаба 29-го танкового корпуса события 12 июля описывались следующим образом: «Атака началась без артобработки занимаемого рубежа пр-ком и без прикрытия с воздуха.

Это дало возможность пр-ку открыть сосредоточенный огонь по боевым порядкам корпуса и безнаказанно производить бомбежку танков и мотопехоты, что привело к большим потерям и уменьшению темпа атаки, а это в свою очередь дало возможность пр-ку вести более действенный огонь артиллерии и танков с места. Местность для наступления не благоприятствовала своей пересеченностью, наличие непроходимых для танков лошин северо-западнее и юго-восточнее дороги ПРОХОРОВКА — БЕЛЕНИХИНО вынуждало танки прижиматься к дороге и открывать свои фланги, не имея возможности прикрыть их.

Отдельные подразделения, вырвавшиеся вперед, подхитившие даже к свх. КОМСОМОЛЕЦ, понесли большие потери от артогня и огня танков из засад, отошли на рубеж, занимаемый огневыми силами.

Прикрытие наступающих танков с воздуха отсутствовало до 13.00. С 13.00 прикрытие осуществлялось группами истребителей от 2 до 10 машин.

С выходом танков к переднему краю обороны пр-ка из леса с/з. СТОРОЖЕВОЕ и вост. окр. СТОРОЖЕВОЕ пр-к открыл ураганный огонь из засад танков «тигр», самоходных орудий и орудий ПТО. Пехота была отсечена от танков и вынуждена залечь. Прорвавшись в глубину обороны, танки несли большие потери.

Части пр-ка при поддержке большого количества авиации и танков перешли в контратаку, и части бригады вынуждены были отойти.

Во время атаки переднего края пр-ка самоходные орудия, действуя в первом эшелоне боевых порядков танков и даже вырываясь вперед танков, имели потери от противотанкового огня пр-ка (было выведено одиннадцать самоходных орудий из строя)».

А вот как эта же несчастливая атака зафиксирована в журнале боевых действий 29-го танкового корпуса:

«По сигналу залп РС 76 полка соединения и части корпуса пошли в атаку в направлениях: свх. ОКТЯБРЬСКИЙ, свх. СТАЛИНСК. отд., СТОРОЖЕВОЕ.

Боевой порядок корпуса — 32 танк. бригада впереди, за ней 31 и 25 ТБр, 53 МСБр с 271 МП.

В 8.30 12.7.43 г. соединения и части корпуса повели наступление в направлении свх. КОМСОМОЛЕЦ, х. ТЕТЕРЕВИНО, ПОКРОВКА.

Атака началась без артобработки занимаемого рубежа пр-ком и без прикрытия с воздуха.

Это дало возможность пр-ку открыть сосредоточенный огонь по боевым порядкам корпуса и безнаказанно производить бомбежку танков и мотопехоты, что привело к большим потерям и уменьшению темпа атаки, а это в свою очередь дало возможность пр-ку вести более действенный огонь артиллерии и танков с места. Местность для наступления не благоприятствовала своей пересеченностью, наличие непроходимых для танков лошин северо-западнее и юго-восточнее дороги ПРОХОРОВКА — БЕЛЕНИХИНО вынуждало танки прижиматься к дороге и открывать свои фланги, не имея возможности прикрыть их.

Несмотря на сильное огневое сопротивление пр-ка, 32

ТБр, не теряя организованности в боевых порядках во взаимодействии с 25 ТБр, открыв массированный огонь из танков, двигались вперед. При подходе к рубежу: свх. ОКТЯБРЬСКИЙ, свх. СТАЛИНСК, были обстреляны арт. мин. огнем, где были вынуждены закрепиться на достигнутом рубеже, собрать силы для дальнейшего наступления и подготовиться к отражению атак пр-ка.

Отдельные подразделения, вырвавшиеся вперед, подходившие даже к свх. КОМСОМОЛЕЦ, понесли большие потери от артогня и огня танков из засад, отошли на рубеж, занимаемый огневыми силами.

С 11.00 корпус закрепился на достигнутом рубеже: 0,5 км сев.вост. свх. ОКТЯБРЬСКИЙ, 0,5 км сев. вост. свх. СТАЛИНСК. отд., 0,5 км юго-вост. СТОРОЖЕВОЕ, отражая неоднократные атаки танков и пехоты пр-ка, нанося ему большие потери в живой силе и технике.

а) 32 ТБр. В 8.30 12.7.43 г. без артиллерийской и авиационной обработки переднего края обороны пр-ка, не имея точных данных об огневых средствах пр-ка, бригада двумя эшелонами атаковала пр-ка в направлении свх. ОКТЯБРЬСКИЙ, свх. КОМСОМОЛЕЦ, ПОКРОВКА, вдоль ж.д. в полосе до 900 м. На этом (главном) направлении пр-к сосредоточил большое количество танков Т-6, самоходных пушек «ФЕРДИНАНД», а также других противотанковых средств.

За 32 ТБр следовала 31 ТБр. Атака 32 ТБр протекала в исключительно быстром темпе. Все танки пошли в атаку и не было ни одного случая нерешительности или уклонения от боя. К 12.00 12.7.43 г. танковые батальоны вышли в район артиллерийских позиций пр-ка. Пехота в панике начала бежать. Видя обозначившийся успех бригады, пр-к бросил передний край обороны до 150 самолетов, которые положили пехоту 53 МСБр, которая следовала сзади танков, вывели из строя несколько танков. 31 ТБр вместо развития успеха 32 ТБр продолжала топтаться сзади. Противник заметил, что темп атаки упал, подтянул свежие танковые резервы и пехоту. К этому времени бригада потеряла до 40 танков и 350 человек личного состава и вынуждена была остановиться.

В 16.00 12.7.43 г. командир бригады собрал танки и бро-

сил свой резерв (всего 15 танков) в атаку на свх. ОКТЯБРЬСКИЙ. Атака успеха не имела, так как противник подтянул достаточно противотанковых средств.

Бригада, заслонившись своей пехотой и пехотой 53 МСБр в районе ложины 1,5 км свх. ОКТЯБРЬСКИЙ, перешла к обороне.

б) 31 ТБр. В 1.30 танки и МСПБ бригады заняли исходное положение для атаки 1 км юго-запад. БАРЧОВКА.

В 8.30, после сигнала (залп РС), началась атака без арт-подготовки и прикрытия с воздуха наступающих танков и пехоты. Налеты производятся группами от 8 до 37 шт. типа «МЕ-110» и «Ю-87».

Танки несли большие потери от авиации и арт. огня противника, бригада атаковала в направлении: свх. ОКТЯБРЬСКИЙ через сев.зап. окр. ПРОХОРОВКА (Александровский). В 10.30 танки достигли рубежа свх. ОКТЯБРЬСКИЙ. Дальнейшее продвижение остановлено непрерывными воздействиями авиации пр-ка.

Прикрытие наступающих танков с воздуха отсутствовало до 13.00. С 13.00 прикрытие осуществлялось группами истребителей от 2 до 10 машин.

В 15.40 пр-к предпринял контратаку, которая была отбита. В итоге боев за день бригада имеет потери: танков Т-34 — 24, Т-70 — 20, орудий 45 мм — 1, станк. пул. — 1 ППШ — 2, винтовка — 1, убито — 44 чел., ранено — 39, пропало без вести — 18 чел.

Уничтожено и подбито живой силы и техники пр-ка: малых и средних танков — 21, тяжелых танков «тигр» — 6, пулеметных огневых точек — 17, до 600 солдат и офицеров пр-ка.

в) 25 ТБр. По приказу корпуса в 8.30 12.7.43 г. бригада при сопровождении батареи самоходных орудий 122 мм перешла в наступление в направлении: СТОРОЖЕВОЕ, ИВАНОВСКИЙ ВЫСЕЛОК, ТЕТЕРЕВИНО, выс. 228,4 зап. окр. ЛУЧКИ, выс. 246,3, 218,3 с задачей уничтожить пр-ка в этих районах и к исходу дня сосредоточиться в районе КРАПИВЕНСКИЕ ДВОРЫ с готовностью действовать в направлении г. БЕЛГОРОД.

Направляющим справа наступал 362 Тб с ротой автомат-

чиков МСПБ батареями 122 мм самоходных орудий, уступом слева за 362 Тб наступал 25 Тб с МСПБ без ТДР, батареями 45 мм пушек и 76 батареями самоходных орудий.

С выходом танков к переднему краю обороны пр-ка из леса с/з. СТОРОЖЕВОЕ и вост. окр. СТОРОЖЕВОЕ пр-к открыл ураганный огонь из засад танков «тигр», самоходных орудий и орудий ПТО. Пехота была отсечена от танков и вынуждена залечь. Прорвавшись в глубину обороны, танки несли большие потери.

Остатки танков к 10.00. 12.7.43 г. из глубины обороны пр-ка вышли и сосредоточились в ложине 1,5 км ю/в СТОРОЖЕВОЕ. К 10.30 бригада в составе остатков танков Т-34 — 6, Т-70 — 15, заняла оборону по скатам безым. высот 0,6 км ю/в СТОРОЖЕВОЕ. Дважды переходивший в атаку пр-к с рубежа обороны отходил с большими для него потерями.

К исходу дня 12.7.43 г. бригада имела потери подбитыми и сожженными танков Т-34 — 26, Т-70 — 24, мин. — 1, орудий ПТО — 1, личного состава: убито — 40 чел., ранено — 91 чел., пропало без вести — 27 чел. Всего — 158.

За день боя 12.7.43 г. части бригады уничтожили: солдат и офицеров до 350 чел., танков малых и средних — 2, танков тяжелых и «тигры» — 1, орудий самоходных — 2, орудий ПТО — 3, минометов — 2, ст. пулем. — 1, ручн. пулем. — 6, складов с ГСМ — 1, автомашин с грузом — 4 шт.

г) 53 МСБр. 12.7.43 г. в 9.00 бригада во взаимодействии с 31 и 25 ТБр перешла в наступление и к 11.00 овладела свх. СТАЛИНСК. отд., свх. ОКТЯБРЬСКИЙ, СТОРОЖЕВОЕ.

Части пр-ка при поддержке большого количества авиации и танков перешли в контратаку и части бригады вынуждены были отойти на рубеж: лощина 0,5 км вост. свх. ОКТЯБРЬСКИЙ, юго-вост. окр. ЯМКИ.

д) 1446 САП. В 3.00 12.7.43 г. полк занял боевой порядок на западной окр. Д. БАРЧОВКА и поддерживал двумя батареями (1 и 6 батареи) 25 ТБр, имея задачу, следовать на флангах бригады и подавлять огневые точки во время атаки переднего края пр-ка. 2, 3 и 5 батареи поддерживали 32 ТБр на флангах две батареи и в центре одна батарея.

Атаку полк начал совместно с 32 ТБр и 25 ТБр в районе

свх. СТАЛИНСК и д. СТОРОЖЕВОЕ. Во время атаки переднего края пр-ка самоходные орудия, действуя в первом эшелоне боевых порядков танков и даже вырываясь вперед танков, имели потери от противотанкового огня пр-ка (было выведено одиннадцать самоходных орудий из строя).

Во время атаки полком уничтожено: танков Т-6 — 1 подбит, танков разных марок — 4, 75 мм орудий — 3, противотанковых орудий — 23, ПТР — 5, пулеметов — 10, самоходных орудий — 1, автомашин — 7, блиндажей — 3, ДЗОТ — 2 и до 300 чел. пехоты.

е) 271 МП — с вводом в бой подразделений 53 МСБр полк оказывал огневую поддержку тремя дивизионами наступающему 1/53 МСБр в направлении сев.-вост. опушки леса, что сев. СТОРОЖЕВОЕ. Нужно отметить, что вступление в бой было сделано очень организовано, было налажено взаимодействие с общевойсковыми начальниками, вслед за пехотой дивизионы продвигали свои боевые порядки вперед. Вследствие ряда причин атака не увенчалась полным успехом, поэтому пришлось занять первоначальный боевой порядок.

В дальнейшем полку была поставлена боевая задача: закрепиться на занятых боевых порядках, непрерывно вести арт. разведку, систематизировать разведанные, воспрепятствовать огнем возможность контратак пр-ка, уничтожать выделенные огневые средства пр-ка, оказать огневую поддержку поддерживаемым пехотным подразделениям.

ж) 108 ИПТАП — поддерживал атаку танков. Уничтожил 2 ПТО, НП до взвода пехоты; потери: ранено — 3 чел.

Остальные части корпуса обеспечивали действия бригад и танков.

В боях 12 июля 1943 г. корпус понес значительные потери.

Поставленную задачу выполнил: остановил наступление пр-ка, положил начало дальнейшему разгрому всей группировки пр-ка. Бои с обеих сторон отличались особым упорством, часто завершались рукопашными схватками, танки, как правило, не отходили с достигнутых рубежей и, если противнику и удавалось отбить тот или иной пункт, то танкисты или гибли, или дрались пешими группами до последнего. Как по-

казали последующие бои, пр-к (главным образом «СС» части) с тяжелыми боями стал отходить на юг и юго-запад.

ПОТЕРИ КОРПУСА за 12.7.43 г. убито: НС — 72, МНС — 144, ряд. — 88, ранено: 75 — НС, МНС — 197, ряд. — 241, пропало без вести НС — 19, МНС — 100, ряд. — 164, ито-го: НС — 166, МНС — 441, ряд. — 493.

ПОТЕРИ МАТ. ЧАСТИ. Участвовало в бою: Т-34 — 122, Т-70 — 70, СУ-122 — 11, СУ-76 — 9. Потерь всего: Т-34 — 95, Т-70 — 36, СУ-122 — 10, СУ-76 — 9, из них безвозвратных: Т-34 — 75, Т-70 — 28, СУ-122 — 8, СУ-76 — 6.

ПОТЕРИ ПРОТИВНИКА. Уничтожено до 3260 солдат и офицеров, пулем. — 138, орудий — 54, танков — 68, автома-шин — 127, мотоциклов — 16, самолетов — 2, складов с бое-припасами — 2, минбатареи — 4, арт. батареи — 9, миноме-тов — 17».

Согласно приказу Ротмистра, 29-й корпус должен был к исходу дня выйти в район Покровки, находящейся в 25 км от Прохоровки. Корпус остановился, не смог взять совхоз «Октябрьский», расположенный в 3 км от Прохоровки, и ху-тор Сторожевой, до которого от Прохоровки было 6 км. Со-держашееся в журнале утверждение, будто 29-й танковый корпус «поставленную задачу выполнил», является очевид-ным поэтическим преувеличением, не имеющим ничего об-щего с истиной.

Приведенные в журнале суммарные данные о потерях корпуса, по всей вероятности, являются заниженными. Там, например, утверждается, что всего было потеряно 36 танков Т-70. Однако выше приводятся побригадные данные о поте-рях, из которых следует, что 31-я бригада потеряла 20 Т-70, а 25-я бригада — 24 Т-70. Если просуммировать потери по бри-гадам, получится не 131, а 134 танка, хотя окончательные по-тери 32-й тбр не приводятся. После осмотра поля боя, когда немцы уже ушли, начальник политотдела 32-й танковой бри-гады подполковник Трунов привел уточненные данные о по-терях бригады: «Всего подбито 7 танков, сожжено 42 танка, 4 танка ремонтируются. Восстанавливать сожженные танки не представляется возможным, так как они приведены в пол-ную негодность». А в первоначальном донесении от 12 июля

Ротмистров показал как 36 сгоревших и 18 подбитых. Из этого следует, что реальное количество уничтоженных танков было на 6 больше, а находящиеся в ремонте 4 танка не относятся и, скорее всего, вышли из строя по техническим причинам. Не очень понятно также из донесения Трунова, подлежали ли все 7 подбитых танков восстановлению, так как далее он говорит, что на поле боя был найден всего один танк, подлежащий ремонту.

Если принять, что бригадные данные о потерях Т-70 более точны, то общее количество танков, потерянных 29-м танковым корпусом, должно составить не менее 139 танков и 19 САУ, из которых не менее 103 танков и 14 САУ были потеряны безвозвратно.

Не лучше была картина и в 18-м танковом корпусе. В его донесении вечером 12 июля командир корпуса генерал-майор Б. С. Бахаров писал: «Приказом командующего 5 гвардейской танковой армии корпус получил задачу — во взаимодействии с 29 тк, действуя с 30 гв. минполком, одним 75 мм иптап и одним 57 мм иптап, сломить сопротивление противника на рубеже АНДРЕЕВКА, роша сев. свх. Комсомолец и уничтожить его в районе КРАСНАЯ ДУБРАВА, БОЛ. МАЯЧКИ, КРАСНАЯ ПОЛЯНА и далее, повернувшись фронтом на север, обеспечить наступательные действия армии на юг.

Начало атаки — в 8.30 12.7.43 г.

Я решил: ударом в направлении южн.окр. ВАСИЛЬЕВКА, выс. с отм. 220,4, 252,4, 251,2 — уничтожить противостоящего противника с боевым построением корпуса в три эшелона.

1-й боевой эшелон в линию — 181, 170 тбр атаковать противника в полосе корпуса с ближайшей задачей овладеть МАЛ. МАЯЧКИ, в дальнейшем — выйти на рубеж:

181 тбр — выс. 251,5, КРАСНАЯ ПОЛЯНА.

170 тбр — (искл.) КРАСНАЯ ПОЛЯНА, КРАСНАЯ ДУБРАВА.

2-й эшелон — 32 Мсбр с артгруппой в составе:

292 минполк, 76 мм иптап, 57 мм иптап — наступать за первым эшелонам. К исходу дня сменить в обороне 181 и 170 Тбр.

36 гв.тп — наступать за 170 тбр во втором эшелоне, обеспечивая правый фланг боевого порядка корпуса. Сосредоточиться у р. СУХАЯ.

3-й эшелон — 110 тбр, разведотряд — к концу дня выйти в район.выс. 251,2.

Штакор — в третьем эшелоне между 110 тбр и разведотрядом.

В 8.30 части корпуса перешли в наступление.

Противник танковыми дивизиями СС «Адольф Гитлер», «Мертвая голова» и «Райх», прибывшими на фронт 10.7 из г. ХАРЬКОВ, где они пополнялись в течение 3 месяцев материальной частью и личным составом (по показанию пленных, дивизии имели по 268 танков и 44 бронетранспортеров каждая) для развития успеха в направлении г. КУРСК, оказывая упорное сопротивление, стали отходить в направлении отм. 217,9, свх. КОМСОМОЛЕЦ.

Артиллерия противника вела интенсивный огонь по боевым порядкам корпуса из района ГРЕЗНОЕ, свх. КОМСОМОЛЕЦ.

Корпус, не имея должной поддержки в истребительной авиации и неся большие потери от артогня и интенсивной бомбардировки с воздуха (к 12.00 авиация противника произвела до 1500 самолето-вылетов), медленно продвигался вперед.

Местность в полосе действия корпуса пересечена тремя глубокими оврагами, проходящими от левого берега р. ПСЕЛ до ж.д. БЕЛЕНИХИНО — ПРОХОРОВКА, почему наступающие в первом эшелоне 181, 170 танковые бригады вынуждены были действовать на левом фланге полосы корпуса у сильного опорного пункта противника свх. ОКТЯБРЬСКИЙ. 170 тбр, действующая на левом фланге, к 12.00 потеряла до 60% своей боевой материальной части.

Несмотря на потери, преодолевая огневое сопротивление противника, части корпуса, заняв свх. ОКТЯБРЬСКИЙ, к 12.00 вели бой на рубеже: 181 тбр — АНДРЕЕВКА, выс. 241,6, 170 тбр — овраг юго-вост. МИХАЙЛОВКА, 32 мсбр — вела бой за АНДРЕЕВКА.

Продолжая выполнять поставленную задачу, части кор-

пуса к исходу дня достигли рубежа 200 м восточ. церкви БОГОРОДИЦКОЕ, южн. окр. ВАСИЛЬЕВКА, АНДРЕЕВКА, две ветряные мельницы ПРЕЛЕСТНОЕ и далее по сев. ска-там оврага на юго-восточном АНДРЕЕВКА, свх. ОКТЯБРЬСКИЙ.

Противник к исходу дня из района КОЗЛОВКА, ГРЕЗНОЕ предпринял лобовую атаку танков с одновременной попыткой обхода боевых порядков частей корпуса с направле-ния КОЗЛОВКА, ПОЛЕЖАЕВ, используя свои танки «тигр» и самоходные орудия, интенсивно бомбардируя боевые по-рядки с воздуха.

Выполняя поставленную задачу, 18 тк встретил хорошо организованную, сильную противотанковую оборону про-тивника с заранее закопанными танками и штурмовыми ору-диями на рубеже высот 217,9, 241,6.

Во избежание лишних потерь в личном составе и техни-ке, моим приказом №68 части корпуса перешли к обороне на достигнутых рубежах».

На самом деле совхоз «Октябрьский» 18-му танковому корпусу удержать не удалось. Также значительно занижены потери 170-й танковой бригады, все 65 машин которой были выведены из строя, причем большинство — безвозвратно. Бригада фактически перестала существовать. Это доказы-вается тем, что она отсутствует в перечне частей 18-го танково-го корпуса в 3.00 13 июля. В донесении штаб корпуса декла-дывал:

«1. Противник в течение дня 12.7.43 г. после упорных бо-ев оставил населенный пункт ЯМКИ, свх. ОКТЯБРЬСКОЕ, свх. КОМСОМОЛЕЦ, роща зап. ТЕТЕРЕВИНО, в дальней-шем предпринял лобовую танковую контратаку и попытку обхода в направлении КОЗЛОВКА, ПОЛЕЖАЕВ, используя свои танки «тигр» и самоходные орудия.

2. Выполняя поставленную задачу дня — выход на белго-родское шоссе, 18 тк неожиданно наткнулся на хорошо орга-низованное, сильное сопротивление противника, с заранее закопанными танками и штурмовыми орудиями на рубеже выс. 217,9, 241,6.

3. По предварительным данным, корпус понес потери по мотопехоте до 20%, по танкам до 30%.

В бою сегодня выбыло из строя 8 чел. старшего командного, начальствующего состава:

1. Корпусной инженер подполковник т. БЕЛОВ — убит.

2. Командир 170 тбр подполковник т. ТАРАСОВ — убит.

3. Командир 1 батальона 170 тбр капитан ИСАЕВ — умер от ран.

4. Командир 1 батальона 181 тбр майор ГАРИБЯН — ранен.

5. Командир 2 батальона 181 тбр капитан СКРИПКИН — ранен.

6. Зам. командира 181 тбр майор ГРИГОРЬЯНЦ — ранен.

7. Начальник Оперативного отдела Штакора подполковник МАРТИРОСОВ — ранен.

8. Командир 414 саперного батальона — ранен.

Потери танков: Т-34 — 25

Т-70 — 15

«Черчилль» — 15

Потери, нанесенные противнику, уточняются.

КП — южн. окр. Береговое».

С учетом, что 170-я танковая бригада полностью вышла из строя, данные о потерях — всего 55 танков кажутся значительно приуменьшены. Бывший заместитель командира танкового батальона 181-й танковой бригады старший лейтенант Е.В. Шкурдалов (впоследствии полковник и Герой Советского Союза) вспоминал: «Впереди нас шла 170-я танковая бригада. Эта бригада сгорела за какие-то пять минут — 65 машин». О том же пишет и бывший командир танкового взвода Илларионов: «60 машин подполковника Тарасова ринулись в то утро на поле прохоровское, и все до единого во главе с командиром сгорели во встречном бою».

По всей вероятности, приведенные выше данные о потерях 18-го и 29-го корпусов оказываются значительно занижены относительно безвозвратных потерь. В донесении штаба 5-й гвардейской танковой армии о потерях бронетехники в период с 11 по 14 июля (почти вся она погибла 12 июля, в ходе Прохоровского сражения), по 18-му танковому корпусу без-

возвратные потери определяются в 30 танков, а оставленными на поле боя показаны 98 танков. Из этих последних эвакуированными числится только 21 машина. Поскольку поле боя контролировалось немцами, можно не сомневаться, что к моменту их отступления от Прохоровки почти все оставшиеся неэвакуированными к 14 июля советские подбитые танки оказались уничтожены. Поэтому безвозвратные потери 18-го танкового корпуса, после 12 июля несколько дней в боях не участвовавшего, можно определить как примерно равные 77 танкам.

Та же картина и по потерям 29-го танкового корпуса. Здесь безвозвратно потерянными к 14 июля считаются 154 танка, 8 СУ-122 и 6 СУ-76. Отметим, что количество безвозвратно потерянных танков по сравнению с первоначальным донесением возросло на 51 единицу, со 103 до 154. Зато число безвозвратно потерянных САУ уменьшилось с 19 до 14. Но вот оставленными на поле боя числятся 199 танков, 10 СУ-122 и 9 СУ-76. Совпадение числа оставленных на поле боя самоходок с общим числом потерь самоходок в донесении от 12 июля — 19 единиц, доказывает, что речь идет о бронетехнике, потерянной именно 12 июля. Из всех оставленных на поле боя танков и САУ эвакуированными показаны только 2 СУ-122. Таким образом, безвозвратные потери 29-го танкового корпуса за 12 июля можно оценить как примерно равные 199 танкам и 19 САУ.

Суммарные безвозвратные потери в бронетехнике 18-го и 29-го танковых корпусов в Прохоровском сражении 12 июля 1943 года можно определить как примерно равные 276 танкам и 19 САУ. Это тоже больше, чем число советских танков, заявленных как уничтоженные 12 июля штабом II танкового корпуса СС — 249. Самоходки немцы за танки не считали и их в данном случае не учитывали. И это против безвозвратно потерянных танковым корпусом СС 12 июля 3 танков и, предположительно, 1 САУ «Мардер». По безвозвратным потерям, даже без учета потерь 2-го танкового и 2-го гвардейского танковых корпусов, соотношение получается близкое к 74:1. Вероятно, примерно так же соотносились и военные таланты Хауссера и Ротмистрова.

В группе Труфанова, непосредственно против корпуса СС не сражавшейся, за тот же период, к исходу 14 июля безвозвратно потерянными числилось 29 танков, а оставленными на поле боя — 37, причем эвакуированных машин не было. Вероятно, истинные безвозвратные потери группы Труфанова и составили 37 танков. Тогда общие безвозвратные потери армии Ротмистрова (без 2-го танкового и 2-го гвардейского танкового корпусов) за 12 и 13 июля (группа Труфанова, в отличие от 18-го и 29-го танковых корпусов, 13 июля тоже была в бою) можно оценить в 313 танков и 19 САУ. Если же прибавить сюда безвозвратные потери 2-го гвардейского танкового (29 сгоревших, 35 подбитых) и 2-го танкового (11 сгоревших, 11 подбитых) корпусов, то безвозвратные потери 5-й гвардейской танковой армии увеличатся как минимум до 353 танков и 19 САУ.

Существуют и иные оценки потерь советской бронетехники, но они представляются нам несколько заниженными. Так, согласно подсчетам Л. Н. Лопуховского, с учетом потерь 11-й и 12-й механизированных бригад 5-го гвардейского механизированного корпуса за сутки боя, начиная с 8.30 12 июля, безвозвратные потери 5-й гвардейской танковой армии, по донесениям соединений, составили 223 танка и САУ. А всего армия за 12 июля могла безвозвратно потерять порядка 230—235 танков и САУ. К 13.00 13 июля из имевшихся 860 боеспособных танков и САУ в строю осталось 390, убыль составила 470 машин. К этому сроку, по мнению Лопуховского, ремонтники могли эвакуировать с поля боя и восстановить 30—40 боевых машин. Тогда общие потери танковой армии за 12 июля уничтоженными и подбитыми могли составить не менее 500 танков и САУ, то есть 58% от числа боеготовых и 75% от 670, принявших непосредственное участие в бою. Такую же оценку сделали в 1998 году сотрудники российского Института военной истории.

Эвакуационная и ремонтная служба в советских танковых войсках была поставлена из рук вон плохо, на что и жаловался Ротмистров в письме к Жукову. А когда советские ремонтники пришли на оставленную немцами территорию,

где погибли главные силы 5-й гвардейской танковой армии, то им удалось найти лишь один подбитый советский танк, поддающийся ремонту.

В журнале боевых действий 5-й гвардейской армии было зафиксировано следующее решение А. С. Жадова на 12 июля 1943 года и следующим образом описывался ход Прохоровского сражения:

«В связи с нанесением с утра 12.7 удара 5-й гвардейской танковой армией на левом фланге 5-й гвардейской армии в общем направлении на ДУМНОЕ, ПОКРОВКА командующий 5-й гвардейской армии также решает наносить удар не правым, как предполагалось, а левым флангом.

33 гв. стрелковому корпусу командарм приказал, используя удар танков, решительным наступлением в общем направлении на БОЛ. МАЯЧКИ во взаимодействии с 32 гв. стрелковым корпусом и танками уничтожить противостоящего здесь противника.

Главный удар корпус должен был наносить пятью дивизиями (97, 95, 42, 52 гв. СД и 9 гв. ВДД), построенными в одном эшелоне, имея необходимое усиление на левом фланге корпуса.

Ближайшая задача корпуса:

Выйти в район ГРЕЗНОЕ, МАЛ. МАЯЧКИ, ТЕТЕРЕВИНО, свх. КОМСОМОЛЕЦ.

Последующая задача корпуса:

Выйти в район ПОГОРЕЛОВКА, ЯКОВЛЕВО, отм. 246.

Находившейся в армейском резерве 6 гв. ВДД к утру 12.7.43 г. сосредоточиться в районе СРЕДОЛЬЩАНКА, выс. 243,5, ОСТРЕНЬКИЙ, имея задачей при необходимости развернуться в общем направлении ПЕТРОВКА, ВАСИЛЬЕВКА, ГРЕЗНОЕ.

В 8.30 12.7 43 г. 5-я гвардейская армия по всему фронту должна была перейти в решительное наступление на БОЛ. МАЯЧКИ, нанося основной удар своим левым флангом.

Пытаясь удержать инициативу в своих руках, противник на всем фронте оказывал упорное огневое сопротивление наступающим частям армии. Его пехота при поддержке танков в нескольких местах неоднократно переходила в контратаку...

На левом фланге армии, на фронте 33 гв. СК противник, опередив нас, сам в 6.00 после непродолжительного арт., минометного налета и массированных ударов авиацией с воздуха перешел в наступление на участке КЛЮЧИ в направлениях ВЕСЕЛЫЙ и ПОЛЕЖАЕВ. Здесь противник имел в виду развивать успех своих наступательных действий, введя в бой до 60 танков, в том числе около десятка «тигров». За танками двигались автоматчики, около 200 мотоциклистов, самоходные пушки и до полутора батальона пехоты. На других участках 33 гв.СК противник оказал упорное сопротивление нашим наступающим частям.

97 гв.СД после непродолжительного артиллерийского налета в 8.30 активной атакой прорвала оборону противника и на 9.00 вышла на рубежи южн. отм. 188,1 ИЛЬИНСКИЙ. К 12.00 дивизия продвинулась до юго-восточной окраины КОЧЕТОВКА, КРАСНЫЙ ОКТЯБРЬ, а к 19.00 вышла на рубеж отм.209,3, сев. часть оврага вост. КОЧЕТОВКА. Противник предпринял против 97 гв.СД две неудачные для него контратаки пехотой, поддержанной около десятка танков.

В центре до 100 танков противника, прорвав оборону 95 и 52 гв.СД в районе КЛЮЧИ и отм.226,6, стал быстро распространяться в направлении: ВЕСЕЛЫЙ, отм. 236,7 и ПОЛЕЖАЕВ, угрожая левому флангу 97 гв.СД и правому флангу 42 гв.СД, которая к этому времени наступала на МИХАЙЛОВКА, АНДРЕЕВКА и выс.241,6. Около 19.00 отдельные танки противника дошли до оврага вост.ВЕСЕЛЫЙ, вышли на южные скаты выс.236,7 и северную окраину ПОЛЕЖАЕВ. Отходившие части 95 и 52 гв.СД сдерживали на этом рубеже наступление танков противника. Кроме того, для противодействия дальнейшему развитию наступления танков противника по приказанию командующего армией командир 32 гв.СД выбросил 1322 ИПТАП (поддерживавший 66 гв.СД) в район НИЖ.ОЛЬШАНКА для прикрытия направления на рубеже р.ОЛЬШАНКА.

9 гв.ВДД, преодолевая упорное сопротивление противника, к 22.00 вышла на рубеж: отм.241,6 юго-зап, окраина леса сев. этой высоты, сев.-вост. окр.СТОРОЖЕВОЕ.

Упорные, ожесточенные бои развернулись 12 июля на

всем фронте армии. Если на обоих флангах армии обозначился некоторый наш успех и имелось, хоть и незначительное, продвижение вперед, то почти в самом центре противник, прорвав наш фронт обороны, имел успех, пытаясь развить наступление...»

Фактически здесь признается, что Прохоровское сражение в целом окончилось для 5-й гвардейской армии неудачей. Она имела лишь небольшое продвижение на флангах, не имевшее никакого оперативного значения, тогда как эсэсовцы прорвали центр армии и глубоко вклинились в ее оборону.

На основе советских и немецких документов и воспоминаний участников рисуется такая картина собственно Прохоровского танкового сражения, в котором лейбштандарт противостоял двум советским танковым корпусам. В 8.00 утра 12 июля началась советская артиллерийская подготовка, которая длилась, по разным данным, от 15 до 30 минут. Ее эффективность была крайне низкой из-за небольшой плотности артиллерии, скудного запаса снарядов и полного отсутствия разведки целей. Не только не удалось подавить вражеские позиции, но и нанести противнику сколько-нибудь ощутимый урон. Немцы, как кажется, вообще не поняли, что имеют дело с артподготовкой перед крупным танковым контрнаступлением, приняв ее за обычный артиллерийский налет. Тем более что утро было пасмурным и дождливым и советская авиация не могла оказать поддержку своим войскам. В отличие от люфтваффе, советские ВВС гораздо больше зависели от погоды, как из-за более низкого уровня подготовки пилотов, так и из-за ряда организационных проблем. В 8.30 утра в атаку пошли 29-й и 18-й танковые корпуса 5-й гвардейской танковой армии, но только к 11.00 они вышли к позициям лейбштандарта. 29-й танковый корпус в составе 25, 31 и 32-й танковых бригад и наступавшего позади них 1446-го самоходно-артиллерийского полка наступал прямо от станции Прохоровка по обе стороны железной дороги и вдоль нее, в полосе 3,5 км между совхозом «Октябрьский» и хутором Ямки. 18-й танковый корпус 181-ю и 170-ю танковые бригады и 36-й гвардейский отдельный тяжелый танковый полк пустил в первом эшелоне, за ними чуть позади шла

32-я мотострелковая бригада, а за ней наступала 110-я танковая бригада. Этот корпус наступал правее 29-го танкового корпуса, в полосе шириной 2,5 км между совхозом «Октябрьский» и рекой Псёл. Все эти силы надвигались на позиции дивизии «Адольф Гитлер». Немцы столь масштабного наступления не ожидали, но быстро сориентировались, когда мотопехота доложила о том, что у русских слышен сильный шум танковых моторов, а значит, танков у русских на передовой много. Командование дивизии хотело вернуть посланную в атаку роту Риббентропа, но он отказался, чтобы не бросать уже пошедших в атаку пехотинцев, и оказался прямо перед советской танковой армадой. В результате рота Риббентропа понесла наибольшие безвозвратные потери, составившие не менее половины всех безвозвратных потерь в бронетехнике корпуса СС за этот день. Но нет худа без добра. Танк Риббентропа сумел вклиниться в беспорядочно наступающую волну советских танков и уничтожить 14 из них, расстреляв их почти в упор. Остальные танки, противотанковые пушки, штурмовые орудия и САУ лейбштандарта расстреливали атакующих с места и с достаточно большой дистанции, укрывшись за противотанковым рвом. На этой дистанции они были практически неуязвимы для советских танковых орудий. К тому же советские танкисты, слепо выполняя приказ Сталина, вели огонь преимущественно с ходу, что исключало прицельную стрельбу. Немцы полностью использовали преимущество модернизированных Т-4 и немногих «тигров» над Т-34 в начальной скорости пушечного выстрела и в качестве прицелов. Советское же командование не сумело использовать преимущества, присущие «тридцатьчетверкам». Они заключались в способности маневрировать и в более высокой скорости передвижения по пересеченной местности. Для использования этих преимуществ требовались грамотные танковые командиры и хорошо подготовленные механики-водители. Ни тех ни других в Красной Армии почти не было. В то время подавляющее большинство советских механиков-водителей, перед тем как идти в бой, имели практику вождения не более 5 моточасов, тогда как для того, чтобы уверенно водить танк, необходима была практика не менее 25 моточа-

сов. Главное, что заботило таких неопытных танкистов, — не отстать от танка командира. А для того, чтобы реагировать на вражеские угрозы, времени не оставалось. В том числе и поэтому тогда, под Прохоровкой, танк Риббентропа так и не опознали.

Танковые бригады советского 29-го танкового корпуса за первые два часа наступления прошли всего 1,5—2 км. Лишь 15 танков Т-34 1-го батальона 32-й танковой бригады под командованием майора П.С.Иванова, прикрываясь лесопосадкой и дымом горящих советских танков, сумели проскочить позиции немецких Sturmgeschütz орудий на высотах 242,5 и 241,6 и ворваться в совхоз «Комсомолец». Отряд Иванова глубже всех подразделений 5-й гвардейской танковой армии вклинился в этот день в германскую оборону противника — на целых 5 км. Другие танки 32-й танковой бригады к 11.00 дня сумели преодолеть только 3 км от позиций, с которых они пошли в атаку, причем основная часть этого расстояния пришлось на нейтральную полосу между советскими и немецкими позициями. П. А.Ротмистров попытался бросить к совхозу «Комсомолец» свой резерв — две бригады 5-го гвардейского механизированного корпуса, но артиллерия лейбштандарта открыла мощный заградительный огонь, а затем по выдвигающимся бригадам нанесла удар авиация. Атака частей 5-го гвардейского механизированного корпуса захлебнулась, не начавшись. В результате прорвавшиеся в совхоз «Комсомолец» подразделения 32-й танковой бригады и 53-й мотострелковой бригады 29-го танкового корпуса были почти полностью уничтожены, а настоящий герой Прохоровского сражения майор П.С.Иванов сгорел в танке. От 25-й танковой бригады 29-го танкового корпуса уцелел лишь один танковый батальон, который отошел и занял оборону в полукилометре юго-восточнее хутора Сторожевое.

Удар советского 18-го танкового корпуса был столь же провальным, как и удар 29-го танкового корпуса. Он наносился встык левого фланга лейбштандарта и правого фланга «Тотенкопфа» в районе сел Богородицкое и Козловка, на берегу Псёла. Здесь 18-й танковый корпус могли встретить 30—40 танков танкового полка «Тотенкопфа» и батарея Sturmмо-

вых орудий, но советские танки уклонились в сторону позиций лейбштандарта. 170-я танковая бригада 18-го танкового корпуса пыталась на большой скорости обойти слева совхоз «Октябрьский», но попала под огонь танков и штурмовых орудий лейбштандарта. 181-я танковая бригада 18-го танкового корпуса сумела добраться до первой линии немецкой обороны на высотах 231,3 и 241,6, где и была остановлена с большими потерями. Советское контрнаступление полностью провалилось.

В 13.00 остатки 32-й и 31-й танковых бригад 29-го танкового корпуса, 170-й и 181-й танковых бригад 18-го танкового корпуса при поддержке 42-й гвардейской стрелковой и 9-й гвардейской воздушно-десантной дивизий сумели занять совхоз «Октябрьский», где их обстреляли и бомбили советские штурмовики. Еще более мощным оказался налет сотни немецких самолетов. В 14.30 дня 36-й гвардейский отдельный тяжелый танковый полк с 18 танками Mk-4 «Черчилль» попытался взять Андреевку и Васильевку у реки Псёл на стыке лейбштандарта и «Тотенкопфа», но потерпел неудачу. После полудня части «Тотенкопфа», смяв оборону 52-й гвардейской стрелковой дивизии 6-й гвардейской армии и 95-й гвардейской стрелковой дивизии 5-й гвардейской армии, заняли хутор Полежаев и высокий западный берег Псёла, с которого фланкирующим огнем простреливались боевые порядки 18-го танкового корпуса. Его 110-я и 181-я танковые бригады вынуждены были отступить.

Сам Хауссер о Прохоровском сражении в мемуарах отзывался довольно скупой. Он указал, только что «с самого начала было известно о наличии у советского командования сильного оперативного резерва в районе Воронежа. Часть этих войск была введена в бой. Корпус СС в ночь на 11 июля был приведен в боевую готовность для общего наступления на эти войска, в то время как дивизия «Мертвая голова» должна была захватить переправы через Псёл и обеспечить нам прикрытие. По этим исходным позициям 11 июля 3-я советская танковая армия нанесла контрудар (здесь у Хауссера произошла небольшая абберрация памяти. На самом деле контрудар наносила не 3-я танковая, а 5-я гвардейская танковая

армия, и не 11-го, а 12 июля. — Б. С.). В этот и в последующие дни западнее Прохоровки развернулось танковое сражение невиданного ранее масштаба. Прорыв противник осуществить не смог, множество его танков было уничтожено. Однако положение стало критическим, поскольку армейская группа «Кемпф» вынуждена была свои основные силы перебросить с левого фланга на правый, так что рядом с танковым корпусом СС образовалась большая брешь.

Успехи 9-й армии Моделя, наступавшего на Орловском направлении, были значительно скромнее; советское наступление на Орел поставило под большой вопрос задачу достижения Курска. Кроме того, казалось, обострилось положение на Миусском фронте. Поэтому Верховное командование приказало остановить наступление и перебросило корпус СС на Миус. Таким образом, оперативные цели не были достигнуты, но, по крайней мере, были связаны оперативные резервы противника. Были ли тем самым сорваны его планы — вопрос спорный, так же как и то, стоило ли задействовать и истощать наши резервы для этого наступления».

В сражении под Прохоровкой 12 июля наибольшие безвозвратные потери в бронетехнике понесла 6-я танковая рота лейбштандарта, на которую пришелся основной удар советской танковой армады. Этой ротой командовал сын рейхсминистра иностранных дел Рудольф фон Риббентроп. Утром 12 июля его разбудил связной: «Оберштурмфюрер, вам приказано прибыть к командиру!» Фон Риббентроп тут же вскочил. По пути в штаб батальона он успел заметить, что на фронте неспокойно. Услышав шум подъезжающего мотоцикла, из штабной машины — переоборудованной подвижной радиостанции — высунулся командир танкового батальона штурмбаннфюрер Гросс. «Слушайте, Риббентроп. Пехота докладывает, что русские подтягивают танки. Подробности никаких. Установите связь с пехотой и будьте готовы по необходимости вступить в бой».

Об этом дне Риббентроп впоследствии вспоминал очень подробно. Наверное, этот день стал самым памятным днем его жизни. За подвиг, совершенный на Прохоровском поле,

сын рейхсминистра был награжден Рыцарским крестом. Вот что Рудольф Риббентроп написал о 12 июля 1943 года:

«Судя по тону командира батальона, следовало ожидать, что развитие наступления, вылившегося в одно сплошное танковое сражение, и дальше будет приводить к танковым боям. Более того, он достаточно ясно на это указывал.

Сначала мне было немного не по себе от столь расплывчатого и необычного приказа, поскольку накануне вечером Гросс говорил, что моя рота будет оставлена в резерве. А теперь — это задание, так некстати прервавшее отдых, в котором мы очень нуждались.

Я вернулся в расположение роты на пассажирском сиденье мотоцикла и приказал экипажам прогреть двигатели танков и приготовиться к выдвигению. Орудия были расчехлены и приготовлены к бою. Потом я приказал штурмшарфюреру Гебауэру, ведавшему штабом роты, явиться ко мне на мотоцикле с коляской. Я собирался лично побывать на позициях пехоты, чтобы оценить ситуацию и иметь возможность при необходимости сразу же принять нужные меры.

Потери моей роты к этому дню были высоки. Из двадцати двух танков, с которыми мы начинали операцию 5 июля, вечером 11 июля в строю оставалось лишь семь. По счастью, не все потерянные танки были полностью уничтожены, и в роту постоянно возвращались отремонтированные Т-4.

Накануне мы преодолевали вырытый русскими противотанковый ров. Там позицию занимали две другие роты нашего батальона, а мы оставались в резерве.

Через противотанковый ров, пересекавший практически весь фронт наступления, имелся лишь один переход, по которому шла дорога на Прохоровку. Мост то ли не был взорван, то ли его уже успели восстановить. Ров находился в низине. От него в сторону Прохоровки шел склон шириной около 400 метров. Справа склон был ограничен дорогой на Прохоровку. За ней была заросшая железнодорожная насыпь, которую можно было считать неприступной для танков.

У насыпи линия фронта загибалась за противотанковый ров и дальше шла на восток до самой разграничительной ли-

нии между нами и соседями — 2-й танковой дивизией СС «Райх».

Батальон нашей мотопехоты захватил насыпь, а второй батальон занял позиции под прямым углом к ней над упомянутым склоном.

Наш левый фланг был открыт, и контакта со своими войсками с этой стороны (т. е. с частями 3-й дивизии СС «Тотenkopf». — Б. С.) не было. Я ехал по дороге вдоль насыпи, пока не добрался до КП командира батальона, оборудованного в переходе под насыпью. Командир как раз собирался допрашивать пленного русского лейтенанта. Лейтенант был очень похож на немца — высокий, светловолосый и голубоглазый. Он вел себя очень сдержанно и почти не отвечал на вопросы. Позже, получив несколько сигарет, он заявил: «Русский солдат — плохая кормежка и отличный боевой дух. Немецкий солдат — отличная кормежка и низкий боевой дух».

От мотопехотного командира я узнал не много. Он тоже получал доклады о шуме танков, но, кроме этого, больше ничего не слышал.

Унтер-офицера с мотоциклом я оставил на КП батальона, чтобы он мог быстро сообщить мне, если что-нибудь произойдет, и передать указания о дальнейших действиях.

К танкам, видневшимся внизу у противотанкового рва в нескольких сотнях метров, я вернулся пешком. Личный состав и техника боевой группы, состоявшей из дивизиона штурмовых орудий нашей дивизии и бронетранспортерного батальона Йохена Пайпера, были рассеяны по всему склону. Людей и техники на этом склоне, скрытом от глаз русских, было столько, что он, казалось, был усыпан всевозможной техникой и оружием. Все части наслаждались представившейся передышкой. Накануне атака на Прохоровку была отменена. Успех был волнующе близок, но 2-я дивизия СС справа и 3-я дивизия СС слева за нами не поспевали. Связи с ними у нас не было, а русские навалились на них большими силами.

В результате наши войска образовали клин, глубоко вдававшийся во вражескую территорию. Наш правый фланг был

надежно прикрыт насыпью, а левый — на реке Псёл — был совершенно открыт.

Ввиду отсутствия контакта с соседями наступление на Прохоровку было невозможно. Соответственно, наши солдаты спали мертвым сном. Во всяком случае, семь дней самых тяжелых боев за всю кампанию в России остались позади.

Что же до меня, то я считал недосып главным лишением военного времени, намного худшим, чем голод, жажда, холод, дождь и сырость.

На пути назад я совершенно отчетливо понимал, что на фронте беспокойно. То тут то там гремела артиллерия. Над нами разносилось эхо пулеметных очередей, а в небе было полно самолетов»:

Фон Риббентроп вернулся на позиции своей роты и сразу же получил кружку горячего кофе. Заряжающий его танка вскрыл ящик с пайками и протянул командиру кусок хлеба. Заместитель командира роты доложил, что 6-я рота готова к выступлению. Солдаты наслаждались утренней свежестью и прохладой. В это утро в роте было всего 6 боеспособных танков.

Ранее рота Риббентропа понесла тяжелые потери, прорывая вместе с батальоном Пайпера советскую противотанковую оборону.

Уже ведя своих людей в атаку на противотанковые позиции вместе с мотострелками Пайпера, фон Риббентроп получил от командира батальона другой приказ, отменяющий атаку. Однако командир роты не стал его выполнять. Развернуть машины сейчас значило предоставить Пайперу в одиночку штурмовать неприятельские позиции. Перед советской танковой армадой, признаки выдвижения которой были заметны уже с утра, бронетранспортеры Пайпера были бы обречены на уничтожение, так как их тонкая броня легко пробивалась огнем советских танковых пушек. О выдвижении советских танков Риббентроп в тот момент еще ничего не знал. Но он хорошо понимал, что без поддержки танков бронетранспортеры батальона Пайпера будут жертвой огня советских противотанковых орудий, которые в большом количестве располагались на позициях перед железнодорожной

насыпью. Р. фон Риббентроп так описывал впоследствии свое душевное состояние: «Я понимал лишь одно — об этом не может быть и речи. Я принял участие в атаке, несмотря на доносившиеся по радио гневные возражения командира батальона.

Собрав роту после разрушения полосы противотанковой обороны и уничтожения последней противотанковой пушки, я получил от Пайпера высочайшую похвалу, которой я только удостаивался за всю войну. Он сказал мне: «Я с радостью принял бы вас и вашу роту в свой батальон!»

По возвращении в батальон мне удалось убедить разозленного командира в том, что прекратить атаку и оставить бронетранспортеры лицом к лицу с противотанковыми орудиями без поддержки танков было бы невозможно».

Но до объяснения со штурмбаннфюрером Мартином Гроссом, командиром 2-го танкового батальона, было еще далеко. Прихлебывая мелкими глотками горячий кофе, фон Риббентроп случайно повернулся в сторону линии фронта. Представшая перед ним картина сперва показалась ему галлюцинацией. В воздухе стояла сплошная лиловая стена дыма от дымовых шашек. Это значило: «Вражеские танки!» Этот сигнал был виден вдоль всего гребня склона. Грозные лиловые знаки видны были и правее, у насыпи. Сразу стало ясно: за холмом, вдали от глаз тех, кто находился в долине, шла в наступление масса советских танков.

Фон Риббентроп бросил кружку и скомандовал: «Заводи! За мной!» Потом он обратился к своему заместителю Мальхову: «Мы пойдем вверх по склону развернутым строем. Ты со своим взводом пойдешь слева, я с остальными тремя танками — в центре и справа. Левый фланг чуть загни назад на случай, если нас обойдут. Выходим на склоне на полузакрытую позицию и с нее бьем по русским!»

Вновь обратимся к тексту воспоминаний фон Риббентропа:

«В тот же миг я заметил командира отделения управления роты, которого я оставил на КП пехотного батальона. Объятый огромным облаком пыли, он на полной скорости несся

на мотоцикле вниз по склону, постоянно держа поднятый вверх кулак: «Выдвигайтесь немедленно!»

Рота тут же пришла в движение и рассредоточилась по склону, словно на учениях. Развертывание было проведено так четко, что мое сердце учащенно забилося. Осознание того, что я веду в бой этих молодых, но опытных солдат, окрыляло.

Достигнув гребня холма, мы увидели еще один невысокий гребень метрах в двухстах, на другой стороне небольшой низины, на котором, судя по всему, занимала позиции наша пехота.

По радио я приказал роте занять позиции на новом гребне и принять бой там. Низинка уходила влево, и, спускаясь по переднему скату, мы заметили первые русские Т-34. Они, судя по всему, пытались обойти нас слева.

Мы остановились на склоне и открыли огонь, подбив несколько вражеских машин. Несколько русских танков остались догорать. Для хорошего наводчика дистанция 800 метров была идеальной.

Пока мы ждали, не появятся ли еще танки, я по привычке осмотрелся. То, что я увидел, лишило меня дара речи. Из-за невысокого пригорка шириной метров 150—200 появилось пятнадцать, потом тридцать, потом сорок танков. Наконец я сбился со счета. Т-34 двигались к нам на большой скорости с пехотинцами на броне.

Мой механик-водитель Шюле сообщил по внутренней связи: «Командир, справа! Справа! Вы их видите?»

Я их видел очень даже хорошо. В этот момент мелькнула мысль: «Вот теперь — крышка!» Механику-водителю показалось, что я сказал: «Покинуть танк!», и он начал открывать люк. Я довольно грубо схватил его и втащил обратно в танк. Одновременно я ткнул наводчика ногой в правый бок — это был сигнал развернуть башню вправо.

Вскоре первый снаряд отправился к цели, и после попадания Т-34 вспыхнул. Он был от нас всего метрах в 50—70. В тот же миг соседний с моим танк получил попадание и загорелся. Я видел, как унтершарфюрер Парке покинул машину,

но больше мы его так никогда и не увидели. Его сосед справа также был подбит и вскоре тоже был объят пламенем.

Лавина вражеских танков катилась прямо на нас. Танк за танком! Волна за волной! Такое их количество было просто невероятным, и все они двигались на большой скорости.

Времени занять позицию для обороны у нас не было. Все, что мы могли, — это стрелять. С такой дистанции каждый выстрел попадал в цель. Когда же нам суждено получить прямое попадание? Где-то в подсознании я понимал, что шансов на спасение нет. Как всегда в подобных ситуациях, мы могли лишь позаботиться о самом неотложном. И вот мы подбили третий, потом четвертый Т-34 с дистанций меньше тридцати метров.

В наших Т-4 под рукой у заряжающего было примерно 18—20 снарядов, из которых большинство были осколочно-фугасными и лишь часть — бронебойными.

Вскоре мой заряжающий крикнул: «Бронебойные кончились!»

Весь наш боезапас, готовый к немедленному использованию, был израсходован. Дальше снаряды заряжающему должны были подавать наводчик, радист и механик-водитель. Остаться без движения в этот момент наверняка означало обнаружение и уничтожение русскими танками. Единственная надежда для нас — перебраться через гребень, хотя русские его уже преодолели. Там наши шансы на спасение были выше, чем здесь, где мы были как на ладони.

Мы развернулись посреди массы русских танков и отъехали назад метров на пятьдесят, на обратный скат первого гребня. Здесь, оказавшись в чуть более надежном укрытии, мы снова развернулись лицом к вражеским танкам.

И в этот миг метрах в тридцати справа от нас остановился Т-34. Я видел, как танк слегка качнулся на подвеске и развернул башню в нашем направлении.

Я смотрел прямо в ствол его орудия. Выстрелить немедленно мы не могли, потому что наводчик только что передал заряжающему новый снаряд.

«Жми! Давай!» — крикнул я в микрофон. Мой механик-водитель Шюле был лучшим в батальоне. Он тут же включил

передачу, и неуклюжий Т-4 тронулся с места. Мы прошли мимо Т-34 в каких-то пяти метрах. Русский попытался развернуть башню следом за нами, но у него не получилось. Мы остановились в десяти метрах позади неподвижного Т-34 и развернулись. Мой наводчик попал прямо в башню русского танка. Т-34 взорвался, а его башня подлетела в воздух метра на три, едва не ударившись о ствол моего орудия. Все это время вокруг нас один за другим проносились новые Т-34 с десантом на броне.

Я тем временем пытался затащить внутрь флаг со свастикой, закрепленный сверху в кормовой части танка. Флаг нужен был для того, чтобы наши летчики видели, где мы. Мне удалось сделать это только наполовину, и теперь полотнище флага развевалось на ветру. Кто-то из русских командиров-наводчиков рано или поздно должен был обратить на него внимание. Смертельное попадание оставалось для нас лишь вопросом времени.

У нас был только один шанс: нужно было постоянно двигаться.

Неподвижный танк немедленно опознавался противником как вражеский, поскольку все русские танки двигались на большой скорости.

Вдобавок ко всему нас еще могли подбить и собственные танки, рассредоточенные по широкому фронту внизу, вдоль противотанкового рва у железнодорожной насыпи. Они открыли огонь по наступающим вражеским танкам. На окутанном дымом и пылью поле боя, глядя против солнца, наш танк невозможно было отличить от русских. Я постоянно передавал в эфир наш позывной: «Внимание всем! Это Куниберт! Мы посреди русских танков! Не стреляйте по нас!»

Ответа не было. Тем временем русские подожгли несколько машин, пройдя сквозь батальон Пайпера и наш артиллерийский дивизион. Но к этому времени уже начал сказываться огонь наших двух оставшихся танковых рот. Дивизион штурмовых орудий и мотопехота Пайпера (последние — оружием ближнего боя) тоже наносили урон танкам и прижимали к земле русских пехотинцев, спрыгнувших с Т-34 и попытавшихся наступать в пешем строю. Над полем боя ви-

села густая пелена дыма и пыли. Из этого ада продолжали выкатываться все новые и новые группы русских танков. На широком склоне их расстреливали наши танки.

Все поле представляло собой мешанину разбитых танков и машин. Вне всякого сомнения, отчасти мы обязаны нашим спасением именно этому обстоятельству — русские нас так и не заметили.

Вдруг впереди я увидел плотную массу русской пехоты и приказал механику-водителю: «Чуть-чуть доверни влево!»

Через несколько секунд он тоже их заметил. Стреляя из пулеметов, мы врзались в массу пехоты с тыла. Они даже не поняли, что их догоняет немецкий танк.

Наше спасение лежало в движении влево, в направлении дороги. Там мы должны были встретить свою пехоту и оторваться от русских танков.

Тем временем остальной экипаж — механик-водитель, радист и наводчик — собирал по всему танку бронебойные снаряды. Как только такой снаряд находился, мы тут же подбивали еще один из Т-34, нагнавших нас после того, как мы остановились. Невероятно, но по нас до сих пор не стреляли. Все специалисты уверены, что это произошло из-за отсутствия у русских отдельного командира танка — танками командовали наводчики, которые могли смотреть только в том направлении, куда было развернуто их орудие. Если бы не это, мы были бы обречены.

К нашему неудовольствию, русские тоже двинулись влево к дороге, чтобы там переправиться через противотанковый ров. Мы так и не поняли, почему русские направили свою атаку через район, перекрытый противотанковым рвом, о существовании которого им наверняка было известно. Из-за этого препятствия они должны были неминуемо потерять темп в наступлении, пройдя всего лишь какой-то километр. Поэтому русские повернули налево, чтобы выйти к дороге и переправиться через ров по мосту. Однако там разыгралась просто невероятная сцена.

У отремонтированного моста через противотанковый ров наступающего противника встретил огонь наших танков и противотанковых орудий. Мне удалось укрыть свой танк за

подбитым Т-34. Оттуда мы вступили в бой с вражескими танками. Они двигались к мосту со всех направлений. Так нашему батальону и нам было даже легче выбирать цели.

Горящие Т-34 сталкивались друг с другом. Повсюду были огонь и дым, удары снарядов и взрывы. Т-34 пылали, а раненые пытались отползти в сторону.

Вскоре весь склон был усеян горящими вражескими танками. Мы оставались за дымящимся остовом вражеской машины. И тут я услышал голос своего заряжающего: «Бронебойных больше нет!»

Мы израсходовали весь боекомплект бронебойных снарядов. Теперь у нас оставались только осколочно-фугасные снаряды, бесполезные против хорошо бронированных Т-34.

Теперь мы занялись уничтожением советской пехоты. Это было непросто, поскольку русская пехота добралась до наших позиций, и мы могли случайно попасть в одну из наших собственных самоходок или в бронетранспортер из батальона Пайпера.

Поначалу я не стрелял. Потом я услышал вскрик наводчика. Он простонал: «Мой глаз! Мой глаз!»

Шальной снаряд попал в башню точнехонько в небольшое отверстие для прицела наводчика. Снаряд не пробил броню, но все же вошел достаточно глубоко, чтобы со страшной силой вогнать прицел внутрь. Мой наводчик, смотревший в этот момент в прицел, получил тяжелое ранение в голову.

Наш танк больше не мог вести бой. Я решил выйти из боя и, переправившись по мосту через противотанковый ров, уйти в тыл. Там я мог попытаться собрать те танки роты, которым удалось вырваться из этого хаоса.

Мы двинулись в тыл. Я отвел танк за небольшое возвышение, где мы смогли вытащить наводчика и перевязать его раны.

В этот момент появился фельдфебель — техник моей роты — с отремонтированным Т-4. Нашему экипажу нужно было лишь забраться в него и вернуться в бой с полным боекомплектом.

Экипажу этого танка (кроме наводчика, который был нам нужен) пришлось вылезти из машины и передать ее мо-

ему экипажу. Однако мне как командиру роты требовался опытный экипаж, учитывая, сколько дел приходится делать одновременно. Командир роты должен был поддерживать радиосвязь с батальоном, вести свою роту и управлять танком. Кроме того, нужно было указывать цели наводчику.

В новом танке мы двинулись по мосту. К этому времени натиск русского наступления ослаб. По всему полю были рассыпаны горящие Т-34. От одного из оперативных офицеров батальона, подошедшего к танку, я узнал, что командир батальона собирается нанести контрудар, чтобы отбить высоту.

Мы быстро двинулись вверх по склону, с которого совсем недавно съехали в окружении русских. Незадолго до полудня высота снова была в наших руках.

Потери моей роты оказались на удивление невысокими. Полностью были потеряны лишь те две машины, гибель которых я видел в самом начале боя. В двух остальных ротах полностью потерянных машин не было.

Артиллерийскому дивизиону и батальону Пайпера также удалось обойтись минимальными потерями.

Допросы пленных показали, что у противника была готова третья волна танков, но она так и не была брошена в бой. В нашей полосе обороны было больше сотни подбитых русских танков (из них 14 уничтожил экипаж фон Риббентропа. — Б. С.).

Днем на поле боя прибыл командующий генерал Хауссер, чтобы лично убедиться в том, что доклады об этом ошеломляющем успехе верны. Позднее говорили, что он помечал подбитые танки мелом и собственноручно их пересчитывал.

Мы внесли свой вклад в этот успешный оборонительный бой, поскольку нас не застал врасплох внезапный удар массы русских танков. Мы сумели вступить в бой с противником с вершины холма и сразу же подбить несколько Т-34, внося замешательство в ряды противника.

Более того, шум боя и пламя горящих вражеских (и, к сожалению, двух наших) танков послужили своевременным предупреждением для батальона Пайпера и артиллерийского дивизиона.

Отважные пехотинцы, сумев сохранить самообладание при виде массы вражеских танков, остановили и уничтожили наступающую пехоту противника.

Русские вели наступление очень массированно и невероятно упорно.

Очевидно, русское командование собиралось ликвидировать угрозу, которую представляли наши войска, исключительно за счет грубой силы. При лучшем руководстве и использовании элемента внезапности противник, намного превосходивший нас в численности, неминуемо сумел бы отбросить боевую группу Пайпера и, возможно, полностью ее уничтожить.

Русское командование должно было понимать, что наступлению помешает вырытый ими же самими противотанковый ров».

20 июля 1943 года Рудольф фон Риббентроп был награжден Рыцарским крестом. При этом он отмечал: «Каждый член моего экипажа заслужил эту награду. Я ношу ее от имени всего экипажа». А спустя восемь дней обергруппенфюрер Хауссер стал 261-м немецким военнослужащим, получившим Дубовые листья к Рыцарскому кресту. 1 августа 1943 года Рудольф фон Риббентроп был переведен для участия в формировании 12-й танковой дивизии СС «Гитлерюгенд».

Свидетельства Хауссера и Риббентропа доказывают, что атака армии Ротмистрова в целом оказалась неожиданной, хотя пехота в последний момент и заметила продвижение танков. Хауссер если и ожидал контрудара, то против дивизии «Райх», на Яковлево, что вывело бы советские танки в тыл корпуса СС. Наступление лейбштандарта на Прохоровку было отложено отнюдь не потому, что именно в этот день Хауссер ожидал советский контрудар. Просто он опасался за фланги далеко выдвинувшегося по направлению к Прохоровке лейбштандарта. Поэтому наступление этой дивизии и «Райха» было отложено до того, как на устойчивости советской обороны скажется наступление «Тотенкопфа» на плацдарме за Псёлом и будет устранена угроза лейбштандарту с левого фланга. Если Хауссер и опасался советского контрудара, то, повторяю, только на фронте «Райха». Может быть,

поэтому наступление этой дивизии 12 июля началось довольно поздно. Так что, если бы контрудар 5-й гвардейской танковой армии состоялся бы по первоначальному замыслу Ватутина с вводом основных сил на Яковлево, он бы закончился столь же катастрофически. Немцы этого удара ожидали, да и местность там была труднее для действий танков. Командование лейбштандарта все-таки решило провести местную атаку силами роты Риббентропа и батальона Пайпера для захвата советских передовых противотанковых позиций. Вероятно, о наличии таких позиций танкисты Ротмистрова даже не подозревали и не пытались наладить взаимодействие с занимавшими их пехотинцами и артиллеристами. Скорее всего, эта немецкая атака началась около 9.00 по московскому времени или даже немного раньше, поскольку Риббентроп перед атакой слышал сильную артиллерийскую стрельбу. Это была артподготовка перед наступлением армии Ротмистрова, которая была настолько слабой по своей интенсивности и результатам, что немцы приняли ее за обычный беспокоящий артоналет. Затем, когда рота Риббентропа уже выдвигалась к линии атаки, ее попытались вернуть назад, за железнодорожную насыпь. По всей видимости, в этот момент командир лейбштандарта бригадфюрер Теодор Виш, которому год спустя в Нормандии суждено было потерять обе ноги и приобрести Рыцарский крест с дубовыми листьями и мечами, получив донесения, что пехота слышит шум советских танков, и решил отвести танковую роту Риббентропа обратно за насыпь, чтобы она могла встретить врага с закрытых позиций. Но, поскольку в этот момент батальон Пайпера, скорее всего, уже начал наступление и возвращать его было поздно, Риббентроп самостоятельно решил поддержать его огнем, вопреки приказу. Остальные танковые роты в это утро не наступали. Возможно, их собирались бросить в бой позже для развития успеха. Если бы два наступающих советских танковых корпуса столкнулись с наступающим танковым полком или хотя бы одним танковым батальоном лейбштандарта на открытой местности и в ближнем бою, результаты могли бы быть гораздо благоприятнее для советской стороны. Немцам вообще повезло, что 12 июля лейб-

штандарт и «Райх» собирались начать наступление значительно позже, чем накануне. Рано утром начал наступать только «Тотенкопф», но против этой дивизии армия Ротмистрова вообще в тот день не действовала. Отметим, что время начала наступления в корпусе СС значительно разнилось по дням «Цитадели». Как свидетельствует бывший член Военного совета 1-й танковой армии Н.К. Попель, немцы «9 июля начали атаки в полдень, а 10-го — в четыре часа утра (8 июля, как сообщает Попель в другом месте своих мемуаров, немцы атаковали тоже рано утром, хотя и не в четыре утра, и сумели упредить готовившуюся контратаку бригад армии Катукова. — Б. С.). Их штаб был изворотлив и гибок. Части, не боясь потерь, стремились выполнять приказы. То здесь то там они врывались на наши рубежи, теснили наши боевые порядки. Но добиться осязаемых успехов им не удалось: оборона наша для них была столь же труднопреодолимой, как и 5 июля. И хотя они несколько приблизились к Обояни, захват этого маленького городка оставался для них неосуществимой мечтой». Вместе с тем Николай Кириллович признает, что «именно 10 июля, в предпоследний день наступления на обоянском направлении, немцы нанесли наибольший урон двум нашим танковым бригадам». Кстати сказать, в этот день против 1-й танковой армии сражался именно II танковый корпус СС.

Можно предположить, атака роты Риббентропа и батальона Пайпера завершилась около 11.00, когда танки советских 18-го и 29-го танковых корпусов приблизились к немецким позициям. В результате в момент, когда советские танки оказались у самых советских позиций и пехотинцы послали сигналы тревоги, рота Риббентропа оказалась между насыпью и советскими атакующими корпусами. Ее командир решил не возвращаться за насыпь, а занять позицию на гребне близлежащего холма, и там почти в упор столкнулся с советскими танками, заставив их преждевременно принять бой и предупредив об опасности батальон Пайпера. Собственно, это столкновение одного немецкого танкового взвода из трех танков с массой советской бронетехники и стало единственным примером встречного танкового боя в Прохоровском

сражении. А ведь Ротмистров, а вслед за ним многие советские историки многократно писали, что 5-я гвардейская танковая армия и II танковый корпус СС как раз вели друг с другом встречное сражение. Ромистров оставил красочное описание Прохоровского сражения в собственных мемуарах: «Смотрю в бинокль и вижу, как справа и слева выходят из укрытий и, набирая скорость, устремляются вперед наши славные «тридцатьчетверки». И тут же обнаруживаю массу танков противника. Оказалось, что немцы и мы одновременно перешли в наступление. Я удивился, насколько близко друг от друга скапливались наши и вражеские танки. Навстречу двигались две громадные танковые лавины. Поднявшееся на востоке солнце слепило глаза немецких танкистов и ярко освещало нашим контуры фашистских танков.

Через несколько минут танки первого эшелона наших 29-го и 18-го корпусов, стреляя на ходу, лобовым ударом врезались в боевые порядки немецко-фашистских войск, стремительной сквозной атакой буквально пронзив боевой порядок противника. Гитлеровцы, очевидно, не ожидали встретить такую большую массу наших боевых машин и такую решительную их атаку. Управление в передовых частях и подразделениях врага было явно нарушено. Его «тигры» и «пантеры», лишенные в ближнем бою своего огневого преимущества, которым они в начале наступления пользовались в столкновении с другими нашими танковыми соединениями, теперь успешно поражались советскими танками Т-34 и даже Т-70 с коротких дистанций. Поле сражения клубилось дымом и пылью, земля содрогалась от мощных взрывов. Танки наскакивали друг на друга и, сцепившись, уже не могли разойтись, бились насмерть, пока один из них не вспыхивал факелом или не останавливался с перебитыми гусеницами. Но и подбитые танки, если у них не выходило из строя вооружение, продолжали вести огонь.

Это было первое за время войны крупное встречное танковое сражение: танки дрались с танками. В связи с тем, что боевые порядки перемешались, артиллерия обеих сторон огонь прекратила. По той же причине не бомбила поле боя ни наша, ни вражеская авиация, хотя в воздухе продолжались

яростные схватки и вой сбитых, объятых пламенем самолетов смешивался с грохотом танковой битвы на земле. Отдельных выстрелов не было слышно: все слилось в единый грозный гул.

Напряжение сражения нарастало с потрясающей яростью и силой. Из-за огня, дыма и пыли становилось все труднее разобрать, где свои и где чужие. Однако, имея даже ограниченную возможность наблюдать за полем боя и зная решения командиров корпусов, получая их донесения по радио, я представлял, как действуют войска армии. Что там происходит, можно было определить и по улавливаемым моей радиостанцией приказаниям командиров наших и немецких частей и подразделений, отдаваемым открытым текстом: «Вперед!», «Орлов, заходи с фланга!», «Шнеллер!», «Ткаченко, прорывайся в тыл!», «Форвертс!», «Действуй как я!», «Шнеллер!», «Вперед!», «Форвертс!». Доносились и злые, ядерные выражения, не публикуемые ни в русских, ни в немецких словарях.

Танки кружили, словно подхваченные гигантским водоворотом. «Тридцатьчетверки», маневрируя, изворачиваясь, расстреливали «тигров» и «пантер», но и сами, попадая под прямые выстрелы тяжелых вражеских танков и самоходных орудий, замирали, горели, гибли. Ударяясь о броню, рикошетили снаряды, на куски рвались гусеницы, вылетали катки, взрывы боеприпасов внутри машин срывали и отбрасывали в сторону танковые башни.

Наиболее тяжелый, крайне ожесточенный бой вел 29-й танковый корпус генерала И. Ф. Кириченко, наступавший вдоль железной и шоссейной дорог. Враг бросил против него основные силы танковых дивизий СС «Адольф Гитлер» и «Мертвая голова», упрямо предпринимая одну за другой настойчивые попытки прорваться к Прохоровке. Однако войска корпуса дрались с исключительным упорством и не уступали достигнутых рубежей....

Наступила ночь, тревожная и душная. Боевые действия прекратились на всем фронте. Я вышел из блиндажа поразмяться, стряхнуть усталость. Пахло гарью и пороховым дымом. В безбрежном космическом океане мерцали далекие

звезды. Луна бросала холодный, тусклый свет на изуродованную сражением землю. На западе и юго-западе трепетало зарево пожаров. Горели нескошенные нивы, леса, деревни.

Противник вел себя как-то странно. В его расположении раздавались взрывы. Потом выяснилось, что немцы подрывали свои подбитые танки, которые нельзя было эвакуировать».

Похоже, единственным случаем перемешивания боевых порядков советских и немецких танков, о котором Ротмистров пишет как о явлении массовом, на самом деле была только история с Риббентропом, который со своим танком вынужден был влиться в волну наступающих советских танков и довольно удачно воспользовался неожиданно представившейся возможностью, уничтожив 14 советских танков. Поврежден же его танк был родным немецким снарядом. Советские танкисты врага в своих рядах так и не обнаружили. Наступление, повторяю, для немцев оказалось внезапным, но они сумели быстро перестроиться, и остатки роты Риббентропа и другие подразделения встретили наступающие советские танки с дистанции и из-за укрытий. Взрывали же немцы, конечно же, не собственные поврежденные машины, как пытался уверить простодушных читателей милейший Павел Алексеевич, свои-то танки они благополучно эвакуировали. Взрывали они оставшиеся на поле боя поврежденные советские танки. Ведь, согласно боевому уставу вермахта, старший командир был обязан ночью после боя организовать уничтожение оставленной противником поврежденной техники и эвакуацию техники своей. Именно поэтому, когда утром 13 июля советская сторона начала подсчитывать потери, выяснилось, что все поврежденные советские танки на Прохоровском поле подорваны немцами, а немецких танков на нем нет вовсе.

За два дня боев, 12 и 13 июля, число боеспособных «тигров» в лейбштандарте уменьшилось на одну единицу. Вечером 13 июля в дивизии было в строю на 16 Т-4 меньше, чем вечером 11 июля. Зато число боеготовых штурмовых орудий увеличилось на 10 благодаря тому, что были отремонтированы машины, подбитые в предыдущие дни боев. Не исключе-

но, что 13 июля основная масса потерянных Т-4 вышла из строя по техническим причинам, либо на 13 июля была записана часть потерь, понесенных в Прохоровском сражении накануне, поскольку 13 июля больших боев лейбштандарт не имел. 12 июля дивизия потеряла 39 убитых, 5 пропавших без вести и 235 раненых.

По документальным советским данным, опубликованным В. Н. Замулиным и Л. Н. Лопуховским, 18-й и 29-й танковые корпуса потеряли 12 июля 1943 года 256 танков и САУ, или 72% от числа тех, что имелись к началу сражения. Из этого числа 152 машины были потеряны безвозвратно. Людские потери двух корпусов составили не менее 1304 убитых и пропавших без вести и около 1100 раненых, т. е. превышали общие потери лейбштандарта в 8,6 раза, а безвозвратные потери — в 29,6 раза. С учетом же потерь 9-й гвардейской воздушно-десантной дивизии реальное соотношение как общих, так и безвозвратных потерь будет еще больше в пользу немцев.

В это же время дивизия «Райх», имевшая 61 боеготовый танк (1 «тигр», 8 Т-34, 18 Т-4, 34 Т-3), 27 штурмовых орудий «Штуг» и 12 противотанковых САУ «Мардер», сражалась к югу от Прохоровки против двух советских танковых корпусов — 2-го танкового и 2-го гвардейского танкового. 2-й танковый корпус находился в боях с 5 июля. К 12 июля в нем осталось в строю 35 Т-34, 4 «Черчилля» и 46 Т-70. Несколько лучше было состояние 2-го гвардейского танкового корпуса, насчитывавшего к 12 июля боеготовыми 84 Т-34, 3 «Черчилля» и 52 Т-70. Однако одна танковая бригада этого корпуса с 44 танками (26 Т-34, 18 Т-70) действовала в полосе 69-й армии. Кроме того, «Райху» противостояла 183-я стрелковая дивизия 69-й армии. Всего танковой дивизии СС противостояло 180 танков, в том числе 93 Т-34. На равных с ними у немцев могли сражаться только 27 машин.

2-й гвардейский танковый корпус имел задачу вместе со 183-й стрелковой дивизией 69-й армии отрезать путь отступления танковому корпусу СС, который, по замыслу Ротмистрова, должны были вытеснить с занимаемых позиций 29-й и 18-й танковые корпуса. Он действовал слева от наступавшего 29-го танкового корпуса и остававшегося на своих позициях

сильно ослабленного в предыдущих боях 2-го танкового корпуса. В 10.00 25-я и 4-я гвардейские танковые бригады 2-го гвардейского танкового корпуса пошли в атаку в первом эшелоне, а 4-я гвардейская мотострелковая бригада — во втором на фронте в 3,5 км. Стрелковые части и танкисты почти не взаимодействовали друг с другом. К полудню наступление было остановлено немецкими реактивными шестиствольными минометами и пикировщиками. 25-я гвардейская танковая бригада к 14.00 сумела пройти 3,5 км от своих исходных позиций и занять лесной массив севернее хутора Озеровский. Передовые танки 4-й гвардейской танковой бригады к 15.00 продвинулись на 2 км к юго-восточной окраине хутора Калинин, где были уничтожены. Остальные танки бригады остановились в 1,5 км от исходных позиций. В свою очередь дивизия «Райх» своим левым флангом начала продвигаться к хутору Сторожевое в промежутке между 29-м танковым и 2-м гвардейским танковым корпусами, тесня 169-ю танковую бригаду 2-го танкового корпуса на восток. На помощь 169-й танковой бригаде пришла 25-я танковая бригада 29-го танкового корпуса, от которой к тому времени остался один танковый батальон, но ее контратака была отбита. В 16.00 «Райх» захватил хутор Сторожевое и, продвинувшись на 2 км, подошел к хутору Виноградовка. В 17.00 25-я гвардейская танковая бригада начала отступать к этому хутору. В 18.00 4-я гвардейская танковая бригада, а в 20.00 4-я гвардейская мотострелковая бригада отошли на исходные позиции. В 18.00 Ротмистров приказал 2-му танковому корпусу в 20.00 главными силами нанести удар из хутора Ивановка в направлении хутора Тетеревино. Корпус начал атаку в 19.20, но через два часа был остановлен и отошел на исходные позиции. Дальше всех удалось продвинуться 99-й танковой бригаде, потерявшей 8 танков из имевшихся у нее 19.

В этих боях дивизия «Райх» понесла незначительные потери. Вечером 12 июля дополнительно вошли в строй из числа отремонтированных 8 Т-3 и 1 «тигр», а число Т-4, Т-34 и штурмовых орудий не изменилось. Людские потери «Райха» оказались почти такими же, как у лейбштандарта, — 41 убитый, 12 пропавших без вести, 190 раненых. Вечером 13 июля в

этой дивизии насчитывалось уже 75 танков, включая 11 Т-34. Число последних возросло на три единицы то ли за счет отремонтированных машин, то ли за счет новых трофеев. Безвозвратных потерь танков «Райх» не имел. Похоже, у него также не было танков, надолго выведенных из строя и требовавших долгосрочного ремонта.

А как обстояло дело с потерями на советской стороне? 12 июля 2-й танковый и 2-й гвардейский танковый корпуса (без одной танковой бригады) потеряли 85 танков, или 47% от числа находившихся в строю утром 12 июля. Из них 44 танка были потеряны безвозвратно. В одном только 2-м гвардейском танковом корпусе было 154 убитых и пропавших без вести и 510 раненых, что уже превышало общие потери «Райха» в 2,7 раза, а безвозвратные потери — в 2,9 раза. С учетом же людских потерь 2-го танкового корпуса и 183-й стрелковой дивизии общие потери противостоявших «Райху» советских соединений должны были быть, по крайней мере, в 2—3 раза выше, чем потери одного 2-го гвардейского танкового корпуса, и, очевидно, превосходили людские потери немецкой дивизии в 6—9 раз.

Дивизия «Тотенкопф» имела к вечеру 11 июля в строю 94 танка (10 «тигров», 30 Т-4, 54 Т-3), 20 штурмовых орудий и 11 противотанковых САУ «Мардер». Ей предстояло на плацдарме за Псёлом сражаться против 97, 95, 52 и 42-й гвардейских стрелковых дивизий 5-й гвардейской армии. За боевыми порядками этих дивизий стоял 31-й танковый корпус 1-й танковой армии. Он был значительно ослаблен в предыдущих боях и имел к 12 июля боеготовыми лишь 64 танка. В этот день участия в боевых действиях 31-й танковый корпус не принимал.

Дивизия «Тотенкопф» первой из дивизий танкового корпуса СС начала наступать в 5.25 утра, переправившись через Псёл. Захват ею плацдарма должен был облегчить последующие атаки «Райха» и лейбштандарта, не ожидавших в этот день атаки 5-й гвардейской танковой армии.

Ротмистров впоследствии утверждал, что вечером 12 июля бросил против сильно продвинувшихся частей дивизии «Тотенкопф» 24-ю гвардейскую танковую и 10-ю гвардей-

скую механизированную бригады из 5-го гвардейского механизированного корпуса, насчитывавшие 105 боеготовых танков. Однако советские боевые документы свидетельствуют, что 10-я гвардейская механизированная бригада 12 июля в боях не участвовала. Также, согласно донесению «Тотенкопфа» от 20.00 (22.00 по московскому времени) 12 июля, дивизия в этот день советских танков так и не встретила. Однако, по донесению штаба II танкового корпуса СС от 21.50 12 июля, в это время танковый полк дивизии «Тотенкопф» продолжал вести бой с советскими танками северо-западнее Полежаева. Вероятно, это была 24-я гвардейская танковая бригада, насчитывавшая 61 танк, из которых, согласно советским документам, было потеряно не менее 13 машин. Так что Ротмистров не соврал. К исходу дня 12 июля «Тотенкопф» продвинулась на северо-восток на 5 км. Это было наибольшее продвижение среди дивизий II танкового корпуса СС.

К вечеру (на 20.35) 12 июля число танков в «Тотенкопфе» уменьшилось на 1 Т-3 по сравнению с вечером 11 июля. Число других танков, а также штурмовых орудий и САУ не изменилось. Людские потери дивизии составили 69 убитых, 16 пропавших без вести и 231 раненый. А вот к вечеру 13 июля, на 21.35, число Т-3 уменьшилось на 21, Т-4 — на 13, а «тигров» — на 10. Не исключено, что часть этих потерь приходится на поздний вечер 12 июля, когда «Мертвая голова» вела бой с 24-й гвардейской танковой бригадой. Можно также предположить, что подавляющее большинство «тигров» вышло из строя по техническим причинам. Как правило, танки Т-6 после нескольких дней боев или маршей требовали ремонта. Вполне вероятно, что дивизия «Мертвая голова» потеряла 12 июля всего один танк Т-3, но, возможно, он был потерян безвозвратно.

Советские соединения, противостоявшие 12 июля «Тотенкопфу», понесли значительно большие потери. В этот день одна только 95-я гвардейская стрелковая дивизия потеряла 948 убитыми, 729 пропавшими без вести и 1649 ранеными. Одни эти потери уже превышают общие людские потери «Тотенкопфа» за 12 июля в 10,5 раза, а безвозвратные — в 19,7 раза. Если же учесть потери еще трех советских стрелковых

дивизий и танковой бригады, сражавшихся против «Мертвой головы», то, вполне возможно, общие советские потери могут втрое превзойти потери одной лишь 95-й гвардейской стрелковой дивизии. В этом случае общие советские потери в людях могут превышать потери немецкой дивизии в 30 раз, а безвозвратные — в 60 раз.

Таким образом, непосредственно под Прохоровкой 12 июля сражались не более 211 немецких танков и 100 штурмовых орудий и САУ против 577 советских танков и 20 САУ, непосредственно участвовавших в бою. Еще 108 советских танков находились вблизи от поля боя, но в этот день в сражении не участвовали. Возможно, более корректно сравнивать общее число бронетехники сторон, так как у нас нет сведений, все ли танковые подразделения дивизий СС участвовали в бою в этот день. Тем более что отказ советского командования от ввода в бой против дивизии «Тотенкопф» 31-го танкового корпуса и 10-й гвардейской механизированной бригады привел к тому, что противостоявшие «Мертвой голове» советские стрелковые дивизии понесли очень тяжелые потери в людях, особенно безвозвратные. Соотношение по общей численности боеготовой бронетехники получается 2,3:1. Итоги сражения для советской стороны, несмотря на ее значительное количественное превосходство в танках, оказались катастрофическими.

На центральном участке наступление 18-го и 29-го танковых корпусов и 9-й гвардейской воздушно-десантной дивизии было остановлено лейбштандартом. В районе совхоза «Октябрьский» эсэсовцы остались на прежних позициях. 18-му танковому корпусу удалось вклиниться во вражескую оборону лишь на узком участке 2 км по фронту на глубину 5 км встык между дивизиями «Тотенкопф» и «Лейбштандарт Адольф Гитлер», а 29-й танковый занял нейтральную полосу перед «Октябрьским». Эти более чем скромные успехи никак не оправдывали огромных потерь в людях и бронетехнике, при том, что лейбштандарт понес лишь очень небольшие потери.

На северном фланге корпуса СС 97, 95, 52 и 42-я гвардейские стрелковые дивизии и 24-я гвардейская танковая брига-

да не смогли сдержать натиск дивизии «Тотенкопф», которая продвинулась в глубину на 5 км на фронте в 6 км.

Наконец, на южном фланге корпуса Хауссера 2-й гвардейский и 2-й танковые корпуса вместе со 183-й стрелковой дивизией точно так же не смогли сдержать наступление дивизии «Райх», продвинувшейся в глубину на 2 км на фронте в 8 км.

Прохоровское сражение, пожалуй, наиболее мифологизированный в советской историографии эпизод Курской битвы. Утверждалось, что в ходе этого сражения советские войска остановили немецкое наступление на южном фланге Курской дуги, что имело решающее значение для исхода битвы. При этом силы сторон будто бы были примерно равны или даже немцы имели некоторое количественное превосходство. Также примерно равны были и потери в танках, но благодаря тому, что поле боя осталось за нашими танкистами, безвозвратные потери немецких танков оказались больше, чем советских.

Исследования, проведенные в последние 15 лет и основанные на архивных документах, неопровержимо доказали, что все эти утверждения не имеют ничего общего с действительностью, хотя сражение под Прохоровкой действительно было одним из крупнейших танковых сражений Второй мировой войны.

Численность готовых к бою танков 2-го танкового корпуса СС, согласно немецким данным, к вечеру 11 июля составляла 236 танков (в том числе 7 трофейных Т-34 и 15 «тигров»), штурмовых орудий — 57. К вечеру 13 июля, когда армия Ротмистрова прекратила атаки, в строю осталось 187 танков, включая 12 Т-34 (возможно, 5 машин было взято в качестве трофеев у армии Ротмистрова) и только 4 «тигра». Зато число штурмовых орудий возросло до 64. С учетом того, что 12 штурмовых орудий 12 и 13 июля вышли из строя на длительное время, остается предположить, что ремонтники за это время вернули в строй 19 ранее поврежденных штурмовых орудий. Численность же боеготовых немецких танков за два дня уменьшилось на 54 танка. Это заставляет предположить, что как минимум еще 8 танков требовали среднесрочного ремон-

та и не вошли в названное Фризером число 43 танков, требовавших более длительного ремонта. На самом деле поврежденных танков, требовавших среднесрочного ремонта, наверняка было больше, так как ремонтники успели вернуть в строй сколько-то машин, поврежденных до 12 июля. Также могла быть повреждена часть участвовавших в сражении немецких «тридцатьчетверок», если исправных трофеев у Ротмистрова было взято более 5. Однако общее число поврежденных немецких танков установить невозможно, но ясно, что их было не менее 51, а общие потери составили не менее 54 танков и 12 штурмовых орудий. Кроме того, в корпусе имелось 11 июля около 43 легкобронированных САУ «Мардер», по которым данные о потерях отсутствуют. По своим тактико-техническим данным они были подобны советским СУ-76.

Теперь обратимся к армии Ротмистрова. Согласно боевым донесениям, к утру 12 июля она имела в строю 755 танков и САУ, т. е. в 2,3 раза больше, чем у корпуса Хауссера. В реальности соотношение было еще более благоприятным для советской стороны, так как дивизия «Мертвая голова» против армии Ротмистрова действовала лишь частью сил. По словам Ротмистрова, всего у него было 850 танков и САУ, из чего можно сделать вывод, что 95 машин вышли из строя после форсированного марша к линии фронта. Безвозвратные потери армии Ротмистрова за 12 июля составили, согласно донесению штаба армии, 192 танка и САУ. Это без учета потерь 5-го гвардейского механизированного корпуса, против II танкового корпуса СС, не действовавшего. Кроме того, 150 машин были повреждены. Потери 5-го гвардейского механизированного корпуса составили 20 танков, потерянных безвозвратно, и 8 поврежденных. При этом не было данных о потерях 1447-го самоходно-артиллерийского полка, который, возможно, потерял до 11 САУ подбитыми и сожженными. По безвозвратным потерям соотношение получается 48:1 (если предположить, что под Прохоровкой был уничтожен 1 «Мардер»), по общим потерям — около 10,7:1. Цифры убийственные. Это было вызвано тем, что поле боя осталось за немцами, что фактически признал член Военного совета Воро-

нежского фронта Никита Хрущев. В донесении Сталину о Прохоровском сражении он указал, что «противник при отходе специально созданными командами эвакуирует свои подбитые танки и другую материальную часть, а все, что невозможно вывезти, в том числе наши танки и нашу материальную часть, сжигает и подрывает. В результате этого захваченная нами поврежденная материальная часть в большинстве случаев отремонтирована быть не может, а может быть использована как металлолом, которую мы постараемся в ближайшее время эвакуировать с поля боя».

Основное сражение протекало между дивизией СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер» и 18-м и 29-м танковыми корпусами 5-й гвардейской танковой армии на фронте в 5 км между рекой Псёл и железной дорогой. Лейбштандарт насчитывал вечером 11 июля 77 танков и штурмовых орудий, включая 4 «тигра», а также примерно 20 легких САУ «Мардер». 12—13 июля безвозвратные потери составили 2 танка Т-4. Еще 15 Т-4 и 1 Т-3 были отправлены в среднесрочный ремонт, а 2 Т-4 и 2 Т-3 — в долгосрочный ремонт. Вероятно, третьим безвозвратно потерянным немецким танком 12 июля стал 1 Т-4 из дивизии «Тотенкопф». Не исключено, что в ходе Прохоровского сражения была также безвозвратно потеряна 1 САУ «Мардер» из состава лейбштандарта. Два советских корпуса насчитывали 398 боеготовых танков и САУ, из которых 12 июля в бою участвовали 348 машин. Только за 12 июля их безвозвратные потери составили 138 машин и еще 99 машин были повреждены. Соотношение по численности танков и САУ составляет 1:3,6, по безвозвратным потерям 34,5:1, а по общим потерям 11,3:1. Вспомним, как советские танкисты так и не опознали вклинившийся в их строй танк Риббентропа, и немецкий танк уцелел, уничтожив 14 советских танков. Риббентроп уверен, что их не обнаружили «из-за отсутствия у русских отдельного командира танка — танками командовали наводчики, которые могли смотреть только в том направлении, куда было развернуто их орудие». У немцев же командир искал цели, а наводчик стрелял. Кроме того, из-за острой нехватки средств связи радиостанции ставились не на все советские танки, а только на танки ко-

мандиров подразделений. В остальных танках были только радиоприемники. Это тоже помешало уничтожить танк Риббентропа. Ведь заподозривший неладное танкист не мог быстро передать информацию товарищам. Немцы знали, что только на танках командиров частей и подразделений стоят полноценные радиостанции, опознавали командирские танки по антенне и стремились вывести их из строя в первую очередь. После этого советские танки лишались управления со стороны командира и становились легкой добычей, поскольку ни один из командиров экипажей больше не мог взять на себя управление подразделением. Кстати сказать, не исключено, что все танки не оснащали рациями еще и потому, что опасались несанкционированной инициативы подчиненных, в частности, того, что они забьют эфир посторонними разговорами. У немцев же все танки имели радиостанции. Советские механики-водители в несколько раз уступали немецким в опыте вождения. Отмечу, что уже в ходе Великой Отечественной войны, 19 сентября 1942 года, Сталин издал специальный приказ, предписывающий танкам вести артиллерийский огонь преимущественно с ходу и в обязательном порядке устанавливать на броне дополнительные баки горючего для увеличения запаса хода. Поскольку стабилизаторы, позволяющие вести прицельную стрельбу из танка в движении, появились только в 50-е годы, сталинский приказ обрекал танкистов на бесполезную трату снарядов. Дополнительные же топливные баки превращали танк в костер при попадании пули или осколка. Неудивительно, что, несмотря на сохранявшееся вплоть до середины 43-го года качественное превосходство Т-34 и КВ над немецкими машинами и ощутимый количественный перевес, наши танкисты проигрывали в сражениях неприятелю, в том числе — в тактическом отношении — и битву под Курском.

В отличие от 5-й гвардейской танковой армии, 2-й танковый корпус СС после Прохоровского сражения отнюдь не утратил боеспособности. 14—16 июля он успешно действовал против окруженных дивизий 69-й армии в районе Шахово, а 30 июля без лейбштандарта, отправленного в Италию, нанес успешный контрудар по советскому плацдарму на реке Миус

и ко 2 августа ликвидировал его. Армия же Ротмистрова, уже 14 июля прекратила все атаки. В наступление она пошла только 3 августа, в рамках общего наступления Воронежского фронта. Атаки на Прохоровку и наступление на Курск корпус СС прекратил только потому, что после начала 12 июля советского наступления на северном фланге Курской дуги Гитлер прекратил операцию «Цитадель». Все значение Прохоровского сражения свелось к тому, что 5-я гвардейская танковая армия понесла большие потери и не смогла активно участвовать в преследовании немцев, когда они после 16 июля стали отступать на исходные позиции.

20 августа 1943 года Ротмистров писал Жукову: «...Наши танки на сегодня потеряли свое превосходство перед танками противника в броне и вооружении.

Вооружение, броня и прицельность огня у немецких танков стали гораздо выше, и только исключительное мужество наших танкистов, большая насыщенность танковых частей артиллерией не дали противнику возможности использовать до конца преимущества своих танков. Наличие мощного вооружения, сильной брони и хороших прицельных приспособлений у немецких танков ставит в явно невыгодное положение наши танки. Сильно снижается эффективность использования наших танков и увеличивается их выход из строя». Действительно, оптика у немецких танковых орудий была лучше, и стреляли они точнее. Да и наводчики в танковом корпусе СС были поопытнее советских. Как отмечает Лопуховский, «наш танк Т-34 не мог выиграть дуэль на открытой местности с немецким средним танком Т-IV с его новой длинноствольной пушкой (48 калибров, начальная скорость снаряда в 1,5 раза выше, чем у нашей 76-мм пушки Ф-34)». Но и Т-34 имели определенные преимущества даже над модернизированным Т-IV в маневренности, проходимости, мощности мотора. Все это можно было использовать для достижения успеха, тем более что «тигров» у немцев было мало. Но вот беда: советские танковые командиры наголову уступали немецким. Как заметил Риббентроп-младший: «Мы так и не поняли, почему русские направили свою атаку через район, перекрытый противотанковым рвом, о существова-

нии которого им наверняка было известно». В том-то и несчастье, что неизвестно. Ротмистров повел армию в бой без разведки, без изучения местности. И получился закономерный результат. Советские танки сгрудились перед единственной переправой через ров и представляли собой прекрасные мишени для противника.

С учетом всего, что мы знаем о ходе Курской битвы и других танковых сражений, в которых Красная Армия массированно применяла танки, поневоле придешь к выводу, что оптимальным способом их применения советскими командирами, с учетом как их личных качеств, так и того человеческого материала, который был в их распоряжении (и солдаты, и генералы были воспитаны и обучены военному делу в рамках жесткой тоталитарной системы), оптимальной тактикой было бы применение танков только небольшими группами и главным образом для непосредственной поддержки пехоты. Для борьбы же с танками было бы целесообразнее использовать артиллерию. Как мы увидим в одной из следующих глав, во время двух сражений у озера Балатон в Венгрии в январе — марте 1945 года наиболее эффективно боролась с немецкими танками советская противотанковая и полевая артиллерия, а также выставлявшие минные поля саперы. Вклад авиации был ничтожен, а при столкновении друг с другом значительного числа танков немцы и тогда неизменно одерживали верх, причем столь же уверенно, как и в Прохоровском сражении. В Красной Армии был силен относительно более простой род войск как артиллерия, по сравнению с более сложными танковыми войсками и авиацией. Характерно, что и в ходе операции «Цитадель» наибольшие потери из всех танковых дивизий группы армий «Юг» понесла 19-я танковая дивизия, которой пришлось действовать преимущественно против советской пехоты и артиллерии на местности, усеянной минными полями и обильно покрытой противотанковыми препятствиями. Она безвозвратно потеряла за период с 5 по 16 июля 23 танка и 3 штурмовых орудия. Также приданный ей 503-й батальон «тигров» потерял не менее одной машины на участке этой дивизии. Больше в процентном отношении потеряла только бригада «пантер», приданная

XLVIII танковому корпусу. Из 204 машин она безвозвратно потеряла с 5 по 16 июля 42. Тут сказалось то, что «пантеры» еще не были технически доведены до кондиции в полевых условиях, так как впервые были использованы в бою только в ходе операции «Цитадель» и очень часто в ходе боя или на марше выходили из строя по эксплуатационным причинам. Эвакуировать же их из-за большого веса было достаточно сложно.

Заметим, что при немецком отступлении безвозвратные потери «пантер» еще больше возросли из-за невозможности эвакуировать ремонтирующиеся и вышедшие из строя по техническим причинам машины. Ведь буксировать «пантеры» могли либо сами «пантеры» и «тигры», либо мощные тягачи и эвакуационные танки, которых было ограниченное количество. В результате к исходу 20 июля в 39-м отдельном танковом полку числился в строю только 41 танк «пантера». 58 танков было потеряно безвозвратно, а еще 101 танк требовал ремонта, в том числе 16 — на заводах в Германии. Поскольку в документе от 16 июля отправленные в Германию танки засчитывались в безвозвратные потери, то получается, что за 4 дня отступления безвозвратные потери Т-5 возросли на 32 машины, из которых 7 попали в руки русских.

Вообще ставка на «тигры» и «пантеры» в ходе Курской битвы не вполне оправдалась. Гитлер зря откладывал начало «Цитадели», дожидаясь массового поступления танков новых конструкций. Другое дело, у него были и другие резоны медлить с «Цитаделью». Ведь, откладывая наступление на Курск, он, убедившись в намерении советского командования придерживаться пока что оборонительного образа действий, тем самым отодвигал и время неизбежного рано или поздно советского наступления.

Что касается «тигров» и «пантер», то они в июле 1943 года в какой-то мере были «избыточной роскошью». С «тридцатьчетверками» сравнительно легко справлялись модернизированные Т-4 с длинноствольной 75-мм пушкой, которые стоили на порядок меньше, чем Т-5 и Т-6. Танков же, броня и вооружение которых требовали для борьбы с ними только

«тигров» и «пантер» (а это, в сущности, лишь КВ и СУ-152), в Красной Армии в тот момент было очень мало.

А ведь Ротмистров считался одним из лучших командиров-танкистов в Красной Армии. Недаром еще до Курской битвы «Красная Звезда» опубликовала статью о нем с красноречивым заголовком «Мастер вождения танковых войск». Кем же тогда были Хауссер, Гот или Манштейн? Вероятно, супермастерами. Во всяком случае, под Прохоровкой Хауссер разделал «мастера» под орех.

12 июля 5-я гвардейская танковая армия, по советским данным, потеряла 343 танка и САУ, не считая потерь частей 5-го гвардейского механизированного и бригады 2-го гвардейского танкового корпусов в районе Шахово. Это составляет 57% от общей численности советской бронетехники, участвовавшей в Прохоровском сражении.

12 и 13 июля II танковый корпус СС безвозвратно потерял 3 танка, а еще 43 танка и 12 штурмовых орудий нуждались в долгосрочном ремонте (свыше трех недель). Это составило 21,6% от числа боеспособных танков и штурмовых орудий, насчитывавшихся в корпусе к утру 12 июля. Если же взять численность корпуса к началу «Цитадели», когда в его составе было около 327 боеготовых танков и около 105 штурмовых орудий, то процент потерь в Прохоровском сражении составит 13,4%. Нет данных о потерях германских САУ, а также командирских, эвакуационных и иных вспомогательных танков. Неизвестно также число танков и штурмовых орудий, после Прохоровского сражения нуждавшихся в среднесрочном ремонте.

13 июля 1943 года во 2-м танковом корпусе СС в строю находился 251 танк и штурмовое орудие (без учета «Мардеров», «Грилле», «Веспе» и «Хуммелей»), то есть всего на 22 единицы меньше, чем утром 12 июля. В лейбштандарте насчитывалось 53 танка, в том числе 3 «тигра», и 20 штурмовых орудий, в «Райхе» — 83 танка, в том числе 1 «тигр», 11 Т-34 и 24 штурмовых орудия. В «Тотенкопфе» осталось в строю 54 танка и 16 штурмовых орудий.

Конечно, часть потерь, понесенных 12 июля, была компенсирована машинами, вернувшимися от ремонта. В част-

ности, наверняка вернулись в строй 21 танк и штурмовое орудие, числившиеся к утру 12 июля в краткосрочном ремонте. Как минимум еще 15 машин должны были к утру 13 июля вернуться из среднесрочного и долгосрочного ремонта. Однако столь незначительное уменьшение за сутки числа боеготовых машин говорит о том, что число танков и штурмовых орудий, выведенных из строя 12 июля и нуждавшихся в среднесрочном ремонте, и, возможно, составляло 10—15 машин. Тогда общее число танков и штурмовых орудий, вернувшихся 13 июля из средне- и долгосрочного ремонта, можно оценить в 25—30 машин. «Хуммели» и «Веспе» почти не применялись в борьбе против танков. Скорее всего, 12 июля танковый корпус СС в этом виде боевой техники 12 июля потерь не имел или они были минимальные (1—2 орудия). Остается оценить потери в «Мардерах».

У нас имеются данные о безвозвратных потерях боевой техники дивизиями танкового корпуса СС за период с 5 по 18 июля, т. е. за все время проведения «Цитадели» на южном фланге Курской дуги.

Лейбштандарт за этот период потерял безвозвратно 1 танк Т-1, 1 танк Т-3, 7 Т-4, 3 штурмовых орудия «Штуг», 2 САУ «Мардер». Кроме того, 1 «тигр», 2 Т-4 и 1 «Мардер» были отправлены в Германию для долгосрочного заводского ремонта.

«Райх» безвозвратно потерял 2 Т-3, 6 Т-4, 1 «тигр» и 2 «Штуга».

Безвозвратные потери «Тотенкопфа» составили 5 Т-3, 6 Т-4, 1 «тигр», 1 «Штуг» и 2 «Мардера».

Не вполне понятно, входят ли сюда данные о безвозвратных потерях вспомогательных танков. Можно предположить, что входят, поскольку устаревший Т-1 в лейбштандарте мог играть роль только вспомогательного танка (командирского, эвакуационного, танка-тральщика и т. п.).

Таким образом, получается, что всего за время проведения операции «Цитадель» II танковый корпус СС безвозвратно потерял 30 танков, 6 (или, возможно, 5, как мы увидим далее) штурмовых орудий и 4 противотанковых САУ. Еще 3 танка и 1 САУ были отправлены на ремонт в Германию.

Есть также данные о безвозвратных потерях бронетехники дивизий корпуса СС в период с 5 по 16 июля 1943 года. За этот период лейбштандарт потерял 1 Т-3, 9 Т-4, 1 «тигр» и 1 «Штук». Безвозвратные потери «Райха» составили 1 Т-3, 6 Т-4, 1 «тигр» и 1 «Штук». Наконец, «Тотенкопф» безвозвратно потерял 2 Т-3, 8 Т-4, 1 «тигр» и 1 «Штук». В данном документе не учтены потери вспомогательных танков и «Мардеров». Разница между данными за 5 — 16 и 5—18 июля, скорее всего, образовалась главным образом не за счет безвозвратных потерь, понесенных корпусом СС 17 и 18 июля (в эти дни он, по всей вероятности, безвозвратных потерь в бронетехнике почти не имел), а за счет различных категорий учета. 1 безвозвратно потерянный танк лейбштандарта, очевидно, являлся вспомогательным танком. 2 эвакуированных в Германию танка Т-4 и 1 «тигр», несомненно, в документе от 16 июля отнесены к безвозвратным потерям, за счет чего и образовалась разница в цифрах. Остается объяснить разницу потерь в «Штугах». Между 16 и 18 июля их безвозвратные потери в лейбштандарте возросли с 1 до 3. Тут остается предположить, что два штурмовых орудия были безвозвратно потеряны при отступлении 17 и 18 июля. Кроме того, по лейбштандарту имеются дивизионные данные о потерях в период до 18 июля. Они несколько расходятся с корпусными. Согласно этим данным, в период с 1 по 10 июля лейбштандарт безвозвратно потерял 1 танк Т-1, 1 танк Т-3, 4 танка Т-4, 2 «Штуга» и 2 «Мардера». Наиболее вероятным представляется предположение, что 1 «Штук», ранее считавшийся безвозвратно потерянным, был после 10 июля эвакуирован и возвращен в строй и поэтому не отразился в сводке потерь группы армий «Юг» от 16 июля. Если верно наше предположение, то получается, что 17 и 18 июля лейбштандарт безвозвратно потерял только 1 «Штук», а еще один «Штук» был потерян в период до 10 июля. В Прохоровском сражении безвозвратных потерь в «Штугах» эта дивизия, очевидно, не имела. В период с 11 по 18 июля безвозвратные потери лейбштандарта составили 5 танков Т-4, 1 «Штук» и 1 «Мардер». Еще один «тигр» за этот период был эвакуирован в Германию. Безвозвратные потери дивизии в Прохоровском сражении, скорее всего, составили

2 Т-4, о которых упоминает Р. Риббентроп, и 1 «тигр». Не исключено, что в этом сражении мог быть уничтожен один «Мардер», но Риббентроп о нем не упоминает. Не говорит он и о гибели «тигра», возможно, потому, что это все-таки была не чистая безвозвратная потеря, а только эвакуация для ремонта на родину.

Безвозвратные потери дивизии «Райх» в период с 1 по 10 июля составили 1 танк Т-3, 1 танк Т-4 и 1 штурмовое орудие. В период с 11 по 18 июля эта дивизия безвозвратно потеряла примерно 1 Т-3, 5 Т-4 и 1 «Штук». Дивизия «Тотенкопф», в свою очередь, в период с 1 по 10 июля безвозвратно потеряла 2 танка Т-3, 8 танков Т-4, 1 «тигр» и 1 штурмовое орудие, а в период с 11 по 18 июля — 4 танка Т-3 и 2 «Мардера». Маловероятно, что хотя бы один из этих «Мардеров» погиб 12 июля, так как в этот день «Тотенкопф» почти не имел дело с советскими танками.

Таким образом, даже с учетом «Мардеров» безвозвратные потери корпуса СС 12 июля не могли быть больше 4 единиц бронетехники. По оценке генерал-полковника Готхарда Хейнрици, в период Курской битвы командовавшего 4-й армией в группе армий «Центр», безвозвратные потери немецкой бронетехники в тот период составляли 15 — 20% от ее общих потерь. Если применить даже нижний предел (15%) данной пропорции к потерям II танкового корпуса СС, то получится, что он мог потерять 12 июля в дополнение к 4 безвозвратно потерянным танкам и САУ не более 24 танков, САУ и штурмовых орудий как нуждающихся в долгосрочном и среднесрочном ремонте. Фактически же цифры его потерь оказываются вдвое выше, причем за счет одних только машин, направленных в долгосрочный ремонт. Это заставляет предположить, что число машин, направленных в среднесрочный ремонт; было незначительно, и наша оценка в 10—15 танков и штурмовых орудий, нуждавшихся в среднесрочном ремонте после боя 12 июля в 10—15 машин близка к действительности.

Всего на северном фазе Курской дуги в период с 5 по 14 июля немецкая 9-я армия безвозвратно потеряла 88 танков и штурмовых орудий (в том числе 4 «тигра» и 19 «фердинан-

дов»), а на южном фазе дуги в период с 5 по 17 июля войска группы армий «Юг» безвозвратно потеряли 190 танков и САУ (в том числе 6 «тигров» и 44 «пантеры»). К полудню 10 июля вся немецкая 4-я танковая армия безвозвратно потеряла 64 танка и штурмовых орудий, а в ремонте находилось 462 танка и штурмовых орудий. Исходя из этой пропорции, долю безвозвратных потерь в общих потерях немецкой бронетехники на южном фазе Курской дуги могла составлять около 12,2%, что близко к нижнему пределу оценки Хейнрици. Если применить эту пропорцию для определения потерь корпуса СС в ходе Прохоровского сражения 12 июля на основе данных о его безвозвратных потерях, то общие потери эсэсовских дивизий можно оценить в 33 танка, штурмовых орудий и противотанковых САУ, из которых 29 нуждались в среднесрочном и долгосрочном ремонте. Поскольку число танков и штурмовых орудий, нуждавшихся в долгосрочном ремонте, мы уже оценили в 28 танков и САУ, совершенно невероятным выглядит предположение, что в среднесрочном ремонте после Прохоровского сражения нуждался только один немецкий танк. Тем более что это противоречит данным об убыли боеготовых танков и штурмовых орудий корпуса СС к исходу 13 июля.

Можно допустить, что столь большое количество бронетехники — 43 танка и 12 штурмовых орудий, нуждавшихся в долгосрочном ремонте после боев 12 и 13 июля, объясняется тем, что к тому времени танки Хауссера уже непрерывно вели интенсивные бои и осуществляли маневры в течение 8—9 дней подряд, что не могло не сказаться на их техническом ресурсе, особенно с учетом, что обстановка не всегда позволяла осуществлять необходимые регламентные работы. Вспомним, что за 12—13 июля численность боеготовых «тигров» в дивизии «Тотенкопф» уменьшилась сразу на 10 штук. Вряд ли большинство из них могло быть подбито в бою. Там, где в эти дни наступал «Тотенкопф», советских танков было очень мало. Не было и орудий, способных пробить лобовую броню «тигра». Скорее можно предположить, что большинство «тигров» вышло из строя по техническим причинам. Ведь этот тяжелый танк мог выйти из строя уже через 5—6 дней не-

прерывного боевого использования, если над ним регулярно не проводились регламентные работы. Если данное предположение верно, то распределение данной категории потерь между 12 и 13 июля не зависит от интенсивности их боевого использования в эти дни и может распределяться примерно поровну. Напомню, что в «Тотенкопфе» 10 «тигров» числились вышедшими из строя как раз 13 июля, равно как 21 Т-3 и 13 Т-4. Скорее всего, в этой дивизии 13 июля были учтены потери за два дня. Получается, что один «Тотенкопф» должен был потерять не менее 44 танков, т. е. на 1 больше, чем потерял весь корпус СС в качестве машин, требующих долгосрочного ремонта. Остается предположить, принимая во внимание динамику изменения числа боеготовых танков в корпусе между 11 и 16 июля, что большинство вышедших из строя танков дивизии «Тотенкопф», за исключением «тигров», нуждались только в краткосрочном ремонте. В этом случае на 12 июля может прийти до 22 танков и до 6 штурмовых орудий, вышедших из строя как нуждавшиеся в долгосрочном ремонте. И тогда общие потери танкового корпуса СС в Прохоровском сражении можно оценить в 47 машин, из которых до 15 танков, штурмовых орудий и САУ нуждались в среднесрочном ремонте. Если отнести это число к численности бронетехники корпуса к 5 июля (480 единиц, без «Хуммелей» и «Веспе», из-за очень слабого бронирования (20—30 мм толщина брони в лобовой части) использовавшихся только как орудия полевой артиллерии, но с 24 «Грилле», по которым данных о потерях нет), то это составит около 9,8 %.

Потери личного состава танкового корпуса СС за 12 июля достигли 149 убитых, 33 пропавших без вести и 660 раненых, в сумме 842 солдат и офицеров. На 1 июля в составе корпуса СС было 72 960 солдат и офицеров, из них 4164 «хи-ви» (Hi-Wi) («добровольных помощников») из числа бывших советских граждан. Таким образом, корпус Хауссера потерял в Прохоровском сражении менее 1,2% от своей численности к моменту начала «Цитадели».

Показательно, что доля потерь бронетехники оказалась более чем в 8 раз выше, чем доля потерь личного состава корпуса. Эта разница образовалась как за счет того, что значи-

тельная часть личного состава служила в тыловых подразделениях, которые почти не несли потерь, так и за счет того, что более активное использование бронетехники сокращало потери пехоты, но вело к росту потерь танков.

Немцы, в отличие от командиров Красной Армии, старались не допускать значительных потерь в живой силе и технике, экономно подходили к расходованию людских и материальных ресурсов. В частности, недопустимой считалась потеря в одной атаке более 10% танков и сопровождающей их пехоты от изначального, перед атакой, количества. В ходе Прохоровского сражения это правило было выполнено с большим запасом.

Советские потери 12 июля под Прохоровкой превысили 10 тысяч человек убитыми, пропавшими без вести и ранеными. II танковый корпус в этот день захватил 968 пленных и заявил об уничтожении 249 советских танков и САУ. На 1 июля общая численность армий Жадова и Ротмистрова составляла около 130 тысяч солдат и офицеров. С учетом этого потери личного состава составили около 8% от первоначальной численности. Один только 29-й танковый корпус потерял 12 июля 1991 человека, в том числе 1033 убитыми и пропавшими без вести, а 95-я гвардейская стрелковая дивизия — 3326 человек. Непонятно, чем тут было гордиться командармам и командующему Воронежским фронтом Ватутину и командармам 5-й гвардейской и 5-й гвардейской танковой армий?

Всего же за время проведения «Цитадели» II танковый корпус СС заявил об уничтожении 1149 советских танков и САУ. Это вполне укладывается в данные донесения штаба Воронежского фронта о безвозвратной потере 1800 танков. Ведь большинство из них уничтожил именно танковый корпус СС, действовавший наиболее результативно из всех корпусов группы армий «Юг». Генерал Герман Гот, командующий 4-й танковой армией, представил командира корпуса к Дубовым листьям к Рыцарскому кресту, отметив, что, несмотря на то что он был изувечен предыдущими ранениями, Хауссер «неустанно каждый день руководил ходом боевых действий. Само его присутствие, его храбрость и юмор в самых тяжелых ситуациях придавали в его войсках устойчи-

вость и энтузиазм, и в то же время он крепко держал в руках командование своим корпусом... Хауссер снова отличился как высококвалифицированный военачальник». 28 июля 1943 года Хауссер был награжден Дубовыми листьями к Рыцарскому кресту за успешные действия в ходе наступления на Курск.

12-го, равно как и 13 июля, немецкое наступление на южном фесе Курской дуги отнюдь не было остановлено, как о том нередко писали вслед за Ротмистровым советские мемуаристы и историки.

Немецкие документы свидетельствуют, что решение о прекращении наступления на Курск было принято немецким командованием вне связи с Прохоровским сражением. Так, запись в дневнике Верховного главнокомандования вермахта от 11 июля 1943 года говорит: «В ходе операции «Цитадель» русский ударный клин был сужен и фронт у Белгорода очищен. 9-я армия продвинулась только на 2—3 км из-за упорного сопротивления противника. Так как быстрый успех не был достигнут, речь идет теперь о том, чтобы при минимальных собственных потерях нанести максимальный урон противнику». В том же дневнике в записи от 16 июля 1943 года отмечается: «Ударная группировка группы армий «Юг» захватила новую территорию». Следовательно, решение о прекращении наступления с целью захвата Курска немецкое командование в принципе приняло еще до Прохоровского сражения, 11 июля (в этот день прошла разведка боем, проведенная советскими войсками на северном фесе Курской дуги, и немцы поняли, что за разведкой боем последует советское контр наступление). И если Гот вечером 12 июля еще планировал продолжать наступление на Прохоровку, то утром 13 июля, когда командующие группами армий, осуществлявших «Цитадель», были вызваны на совещание к Гитлеру, он уже поостерегся наступать, подозревая, что в свете событий на северном фесе Курской дуги и на Сицилии операция «Цитадель» может быть прекращена. Даже если бы корпус Хауссера 12 июля все-таки взял Прохоровку, ему на следующий день пришлось бы ее оставить из-за общего изменения стратегической обстановки. Наступление же с

целью нанесения противнику максимальных потерь немцы на южном фланге Курской дуги продолжали вплоть до 16 июля, в течение 4 дней после Прохоровского сражения.

Весьма показательно, что в 10.00 16 июля Ватутин отдал приказ на ведение оборонительной операции: «С целью окончательного истощения сил наступающей группировки противника армиям Воронежского фронта перейти к упорной обороне на занимаемых рубежах с задачей не допустить прорыва противником нашей обороны. Готовность обороны — к 5.00 17.7.1943г.». В этот день 1-я танковая армия отошла во второй эшелон Воронежского фронта. Этим же утром по приказу командующего группой армий «Юг» генерал-фельдмаршала Эриха фон Манштейна тыловые части немецких войск начали отход на позиции, которые они занимали 5 июля. Немцы прекратили атаки и начали отвод своих войск. Разведка советских войск этого не обнаружила.

В 3.30 17 июля, когда немецкие войска уже отходили, Ватутин отдал еще один приказ командующим 5-й гвардейской танковой, 5-й гвардейской и 69-й армиями «на совершенствование обороны». Этим приказом предписывалось «танковые части и подразделения, занимающие оборону впереди стрелковых частей, немедленно сменить усиленным боевым охранением и отвести за пехоту». Теперь и 5-я гвардейская танковая армия отводилась во второй эшелон.

В этот же день в 13.00 по берлинскому времени II танковый корпус СС получил приказ отвести свои дивизии на сборные пункты в районе Белгорода для последующей отправки в Италию. В итоге туда отправился только лейбштандарт, а «Райх» и «Тотенкопф» вместе со штабом корпуса отправили на фронт Миус ликвидировать чрезвычайно опасный советский плацдарм. Участие танкового корпуса СС в «Цитадели» 17 июля завершилось вместе с самой этой операцией.

А еще 14 июля 1943 года Василевский докладывал в Ставку: «...предпринятые противником в течение дня танковые атаки юго-западнее Прохоровки на фронте Беленихино, Тетеревино отбиты, за исключением Беленихино, где противник ворвался в западную часть. Сейчас идет бой по очистке от

противника Беленихино. Приступили к выводу Ротмистрова в резерв с целью создания нового мощного кулака...». Практически из этого донесения можно понять, что за два дня боев 5-я гвардейская танковая армия фактически утратила боеспособность и ее приходится выводить в резерв для пополнения людьми и техникой.

В отчете созданной для расследования больших потерь бронетехники в 5-й гвардейской танковой армии комиссии Г. М. Маленкова, представленном Сталину в августе 1943-го, боевые действия советских войск 12 июля под Прохоровкой названы образцом неудачно проведенной операции.

На южном фасе Курской дуги немцы продолжали наступать и после 12 июля. Впрочем, это наступление войск Манштейна уже не имело стратегической цели — поскольку события на северном фасе Курской дуги (невозможность, как доложил фон Клюге 13 июля Гитлеру, дальнейшего продвижения 9-й армии и глубокие прорывы на трех участках фронта 2-й танковой армии) положили конец «Цитадели».

Поэтому на южном фасе Манштейн после 12 июля лишь попытался нанести возможно больший урон советским войскам, старавшись ликвидировать «мешок» в районе Шахово, с тем, чтобы затем без помех отвести свои силы на выгодные для обороны позиции, высвободив часть войск для других участков фронта. Эти задачи Манштейн в основном решил. Поэтому 13 июля корпус СС прекратил атаки на Прохоровку. «Райх» начал подготовку к наступлению на Шахово, «Тотенкамф» проводил местные атаки, а лейбштандарт готовился к выводу с фронта.

Как иронически замечает российский историк Андрей Ахмедов, «13 июля 1943 года перед советскими генералами — участниками побоища 12 июля у станции Прохоровка — стояла куда более трудная задача, чем осмысленные боевые действия против немцев. Им нужно было спасти свою шкуру от гнева Верховного Главнокомандующего. Для избежания наказания, чреватого потерей жизни, была разработана целая стратегия. Во-первых, нужно было создать иллюзию почти одержанной победы. Во-вторых, необходимо было растянуть эту иллюзию как можно дольше во времени для сниже-

ния остроты восприятия высшим начальством. Работа по решению этих важнейших задач закипела в штабе Воронежского фронта, в штабах армий и корпусов. Находившийся при штабе Воронежского фронта представитель Ставки Верховного Главнокомандования, начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза А. М. Василевский на следующий день, 13 июля, доложил товарищу И. В. Сталину, что (цитирую) «в течение двух дней боев (события 12 июля были распределены на два дня, 11 и 12 июля. — *Примечание Ахмедова.* — На самом деле Василевский свое донесение направил ночью 14 июля, и потери 5-й гвардейской танковой армии он разнес на 12 и 13 июля. — *Б. С.*) 29-й танковый корпус Ротмистрова потерял безвозвратными и временно вышедшими из строя 60% и 18-й корпус — до 30% танков». В действительности общие потери 29-го танкового корпуса от общего списочного числа танков в корпусе составляли 71%, а 18-го танкового корпуса — 46%. И не за два дня, а только за 12 июля. И в основном это были безвозвратно потерянные танки, а вовсе не временно вышедшие из строя. О потерях других корпусов А. М. Василевский благоразумно умолчал. Сокранию подлежало многое. Например, неправильно выбранное направление удара — в лоб наиболее сильной группировке немцев на самых невыгодных для 29-го и 18-го танковых корпусов условиях. (До сих пор непонятно, зачем этот удар вообще понадобился.) На этом направлении настаивал П. А. Ротмистров. Штаб Воронежского фронта склонялся к нанесению контрудара от излучины реки Псёл на село Яковлево, однако сложный рельеф и заболоченная пойма вкупе с якобы расположенными здесь главными силами противника (советские командиры продолжали пребывать в благодушном неведении о реальных силах противника и их расположении) заставили П. А. Ротмистрова отказаться от такого варианта. Наиболее перспективным был удар с позиций, занятых 2-м гвардейским танковым корпусом, в самое слабое место обороны немцев с выходом в тыл немецкому 2-му танковому корпусу СС. Отказ от этого решения (хотя рекогносцировку на местности все-таки провели) был связан, по-видимому, с неуверенностью в себе, которая царилa и в Ставке, и в штабе Воро-

нежского фронта, ибо тогда пришлось бы главные силы фронта убрать с направления немецкого удара на Курск и угроза прорыва немцев на Прохоровку становилась почти осязаемой. Отправленные в Москву победные репортажи нужно было подкрепить соответствующими действиями на следующий день. Но к утру 13 июля командованию 5-й гвардейской танковой армии удалось наскрести лишь 156 исправных и достаточно боеготовых для немедленных действий танков на фронте протяженностью 18—20 км (то есть плотность составила 8—9 танков на 1 км фронта, а 12 июля не смогли пробить оборону немцев при плотности 50 танков на 1 км фронта). По сути, весь день 13 июля командование Воронежского фронта производило имитацию продолжения контрудара, «успешно» начатого 12 июля. Выпускались приказы и распоряжения, в решительной форме направлявшие войска в атаку. Войска выдвигались, сосредотачивались, производили короткие выпады в сторону противника и сразу же отходили на прежние позиции. (Например, в 3.35 ночи 13 июля командующий 5-й гвардейской танковой армией П. А. Ротмистров отдает боевое распоряжение номер 7 командиру 2-го танкового корпуса, требующее в 8.00 утра начать атаку, овладеть хутором Сторожевое и об исполнении доложить. В 6.40 утра распоряжение пришло в штаб 2-го танкового корпуса, из штаба корпуса оно поступило в штаб 99-й танковой бригады в 8.00 и в штаб 58-й мотострелковой бригады в 8.30 утра. 99-я танковая бригада смогла подготовиться к атаке в 10.15, а 58-я мотострелковая бригада прибыла на исходные для атаки позиции только в 14.00. Что было дальше, покрыто мраком. Из документов 99-й танковой бригады следует, что она, не дождавись мотострелков, дважды пыталась атаковать хорошо укрепленный опорный пункт немцев в хуторе Сторожевой, но безуспешно. Вышестоящая организация — штаб 2-го танкового корпуса — обо всем этом ни звука ни в своих внутренних документах, ни в оперативной сводке за 13 июля, направленной в штаб 5-й гвардейской танковой армии. А штаб 5-й гвардейской танковой армии и не требует никакого отчета об исполнении распоряжения номер 7. Одним словом, кто как хочет, так и делает.) Командование Воронежского фронта

догадывалось, что противник вовсе не понес того урона, какой планировался при советском контрударе 12 июля. Опасение, что немцы вот-вот осуществят прорыв (а тогда уж точно не сносить головы), было столь велико, что Н. Ф. Ватутин ночью 13 июля шлет хитро сформулированную шифrogramму И. В. Сталину с просьбой передать Воронежскому фронту из резерва один танковый корпус, один механизированный корпус и один авиационный штурмовой корпус. И. В. Сталин запрашиваемые корпуса не дает и начинает подозревать, что его дурачат, рассказывая об одержанной победе. Он не может понять, чем занимаются две только-только введенные в бой армии, в составе которых более 100 тысяч человек и более 800 танков, и поэтому поручает заместителю Верховного Главнокомандующего Г. К. Жукову, в тот момент руководившему начавшимся наступлением Брянского фронта, немедленно вылететь в район Прохоровки, разобраться в обстановке и принять на себя координацию действий Воронежского фронта, а маршалу А. М. Василевскому приказывает сдать дела и отбыть на Южный фронт. Утром 13 июля Г. К. Жуков прибыл на командный пункт Н. Ф. Ватутина и потребовал продолжать непрерывные атаки и контратаки имеющимися силами, дабы сковать противника и не дать ему перегруппироваться. Но имеющихся сил после «победы» 12 июля явно не хватало, и большая часть атак и контратак просто перешла в область мистификации. 13 июля крупные бои шли только в излучине (на западном берегу) реки Псел, в результате которых дивизия «Мертвая голова» была вынуждена остановить свое наступление.

Вот это оправдательное донесение А. М. Василевского: «Согласно Вашим личным указаниям с вечера 9.VII.43 г. непрерывно нахожусь в войсках Ротмистрова и Жадова на прохоровском и южном направлениях. До сегодняшнего дня включительно противник продолжает на фронте Жадова и Ротмистрова массовые танковые атаки и контратаки против наступающих наших танковых частей. Ликвидация прорыва армии Крюченкина, создавшая серьезную угрозу тылам главных сил армии Ротмистрова и корпусу Жадова, потребовала выделения двух мехбригад из 5-го механизированного кор-

пуса и отдельных частей Ротмистрова в район Шахово, Авдеевка, Александровская. Ликвидация же прорыва армии Жадова в районах Веселый, Васильевка, Петровка 12.VII.43 г. вынудила бросить туда остальные части 5-го механизированного корпуса. То и другое в значительной мере ослабило силы основного удара Ротмистрова со стороны Прохоровка в юго-западном направлении. По наблюдениям за ходом происходящих боев и по показаниям пленных, делаю вывод, что противник, несмотря на огромные потери как в людских силах, так и особенно в танках и в авиации, все же не отказывается от мысли прорваться на Обоянь и далее на Курск, добиваясь этого какой угодно ценой. Вчера сам лично наблюдал к юго-западу от Прохоровки танковый бой наших 18-го и 29-го корпусов с более чем двумястами танков противника в контратаке. Одновременно в сражении приняли участие сотни орудий и все имеющиеся у нас РСы. В результате все поле боя в течение часа было усеяно горящими немецкими и нашими танками.

В течение двух дней боев 29-й танковый корпус Ротмистрова потерял безвозвратными и временно вышедшими из строя 60% и 18-й корпус — до 30% танков. Потери в 5-м механизированном корпусе незначительны. На завтра угроза прорыва танков противника с юга в район Шахово, Авдеевка, Александровка продолжает оставаться реальной. В течение ночи принимаю все меры к тому, чтобы вывести сюда весь 5-й механизированный корпус, 32-ю мотобригаду и четыре полка ИПТАП. Учитывая крупные танковые силы противника на прохоровском направлении, здесь на 14.VII главным силам Ротмистрова совместно со стрелковым корпусом Жадова поставлена ограниченная задача — разгромить противника в районе Сторожевое, севернее Сторожевое, совхоз «Комсомолец», выйти на линию Грязное — Ясная Поляна и тем более прочно обеспечить прохоровское направление.

Не исключена здесь и завтра возможность встречного танкового сражения. Всего против Воронежского фронта продолжают действовать не менее одиннадцати танковых дивизий, систематически пополняемых танками. Опрошенные сегодня пленные показали, что 19-я танковая дивизия на

сегодня имеет в строю около 70 танков, дивизия «Райх» до 100 танков, хотя последняя после 5.7.43 уже дважды пополнялась. Донесение задержал в связи с поздним прибытием с фронта. 2 ч. 47 м. 14.7.43. Из 5-й гвардейской танковой армии».

Василевский приуменьшает потери 5-й гвардейской танковой армии и разносит их на два дня, тогда как почти все они на самом деле приходились на 12 июля, когда состоялось Прохоровское сражение. Это был старый прием, широко распространенный еще в царской армии, где нередко большие потери, понесенные в одном бою, раскидывали на несколько дней. Для того чтобы подкрепить перед Верховным Главнокомандующим тезис о двухдневном сражении 5-й гвардейской танковой армии, Ротмистров 13 июля обозначил наступательные действия, хотя и понимал их бессмысленность с оперативной точки зрения. Этих атак, которые привели лишь к ненужным потерям, немцы, правда, не заметили.

13 июля севернее Кочетовки на участке шириной 5—6 км пехотные подразделения дивизии «Тотенкопф» потеснили 66-ю и 97-ю гв.сд на 1—1,5 км. Несколько танков «Тотенкопфа» ворвались в совхоз им. Ворошилова (6 км северо-западнее Прохоровки).

В разведсводке штаба Воронежского фронта от 14 июля говорилось: «На участке БЕЛЕНИХИНО — ВИСЛОЕ действиями наших частей противник выбит из КАЛИНИН (юго-зап. БЕЛЕНИЗИНО), СОБАЧЕВСКИЙ, НЕЧАЕВКА и продолжал бои за СМОРОДИНО (6 км. вост. БЫКОВКА)...

Пленный унтер-офицер 339-го пп 167-й пд, захваченный 13.7 в районе БЕЛЕНИХИНО, показал: 167-я пд 11.7 двумя полками (331-й и 339-й пп) сменила ТД СС «Мертвая голова» в районе Беленихино, ЯСНАЯ ПОЛЯНА».

Это как будто говорило о том, что направление наступления танкового корпуса СС должно измениться и Прохоровка больше не является ее главной целью. Однако далее в разведсводке идет ошибочное утверждение, что в районе высоты 220,6, восточнее Красного Октября, находится лейбштандарт, тогда как на самом деле здесь действовала «Мертвая голова». И в целом в разведсводке делался ошибочный вывод:

«В течение 14.7 можно ожидать концентрического наступления на ПРОХОРОВКА с запада и с юга».

На самом деле 14 июля дивизия «Райх» и 7-я танковая дивизия нанесли встречные удары по 183-й стрелковой и 81-й гвардейским стрелковым дивизиям и по 2-му гвардейскому танковому корпусу, стремясь окружить в районе Шахово четыре стрелковые дивизии. Дивизия «Райх» продвинулась на участке шириной 6—7 км на глубину 6—7 км, заняв Беленихино и Лески. До встречи с 7-й танковой дивизией в Шахово «Райху» оставалось пройти еще около 5 км.

В ночь на 14 июля немецкая 7-я танковая дивизия, имевшая в строю 24 танка, переправилась через реку Северский Донец у села Щолоково. Здесь же ранее переправилась 19-я танковая дивизия с 28 танками. 6-я танковая дивизия, имевшая в строю 14 танков, и приданные ей 503-й отдельный танковый батальон с 6 «тиграми» и 228-й отдельный батальон штурмовых орудий с 14 машинами наступали на Авдеевку, где им противостоял сводный отряд генерал-майора К. Г. Труфанова, имевший в строю к утру 14 июля не менее 80 танков и САУ, без учета бронетехники 26-й гвардейской танковой бригады 2-го гвардейского танкового корпуса, сражавшейся на подступах к селу Шахово, и 96-й танковой бригады, входившей в состав 69-й армии. В 21.30 14 июля 19-я и 7-я танковые дивизии овладели Шаховом. А в 6.00 15 июля 19-я танковая дивизия соединилась с дивизией «Райх». В 8.50 немцы овладели селами Малое Яблоново и Плота в 6 км к северу от Шахово.

В 2.40 15 июля Ротмистров ввел в бой свой последний резерв — 10-ю гвардейскую механизированную бригаду 5-го гвардейского механизированного корпуса — с требованием во что бы то ни стало удержать Шахово и Лески. (Но оба села уже были взяты противником.)

15 июля «Райх» вместе с 7-й и 19-й танковыми и 167-й и 168-й пехотными дивизиями пытались уничтожить окруженный 48-й стрелковый корпус 69-й армии.

В 8.55 15 июля Ватутин издал приказ №00105 командующим 5-й гвардейской танковой и 69-й армиями: «Противник, в силу допущенной беспечности командующих 5-й гв.

танковой и 69-й армиями, к утру 15.7 овладел Лесками, Шахово, поставил под угрозу окружения 375, 93 и 89-ю сд 69-й армии». На самом деле дивизии уже находились в окружении и с ними вместе — не упомянутая Ватутиным 81-я стрелковая дивизия. В этом же приказе Ватутин распорядился отбить Шахово и удерживать его «всеми силами». Но сделать это ни окруженные, ни танкисты Ротмистрова не смогли. Взятие противником Шахово Ватутин утаил от Ставки, сообщив в 24.00 в боевом донесении №00228 Верховному Главнокомандующему, что 5-я гвардейская танковая армия оборонялась на прежних рубежах, а войска 69-й армии занимают новый оборонительный рубеж.

Не имевший связи с командованием 69-й армии и Воронежского фронта командир 48-го стрелкового корпуса генерал-майор З.З. Рогозный по своей инициативе и на свою ответственность в ночь с 14 на 15 июля принял решение на прорыв, не дожидаясь, пока кольцо окружения уплотнится. Оставив на переднем крае группы прикрытия, 89, 81, 93-я гвардейские стрелковые дивизии и 375-я стрелковая дивизия в арьергарде вышли из окружения, бросив почти всю имевшуюся у них тяжелую технику и автотранспорт. Корпус, насчитывавший на 10 июля 1943 года 33 285 человек личного состава, безвозвратно потерял 10 659 человек (в том числе 1584 человека убитыми, 8395 человек пропавшими без вести — главным образом при выходе из окружения, 680 человек — убывшими по неустановленным причинам и 3669 человек ранеными и больными. Вероятно, эти данные не очень сильно отличаются от истинной величины потерь окруженных. По 183-й стрелковой дивизии отсутствуют данные о числе пропавших без вести, но зато часть пропавших без вести из других дивизий впоследствии обнаружили живыми. Можно предположить, что оба эти фактора приблизительно уравновешивают друг друга.

Утром 15 июля 2-й гвардейский танковый корпус 5-й гвардейской танковой армии с оставшимися в строю 32 танками в беспорядке отошел в восточном и северо-восточном направлениях к селам Жимолостное и Правороть южнее Прохоровки. Советское командование все еще опасалось,

что немцы могут захватить Прохоровку и продолжить марш на Курск, тогда как на самом деле войска группы армий «Юг» лишь готовили условия для отхода. После ликвидации «котла» в районе Шахово немцы вышли на тыловую полосу обороны от Сторожевого до Шипов на протяжении порядка 18—20 км, продвинувшись до 24 км. Это было последнее продвижение немцев вперед во время Курской битвы.

16 июля 1943 года немецкие войска начали отход на южном фланге Курской дуги. Манштейну удалось в основном беспрепятственно отвести войска на прежний хорошо оборудованный в инженерном отношении рубеж. В ночь на 18 июля танковый корпус СС был выведен с фронта, имея в своем составе 203 исправных танка, в том числе 23 «тигра» и 117 штурмовых и противотанковых САУ. Немцы организованно осуществили отход. Танковые дивизии выводились из боя последовательно и только после того, как сдавали занимаемые рубежи пехоте. Войска Воронежского фронта, понесшие большие потери, не смогли сразу перейти в преследование и нанести сколько-нибудь ощутимые потери отступающим немецким войскам.

27 июля лейбштандарт убыл в Италию, передав танки и тяжелое вооружение другим дивизиям СС. Они были переброшены в Донбасс, где участвовали в контрударе, в результате которого немцам 30 июля удалось ликвидировать захваченный нашими войсками плацдарм на реке Миус, о чем речь пойдет в следующей главе.

В ходе немецкого отступления советские войска тоже несли немалые потери. На отдельных участках отдельные бои местного значения продолжались вплоть до начала генерального наступления Воронежского фронта 3 августа. 5-я гвардейская танковая армия с 21 по 31 июля потеряла около 4,5 тыс. человек (43% от общих потерь в июле). Это относится только к частям 5-го гвардейского механизированного и 2-го гвардейского танкового корпусов, так как основные соединения армии Ротмистрова были отведены во второй эшелон еще 15 июля. А 24 июля и эти два корпуса передали занятый рубеж дивизиям 5-й гвардейской армии и были отведены в тыл для приведения техники в порядок. Так что в среднем два

ослабленных корпуса 5-й гвардейской армии и при преследовании ухитрялись терять по 1,5 тыс. человек ежедневно. Если только, конечно, мы не имеем дело с практикой разбрасывания потерь, понесенных в предыдущие дни. Армия Жадова, продолжая наступать, с 21 по 31 июля потеряла около 11 тыс. человек, в том числе после 23 июля потери составили 7814 человек, или треть ее общих потерь за июль. Войска Степного фронта с 20 по 31 июля потеряли свыше 34 тыс. солдат и офицеров, а войска Воронежского фронта — 15,5 тысячи. И это только по официальным наверняка заниженным данным.

По расчетам Л. Н. Лопуховского, потери Воронежского фронта за 19 суток операции (без учета 27-й и 47-й армий) составили около 140 тыс. человек (22,2% его численности с учетом переданных ему резервов), а Степного фронта — 21 тыс. человек (4,7% его численности к началу сражения).

Как подсчитал Л. Н. Лопуховский, с 10 по 16 июля соединения 5-й гвардейской армии (без 32-го гвардейского стрелкового корпуса), 48-го стрелкового корпуса 69-й армии, 5-й гвардейской танковой армий и двух мотострелковых бригад (5-го гвардейского и 10-го танкового корпуса потеряли до 35 тысяч солдат и офицеров, в том числе убитыми 6,5 тысяч человек и пропавшими без вести — 9,5 тысяч человек.

Как показал Л. Н. Лопуховский, данные о потерях Воронежского фронта в Курской оборонительной операции, опубликованные в официальном издании Министерства обороны «Гриф секретности снят», существенно занижены. Там говорится, что в период с 5 по 23 июля Воронежский фронт понес следующие потери личного состава:

Безвозвратные потери — 27 542

Санитарные потери — 46 350

Всего потери — 73 892.

Однако в боевом донесении штаба Воронежского фронта № 01398 начальнику Генштаба о потерях с 4 по 22 июля даются совершенно иные цифры:

Убито — 20 577

Пропало без вести — 25 898

Попало в плен — 29

Всего безвозвратных людских потерь — 46 504

Ранено — 54 427

Всего людские потери — 100 931.

Разница получается в 27 039 человек, в том числе почти двукратная по безвозвратным потерям — на 19 033 человека больше.

Потери же за период с 4 по 16 июля, согласно тому же донесению, составили 18 097 убитых, 24 880 пленных и пропавших без вести, 47 272 раненых и больных. В период же преследования группы армий «Юг», отходившей к прежним позициям, Воронежский фронт потерял 2481 убитого, 1047 пропавших без вести и 7155 раненых и больных.

Еще более существенными оказываются различия данных по безвозвратным потерям боевой техники. Согласно сборнику «Гриф секретности снят», в ходе Курской оборонительной операции войсками Центрального, Воронежского и Степного фронтов было безвозвратно потеряно:

Танков и САУ — 1614

Орудий и минометов — 3229

Самолетов — 459.

Однако в итоговом боевом донесении штаба Воронежского фронта говорится, что в период с 5 по 23 июля войсками фронта было безвозвратно потеряно:

Танков и САУ — 1628

Орудий и минометов — 3609

Самолетов — 387 (вместе с подбитыми).

Получается, что один только Воронежский фронт, по данным его штаба, потерял безвозвратно больше танков и артиллерии, чем все три фронта, вместе взятые, а самолетов — почти столько же, всего-то на каких-нибудь 15,7% меньше.

Л. Н. Лопуховский подметил, что данные о людских потерях, приведенные в донесении штаба Воронежского фронта, оказываются очень близки к оценке советских потерь в ходе отражения «Цитадели», сделанных в штабе группы армий «Юг». Манштейн в мемуарах отмечает, что к 13 июля его войсками было взято 24 000 пленных, а между 13 и 16 июля — еще 10 тыс., главным образом при ликвидации «котла» в районе Шахово. А по данным штаба Воронежского фронта, к 16 июля

в войсках фронта числилось 24 880 пропавших без вести. Советских танков, по оценке Манштейна, немцы уничтожили к 13 июля 1800 штук, а по данным штаба Воронежского фронта, к 16 июля было безвозвратно потеряно или подбито 1888 танков и САУ. Советских орудий, как полагал Манштейн, его войска уничтожили и захватили 1347, а по данным штаба Ватутина, к 16 июля было безвозвратно потеряно 1605 орудий.

Тут необходимо заметить, что сравнение данных Манштейна с данными итогового донесения штаба Воронежского фронта доказывает, что последние существенно занижают советские безвозвратные потери. Ведь число пленных та сторона, которая их берет, обычно знает более или менее точно. А в Красной Армии в числе пропавших без вести часто оказывались не только пленные, но и убитые, о гибели которых не было добросовестных сведений. И в любом случае наличие к 16 июля 34 000 советских пленных говорит о том, что число пропавших без вести занижено более чем на 9 тыс. человек. Но, как доказал Л. Н. Лопуховский, донесением штаба Воронежского фронта не учтены потери 7-й гвардейской и 69-й армий в период с 5 по 19 июля, так как эти армии 20 июля были переданы в состав Степного фронта. Историк обратил внимание, что, согласно месячной сводке потерь за июль, в этом месяце фронт потерял 99 596 человек, в том числе 19 658 убитых, 16 704 пропавших без вести и пленных, 62 478 раненых и больных и 756 выбывших из строя по другим причинам (несчастные случаи, самоубийства и т. п.). То, что эти потери оказались на 1336 меньше, чем потери за 19 суток оборонительной операции, Лопуховский объясняет тем, что, возможно, в итоговом донесении из пропавших без вести были исключены хотя бы некоторые из тех 6,4 тыс. пропавших без вести, которые к 1 августа смогли вернуться в свои части. А вот в суммарных цифрах потерь Воронежского фронта за июль потери 7-й гвардейской и 69-й армий учтены. Согласно этому документу, потери Воронежского фронта составили 148 349 человек. Разница между этой цифрой и 99 596 человек и даст нам примерные потери этих двух армий — 48 753 убитых, раненых и пропавших без вести. По данным,

приводимым Л. Н. Лопуховским, 69-я армия в период с 1 по 19 июля потеряла 26 415, в том числе 4351 убитыми, 10 614 пропавшими без вести и пленными, 11 411 ранеными и больными (больных оказалось всего 387), и еще 39 человек выбыли из строя по другим причинам. 7-я гвардейская армия за тот же период потеряла 28 578 человек, в том числе 6086 убитыми, 3975 пропавшими без вести и пленными, 18 458 ранеными и больными (последних было только 591), а также 59 человек, выбывших из строя по иным причинам. Если добавить эти потери к тем потерям, что перечислены в донесении штаба Воронежского фронта за период с 4 по 16 февраля, то последние возрастут до 28 534 убитых, 33 469 пленных и пропавших без вести и 77 239 раненых и больных (в последнюю цифру попадают и выбывшие из строя по неизвестным причинам).

Теперь количество пропавших без вести оказывается практически равно количеству советских пленных, захваченных войсками Манштейна в период осуществления операции «Цитадель» с 4 по 16 июля. Однако, по сведениям Л. Н. Лопуховского, до конца июля 6,4 тыс. прежде числившихся пропавшими без вести вернулись в части Воронежского фронта. Можно предположить, что не менее 6 тыс. из числа вернувшихся пропали без вести до 16 июля. Тогда число тех пропавших без вести, кто попал в плен или был убит, сократится до 27, 5 тысячи (при том, что в эту цифру включено и некоторое, пусть незначительное число пропавших без вести из состава 7-й гвардейской и 69-й армий, приходящихся на 17, 18 и 19 июля). Тогда окажется, что как минимум 7,5 тыс. пленных не были учтены в официальных безвозвратных потерях штабом Воронежского фронта. Но вместе с тем представляется совершенно невероятным, чтобы в число пропавших без вести входили только те, кто попал в плен. Учет безвозвратных потерь в Красной Армии был поставлен чрезвычайно плохо. Погибшие красноармейцы, о смерти которых не было достоверных данных, зачислялись в пропавшие без вести. А многие погибшие или оказавшиеся в плену красноармейцы вообще не попадали в списки безвозвратных потерь.

Масштаб недоучета советских потерь хорошо иллюстрирует следующий пример. 5 июля 1943 года, к началу Курской

битвы, войска Центрального фронта, которыми командовал генерал армии К.К. Рокоссовский, насчитывали 738 тыс. человек и в ходе оборонительного сражения по 11 июля включительно потеряли убитыми и пропавшими без вести, согласно данным сборника «Гриф секретности снят», 15 336 человек и ранеными и больными 18 561 человека. К моменту перехода Красной Армии в наступление на Орел, 12 июля, состав войск Центрального фронта почти не изменился: прибыла одна танковая и убыли две стрелковые бригады. Танковая бригада тогда по штату насчитывала 1300 человек, а в одной стрелковой бригаде могло быть 3,5—4 тыс. человек, с учетом того, что численность стрелковых дивизий Центрального фронта составляла в тот момент в среднем около 8 тыс. человек. С учетом этого к началу Орловской операции Центральный фронт должен был располагать не менее чем 697,4 тыс. человек личного состава. Однако, как утверждают авторы книги «Гриф секретности снят», в тот момент в войсках Рокоссовского насчитывалось только 645 300 человек. Значит, истинные потери Центрального фронта в оборонительном сражении под Курском были как минимум на 52,1 тыс. больше, чем утверждает официальная статистика. И это только при условии, что в войска Центрального фронта в ходе оборонительной операции не поступало маршевое пополнение. Если же такое пополнение поступало, то реальные потери должны были быть еще выше. Не могло же сразу такое количество людей дезертировать или просто исчезнуть неизвестно куда, да еще в условиях ожесточенных боев!

Следует подчеркнуть, что основная часть недоучтенных советских потерь должна была падать на безвозвратные потери, прежде всего на пропавших без вести, так как раненых, поступавших в госпитали, считали гораздо более точно, чем погибших.

С учетом всего вышесказанного данные о потерях Воронежского фронта, содержащиеся в донесении его штаба, тоже оказываются заниженными, особенно в части безвозвратных потерь. Можно предположить, что в числе пропавших без вести погибших должно было быть как минимум столько же, сколько и пленных. Тогда истинное число пропавших без

вести в составе Воронежского фронта в период с 4 по 16 июля можно оценить в 68 тыс. человек. В этом случае общие потери фронта в указанный период можно оценить в 133,4 тыс. человек, безвозвратные — в 86,1 тыс. человек.

Количество убитых советских солдат в период с 4 по 16 июля Манштейн оценил в 17 тыс., а число раненых — как минимум в 34 тысячи. Получается, что он в своих оценках занизил оценки советских санитарных потерь в 1,4 раза, а безвозвратные потери — в 1,7 раза.

Как отмечает Манштейн, в ходе осуществления «Цитадели» войска его группы армий потеряли 20 720 человек, в том числе 3330 — убитыми и пропавшими без вести.

Однако данные Манштейна, вполне возможно, занижают немецкие потери. Дело в том, что вся группа армий «Юг» в период с 4 по 20 июля потеряла 34 236 человек, в том числе 5699 убитыми, 1203 пропавшими без вести и 27 334 ранеными. Кроме того, 318 человек потеряли армейские части, по которым неизвестен расклад потерь по категориям. Из этих потерь следует исключить потери 52-го армейского корпуса армейской группы «Кемпф», не действовавшего на фронте «Цитадели». Они составили 67 убитых, трое пропавших без вести и 247 раненых. Тогда, с учетом потерь частей армейского подчинения, останется около 5686 убитых, около 1210 пропавших без вести и 27 341 раненых, что в сумме дает общие потери в 34 337 человек. Это потери на 13 617 человек больше, чем дает Манштейн для периода с 5 по 16 июля включительно. Кажется совершенно невероятным, чтобы за 4 дня отступления войска группы армий «Юг» потеряли всего на 34,3% меньше, чем за 12 дней наступления, когда боевые действия отличались гораздо большей интенсивностью. К тому же число раненых в корпусе СС, как показал Л. Н. Лопуховский, надо увеличить на 483 человека. Это увеличивает общее число раненых до 27 824. Логичнее сделать оценку, определив средние ежедневные потери за период с 5 по 20 июля. День 4 июля я из расчетов исключил, так как в тот день частные операции против советского боевого охранения не могли принести немцам больших потерь, сравнимых по порядку с потерями в основные дни наступления. Тогда получается,

что в среднем войска Манштейна теряли в день 355 убитых, 8 пропавших без вести и 1739 раненых. Тогда для примерного определения потерь, понесенных по 16 июля включительно, надо вычесть из суммарных цифр 1420 убитых, 32 пропавших без вести и 6956 раненых. Тогда общие потери войск группы армий «Юг», участвовавших в «Цитадели», в период с 5 по 16 июля можно оценить в 4266 убитых, 1178 пропавших без вести и 20 868 раненых, что дает общие потери в 26 312 человек, что, как кажется, более соответствует действительности, чем цифры, приведенные Манштейном. Впрочем, нельзя исключить, что его цифры отражают данные о потерях к утру 13 июля, т. е. ко времени совещания у Гитлера, на котором было принято решение о прекращении операции «Цитадель». Не исключено также, что в число 3330 фельдмаршал не включил пропавших без вести. В дальнейших расчетах мы будем пользоваться цифрой 26 312.

Соотношение общих потерь Воронежского фронта и наступавших против него соединений 4-й танковой армии и армейской группы «Кемпф» в период с 4 по 16 июля можно оценить как 5,1:1, а по безвозвратным — как 15,9:1, что, возможно, является рекордом за всю войну. Только по убитым соотношение составляет, по нашей оценке, 15,6:1, что также, быть может, является рекордным за войну. И в этот результат наибольший вклад внес II танковый корпус СС.

Немецкая 9-я армия, наступавшая до 12 июля на северном фланге Курской дуги против Центрального фронта Рокоссовского, потеряла за время наступления около 20 тыс. человек, согласно данным, приводимым в мемуарах Манштейна. Общие потери противостоявшего ей Центрального фронта в период с 5 по 11 июля мы оцениваем в 86 тыс. человек, что дает соотношение общих потерь 4,3:1. Сложнее обстоит дело с оценкой безвозвратных потерь Центрального фронта. Если предположить, что в неучтенных потерях, составлявших около 52,1 тыс. человек, безвозвратные и санитарные потери соотносились как 3:1, безвозвратные потери фронта будут достигать 54,4 тыс. человек, а санитарные — 31,6 тыс. человек.

Точных данных о безвозвратных потерях в армии Моделя нет. Если предположить, что в 9-й немецкой армии безвоз-

вратные и санитарные потери соотносились примерно в той же пропорции, как и в армиях Манштейна, согласно донесениям о потерях, то число погибших и пропавших без вести в 9-й армии можно оценить в 4 тыс. человек. Тогда соотношение безвозвратных потерь Центрального фронта и немецкой 9-й армии в период с 5 по 11 июля можно оценить как 13,6:1. Цифры тоже впечатляющие, но результату Манштейна они уступают.

Можно сказать, что в ходе осуществления «Цитадели» Манштейн, Гот и Хауссер действовали эффективнее, чем Клюге и Модель. И здесь сыграли роль не только их таланты. Манштейн, наверное, был талантливее Клюге, а вот как соотносились, например, таланты Моделя и Хауссера или Моделя и Гота, сказать трудно. В частности, Хауссер, несомненно, весьма успешно командовал танковым корпусом в 1943 году. В дальнейшем, когда он возглавил 7-ю армию в Нормандии, побед одержать он уже не мог. Однако Хауссер, по крайней мере, сумел надолго задержать продвижение высадившихся англо-американских войск, а потом, пусть и с большими потерями, прорваться из окружения. Модель же успешно командовал армией в оборонительных боях и в ходе «Цитадели», однако побед в крупных наступательных операциях одерживать ему не удалось. В конце войны и Хауссер, и Модель командовали группами армий на Западном фронте. Хауссер своевременным отходом, вопреки приказу фюрера, спас остатки группы армий «Г» от уничтожения, за что был снят с должности. Модель же следовал приказам Гитлера до конца, остался вместе с группой армий «Б» в Рурском «котле» и застрелился незадолго до капитуляции. Кто из них в данном случае действовал более правильно с точки зрения военного искусства, невозможно определить. Ведь дело происходило в последние недели войны, когда речь шла уже только о спасении жизни германских солдат, которым все равно предстояло, раньше или позже, попасть в плен. Наверное, не без оснований считается, что Рокоссовский как военачальник превосходил Ватутина, однако насколько это повлияло на различие в результатах действий двух фронтов в оборонительной фазе Курской битвы, сказать трудно. Вполне возможно,

что решающим в достижении большего успеха войск Манштейна по сравнению с войсками Клюге стало то, что в группе армий «Юг» было больше танковых дивизий, чем в 9-й армии Моделя, а в обороне Воронежского фронта — больше танкоопасных направлений, чем на Центральном фронте. И далеко не последним по значимости было то, что против армий Ватутина действовали элитные танковые дивизии — три дивизии корпуса СС и дивизия «Великая Германия».

Какие же людские потери понес II танковый корпус СС в ходе операции «Цитадель»? В период с 5 по 16 июля он потерял 1467 убитыми, 166 пропавшими без вести и 6442 ранеными. Фактически почти все эти потери были понесены вплоть до 16 июля включительно, так как позднее корпус активных боевых действий не вел, а лейбштандарт вообще был выведен с фронта. Существует и более высокая оценка числа раненых, данная Л. Н. Лопуховским, — 6925. Она основана на данных уточненных донесений о потерях дивизий «Тотенкопф» и «Райх». Мы принимаем эту оценку, что увеличивает общие потери корпуса СС до 8578 человек. В сражении 12 июля корпус СС потерял, как мы уже говорили, 149 убитыми, 33 пропавшими без вести и 660 ранеными, это составляло около 9,8% всех потерь, понесенных за 12 дней «Цитадели». Средние ежедневные потери составляли 8,3%, так что в день знаменитого сражения средние потери корпуса были превышены всего в 1,18 раза. По безвозвратным потерям, 12 июля эсэсовцы потеряли 11,1% всех потерь, что превышает средний показатель всего в 1,34 раза. Не слишком впечатляющий результат от ввода двух свежих армий, танковой и общевойсковой!

Основной противник II танкового корпуса СС, 5-я гвардейская танковая армия, потеряла в период с 12 по 18 июля, согласно донесению своего штаба, 9945 человек, из которых безвозвратно — 4841 (в эти цифры не включены потери 2-го гвардейского танкового и 2-го танкового корпусов). Подавляющее большинство потерь пришлось на 12 июля. Ведь уже 15 июля армия, за исключением 2-го гвардейского танкового корпуса и некоторых частей 5-го гвардейского механизированного корпуса, была выведена во второй эшелон Воронеж-

ского фронта. 12 июля потери 5-й гвардейской танковой армии (без 2-го гвардейского танкового и 2-го танкового корпусов), по оценке Л. Н. Лопуховского, составили 6086 человек, в том числе 1585 убитых и 786 пропавших без вести. Кроме того, 2-й гвардейский танковый корпус, сражавшийся против «Райха», потерял 12 июля 1432 человека, в том числе 485 погибших и 7 пропавших без вести. Дивизии 5-й гвардейской армии, сражавшейся 12 июля против эсэсовских дивизий (9-я гвардейская воздушно-десантная, 42, 52, 95 и 97-я гвардейские стрелковые дивизии и 11-я гвардейская мотострелковая бригада 10-го танкового корпуса), по оценке Л. Н. Лопуховского, потеряли 12 июля 8717 человек, в том числе 2237 убитыми и 670 пропавшими без вести. Теперь надо исключить потери 5-го гвардейского механизированного корпуса из потерь 5-й гвардейской танковой армии. В период с 12 по 16 июля корпус потерял 2172 человека, в том числе 690 убитыми и 345 пропавшими без вести. В отличие от других соединений армии Ротмистрова, 5-й гвардейский мехкорпус активно участвовал в боях и после 12 июля. Поэтому предположим, что на 12 июля приходится только половина его потерь 1086 человек, в том числе 345 убитых и 173 пропавших без вести. Тогда потери 5-й гвардейской танковой армии в борьбе со 2-м танковым корпусом СС можно оценить в 5000 человек, в том числе 1240 убитыми и 613 пропавшими без вести. А в сумме 5-я гвардейская танковая армия, 2-й гвардейский танковый корпус и дивизии 5-й гвардейской армии в борьбе против корпуса Хауссера потеряли 12 июля примерно 15 149 человек, в том числе 3962 убитыми и 1290 пропавшими без вести. Число пропавших без вести превышает число пленных, захваченных в этот день эсэсовцами, — 968 человек и поэтому кажется близким к действительности, хотя некоторый недоучет нельзя исключить. Это дает соотношение с потерями II танкового корпуса СС (842 человека, в том числе 149 убитых и 33 пропавших без вести) 18:1 по общим потерям и 28,9:1 по безвозвратным потерям. Несомненно, это было для Красной Армии одно из самых несчастливых сражений Второй мировой войны, включая сюда и несчастливую «зимнюю войну» с Финляндией.

Результаты II танкового корпуса СС 12 июля по общим людским потерям являются в 3,5 раза лучше, а по безвозвратным потерям — в 1,8 раза лучше, чем результаты всей группы армий «Юг» в операции «Цитадель». Это является одним из доказательств того, что эсэсовцы в среднем воевали эффективнее, чем дивизии вермахта, хотя несли значительно большие потери.

Отметим также, что потери корпуса СС в операции «Цитадель» (8578 человек) оказались меньше, чем потери в февральско-мартовском сражении за Харьков (11 519) в 1,3 раза. Это объясняется большей продолжительностью Харьковского сражения. Там дивизии СС участвовали в сражении примерно 48 дней, правда, разные дивизии вступали в сражение в разное время, поэтому среднюю продолжительность операции для корпуса в целом можно оценить в 30—35 дней. В «Цитадели» же корпус участвовал только 12 дней. Поэтому в расчете на средний день боев потери корпуса Хауссера в ходе наступления на Курск оказываются примерно вдвое выше, чем в период второго Харьковского сражения.

Оптимальным способом действий для Красной Армии в Курской битве, вероятно, была бы жесткая оборона. Тогда с танками неприятеля боролась бы в первую очередь артиллерия, а также свои танки, но действовавшие не в лобовой атаке, а в обороне, из засад, вкопанные в землю или укрытые за заграждениями и естественными препятствиями. Характерно, что из всех немецких танковых дивизий в наступлении на Курск наибольшие безвозвратные потери в танках понесла 19-я танковая дивизия, которой пришлось действовать против советской пехоты, а не танковых соединений. Она потеряла безвозвратно 23 танка, уничтожив всего 57 советских. Советские танковые войска, как и Красная Армия в целом, по уровню своей подготовки скорее годились для более легкого вида боя — обороны, чем для более сложного — наступления.

II танковый корпус СС в ходе операции «Цитадель» действовал наиболее успешно из всех германских корпусов и нанес противостоявшим ему советским армиям наибольшие потери в людях и технике как в абсолютных цифрах, так и по

отношению к собственным потерям. Однако цель «Цитадели» в виде окружения основных советских сил в Курском выступе не могла быть достигнута, а время для осуществления этой операции истекло. Единственное значение боевых действий корпуса СС, как и других соединений группы армий «Юг», заключалось в том, что генеральное наступление Воронежского и Степного фронтов пришлось отложить до 3 августа.

Корпус СС срочно понадобился для ликвидации ряда новых кризисов. Первоначально весь корпус СС предполагалось перебросить в Италию, где, после того как 10 июля 1943 года на Сицилии высадились англо-американские войска, зашатался фашистский режим Муссолини. Однако обстановка на Восточном фронте позволила отправить на Апеннины только дивизию «Лейбштандарт Адольф Гитлер». Две другие дивизии танкового корпуса СС были брошены на ликвидацию советского плацдарма на Миусе, угрожавшему окружением немецким войскам в Донбассе.

СРАЖЕНИЕ НА МИУС-ФРОНТЕ И КОНТРУДАРЫ ПОД БОГОДУХОВОМ

Наступление советского Южного фронта на рубеже реки Миус в июле 1943 года преследовало цель не допустить переброски немецких резервов на харьковское направление, а в случае успеха наступления — во взаимодействии с Юго-Западным фронтом разбить донбасскую группировку противника и освободить южные районы Украины и Крым.

Главный удар предполагалось нанести силами 5-й ударной, 28-й и 2-й гвардейской армий в центре из района Ровеньки в направлении Успенской, Артемовки, Федоровки. Вспомогательные удары наносились частью сил 51-й армии на правом крыле и 44-й армии, на левом крыле фронта. Слабым местом было отсутствие в составе фронта танковых армий. Средства усиления включали 2-й и 4-й гвардейские мехкорпуса, 11-й танковый корпус и 4-й кавкорпус. Впрочем, силы противостоявшей Южному фронту 6-й немецкой армии были сравнительно невелики — 10 пехотных и 1 авиаполевая дивизия далеко не полного состава, из которых против Южного фронта действовало 7 пехотных и 1 авиаполевая дивизия.

16 июля, в день начала наступления армий Южного фронта, Манштейн вынужден был остановить наступление на Курск и начать отход войск к прежним рубежам, чтобы высвободить силы для ликвидации советского плацдарма на Миусе. Для этой операции предназначались так и не введенный в сражение за Курск резервный 24-й танковый корпус в составе танковой дивизии СС «Викинг» и две оставшиеся на

Восточном фронте дивизии 2-го танкового корпуса СС — «Райх» и «Тотенкопф».

Бывший начальник штаба Южного фронта маршал С. С. Бирюзов вспоминал: «16 июля 1943 года стоял жаркий, совершенно безветренный день. К назначенному сроку командующий и я прибыли на наблюдательный пункт.

Все приготовления к наступлению были закончены. Возвращались с боевого задания последние эшелоны ночных бомбардировщиков. Почти тотчас же началась артиллерийская подготовка. Передний край обороны противника окутали черные тучи дыма и пыли. А у нас над головами уже гудели наши пикирующие бомбардировщики и штурмовики. Они устремились туда же!..

Нам действительно пришлось нелегко. Несмотря на героизм войск, наступление развивалось очень медленно. Наиболее сильное сопротивление оказывали опорные пункты противника, расположенные западнее Дмитриевки и в районе Мариновки. Здесь остались не пораженными артиллерией прочные железобетонные укрепления, и наступавшие части несли большие потери.

Во второй половине дня, несколько оправившись от потрясения, немецкие войска на некоторых направлениях стали предпринимать контратаки. Из ближайшего тыла к ним подходили танковые резервы. Ожили многие из разрушенных огневых точек. Однако на направлении главного удара — в районе Ясиновского и Алексеевки — нам удалось прорвать первую линию вражеских траншей.

Чтобы задержать дальнейшее продвижение наших войск, немецкое командование перебросило к месту прорыва 16-ю моторизованную дивизию, готовившуюся к отправке под Курск, и с ходу ввело ее в бой. С юга сюда же торопились на автомашинах подразделения 111-й и 336-й пехотных дивизий, с севера — 32-я дивизия и унтер-офицерская школа 6-й армии. А 19 июля наша разведка установила, что возвращена с пути следования на харьковское направление 23-я танковая дивизия (на самом деле 23-я танковая дивизия вместе с танковой дивизией СС «Викинг» в составе 24-го танкового кор-

пуга была введена в бой в районе Изюма для локализации советского плацдарма на Донце. — Б. С.).

— Это уже половина победы, — констатировал Александр Михайлович (Василевский, в качестве представителя Ставки. — Б. С.).

Его оптимизм передавался и нам. Но в то же время мы чувствовали, что наши 5-я ударная и 28-я армии начинают выдыхаться. Для развития наступления решено было ввести второй эшелон фронта — 2-ю гвардейскую армию.

Красиво выдвигалась она вперед, под прикрытием самолетов с воздуха и зенитчиков — с земли. Однако в дальнейшем действия ее оказались недостаточно энергичными, и решительного перелома в ходе нашего наступления не произошло.

Еще в то время, когда 2-я гвардейская армия подходила к фронту, в полосе действий 5-й ударной армии противник ввел в бой переброшенные с белгородского направления эсэсовские дивизии «Тотенкопф», «Райх» и 3-ю танковую. Одновременно с этим немецкая бомбардировочная авиация обрушила на боевые порядки этой армии, а также и на 2-ю гвардейскую мощные бомбовые удары. Бомбардировщики действовали поэшелонно. В каждом эшелоне насчитывалось до 100—120 самолетов Ю-87. Временами над полем боя появлялись и Хе-111.

За один день по войскам 2-й гвардейской и 5-й ударной армий противник произвел более 3000 самолето-вылетов. Это повлекло за собой значительные потери с нашей стороны и еще больше замедлило темпы наступления....

Командующего 2-й гвардейской армией генерала Крейзера я встретил в недавно отбитой у противника траншее. Он доложил обстановку и кивнул на небо:

— Не можем поднять головы.

В этот момент, как бы в подтверждение его слов, появилась новая волна вражеских бомбардировщиков.

— Где сейчас второй гвардейский механизированный корпус Свиридова? — осведомился я.

Крейзер указал его район расположения по карте и со вздохом добавил, что положение этого корпуса для него са-

мого недостаточно ясно: радиосвязь со Свиридовым нарушена, а пройти туда невозможно.

Я был глубоко недоволен этим докладом. Показалось, что он мне доложил неточно, и, несмотря на непрекращающуюся бомбежку, я решил сам пробраться к Свиридову. Это оказалось действительно трудным и очень рискованным делом. По пути пришлось неоднократно оставлять машину и лежать в воронках от бомб, пережидая очередной налет.

Но на КП корпуса все оказалось иначе. Здесь было спокойно. Самолеты немцев шли над позициями корпуса и не трогали их, а бомбили, главным образом сзади, войска других корпусов, несколько отставших и тщетно пытавшихся продвинуться вперед.

— Почему же вы остановились? Какое имеете на это право? — навалился я на Свиридова.

Вместо ответа он подал мне тетрадь телефонных переговоров, в которой дословно было записано распоряжение, отданное тов. Свиридову лично тов. Крейзером: наступление временно приостановить.

Это шло вразрез с решением командующего войсками фронта и ставило под угрозу срыва всю фронттовую операцию. В самой категорической форме я приказал Свиридову возобновить наступление.

Тут как раз восстановилась радиосвязь с КП армии. Я вызвал тов. Крейзера, и у нас с ним состоялся весьма неприятный разговор. Потом мне удалось связаться с Ф. И. Толбухиным. Он тоже был возмущен задержкой 2-го механизированного корпуса и подтвердил мой приказ о продолжении решительного наступления. Однако противник воспользовался нашим промедлением, подтянул еще больше бронечастей и усилил массированные удары с воздуха по войскам 2-й гвардейской, 5-й ударной и 28-й армий. Начались затяжные кровопролитные бои, продолжавшиеся без перерыва семнадцать суток. Каждый метр земли отвоевывался у противника с невероятными усилиями.

Во второй половине дня 30 июля наши подразделения, оборонявшие Степановку, подверглись одновременной контратаке силами 100 немецких танков с пехотой. Утром 31 июля

в двух километрах северо-восточнее Степановки пошли в контратаку до 150 танков и штурмовых орудий. Еще тяжелее оказались для нас 1 и 2 августа. Солнце пекло, земля чадила, и над полем боя все время стоял гул танковых и авиационных моторов.

Ценой огромных жертв немцам опять удалось остановить наступление наших войск на Миусе. Видя бесплодность дальнейших попыток прорвать миусские позиции врага теми силами, какие имелись в нашем распоряжении, командование фронта решилось на отвод войск в исходное положение — на рубеж, откуда семнадцать дней назад мы начинали наступление.

В чем была причина этих неудач? Прежде всего, конечно, в нерешительности действий войск второго эшелона фронта — 2-й гвардейской армии. Но справедливости ради следует сказать, что с вводом в бой второго эшелона мы несколько поспешили».

Из мемуаров Бирюзова становятся понятны причины неудачи советских войск в сражении на реке Миус. Это — недостаточная разведка неприятельских позиций, неспособность артиллерии и авиации в ходе артподготовки подавить огневые точки врага, который за полтора года обороны на Миусе, с ноября 1941 года, сумел создать ряд долговременных укреплений. Кроме того, вспомогательные удары не имели никакого успеха и не могли отвлечь немецких сил с направления главного удара. Сыграло свою роль господство люфтваффе в воздухе, а также поспешный и плохо организованный ввод в бой 2-го эшелона — 2-й гвардейской армии. Поражению способствовала плохая связь штаба фронта со штабами армий и штабов армий — со штабами корпусов, что мешало оперативно реагировать на немецкий контрудар.

Тут следует добавить еще, что немецкий контрудар на Миусе оказался для советского командования полной неожиданностью. Еще 17 июля, в день, когда началось советское наступление на Миусе, командующий Воронежским фронтом Н. Ф. Ватутин полагал, что немецкое наступление на Курск будет продолжено. Затем советская разведка поте-

рjala из виду II танковый корпус СС и была потом неприятно удивлена, обнаружив его против Южного фронта.

Манштейн вспоминал: «17 июля противник, как и ожидалось, начал наступление на Донецком и Миусском фронтах (на Миусском фронте наступление началось днем раньше. — Б. С.). На участке 6-й и 1-й танковых армий противник осуществил значительные, хотя и местные прорывы. В связи с таким положением командованию группы удалось удержать хотя бы для использования в районе Донбасса наряду с 24-м тк, повернувшим уже в Донбасс, также и танковый корпус СС, предназначенный Гитлером для Италии...

На обоих участках он глубоко вклинился в нашу оборону, но ему не удалось осуществить прорыва.

6-я армия, введя в бой оба подвижных соединения, оставленных в качестве резерва в районе Донца, смогла остановить наступление противника после того, как он захватил плацдарм шириной около 20 км и глубиной 15 км на западном берегу Миуса севернее Куйбышева.

На участке 1-й танковой армии противнику удалось форсировать Донец юго-восточнее Изюма в полосе до 30 км. Но благодаря введению в бой обеих дивизий 24-го тк, подошедших из Харькова, мы приостановили дальнейшее продвижение противника южнее реки.

Если нам и удалось остановить наступление противника в конце июля, то обстановка в Донбассе оставалась весьма неустойчивой.

После того как операция «Цитадель» по приказу Гитлера 17 июля была окончательно прекращена также и группой «Юг», командование группы решило снять временно с этого фланга крупные танковые силы, чтобы с помощью этих частей восстановить положение в Донбассе... Гитлер вновь вернул в распоряжение группы для контрудара в Донбассе (но только для этого) танковый корпус СС, который он предназначал для Италии...

Так как предназначенные для Донбасса оба корпуса и 4 танковые дивизии могли прибывать только поочередно, то командование группы предполагало восстановить положение на участке 1-й танковой армии южнее Донца коротким

ударом двух дивизий первого эшелона корпуса СС. Ударом всех танковых сил мы должны были затем ликвидировать большой плацдарм противника в полосе 6-й армии и вновь восстановить фронт на Миусе. Гитлер, однако, без всякого объяснения запретил проведение операции в полосе 1-й танковой армии, хотя эти действия никак не затягивали пребывания корпуса в Донбассе...

30 июля в районе действий 6-й армии началась контратака танков, подошедших с северного фланга группы. Она привела к полному восстановлению положения на рубеже Миуса. Соотношение сил в этом бою было характерным для тогдашней обстановки, но оно же еще раз показало превосходство немецкой армии. Противник имел на своем плацдарме не менее 16 стрелковых дивизий, двух механизированных корпусов, одной танковой бригады и двух противотанковых истребительных бригад. В нашей же контратаке участвовали только 4 танковые дивизии, одна мотодивизия и 2 пехотные дивизии. В результате своих атак и немецкой контратаки противник потерял около 18 000 пленными, 700 танков, 200 орудий и 400 противотанковых орудий».

Запрещая использовать две танковые дивизии СС для контрудара на Донце, Гитлер имел свои резоны. Плацдарм на Миусе он справедливо считал гораздо более опасным, чем плацдарм на Донце. С него мог быть осуществлен выход в глубокий тыл группы армий «А», что грозило не только потерей Донбасса, но и окружением значительных германских сил. Если бы эти дивизии сначала использовали на Донце, они бы там оказались в значительной мере обескровлены, потеряли бы часть танков, и удар по миусскому плацдарму был бы ослаблен и не достиг бы поставленной цели. Ведь II танковый корпус СС был главной ударной силой контрудара. Отбывший в Италию лейбштандарт оставил свою бронетехнику двум оставшимся дивизиям.

Курт Типпельскирх в «Истории Второй мировой войны» так оценил результаты контрудара на Миусе: «Тем временем, по-видимому, с целью сковать силы немцев войска Южного и Юго-Западного фронтов на нескольких участках между Изюмом и Таганрогом предприняли 17 июля наступатель-

ные действия местного характера против правого фланга 8-й полевой армии, а также против 1-й танковой и 6-й полевой армий, объединенных к тому времени в группу армий «А». На Северском Донце по обе стороны Изюма и западнее Ворошиловграда эти атаки были отражены. На реке Миус в районе Куйбышево русским удалось глубоко вклиниться в оборону 6-й армии. Так как вклинение приняло угрожающий характер, командованию группы армий пришлось бросить на выручку 6-й армии крупные резервы. 30 июля силами трех пехотных, четырех танковых и одной гренадерской моторизованной дивизии 6-я армия нанесла контрудар, завершившийся весьма успешно. В ходе ожесточенных трехдневных боев удалось вернуть захваченный русскими район шириной 20 и глубиной 10 км, и 2 августа 6-я армия вышла на свои прежние позиции на реке Миус. Русские, помимо тяжелых потерь убитыми и ранеными, потеряли почти 18 тыс. пленными и большое количество техники. Тем не менее, используя крупные силы, они сковали немецкие резервы на участке, который не считали самым решающим».

При описании хода Миусского сражения 17 июля — 2 августа 1943 года мы воспользуемся данными исследования А. В. Исаева «Прорыв «Миус-фронта». В ходе Миусской наступательной операции Южный фронт начал наступление, нанося два главных удара основными силами шести из семи стрелковых дивизий, одной танковой ботгады и одного танкового полка 5-й ударной армии и точно такой же группировки 28-й армии 17 июля с рубежа Дмитриевка, Куйбышево, Ново-Ясиновский. Его конечной целью был Таганрог. Вспомогательный удар силами трех из семи стрелковых дивизий 51-й армии и одной танковой бригады наносился на правом крыле фронта из района М. Николаевка, Орлово в направлении Петрово, Красноселье, чтобы отвлечь сюда германские резервы. На втором этапе войска Южного фронта должны были выйти к реке Еланчик, чтобы во взаимодействии с Юго-Западным фронтом разгромить донбасскую группировку противника. 5-я ударная армия наступала в районе Дмитриевки, а 28-я — в районе Куйбышево. На участке 28-й армии планировался ввод в бой 2-й гвардейской армии (6 стрелко-

вых дивизий, два механизированных корпуса) для развития успеха в юго-западном направлении. В составе 2-го гвардейского мехкорпуса этой армии был 1543-й тяжелый самоходно-артиллерийский полк, имевший 12 СУ-152 и 1 КВ. На своем правом фланге 44-я армия должна была осуществлять демонстрацию наступления силами одного стрелкового полка, чтобы содействовать соседней 28-й армии. В резерве Южного фронта оставались одна истребительно-противотанковая и одна танковая бригады, а также три укрепленных района. Действия фронта поддерживала 8-я воздушная армия.

В противостоящей Южному фронту немецкой 6-й армии генерала пехоты Карла Холлидта было 8 пехотных, одна авиаполевая, одна горно-егерская и одна моторизованная (панцер-гренадерская) дивизии, а также пять батальонов штурмовых орудий. Одна из пехотных дивизий, 335-я, действовала против Юго-Западного фронта.

Первый день наступления показал, что оно не стало неожиданностью для немцев, чья воздушная разведка еще 15 июля засекала концентрацию советских войск в районах атаки. Ведение наступления также затруднялось тем, что западный берег Миуса господствовал над восточным, а наличие многочисленных оврагов и балок ограничивало использование танков. Тем не менее первоначальный успех был достигнут. Части 294-й и 306-й пехотных дивизий попали под удар четырех стрелковых дивизий и 32-й гвардейской танковой бригады (53 танка) 51-й армии. К 14.00 были взяты господствующие высоты, и советские дивизии продвинулись в глубину от 2 до 6 км.

Хуже шли дела у ударной группировки 28-й армии, наносившей удар по частям 336-й и 294-й пехотных дивизий. Здесь наступление развивалось медленнее, в частности, потому, что советская пехота не успела использовать огневой вал артиллерии для того, чтобы форсировать реку. Дивизии армии смогли продвинуться всего на 1—2 км и были остановлены на гребне высот на берегу Миуса. В связи с этим командование Южного фронта решило ввести всю 2-ю гвардейскую армию в полосу наступления 5-й ударной армии, тогда как первоначально предполагалось вводить 2-ю гвардейскую

двумя группировками на участках обеих армий первого эшелона.

В 17.00 части 2-го гвардейского механизированного корпуса вышли к Миуссу в районе Дмитриевки и начали переправу. Против него были брошены немецкие пикирующие бомбардировщики и крупнокалиберная артиллерия. В результате ударов с воздуха были подбиты 2 танка и 3 автомашины, а потери корпуса составили 18 убитых и 46 раненых. Но уже к 18.00 главные силы корпуса были на западном берегу. 4-й гвардейской механизированной бригаде удалось с ходу овладеть господствующей высотой 213,9, а 6-я гвардейская мехбригада завязала бой за Мариновку. Вечером к переправам через Миус вышел также 13-й гвардейский стрелковый корпус 2-й гвардейской армии. По оценке штаба Южного фронта, его войска потеряли в первый день наступления до 1800 человек убитыми и ранеными. На самом деле потери были значительно выше. 5-я ударная армия, по неполным данным, потеряла 225 убитыми и 484 ранеными, а также 8 танков КВ, 11 Т-34, 2 Т-70 и 2 Т-60. Более серьезные потери понесла 38-я армия — 577 погибших и 1823 раненых. Танковые части армии безвозвратно потеряли 2 КВ и 1 Т-60. Еще 3 Т-34 и 1 Т-60 утонули при переправе через Миус. Подбиты же были 8 КВ и 4 Т-34. Вместе с потерями 2-го гвардейского механизированного корпуса, о которых есть лишь неполные данные, потери Южного фронта составили не менее 920 убитых и 2353 раненых, т. е. не менее 3273 человек. И это без пропавших без вести, которых тоже наверняка было некоторое количество. Немецкие потери составили, по данным штаба 6-й армии, 2116 убитыми, ранеными и пропавшими без вести.

В первый день наступления 374 самолета советской 8-й воздушной армии совершили 770 самолето-вылетов, на которые противник ответил только 350. Советские потери составили всего 6 самолетов.

Вспомогательный удар 51-й армии успеха не имел. Ее войска сбили боевое охранение противника, но остановились перед минным полем. Прогрызать минные поля и отражать контратаки 54-му стрелковому корпусу 51-й армии приш-

лось и 18, и 19 июля. К 20 июля части немецких 302-й и 306-й пехотных дивизий восстановили исходные позиции. За это время 54-й корпус потерял 1571 убитого, 207 пропавших без вести и 5516 раненых, а всего 7382 человека. Продолжая ставшие бессмысленными атаки вплоть до 27 июля, корпус потерял еще 205 убитых, 5 пропавших без вести и 903 раненых, а всего 1113 человек. Поддерживавшая 54-й стрелковый корпус 6-я гвардейская танковая бригада потеряла 256 убитыми и ранеными, а также 3 КВ, 18 Т-34 и 11 Т-70.

К 13.00 18 июля части 2-го гвардейского механизированного корпуса заняли Степановку и Мариновку. 4-я гвардейская мехбригада заняла Саур-Могильский, но была остановлена частями 306-й пехотной дивизии. Немцы удерживали господствовавший над местностью курган Саур-Могила. По ошибке Саур-Могильский был обстрелян 5-й гвардейской мехбригадой, что вынудило 4-ю гвардейскую мехбригаду оставить поселок, потеряв как от немецкого, так и от «дружественного» огня 36 убитыми и 211 ранеными.

Контрудар 16-й моторизованной дивизии лишь замедлил продвижение войск 51-й ударной армии, не принеся ощутимых результатов.

Несмотря на общий успех первого дня наступления, 18 июля 28-я армия продолжила наступать на прежнем направлении. Ее наступление началось в 6.00, но вскоре бойцам 28-й армии пришлось отражать контратаки противника. Но бои были уже не такими ожесточенными, как в первый день, и потери пехоты снизились. 28-я армия потеряла 183 человека убитыми и 301 человека ранеными. А вот в танковых войсках потери, наоборот, возросли. 33-я гвардейская танковая бригада 18 июля потеряла 5 танков сожженными, 5 — подбитыми и 6 — подорвавшимися на минах. Поддерживавший 271-ю и 320-ю стрелковые дивизии 1-й гвардейский тяжелый танковый полк к исходу дня сохранил в строю один танк. Остальные КВ подорвались на минах. Пехота практически лишилась поддержки со стороны танков.

Столкнувшись с трудностями, командование Южного фронта решило изменить направление главного удара. В ночь с 18 на 19 июля 28-я армия произвела перегруппировку на

правый фланг, ближе к направлению наступления 5-й ударной армии. Вместо проламывания широкой брешы двумя параллельными ударами Южный фронт перешел к расширению вклинения 5-й ударной армии. Теперь войска 28-й армии должны были наступать на юго-запад из района Куйбышево. Также 4-му механизированному корпусу было приказано «не позже 3.00 19.7.43 переправить части на зап. берег р. Миус», чтобы в дальнейшем наступать в юго-западном направлении с задачей «совместно с частями 28 А окружить и уничтожить Куйбышевскую группировку».

Тем временем, заняв Степановку и Мариновку, 2-й механизированный корпус к концу 18 июля взял Гараны и высоты 230,9 и 214,3 к западу и северо-западу от Степановки. 2-й гвардейский механизированный корпус на 19 июля должен был выйти к реке Крынка и не дать врагу организовать оборону на этом выгодном рубеже и захватить плацдармы на западном берегу. 13-му гвардейскому стрелковому корпусу предстояло защищать правый фланг 2-го гвардейского механизированного корпуса со стороны Снежного. 1-й гвардейский стрелковый корпус вместо того, чтобы развивать наступление южной ударной группировки, перебрасывался к Дмитриевке.

Вечером 18 июля в 6-ю немецкую армию была включена 23-я танковая дивизия вместе со штабом XXIV танкового корпуса Вальтера Неринга. Манштейн советовал командующему 6-й армией Карлу Холлидту использовать дивизию для мобильной обороны, чтобы выиграть время для переброски из-под Белгорода двух дивизий СС. Но оборона 6-й армии находилась в тяжелом положении. Вклинение 5-й ударной армии не удалось ликвидировать контрударом 306-й пехотной дивизии, и последней пришлось отойти от Степановки и высоты 213,9. 294-я пехотная дивизия вообще отступала в беспорядке, и ее пришлось подкрепить мотопехотой 16-й панцер-гренадерской (моторизованной) дивизии. Тем временем на помощь 6-й армии начали прибывать авиасоединения с южного фаса Курской дуги. Уже 15 июля была переброшена III группа 3-й истребительной эскадры «Удет». На следующий день прибыла и II группа эскадры «Удета».

Холлидт решил использовать новые авиагруппы для завоевания господства в воздухе и защиты пикирующих бомбардировщиков, которые должны были поддерживать контрудар 23-й танковой дивизии 19 июля. Этой дивизии предстояло атаковать вдоль дороги Снежное — Мариновка и занять высоту 213,9, господствовавшую над советским плацдармом. Одновременно 16-я панцер-гренадерская дивизия должна была захватить Степановку, чтобы обезопасить 23-ю танковую дивизию от флангового удара. Объектом атаки 23-й танковой дивизии стал 31-й стрелковый корпус 5-й ударной армии.

19 июля 16-я моторизованная дивизия, у которой осталось в строю 20 танков, атаковала Степановку, перед которой столкнулась со 2-м гвардейским механизированным корпусом, наступавшим на юго-запад. В результате танкового боя 15 из 20 немецких танков, по советским данным, были подбиты, и уцелевшие машины отступили. Мотопехота 16-й моторизованной дивизии атаковала части 13-го гвардейского стрелкового корпуса, но не имела успеха.

23-я танковая дивизия тоже нанесла удар на Степановку, но была встречена плотным огнем со стороны высоты 213,9 и потеряла, по советским данным, 28 танков из 50.

После неудачи немецкого контрудара 4-я гвардейская механизированная бригада возобновила атаки на Саур-Могильский и взяла его, а к 17.00 вместе с 37-й танковой бригадой овладела селением Гараны.

Немецкие контрудары, потерпев неудачу, тем не менее притормозили продвижение 5-й ударной и 2-й гвардейской армий. Толбухин был недоволен медленным развитием наступления и в 11.30 20 июля издал грозную директиву с критикой командования 2-й гвардейской армии и ее корпусов за плохую организацию взаимодействия и неточные доклады об обстановке. Потери 2-го гвардейского механизированного корпуса за 17—19 июля составили 923 убитых и раненых и 48 подбитых и сожженных танков (40 Т-34 и 8 Т-70). 28-я армия за эти же дни потеряла 1570 убитыми и 5355 ранеными, а весь Южный фронт — 2408 убитыми и 10 390 ранеными. Было потеряно 132 танка, в том числе 26 — безвозвратно. 8-я

воздушная армия потеряла 19 июля 19 самолетов, что превысило ее суммарные потери за два предыдущих дня.

19 июля подвергся бомбардировке все еще остававшийся в районе Дмитриевки 4-й гвардейский мехкорпус. Он потерял 60 убитыми, 4 пропавшими без вести и 143 ранеными. 3 «тридцатьчетверки» и 13 автомашин сгорели, а 8 Т-34, 1 броневтомобиль, 1 «катюша» и 13 автомашин оказались повреждены. Причиной столь больших потерь стало отсутствие прикрытия корпуса с воздуха. Командование фронта явно поспешило с выводом 4-го гвардейского корпуса к переправам через Миус, не имея возможности ввести его в бой из-за медленного продвижения уже находившихся на плацдарме соединений. Бездействовал и 1-й гвардейский стрелковый корпус.

20 июля 13-й гвардейский стрелковый корпус должен был, начав наступление ночью, овладеть к утру Калиновкой и хутором Малопетровский, чтобы обеспечить ввод в бой 4-го гвардейского механизированного корпуса, которому к исходу дня предстояло выйти к реке Крынка.

Тем временем немецкая 23-я танковая дивизия в 19.00 захватила Саур-Могильский, но в 23.30 была выбита оттуда 4-й и 5-й гвардейскими механизированными бригадами. 13-й гвардейский стрелковый корпус генерала П. Г. Чанчибадзе смог начать наступление только во второй половине дня 20 июля, но встретил упорное сопротивление 16-й моторизованной дивизии. 4-й гвардейский механизированный корпус генерала Т. И. Танасчишина опять не удалось ввести в сражение. В этот день он опять потерял от авиаударов 2 Т-34 и 21 автомобиль подбитыми. Еще 19 автомашин сгорело. Потери корпуса составили 57 человек, а еще 52 бойца были ранены. В 5.30 21 июля корпус Танасчишина был наконец введен в сражение. Немцы перебросили против него часть артиллерии с участка 294-й пехотной дивизии, ранее отражавшей атаки 28-й армии. Наступление последней почти практически прекратилось, так как у нее осталось очень мало бронетехники. В этот день две дивизии 28-й армии атаковали Елизаветинский, который несколько раз переходил из рук в руки. Но артиллерийский огонь немцев из полосы 28-й армии

нанес большие потери 4-му гвардейскому механизированному корпусу, который потерял 239 убитых и 709 раненых. Кроме того, были сожжены 21 Т-34 и 2 Т-70.

Тем временем ослабла поддержка с воздуха со стороны 8-й воздушной армии, испытывавшей острую нехватку горючего. 20 июля 228 самолетов совершили 332 самолето-вылета, потеряв 7 машин. 21 июля 322 самолета совершили 550 самолето-вылетов, что стоило потери 11 машин. Больше до конца сражения на Миусе советская авиация ни разу не преодолела планку в 500 вылетов.

22 июля 1-й гвардейский стрелковый корпус должен был сменить 2-й гвардейский механизированный и 13-й гвардейский стрелковый корпуса в районе Саур-Могильский, Луганский. Но выполнить это не удалось.

22 июля штаб немецкого XXIV танкового корпуса принял командование 16-й моторизованной и 23-й танковыми дивизиями, а также рядом боевых групп, переброшенных для отражения советского наступления с неатакованных участков фронта 6-й немецкой армии.

К тому времени в советском 2-м гвардейском механизированном корпусе в строю осталось только 85 из 217 танков и САУ. После длительной, но малоэффективной артиллерийской и авиационной подготовки он продолжил атаки в сторону реки Крынки, ведя бой с 23-й танковой дивизией. Советские танки были прикрыты поставленной с воздуха дымовой завесой. 3-я гвардейская стрелковая дивизия не смогла захватить господствующий курган Саур-Могила. Однако 2-й гвардейский мехкорпус все же сумел осуществить глубокий прорыв. А вот 4-й гвардейский механизированный корпус действовал неудачно. Он только к вечеру 22 июля достиг северо-западной окраины Калиновки, где был встречен огнем противотанковых, зенитных и штурмовых орудий. Корпус безвозвратно потерял 23 Т-34, 4 Т-70 и 15 автомашин. Еще 21 Т-34, 5 Т-70 и 21 автомобиль были повреждены. Людские потери 4-го гвардейского корпуса за 21—22 июля составили 317 убитых и 1320 раненых. Неудача корпуса была обусловлена тем, что немцам удалось отсечь советскую пехоту от танков.

Танки же попали на заранее пристрелянный немецкой артиллерией участок и понесли большие потери.

Более успешно действовала советская пехота. К исходу 22 июля дивизии 13-го гвардейского стрелкового корпуса захватили Семеновский, Калиновку и Елизаветинский. При этом 87-я гвардейская стрелковая дивизия потеряла 102 убитыми и 79 ранеными.

Советская авиация 22 июля ввела в бой 230 самолетов, совершивших 420 боевых вылетов. При этом было потеряно 22 машины.

Успех немецкой обороны против Миусского плацдарма определялся тем, что им удалось стянуть к месту прорыва значительные силы артиллерии, в том числе и зенитной, с неатакованных участков фронта 6-й армии, а также активным использованием авиации против советской мотопехоты и танков. Поэтому 2-я гвардейская армия генерала Я. Г. Крейзера и 5-я ударная армия генерала В.Д. Цветаева так и не смогли реализовать свое почти пятикратное превосходство в численности пехоты. Что же касается 28-й армии генерала В. Ф. Герасименко, то ее наступление фактически остановилось.

23 июля 2-я гвардейская армия в последний раз попыталась прорвать оборону противника с участием своих механизированных корпусов. 2-й гвардейский мехкорпус, выставив заслон против деревни Криничка силами 5-й гвардейской механизированной бригады и артиллерии, остальными бригадами попытался выйти к реке Крынка, но был остановлен огнем артиллерии и контратаками. 33-я гвардейская стрелковая дивизия 1-го гвардейского стрелкового корпуса столь же безуспешно атаковала Криничку. Столь же безуспешным было наступление 4-го гвардейского механизированного корпуса. К вечеру он смог занять только Семеновское, безвозвратно потеряв 28 Т-34 и 11 Т-70. Еще 31 Т-34 и 16 Т-70 были подбиты. Из строя вышло 90 автомашин. Корпус потерял 442 убитыми и 1040 ранеными.

Однако силы и боеприпасы обороняющихся тоже были на исходе. 23 июля Холлидт потребовал от Манштейна срочных подкреплений и присылки снарядов. Было решено на-

править ему две эсэсовские танковые дивизии для организации мощного контрудара.

К тому времени наступательный порыв 2-й гвардейской армии был исчерпан. Оба ее основательно потрепанных механизированных корпуса пришлось вывести во второй эшелон. На передовой остались только 6-я гвардейская механизированная бригада, 36-я танковая бригада и 1543-й тяжелый самоходно-артиллерийский полк. 24 июля советские войска на плацдарме перешли к обороне.

2-й гвардейский механизированный корпус генерала К. В. Свиридова понес большие потери. 71 Т-34 был потерян безвозвратно, а 52 — повреждены. В строю осталось только 13 «тридцатьчетверок». Безвозвратно было потеряно также 21 Т-70, а 19 были повреждены, так что в строю осталось лишь 28 танков этого типа. Из 12 Су-152 одна самоходка была потеряна безвозвратно, а 7 повреждены. Зато уцелел единственный КВ.

В 6-й гвардейской механизированной бригаде из 3286 человек личного состава осталось в строю 2020. А всего корпус к тому времени потерял 5343 человека из 13 189, числившихся в нем первоначально.

Не лучше было и состояние 4-го гвардейского механизированного корпуса генерала Т.И. Танасчишина. До 24 июля он безвозвратно потерял 59 Т-34 и 19 Т-70. Еще 39 Т-34 и 11 Т-70 находились в ремонте.

Немецкие танковые войска тоже несли потери. Если в 23-й танковой дивизии в строю было 40 танков, включая 13 модернизированных Т-4 с длинноствольной 75-мм пушкой, то 23 июля число боеготовых машин уменьшилось до 21. Однако 18 из них теперь составляли модернизированные Т-4, значительная часть которых вернулась из ремонта. Зато в 16-й моторизованной дивизии с 21 по 23 июля число боеготовых танков возросло с 4 до 12. В период с 17 по 29 июля 16-я моторизованная и 23-я танковая дивизии потеряли убитыми 464 человека, пропавшими без вести — 255 человек, а также 2582 раненых, а всего 3301 человек. Вся 6-я немецкая армия за этот период понесла общие потери в 15 486 человек, в том

числе 2359 убитыми, 2001 пропавшими без вести и 11 126 ранеными.

25 июля Толбухин приказал 2-й гвардейской армии на следующий день возобновить наступление с целью занятия Кринички и Алексеевки. Наступление 1-го и 13-го гвардейских стрелковых корпусов, усиленных артиллерией и двумя полками тяжелых танков КВ, 26 июля началось с опозданием на два с половиной часа против планового срока, только в 17.30. Оно свелось лишь к незначительному продвижению вперед. В последующие два дня советские атаки также окончились безрезультатно. В этих боях был захвачен пленный из состава разведбата 16-й моторизованной дивизии, который сообщил, что его дивизию должны сменить две дивизии СС. Были получены и другие сведения о переброске на Миус дивизий «Райх» и «Тотенкопф». Фронтальная разведка предположила, что следует ожидать переброски против Южного фронта также и лейбштандарта, не зная, что как раз в эти дни он перебрасывался в Италию. Место лейбштандарта во II танковом корпусе СС заняла 3-я танковая дивизия вермахта, также изъятая из состава ударной группировки «Цитадели». 26 и 27 июля она сосредоточилась в районе поселка Красная Звезда. «Тотенкопф» занял позиции в Орджоникидзе, а «Райх» — в Макеевке. 29 июля в «Райхе» числилось 85 боеготовых танков, включая 6 «тигров», 34 модернизированных Т-4 и 6 трофейных «тридцатьчетверок». «Тотенкопф» имел в строю 89 танков, включая 9 «тигров» и 58 модернизированных Т-4. 3-я танковая дивизия имела готовыми к бою только 37 машин, из которых самыми сильными были 11 модернизированных Т-4. В 16-й моторизованной дивизии осталось в строю только 13 танков, включая 4 модернизированных Т-4. У 23-й танковой дивизии было 34 боеготовых танка, включая 20 модернизированных Т-4. Вероятно, в распоряжении танкового корпуса СС было не менее 100 штурмовых орудий.

Для участия в контрударе в полосе 6-й армии были переброшены две авиагруппы 77-й эскадры пикирующих бомбардировщиков и одна авиагруппа 1-й штурмовой эскадры на «Фокке-Вульф-190». Кроме того, с Тамани была пере-

брошена одна авиагруппа 52-й истребительной эскадры на Me-109.

К 28 июля в советских танковых частях оставалось в строю 284 танка против 258 у немцев. Еще 214 советских танков находились в ремонте, а 276 были безвозвратно потеряны в боях. А по штурмовым орудиям немцы имели очевидное преимущество.

Немецкие войска заявили к 29 июля об уничтожении или повреждении 580 советских танков. Строго говоря, советские данные этой цифре не противоречат. Ведь какие-то потери в танках наверняка были и 28 июля. В среднем советские войска теряли 44 танка в день, а 28 июля был все-таки последним днем советского наступления, хотя танков в нем участвовало уже немного. К тому же часть советских танков, вышедших из строя в первые дни боев, могла быть уже отремонтирована к 28 июля. В дальнейшем, кстати сказать, эти цифры немцы подкорректировали и к 6 августа заявили об уничтожении или повреждении 585 танков, что, вероятно, соответствует действительности.

30 июля удар корпуса СС пришелся по 31-му стрелковому корпусу 5-й ударной армии, в трех дивизиях которого осталось в строю к этому времени в общей сложности чуть более 12 тыс. человек, и по правофланговым соединениям 28-й армии, которая к 28 июля потеряла 2688 убитыми, 279 пропавшими без вести и 9131 ранеными, что, кстати сказать, почти равнялось потерям всей немецкой 6-й армии за время операции. 33-я гвардейская танковая бригада этой армии имела в строю 8 своих танков и еще два трофейных немецких танка.

Толбухин, несмотря на обозначившуюся угрозу немецкого контрудара, утром 29 июля приказал 2-й гвардейской армии возобновить наступление, передав ей свой последний резерв — 140-ю танковую бригаду с 63 боеготовыми танками. Командующий фронтом надеялся, что контрудар смогут отразить войска 5-й ударной армии. В наступлении, назначенном на 30 июля, кроме 140-й танковой бригады, должны были участвовать 33-я и 3-я гвардейские стрелковые дивизии. Последняя одновременно одним стрелковым полком должна была прикрывать стык с 5-й ударной армией. Как раз по

этому 13-му гвардейскому стрелковому полку пришлось удар 23-й танковой дивизии, когда утром 30 июля, упредив 2-ю гвардейскую армию, немцы сами перешли в наступление. На руку им сыграло то, что советские войска, все время наступавшие, не успели толком подготовиться к обороне.

Части 23-й танковой дивизии прошли через лес севернее Саур-Могильского. 128-й панцер-гренадерский полк этой дивизии окружил 13-й гвардейский стрелковый полк в Саур-Могильском. В 11.45 по берлинскому времени 23-я танковая дивизия соединилась на подступах к Мариновке и Гаранам с наступавшими с юга боевыми группами 16-й моторизованной дивизии, смявшими 88-й гвардейский стрелковый полк, оставленный для флангового прикрытия основных сил 33-й гвардейской стрелковой дивизии, наступавших на злосчастную Криничку. В результате пять стрелковых полков двух дивизий оказались в окружении, а 88-й полк, хотя и не попал в кольцо, понес большие потери.

Одновременно против южного фланга 2-й гвардейской армии перешли в наступление 294-я пехотная и 15-я авиаполевая дивизии XXIX армейского корпуса при поддержке штурмовых орудий. 86-й гвардейской стрелковой дивизии пришлось оставить Семеновский и Калиновку. 2-й гвардейский мехкорпус занял окопы на восточном берегу Миуса. Деблокировать окруженных командующий 2-й гвардейской армией Я.Г. Крейзер решил силами 24-й гвардейской стрелковой дивизии и 36-й гвардейской танковой бригады. Однако претворять этот план в жизнь до конца ему уже не пришлось.

В 23.00 30 июля Крейзера на посту командующего 2-й гвардейской армией сменил бывший командующий 51-й армией Г.Ф. Захаров.

II танковому корпусу СС пришлось наступать против 5-й ударной армии, которая уже больше недели находилась в обороне и успела подготовиться к отражению врага. Армия была усилена 1-й гвардейской истребительно-противотанковой бригадой, имевшей 28 орудий калибром 45 и 76 мм и сотню противотанковых ружей.

Корпус Хауссера поддерживали боевые группы 306-й и 336-й пехотных и 3-й горно-егерских дивизий, объединен-

ные в боевую группу XVII армейского корпуса. Они действовали на левом фланге 3-й танковой дивизии, которая должна была наступать на высоту 211,5 и восточную окраину Герасимовки. «Тотенкопф» нацелился на высоту 213,9 двумя полками вдоль дороги Снежное — Мариновка. Еще один полк дивизии должен был наступать на Герасимовку.

Дивизии «Райх» двумя боевыми группами предстояло атаковать Степановку. Панцер-гренадерский полк «Дойчланд» захватил северо-западную окраину деревни. Танковый полк «Райха», усиленный батальоном полка «Фюрер», взял высоту 230,9, но затем понес большие потери на минном поле. После того как саперы проделали проходы в минном поле, танкисты и мотострелки «Райха» продвинулись до Мариновки. Однако дойти до балки Ольховичок для соединения с частями XXIX армейского корпуса они не успели, так как подверглись контратаке 24-й гвардейской стрелковой дивизии и 37-й танковой бригады, пытавшихся деблокировать основные силы 3-й и 33-й гвардейских стрелковых дивизий.

Части «Тотенкопфа» и 3-й танковой дивизии, наступавшие на Герасимовку, тоже столкнулись с советскими минными полями и сильным артиллерийским огнем. Им так и не удалось в тот день взять высоту 213,9.

За первый день наступления II танковый корпус СС потерял 915 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Наибольшие потери понесла дивизия «Тотенкопф», лишившаяся 494 солдат и офицеров. Из 211 танков 91 был подбит. Из 10 «тигров» «Тотенкопф» потерял 8. Общие потери бронетехники дивизии составили 48 танков и 12 штурмовых орудий. «Райх» потерял 25 танков и 300 человек. 3-я танковая дивизия лишилась 18 танков и 121 бойца.

Сражавшийся против танкового корпуса СС 31-й гвардейский стрелковый корпус сообщил о потерях 328 убитых и 918 раненых. И это без учета потерь 13-го гвардейского стрелкового полка, дравшегося против 23-й танковой дивизии, а также без учета пропавших без вести. Последнюю категорию потерь командиры особенно не любили сообщать наверх, потому что начальство в каждом пропавшем без вести подозревало пленного или, хуже того, перебежчика. Поэтому

командиры не без основания опасались, что за большое количество пропавших без вести их по головке не погладят. Частенько такие данные вообще предпочитали не сообщать в вышестоящие штабы.

В целом в первый день людские потери корпуса СС оказались как минимум в 1,4 раза больше, чем потери противостоявших ему советских войск. К концу дня у 31-го гвардейского стрелкового корпуса почти закончились боеприпасы.

Тем временем XXIX армейский корпус нанес контрудар по соединениям 28-й армии, стремясь захватить южный выход из долины Ольховчика, чтобы не допустить отхода советских войск, сражавшихся против танкового корпуса СС. Боевая группа 294-й пехотной дивизии смогла войти в долину Ольховчика, а 17-я и 336-я пехотные дивизии потеснили 387-ю стрелковую дивизию. Командование 28-й армии ввело в бой свой последний резерв — 127-ю стрелковую дивизию. Пришедшую в расстройство 387-ю стрелковую дивизию было решено отвести на восточный берег Миуса. Потери 294-й пехотной дивизии, вынесшей на себе основную тяжесть боев, в этот день достигли 600 человек, в том числе 150 — погибшими и пропавшими без вести.

Всю ночь на 31 июля гранадеры «Райха» продолжали бой в Степановке. XXIV танковый корпус продолжал пробиваться к Ольховчику.

Командование Южного фронта опасалось, что противник прорвется на восточный берег Миуса. 28-й армии был передан 2-й гвардейский механизированный корпус, а 36-я танковая бригада была размещена в балке Ольховчик. Механизированные бригады должны были контратаковать вдоль реки на юг, к Русскому.

Утром 31 июля боевая группа Гаусса из XXIX армейского корпуса атаковала 347-ю стрелковую дивизию в районе Елизаветинского и взяла 1200 пленных. Эти потери, равно как и значительное число убитых, не были отражены в вечерней сводке потерь 28-й армии. За 31 июля она будто бы потеряла только 81 убитого и 166 раненых. Здесь опять чувствуется нежелание сообщать наверх о большом количестве пропавших без вести.

Тем временем «Тотенкопф» продолжал атаки на высоту 213,9. Атака проводилась в предрассветной темноте, в 3.00 по московскому времени, без артиллерийской подготовки. Артналет начался лишь тогда, когда гранадеры уже ворвались в первую линию окопов. Под обстрел попала вторая линия окопов и советские тылы. В это время немецкие саперы проделали проходы в минных полях. В 9.15 по берлинскому времени была проведена еще одна мощная 45-минутная артподготовка. Советские позиции также атаковали пикировщики Ю-87. Однако советское сопротивление не было сломлено. Полк «Эйке» не смог занять Герасимовку. Во второй половине дня сражение прекратилось из-за солнечного дождя. К вечеру «Тотенкопф» располагал лишь 20 боеготовыми танками, среди которых был 1 «тигр» и 5 командирских танков, а также 14 штурмовыми орудиями и 6 САУ «Мардер».

Не увенчалось успехом и наступление 3-й танковой дивизии, у которой к концу дня осталось в строю 9 танков и 9 САУ «Мардер». Дивизия потеряла 196 человек. В тот же день 3-ю танковую дивизию перебросили на южный фас советского плацдарма, в район Артемовки, а ее артиллерию использовали для поддержки наступления двух эсэсовских дивизий.

31 июля 31-й гвардейский корпус, согласно донесению, потерял 719 убитых и 1941 раненого. Опять бросается в глаза отсутствие пропавших без вести. У корпуса почти не осталось снарядов.

31 июля командование 2-й гвардейской армии пыталось вызволить из окружения части 1-го гвардейского стрелкового корпуса. 13-му гвардейскому полку утром удалось вырваться из окружения в Саур-Могильском. А вот 91-му гвардейскому стрелковому полку сделать это не удалось. Последнее донесение его штаба заканчивалась словами: «Противник с танками и пехотой со всех сторон перешел в атаку: Прощайте». Та же печальная участь постигла и другие окруженные полки. Потери 23-й танковой дивизии, ликвидировавшей «котел», в этот день составили 15 танков. Советский деблокирующий удар натолкнулся на части «Райха» и 23-й танковой дивизии и потерпел неудачу. Жаркие бои продолжались в Степанов-

ке, куда 31 июля ворвалась 24-я гвардейская стрелковая дивизия из деблокирующей группировки. К концу дня только полк «Фюрер» потерял около 200 человек. К концу дня в дивизии «Райх» в строю осталось 24 танка, включая 1 «тигр», а также 5 командирских танков и 20 штурмовых орудий. В 16-й моторизованной дивизии к этому времени насчитывалось 12 танков, 22 штурмовых орудия и 22 противотанковых САУ.

23-й танковой бригаде пришлось сражаться против 36-й гвардейской танковой бригады и 1543-го самоходно-артиллерийского полка, который в этом бою потерял еще одну Су-152. Потери 36-й гвардейской танковой бригады 4-го гвардейского мехкорпуса составили 11 поврежденных Т-34, 20 убитых и 19 раненых. А 37-я гвардейская танковая бригада 2-го гвардейского мехкорпуса в районе Степановки потеряла подбитыми и сожженными 28 танков, включая 15 «тридцатьчетверок». В ней осталось всего 4 Т-34 и 7 Т-70.

Вплоть до 31 июля командование Южного фронта скрывало от Ставки, насколько тяжело положение окруженных полков двух дивизий 2-й гвардейской армии. Возможно, Сталин получил информацию об истинном положении по другим каналам, скорее всего — по линии «Смерш». Существовал еще один альтернативный канал информации — представители Генштаба во фронтах и армиях. Однако поскольку грозная директива была направлена не только Толбухину, но и Василевскому, можно предположить, что генштабисты тут были ни при чем. Сталин писал: «Считаю позором для командования фронта, что оно допустило по своей халатности и нераспорядительности окружение наших четырех стрелковых полков вражескими войсками. Пора бы на третьем году войны научиться правильному вождению войск.

Требую, чтобы командование фронта немедленно сообщило в Генштаб специальной шифровкой о том, какие экстренные меры думает оно предпринять для того, чтобы вызволить окруженных и безусловно приостановить продвижение вражеских войск. У фронта для этого есть средства, и он должен выполнить эту задачу».

К несчастью, когда в штабе Южного фронта поздним вечером 31 июля получили сталинскую директиву, вызволять

было уже практически некого. Ранее, в 11.00 31 июля, на командный пункт 2-й гвардейской армии прибыл представитель Ставки маршал С. К. Тимошенко и пробыл там целых восемь часов. Быть может, на основе его доклада Сталину и родилась гневная директива. Характерно, что накануне Тимошенко был на командном пункте той же армии вместе с Василевским. Возможно, их визит и вызвал замену тогдашнего командарма Я. Г. Крейзера Г. Ф. Захаровым. Но Сталин в тот день еще не высказывал тревогу, вероятно, рассчитывая, что смена командования обеспечит успешное деблокирование окруженных. А вот когда к исходу 31 июля стало понятно, что наступление деблокирующей группировки терпит неудачу, Иосиф Виссарионович рассердился по-настоящему.

Г. Ф. Захаров вынужден был вечером 31 июля отдать приказ деблокирующей группировке перейти к обороне на рубеже 223,7 и 202,0, куда отошла из Степановки 24-я гвардейская стрелковая дивизия. Остаткам окруженных полков было приказано прорываться самостоятельно. В этот день также наибольшие потери за все сражение понесла 8-я воздушная армия. Совершив 424 вылета, она лишилась 33 самолетов. Противник же в этот день совершил более 2000 вылетов.

II танковый корпус СС за 30—31 июля безвозвратно потерял 24 танка. Это было сравнимо с безвозвратными потерями танков корпуса в ходе операции «Цитадель» (30 танков). Еще 81 танк, включая 9 «тигров», находился в ремонте. В строю осталась лишь половина танков из числа тех, что имелись в корпусе к началу наступления.

31 июля на командный пункт Хауссера прибыл Манштейн. Вскоре появился командир полка «Фюрер» оберштурмбаннфюрер Сильвестр Штадлер и доложил, что выдвижение двух батальонов полка задержалось из-за распутицы, но что через пять часов они придут на поле боя. Хауссер и Штадлер смогли убедить Манштейна, что есть смысл свежими силами повторить 1 августа атаку ключевой высоты 203,4.

Советское командование уже 30 июля знало, что против миусского плацдарма действуют танковые дивизии корпуса СС. 31-й гвардейский корпус был сильно потрепан и почти

не имел боеприпасов. 86-я гвардейская стрелковая дивизия была выведена во второй эшелон 2-й гвардейской армии.

К 4.00 1 августа к своим вышли остатки окруженных полков. Мало кто уцелел. В 88-м гвардейском стрелковом полку осталось 150 человек, в 84-м — 300, а в 5-м гвардейском стрелковом полку — 55 человек, причем командир и штаб этого полка погибли или попали в плен. Из 91-го гвардейского стрелкового полка, находившегося дальше всех от советских позиций, не вышел никто.

После поражения, понесенного 2-й гвардейской армией, Толбухин уже сомневался в возможности удержать плацдарм, но пока еще собирался его оборонять. В 10.00 он приказал находившейся в резерве 151-й стрелковой дивизии занять позиции на восточном берегу. Смененный ей 2-й гвардейский механизированный корпус, напротив, направлялся на плацдарм, правда, во второй эшелон. Он должен был контратаковать в случае неприятельского прорыва. Остатки 37-й гвардейской танковой бригады были отведены на восточный берег Миуса. Толбухин не знал, что в 10.30 (12.30 по московскому времени) 1 августа Хауссер получил приказ штаба группы армий «Юг» о выводе корпуса СС из боя. Манштейн рассчитывал использовать его для отражения ожидавшегося советского наступления в районе Харькова. Но уже в 4.00 два батальона полка «Фюрер» стали выдвигаться для атаки высоты 203,4 под прикрытием дымовой завесы, поставленной реактивными шестиствольными минометами (советские солдаты по аналогии со знаменитыми «катюшами» ласково называли шестиствольные минометы «ванюшами» — получалось, что реактивная артиллерия двух враждующих сторон образует как бы влюбленную парочку). С захватом этой высоты можно было подавить советские артиллерийские позиции в районе высоты 213,9. Атака проводилась без артиллерийской подготовки, в расчете на внезапность. Бойцы Штадлера прошли 3 км, подавив сопротивление не ожидавших нападения советских подразделений, и уже в 8.45 (в 10.45 по московскому времени) заняли высоту 203,4. Всего через 45 минут после того, как Толбухин отдал приказы своим войскам, оборона плацдарма, похоже, стала безнадежна.

Тут у немцев случилась накладка. У Штадлера в тот момент еще не было связи со своими. После того как советское командование поняло, что высота захвачена противником, на нее последовал артналет по западному склону высоты. На немецких позициях решили, что русские контратакой оттеснили батальоны Штадлера на западный склон, и, в свою очередь, открыли мощный артогонь по гребню высоты. Гренадеры «Фюрера» спешно попрятались в вырытых красноармейцами убежищах, а Штадлер со штабом укрылись под подбитым советским танком.

На других участках советская артиллерия была к 11.00 подавлена мощной артподготовкой силами 600 орудий и реактивных минометов. К 17.30 полк «Дойчланд» очистил Степановку от советских войск. Ее оборона была ослаблена отходом накануне правофланговых частей 24-й гвардейской стрелковой дивизии. Эсэсовцы захватили позиции советской артиллерии, фланкировавшей пространство перед высотой 213,9.

Дивизия «Тотенкопф» утром 1 августа имела 19 боеготовых танков, включая 3 «тигра», а также 6 командирских танков, 14 штурмовых орудий и 16 «Мардеров». Атака на высоту 213,9 была начата в 13.30. Час спустя главная полоса обороны на высоте была прорвана. К 17.00 высота 213,9 была захвачена. Обороняющие высоту советские части подвергались интенсивному обстрелу со стороны высоты 203,4. С ее захватом гренадерами Штадлера вся советская оборона на плацдарме начала разваливаться. Дивизию «Тотенкопф» безуспешно контратаковала одна из бригад 4-го гвардейского мехкорпуса.

16-я моторизованная и 23-я танковая дивизии в это время теснили советские 24, 49 и 87-ю гвардейские стрелковые дивизии, которые после падения высоты 203,4 не могли удержать свои позиции, поскольку лишились помощи в виде фланкирующего артиллерийского огня и, наоборот, оказались под прицельным огнем немецкой артиллерии. Уже в 14.30 командующий 2-й гвардейской армией приказал 24-й гвардейской стрелковой дивизии отступить к балке Ольховчик, а в 15.00 он стал выводить из боя 13-й гвардейский стрелковый корпус. 49-я гвардейская стрелковая дивизия должна

была отступить на восточный берег реки Ольховчик, 86-я гвардейская стрелковая дивизия выводилась в резерв, а 87-я — занимала оборону на восточном берегу Миуса. К балке Ольховчик перебрасывались также бригады 4-го гвардейского механизированного корпуса. 31-й гвардейский стрелковый корпус, согласно донесению его штаба, якобы потерял в этот день всего лишь 209 убитых и 475 раненых, ухитрившись и на этот раз не показать в потерях пропавших без вести. Между тем по характеру боев в этот день, когда советские войска вынуждены были под непрерывным давлением противника отступать со своих позиций, пропавших без вести как раз должно было быть особенно много.

Тем временем с юга боевая группа XXIX армейского корпуса при поддержке 12 штурмовых орудий нанесла удар встык 13-го гвардейского стрелкового корпуса и правофланговых соединений 28-й армии. Немецкая пехота заняла Елизаветинский, равно как и высоту 168,5. В документах же штаба 28-й армии эта высота еще и в 20.00 числилась удерживаемой силами 127-й и 347-й стрелковых дивизий. Вероятно, штаб армии еще рассчитывал вернуть эту важную высоту и не хотел огорчать командование фронта. 347-я дивизия в этот день потеряла 190 убитыми и 858 ранеными, а 127-я — 21 убитыми и 59 ранеными. Пропавших без вести, как всегда, не было. По утверждению соединений 28-й армии, 1 августа они уничтожили 8 вражеских танков и 2 штурмовых орудия «фердинанд», которых в 6-й армии в тот момент не было ни одной штуки.

1 августа 8-я воздушная армия смогла послать в бой только 192 самолета, которые произвели 342 вылета, потеряв 18 самолетов. На следующий день боеготовыми были лишь 176 самолетов.

Толбухин к вечеру 1 августа добился от Сталина разрешения на эвакуацию плацдарма. В 2.00 части 31-го гвардейского стрелкового корпуса начали отходить на восточный берег Миуса под прикрытием арьергардов. С наступлением темноты начали покидать плацдарм и дивизии 28-й армии. К утру 2 августа туда отошли все дивизии 2-й гвардейской армии. За Миусом остались только 13-я и 14-я гвардейские мехбригады

4-го механизированного корпуса, которые продолжали арьергардные бои. К исходу дня на восточный берег переправились и они. В 17.20 дивизия «Тотенкопф» заняла старые немецкие окопы на западном берегу Миуса. Сражение закончилось.

3 августа II танковый корпус СС начал переброску в районы Дебальцево и Краматорска для последующих действий в районе Харькова. 4 и 5 августа войска Южного фронта пытались вновь захватить плацдарм, но не слишком активно, и успеха не имели. Советские танки отсекались от пехоты и уничтожались немецкой артиллерией. Эти атаки привели к большим потерям в танках. Число боеспособных танков во 2-м гвардейском мехкорпусе с 3 по 6 августа упало с 98 до 43.

В дивизиях 1-го гвардейского стрелкового корпуса после отступления с плацдарма насчитывалось 8579 человек. Им удалось сохранить большую часть своей артиллерии.

В период с 17 по 27 июля 2-я гвардейская армия и приданный ей 4-й гвардейский мехкорпус потеряли, согласно донесению ее штаба, 23 770 убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Наводит на невеселые размышления отсутствие данных о потерях в последующие дни, с 28 июля по 2 августа, когда во время немецкого контрнаступления они явно были наибольшими. 31-й гвардейский корпус 5-й ударной армии потерял, по донесению его штаба, в период с 17 июля по 8 августа 2446 убитыми и 10 347 ранеными и больными. Почти все эти потери пришлось на период до 2 августа, так как позднее активные боевые действия на Южном фронте прекратились. Но и в данном случае на явный недоучет потерь указывает отсутствие категории пропавших без вести. С 1 по 10 августа войска Южного фронта потеряли 6249 убитыми, 4258 пропавшими без вести и 18 846 ранеными. Подавляющее большинство этих потерь приходится на 1 и 2 августа, когда шли бои на плацдарме. Число уничтоженных и подбитых советских танков командование 6-й немецкой армии оценило в 585.

Потери советских войск в ходе Миусской наступательной операции в период с 17 июля по 2 августа 1943 года составили, по официальным данным штаба Южного фронта, при-

веденным в книге «Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил» (это — расширенное издание книги «Гриф секретности снят»), 15 303 убитыми и пропавшими без вести и 45 767 ранеными. Цифры безвозвратных потерь, несомненно, занижены как минимум вдвое, поскольку, по данным Типпельскирха, только пленных немцы взяли на Миусском плацдарме около 18 тысяч (в некоторых немецких изданиях приводится более точная цифра — 17 762). В безвозвратных потерях наверняка не показано большинство пропавших без вести. Вряд ли здесь учтены и потери окруженных полков 2-й гвардейской армии, из которых спаслось лишь 505 человек. Не случайно авторы книги «Гриф секретности снят» не разделяют в безвозвратных потерях убитых и пропавших без вести — чтобы читатели, увидев малое число пропавших без вести, не усомнились в надежности приводимых официальных цифр. Если предположить, что среди пропавших без вести попавших в плен и убитых в действительности было поровну, то их истинное число можно оценить в 36 000 человек. Суммарное число убитых, учтенных в известных нам и (далеко не полностью) донесениях отдельных советских частей и соединений в период до 31 июля, с прибавлением двух третей от числа убитых на Южном фронте в период с 1 по 10 августа, составляет как минимум 15 628, что, кстати сказать, превышает официальное число безвозвратных потерь (15 303). Тогда истинные безвозвратные потери должны составить около 51 628 убитых и пропавших без вести, а общие потери — около 97 395.

Немецкая 6-я армия в период с 17 июля по 2 августа потеряла 21 369 человек, в том числе 3289 убитыми, 2254 пропавшими без вести и 15 817 ранеными. Безвозвратные потери оказались меньше официальных советских потерь в 2,8 раза, общие — в 2,9 раза. Однако если взять истинные советские потери, то соотношение станет гораздо менее благоприятным для советской стороны: по общим потерям — 4,6:1, по безвозвратным потерям — 9,3:1.

Дивизия «Тотенкопф» потеряла на Миусе 1458 человек, в том числе 219 убитыми, 46 пропавшими без вести и 1193 ранеными. Эти потери оказались вдвое ниже ее потерь в ходе

операции «Цитадель», составившими, по оценке Л. Н. Лопуховского, 3051 человек. Потери «Райха» и 3-й танковой дивизии точно подсчитать пока не представляется возможным, равно как и истинные потери противостоявших им советских соединений. Ясно только, что потери двух других дивизий корпуса СС были значительно меньше, чем потери «Мертвой головы». Не исключено, что суммарные потери 3-й танковой дивизии и «Райха» примерно равны потерям одной дивизии «Тотенкопф».

Поражение советских войск в ходе Миусского сражения 17 июля — 2 августа 1943 года было обусловлено прежде всего ошибками командования Южного фронта. Ошибкой было нанесение двух главных ударов, да еще и вспомогательного отвлекающего удара. Это только распылило силы советской артиллерии и авиации. Целесообразнее было бы наносить один главный удар, но большими силами и на более широком фронте. Ошибкой был, как это честно признавал в мемуарах бывший начальник штаба Южного фронта С. С. Бирюзов, запоздалый и плохо организованный ввод в сражение соединений 2-й гвардейской армии. Совершеннейшей авантюрой была предпринятая по инициативе Толбухина попытка наступления 2-й гвардейской армии 30 июля, когда уже обозначилась угроза мощного вражеского контрудара с участием эсэсовских дивизий. Эта попытка в конечном счете привела к бессмысленной гибели четырех стрелковых полков. Негативную роль сыграло и то, что после начала 30 июля немецкого контрудара штаб Южного фронта начал колебаться относительно того, можно ли будет удержать плацдарм, но так и не пришел к определенному решению до тех пор, пока с утра 1 августа падение плацдарма не стало неизбежным. Командование одновременно пыталось и удержать плацдарм, и подготовить условия для его возможной эвакуации, а это вело только к лишним потерям. Если бы было признано необходимым оставить плацдарм, то оптимальным временем для эвакуации была бы ночь на 1 августа. Тогда удалось бы избежать больших потерь, особенно пленными, в боях 1 и 2 августа. К исходу 31 июля окруженные полки были уже почти полностью уничтожены, и задача их деблокирования утрати-

ла актуальность. Но об этом еще не знали ни в штабе фронта, ни в Ставке. А приказ любой ценой освободить окруженных, полученный вечером 31 июля, довлел над Толбухиным. Заводить в такой обстановке разговор об эвакуации плацдарма было бессмысленно. На свой же страх и риск отдать приказ об эвакуации командующий фронтом, которого к тому же контролировали два маршала, Василевский и Тимошенко, никак не мог, опасаясь гнева Сталина.

Вместе с тем еще и 31 июля существовали реальные шансы удержать Миусский плацдарм. Ведь продержаться оставалось совсем немного, два-три дня, до начала советского наступления на Харьков. О том, что оно начнется 3 августа, знали если не Толбухин, то Василевский и Тимошенко. А после этого танковый корпус СС наверняка был бы переброшен к Харькову. Кстати сказать, эсэсовские дивизии были серьезно ослаблены в боях на Миусе и смогли начать активно действовать под Харьковом только после 10 августа. А без трех танковых дивизий, до 2 августа входивших в состав II танкового корпуса СС, 6-я немецкая армия вряд ли смогла бы ликвидировать плацдарм, имея всего два ослабленных подвижных соединения, 23-ю танковую и 16-ю моторизованную дивизии. Для удержания плацдарма требовалось только сосредоточить все силы на удержании ключевых высот и населенных пунктов, не останавливаясь и перед использованием последних резервов. К сожалению, штаб Южного фронта этого не сделал.

После завершения боев на Миусе танковый корпус СС был переброшен под Харьков. Следует сказать, что в ходе контрнаступления на белгородско-харьковском направлении, начавшемся 3 августа, наши войска имели подавляющее превосходство над противником. После перегруппировок и доукомплектования в составе Воронежского и Степного фронтов числилось 980,5 тыс. человек, более 12 тыс. орудий и минометов, 2400 танков и самоходно-артиллерийских установок и 1300 самолетов. Советские войска имели превосходство над противником в людях более чем в 3 раза, в артиллерии и танках — в 4 и в авиации — 1,3 раза. Тут еще надо оговориться, что перевес в живой силе в боевых частях был еще

более внушительным и еще увеличивался в случае, если мы будем учитывать маршевые пополнения, которые с советской стороны были гораздо более значительными, чем с немецкой.

После завершения сражения на Миусе штаб II танкового корпуса СС был переброшен в Италию, а две оставшиеся дивизии СС в составе III танкового корпуса были переброшены под Харьков. Здесь они участвовали в контрударах под Богодуховом. Манштейн вспоминал: «3 августа началось наступление противника, сначала на фронте 4-й танковой армии и на участке группы Кемпфа западнее Белгорода. Противнику удалось осуществить прорыв на стыке обеих армий и значительно расширить его по глубине и ширине в последующие дни. 4-я танковая армия была оттеснена на запад, группа Кемпфа — на юг, по направлению к Харькову. Уже 8 августа брешь между обеими армиями достигала в районе северо-западнее Харькова 55 км. Путь на Полтаву и далее к Днепру был для противника, видимо, открыт.

Командование группы решило подтянуть к Харькову 3 тк (2 танковые дивизии СС, которые Гитлер теперь окончательно оставил группе, и 3 тд). Он должен был быть использован группой Кемпфа для удара по восточному флангу клина прорыва противника. Одновременно по западному флангу должна была нанести удар 4-я танковая армия силами двух танковых дивизий, возвращенных группой «Центр», и одной мотодивизии.

Но было ясно, что этими силами и вообще силами группы нельзя было далее удерживать линию фронта. Потери наших дивизий достигли очень тревожных размеров. Вследствие длительного перенапряжения 2 дивизии не смогли продолжать бой. Вследствие быстрого продвижения противника мы потеряли также большое количество танков, находившихся в ремонтных мастерских за линией фронта.

Противник же смог, по-видимому, быстрее, чем мы ожидали, восполнить свои потери, понесенные им во время операции «Цитадель». Но прежде всего он подтянул новые крупные силы с других фронтов».

7 августа танкисты 1-й танковой армии Катукова стреми-

тельным ударом захватили важный железнодорожный узел Богодухов, где в их руки попали большие запасы горючего. С потерей Богодухова белгородско-харьковская группировка немцев оказалась рассеченной надвое. Пути от Харькова на северо-запад были перерезаны. Под угрозой оказалась также основная коммуникация из Харькова на Полтаву. 3 августа с этой целью началась переброска трех танковых дивизий из Донбасса в район Харькова. 6 августа в район Золочева прибыла 3-я танковая дивизия и завязала бои с соединениями 5-й гвардейской танковой армии. На следующий день под Ольшанами начала сосредотачиваться дивизия «Райх». Ее передовые части оказали сопротивление 3-му механизированному корпусу на рубеже Вел. Рогозянка, Сквородиновка, Крысино. Кроме того, к Богодухову подходили дивизии «Викинг» и «Мертвая голова».

Уже 8 августа танкистам Катукова, имевшим в тот момент 260 танков, пришлось столкнуться с 3-й танковой дивизией и дивизией «Райх», а также с остатками 19-й танковой дивизии, которые остановили продвижение 1-й танковой армии. На рассвете 8 августа танковая дивизия СС «Райх» из района Ольшан нанесла удар на Богодухов, вынудив перейти к обороне на рубеже Крысино, Максимовка, Вел. Рогозянка 3-й механизированный и 31-й танковый корпуса. В донесениях советской разведки утверждалось, что в район Харькова переброшена дивизия СС «Мертвая голова», а также введена в бой дивизия СС «Викинг», ранее занимавшая тыловой оборонительный рубеж на харьковском плацдарме в районе Барвенково, Краматорск.

Ожесточенные бои на реке Мерчик продолжались весь день 10 августа. Немецкое командование усилило свою группировку на этом направлении дивизией «Тотенкопф». Во второй половине дня советские войска овладели переправами через р. Мерчик и захватили небольшие плацдармы в районах селений 10-я и 11-я Сотня, Шаровка, Александровка. Закончив ночью переправу основных сил на южный берег реки Мерчик, советская 1-я танковая армия утром 11 августа возобновила наступление. Противник пытался остановить его, заняв частью сил Червоный Прапор, Марьино, который уже к 6.00 был прорван танкистами Катукова.

В 9.00 11 августа соединения 1-й танковой армии своими передовыми частями ворвались в Алексеевку, Высокополье, на ст. Ковяги, перерезав железную дорогу Харьков — Полтава, и сразу же подверглись здесь контратаке танков и пехоты противника из района Валки, Коломак. Контратака была отбита.

Во второй половине дня 11 августа в районе южнее Богодухова немцы начали контратаки против советской 1-й танковой армии. В 18 часов немцы контратаковали одним полком мотопехоты дивизии «Тотенкопф» с 30 танками в северо-восточном направлении — Константиновка, Мурафа и одним полком мотопехоты «Райха» с 50 танками в северо-западном направлении — Старый Мерчик, Шаровка. К исходу дня противник прорвался в тыл 1-й танковой армии, вышедшей к железной дороге в районе Высокополье. Советские танкисты оказались в окружении.

Однако благодаря контратаке резервов Воронежского фронта к исходу 12 августа эсэсовцы вынуждены были уйти из Шаровки. Дивизия III танкового корпуса, в который входили «Тотенкопф», «Райх» и 3-я танковая дивизия вермахта, не смогла освободить дорогу Полтава — Харьков, что было одной из целей контрудара.

В ходе отражения немецких контрударов не раз возникали драматические моменты. Заняв Ковяги и Высокополье, основные силы «Тотенкопфа», «Викинга» и «Райха» собирались прорваться к Богодухову с востока и юго-запада. Утром 12 августа 1-я танковая армия тоже возобновила наступление, но безуспешно. Только двум мотострелковым батальонам 6-й мотострелковой бригады ночью удалось просочиться через боевые порядки «Тотенкопфа» и вновь овладеть Высокопольем. Они четыре дня держались в окружении, пока в ночь на 16 августа 160 оставшихся в живых бойцов не прорвались к своим.

Подтянув танковую дивизию СС «Викинг» и две пехотные дивизии вермахта, командование группы армий «Юг» 13 августа начало новый контрудар для прорыва на Богодухов. Однако силы 1-й танковой армии Катучова, насчитывавшей тогда 134 боеготовых танка и переброшенной ей на

помощь 5-й гвардейской танковой армии Ротмистрова со 155 танками (по другим данным — со 115), а также 6-й гвардейской армии И. М. Чистякова отбили все атаки.

Дивизии «Райх» и «Тотенкопф» возобновили наступление и, продвинувшись на 4—6 км, овладели Хрущевой Никитовкой. Основной удар пришелся по 3-му механизированному и 31-му танковому корпусам, которых эсэсовцы потеснили на 3—4 км. 13 августа они прорвались встык 1-й и 5-й гвардейских танковых армий и стали угрожать 5-й гвардейской армии. Почти вся противотанковая артиллерия этих армий была уничтожена. Для прикрытия Богодухова с юга был спешно переброшен 22-й гвардейский стрелковый корпус 6-й гвардейской армии, который занял позиции в полосах обороны 6-го танкового и 3-го механизированного корпусов, а также части фронтовой артиллерии.

Когда попытки прорваться к Богодухову с востока и юго-востока не удались, контрудар был предпринят с юга. С этой целью немецкое командование сосредоточило в районе юго-восточнее Б. Рублевки основные силы «Тотенкопфа» для удара на Колонтаев с юга. В район Коломака были переброшены части «Райха». 14 августа 6-я гвардейская армия углубилась в немецкую оборону на 10—12 км и создала угрозу окружения харьковской группировки с запада. 15 августа эсэсовцы прорвали фронт 6-го танкового корпуса и вышли на тылы 6-й гвардейской армии, вынужденной отойти на рубеж Константинова, Алексеева. Гвардейцы отошли за реки Мерла и Мерчик, но на следующий день немецкое наступление было остановлено.

Для прорыва к Богодухову с запада в районе Ахтырки 18 августа удар нанесли 7, 11 и 19-я танковые дивизии, дивизия «Великая Германия» и два батальона «тигров». Эсэсовские дивизии в этом контрударе активной роли уже не играли, поэтому мы не будем подробно останавливаться на этом сражении. Отметим только, что 19 августа дивизия «Тотенкопф», наступая южнее Ахтырки, взяла Котельву, которую 4-я гвардейская армия отбила 26 августа. На этом участие эсэсовских дивизий в Курской битве закончилось. Они были отведены для обороны Днепра.

В итоге контрударов под Богодуховом и Ахтыркой немцам не удалось предотвратить падение Харькова, который войска Степного фронта И. С. Конева взяли 22 августа. Однако эти контрудары, несомненно, предотвратили окружение харьковской группировки и обеспечили отступление на запад немецких 4-й танковой армии и оперативной группы «Кемпф», вскоре после падения Харькова переименованной в 8-ю немецкую армию.

Манштейн так подвел итоги сражения за Харьков: «В результате активного использования... танковых соединений, взятых с Донбасса и с фронта группы «Центр», нам все же удалось к 23 августа, по крайней мере временно, остановить прорыв противника к Полтаве. Был вновь восстановлен, хотя еще и слабый и со многими разрывами, фронт в полосе 8-й и 4-й танковых армий от пункта непосредственно южнее Харькова до района юго-западнее Ахтырки. Несмотря на то что поддерживали связь между 4-й танковой дивизией и левым флангом группы «Центр» (2-я армия), все же на фронте 4-й танковой армии юго-западнее Ахтырки была широкая брешь. Она была ликвидирована в конце месяца в результате нашего наступления и одновременного выравнивания линии фронта».

В свою очередь, ОКХ следующим образом охарактеризовало итоги контрудара под Ахтыркой записью в своем дневнике 24 августа 1943 года: «В районе южнее Ахтырки были уничтожены остатки окруженной группировки противника. При этом захвачено 299 танков и 188 орудий, а также 1800 пленных». По числу пленным результат был в десять раз скромнее, чем при наступлении на Миусе. Да и значение этого успеха было минимальным. Наступление эсэсовских дивизий вместе с танковыми дивизиями вермахта предотвратило окружение харьковской группировки немцев. Но Харьков, с его богатой промышленной базой и танковым заводом, пришлось оставить, а с ним вместе — большое количество находившихся в ремонте танков и штурмовых орудий. Германским дивизиям пришлось отступить к Днепру. Каких-либо данных о потерях эсэсовских дивизий, равно как и противостоявших войск, в ходе контрударов в районе Богодухова, нет.

ПРОРЫВ У БУЧАЧА. СПАСЕНИЕ НЕМЕЦКОЙ 1-Й ТАНКОВОЙ АРМИИ ВЕСНОЙ 1944 ГОДА

В конце марта 1944 года в районе Каменец-Подольского попала в окружение немецкая 1-я танковая армия, в составе которой были танковые дивизии СС «Лейбштандарт» и «Райх». Для ее освобождения из «котла» были использованы II танковый корпус СС, в состав которого входили 9-я танковая дивизия СС «Гогенштауфен» и 10-я танковая дивизия СС «Фрундсберг». Как вспоминал маршал К. С. Москаленко, командовавший тогда 38-й армией, «1-я танковая армия противника была к 28 марта охвачена почти со всех сторон в районе к северо-востоку от Каменец-Подольского. Кольцо, окружность которого достигала 150 км, не было прочно замкнуто лишь на западе, между левым флангом 4-й танковой армии у Лянцкоруни и правым флангом 1-й гвардейской армии у населенного пункта Чемеровцы. Разрыв составлял до 15 км».

Уничтожить группировку, насчитывавшую до 200 тыс. человек в 23 дивизиях, в том числе в 10 танковых и 1 моторизованной, было делом весьма заманчивым. В случае успеха Гитлер лишился бы половины танковых сил, находившихся на Восточном фронте. Создание внешнего фронта окружения в операции осуществляла 1-я танковая армия, усиленная стрелковым корпусом и 351-й стрелковой дивизией. Плохо было то, что танковые армии 1-го Украинского фронта не могли осуществлять непосредственное взаимодействие между собой, так как находились на значительном удалении друг

от друга. Несмотря на господство советской авиации в воздухе, не удалось создать надежную воздушную блокаду окруженных. Сказывалось и то, что советские танковые армии в ходе наступления понесли значительные потери и у них осталось в строю очень мало танков.

К. С. Москаленко сетовал: «Фронт располагал тремя танковыми армиями, а для выполнения основной, решающей задачи не оказалось достаточного количества танков. К сожалению, дело обстояло именно так. Танковые армии были малочисленны, разбросаны и использовались разрозненно, как и правофланговые корпуса 1-й гвардейской армии, оторванные от нее.

Свежая и наиболее сильная 1-я танковая армия, хотя и успешно действовавшая далеко за Днестром, в районе Черновцы и Станислава, практически не могла оказать помощи в разгроме окруженной группировки противника.

Что же касается 3-й гвардейской танковой армии, то ее главные силы с 29 марта были выведены в резерв фронта на доукомплектование с целью подготовки к последующим действиям — овладению г. Львов и выходу на государственную границу на завершающем этапе операции. Это было сделано в соответствии с планом, изложенным в докладе Военного совета фронта Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину от 25 марта и подробно разрабатывавшимся тогда штабом фронта во главе с генерал-лейтенантом А. Н. Боголюбовым. Только ее 9-й механизированный корпус генерала К. А. Малыгина, переданный на усиление 1-й гвардейской армии, участвовал в разгроме окруженной группировки противника».

Немецкая 1-я танковая армия сосредоточила все свои силы севернее Каменец-Подольского и предприняла прорыв в северо-западном направлении, что было неожиданным для командования 1-го Украинского фронта. Жуков думал, что противник будет пытаться прорваться в юго-западном направлении, через Днестр, и сосредоточил на этом направлении свои наиболее боеспособные соединения. Прорыв на юго-запад, в предгорья Карпат, казался наиболее логичным, поскольку с учетом сложившейся в тот момент группировки

немецкой 1-й танковой армии осуществлялся бы по кратчайшему пути к своим. И генерал Хубе первоначально собирался прорываться именно к переправам через Днестр, но командующий группой армий «Юг» фельдмаршал Манштейн настоял на прорыве в северо-западном направлении, где для деблокования 1-й танковой армии должна была перейти в наступление ударная группировка в составе II танкового корпуса СС, включавшего в себя тогда 2 танковые и 2 пехотные дивизии. Разведка 1-го Украинского фронта не сумела своевременно вскрыть создание деблокирующей группировки. Впоследствии она утверждала, что, кроме II танкового корпуса СС в составе 9-й и 10-й танковых дивизий СС и 349-й пехотной дивизии, прибывших из Франции, и 100-й легкопехотной дивизии из Югославии, к внешнему фронту окружения были переброшены 367-я пехотная дивизия из Югославии, 361-я пехотная дивизия из Дании и 214-я пехотная дивизия из Германии. Хауссер, между прочим, в мемуарах не упоминает, что 367-я дивизия была в составе его корпуса. Запись в журнале боевых действий 1-го Украинского фронта от 26 марта гласила: «Радиоразведкой была впервые отмечена работа радиосети тд неустановленной нумерации в районе Золочев». На следующий день было записано: «Противник на рубеже Золочев, Зборов, Конюхи сосредоточивал до двух танковых дивизий, которые подтягивал с запада... Радиоразведкой впервые были отмечены в работе узлы связи тд неустановленной нумерации в районах Ремизовце (южнее Золочев) и Конюхи». Запись от 28 марта: «На участке Зборов — зап. Подгайце противник перебрасывал пехоту и танки... В районе Золочев было отмечено до полка пехоты и от Золочев через Бережаны на Подгайцы выдвигалось до 100 автомашин». Однако командование фронта не придавало должного значения этому сообщению.

Манштейн вспоминал о том, как непросто было убедить Гитлера в необходимости срочного отвода 1-й танковой армии на запад и создании деблокирующей группировки: «Вылетев из Львова ранним утром 25 марта, я прибыл в Бергхоф к дневному докладу обстановки.

Я охарактеризовал Гитлеру положение 1-й танковой ар-

мии, указав, что противник оказывает на восточный и северный участки ее фронта сильное давление, которое длительное время не в состоянии выдержать выбившиеся из сил дивизии, учитывая к тому же недостаточное снабжение, осуществляемое воздушным путем. Глубоко на западном фланге армии противник находится на ее коммуникациях, продвинулся передовыми частями одной танковой армии уже на южный берег Днестра, другой танковой армией — на юго-восток, на Каменец-Подольский, нацелившись в тыл 1-й танковой армии. Противник ведет наступление также и южнее Днестра, чтобы преградить армии путь через реку.

В такой обстановке, отмечал я, не остается ничего иного, как пробиваться танковыми соединениями армии на запад, восстановить свои тыловые коммуникации и связь с 4-й танковой армией. Тем самым, возможно, удалось бы немедленно отрезать тылы обеих вражеских армий, действовавших в тылу 1-й танковой армии. Свое движение на запад армия должна была бы прикрывать частью своих сил с востока и с северо-востока. Где должно быть организовано прикрытие — вопрос второстепенный. Как бы то ни было, армия ни в коем случае не может неподвижно сохранять позиции своих в данный момент чрезмерно растянутых Восточного и Северо-Восточного фронтов. Правда, своим южным флангом она по-прежнему должна примыкать к Днестру. Я докладывал, что ни в коем случае не могу согласиться с планом генерала Хубе отвести армию на южный берег Днестра, прежде всего, учитывая оперативную необходимость сосредоточить 1-ю и 4-ю танковые армии севернее Карпат, но также и потому, что отступление армии на южный берег Днестра привело бы ее там, по всей вероятности, к новому окружению и затем уничтожению.

В заключение я добавил, что условием успеха предлагаемого мною прорыва армии на запад является встречный удар со стороны 4-й танковой армии. Для этой цели 4-й армии должны быть немедленно выделены подкрепления.

На это Гитлер заявил, что он не располагает возможностью выделить для этого силы. Пока ему приходится считаться с вероятностью вторжения на западе, он не может снимать

оттуда ни одного соединения. Пребывание наших дивизий в Венгрии он также назвал совершенно необходимым — по политическим соображениям».

После жарких споров с Гитлером Манштейн попросил личного адъютанта фюрера генерала Шмундта передать его просьбу об оставке, если его предложения насчет прорыва 1-й танковой армии на запад не будут приняты.

Далее, по словам Манштейна, события развивались так: «После обеда ко мне на квартиру позвонил мой начальник штаба генерал Буссе. Генерал-полковник Хубе настойчиво предлагал не пробиваться на запад, а отступить на юг за Днестр. Вечером из армии пришла радиограмма, в которой вновь указывалось, что прорыв на запад неосуществим, а прорыв на юг является необходимостью. Уже на первое предложение генерал Буссе ответил отрицательно, но просил моего окончательного решения. Мое решение оставалось прежним: армия должна прорываться на запад.

Когда я явился к вечернему докладу обстановки, настроение Гитлера изменилось коренным образом. Он начал примерно следующими словами: «Я обдумал все еще раз, я согласен с вашим планом относительно прорыва 1-й танковой армии на запад. Я также решил скрепя сердце включить в предлагаемую вами ударную группу 4-й танковой армии вновь сформированный на западе танковый корпус СС в составе 9-й и 10-й тд СС, а также 100-ю гсд из Венгрии и 367-ю пд».

Я доложил, что за это время я отклонил новое предложение генерала Хубе прорываться на юг и настоял на прорыве армии на запад. По моему мнению, продолжал я, прорыв на запад увенчается успехом, так как обе вражеские танковые армии, видимо, распьют свои силы в направлении переправ через Днепр. Затем сопровождавший меня начальник Оперативного отдела подполковник Шульц-Бюттгер зачитал мой приказ 1-й танковой армии на прорыв на запад».

Однако за этим 30 марта последовала отставка Манштейна и Клейста, главнокомандующего группы армий «А», со своих постов. Манштейна сменил Вальтер Модель. Согласно дневниковой записи Манштейна, он заявил при прощании Гитлеру, что может «передать командование Моделю без су-

ществленного ущерба для дела, так как... уже приняты решающие меры по спасению 1-й танковой армии: во-первых, его (Гитлера) решение перебросить с запада танковый корпус СС, во-вторых, мой приказ армии пробиваться на запад севернее Днестра. Тем самым сделано то, что должно в основном делать в настоящее время командование группы армий. В дальнейшем важно будет только, чтобы командование организовало помощь и моральную поддержку войскам. Модель с этим также справится».

На 30 марта 4-я танковая армия имела в боевых порядках всего 67 танков и самоходно-артиллерийских установок, а приданный ей стрелковый корпус, состоявший всего из двух дивизий, испытывал острый недостаток в горючем и боеприпасах. Дивизии немецкой 1-й танковой армии смогли прорвать фронт 4-й танковой армии в районе Кадиевцы, Оринин и отойти в направлении Борщев, Бучач. 3-я гвардейская танковая армия имела в наличии 146 танков и самоходно-артиллерийских установок. Если бы она была перебросена в район бреши на западном участке внутреннего фронта окружения, то прорыв немцев, по всей вероятности, удалось бы предотвратить. Однако штаб 1-го Украинского фронта во главе с маршалом Жуковым и Ставка Верховного Главнокомандования продолжали пребывать в убеждении, что 1-я танковая армия генерала Ганса Валентина Хубе будет прорываться на юг, к Днестру, как первоначально и планировал Хубе. Советское командование стремилось как можно скорее сжать «котел» и ликвидировать окруженных. При этом оно явно недооценивало возможность прорыва противника в западном направлении. Поэтому наиболее сильная 3-я гвардейская танковая армия использовалась не для укрепления западного фронта окружения с возможным противодействием вражеской деблокирующей группировки, а вместе с 1-й гвардейской армией сжимала внутренний фронт окружения с севера.

Как вспоминал К. С. Москаленко, «командующий немецкой 1-й танковой армией генерал-полковник Хубе сначала действительно стремился отвести свои войска за Днестр и для этого прежде всего стягивал их в район Каменец-По-

дольского, оставив сильное прикрытие на севере, на рубеже Городок, Ярмолинцы. 28 марта передовые части отходившей группировки противника подошли вплотную к району Каменец-Подольского и завязали там бои.

Донесения нашей 4-й танковой армии становились все тревожнее. Враг ожесточенно контратаковал ее войска на довольно значительном участке от Лянцкоруни до Китай-города. Первый из этих населенных пунктов находится к северо-западу, а второй — к юго-востоку от Каменец-Подольского. Таким образом, казалось, что враг упорно стремился к Днестру. К этому нужно добавить, что у г. Хотин, куда рвались гитлеровцы, имелась понтонная переправа, что могло обеспечить им отход за реку. Далее радиоразведка засекала за Днестром вражеские радиостанции, принадлежавшие 1-й танковой армии, 3-му танковому корпусу и двум танковым дивизиям противника. Все это можно было расценить только как направление отхода противника на юг за Днестр.

Этот путь казался наиболее вероятным. Поэтому главные усилия наших войск были направлены на захват и удержание переправ через Днестр. Даже настойчивые атаки окруженных в западном направлении расценивались как стремление врага прорваться к переправам в населенном пункте Залещики.

Не были учтены два важных обстоятельства. Первое из них заключалось в том, что ближайшие пути отхода за Днестр были уже перехвачены войсками наших 38, 1 и 4-й танковых армий. Второе обстоятельство, ускользнувшее от внимания фронтальной разведки, — создание противником к западу от нашего внешнего фронта ударной группировки в составе 4-й танковой армии для наступления навстречу своей 1-й танковой армии в направлении Подгайцы, Бучач.

Таким образом, немецкая 1-я танковая армия, имевшая в своем составе 23 дивизии, в том числе 10 танковых и моторизованную, вырвалась из окружения. Уничтожить ее советским войскам не удалось.

Ценой больших потерь фашистам удалось ко 2 апреля продвинуться в район Борщева (между Каменец-Подольском и Бучачем). Здесь неприятель неожиданно натолкнулся

на наши 1672-й и 222-й истребительно-противотанковые артиллерийские полки, следовавшие в район Каменец-Подольска на помощь войскам 4-й танковой армии.

Артиллеристы быстро сориентировались, развернули орудия и встретили гитлеровцев шквальным огнем. В этом исключительно яростном, кровопролитном бою было уничтожено 22 вражеских танка, 17 самоходно-артиллерийских установок, до 300 автомашин и более 1000 гитлеровских солдат и офицеров. Правда, большие потери понесли и наши артиллеристы».

2 апреля 1-й танковой армии был предъявлен ультиматум, подписанный маршалом Жуковым:

«Командирам 3, 24 и 48 танковых корпусов, 96, 208, 254, 291, 371 пехотных дивизий, 101 горнострелковой дивизии, дивизионной группы Шааль, 20 мотодивизии, 1, 6, 11, 16, 19, 25 танковых дивизий, танковой дивизии СС «Райх» германской армии (дивизия «Лейбштандарт Адольф Гитлер» в ультиматуме почему-то не была упомянута. Возможно, фронтовая разведка так и не установила ее наличие в составе окруженной группировки. — Б. С.)

Ультиматум

Вы с остатками частей находитесь в полном окружении. Линия фронта далеко отодвинулась от вас на юг и запад...

Во избежание бессмысленного кровопролития предлагаю вам следующие условия капитуляции:

1. Окруженные немецкие войска во главе со своими командирами и штабами немедленно прекращают боевые действия.

2. Вы передаете нам весь личный состав, вооружение и боевую технику неповрежденной.

При принятии настоящих условий капитуляции и прекращении сопротивления гарантируется всем генералам, офицерам и солдатам жизнь и безопасность. Всему личному составу сдавшихся частей сохраняются: военная форма, знаки различия, ордена и личная собственность.

Всем раненым и больным будет оказана немедленно медицинская помощь. Всему личному составу будет обеспечено нормальное питание. Офицерам сохраняются холодное оружие и личные транспортные средства.

Ваш ответ ожидается к 10 часам 4.4.1944 г. по московскому времени в письменной форме, через ваших парламентариев...»

Однако 1-я танковая армия не думала сдаваться. В ультиматуме было перечислено всего 14 дивизий и 1 дивизионная группа, тогда как в действительности в «котле» находилось до 23 немецких дивизий.

4 апреля немецкая деблокирующая группировка перешла в наступление пятью дивизиями на фронте в 35 км и легко смяла две советские стрелковые дивизии. За два дня он продвинулся на глубину более 40 км. 1-я танковая армия нанесла встречный удар. 7 апреля окруженные соединились с деблокирующей группировкой в районе города Бучач.

Командир II танкового корпуса СС Хауссер вспоминал: «Танковый корпус СС получил задание освободить 1-ю танковую армию Хубе, окруженную в районе Каменец-Подольского, и заново организовать оборону с помощью подчиненных корпусу частей вермахта. Погода была неблагоприятной: слякоть ранней весны в непроходимой местности, с немногочисленными дорогами, вскоре полностью раскисшими. Первая попытка совершить маневр через Галич на Днестре не удалась из-за того, что все мосты были разрушены. Поэтому было приказано продвинуться дальше на север, а именно: 100-я егерская дивизия — через Поджгайцы на Бучач, а «Гогенштауфен», перешедший в подчинение XLVIII танкового корпуса генерала Германа Балька, должен был деблокировать Тернополь. Последнее, к сожалению, не удалось, в то время как у Бучача, несмотря на всю сложность рельефа, удалось пробиться к танковой армии Хубе, так что Модель, Хубе и Хауссер в Бучаче смогли пожать друг другу руки. Видеть остатки армии, выходящей из окружения после боев во время русской зимы, — крайне тяжелое зрелище для любого солдата. Чтобы обеспечить уход за ранеными и больными, от корпусных врачей и интендантов потребовалась большая подготовительная работа.

В результате нескольких боев, в которых участвовали и остатки 16-й и 19-й армейских дивизий, вызволенные из окружения, было остановлено дальнейшее продвижение Крас-

ной Армии, уничтожены ее части западнее Стрыпы и на этой реке организована новая линия обороны. После выполнения этого задания корпус вместе с обеими своими танковыми дивизиями СС и 8-й дивизией вермахта вошел в состав 4-й танковой армии генерала Эрхарда Рауса (позднее — генерала Йозефа Гарпе). Корпус был назначен в резерв группы армий «Северная Украина» и размещен у Злоцлова, восточнее Лемберга (Львова). Была проведена предварительная подготовка к нанесению контрудара.

События на Западе помешали осуществлению планов командования: 6 июня началась высадка англо-американских войск в Нормандии. Корпус в составе двух дивизий СС начал перебрасываться во Францию только с 12 июня. Бои на Восточном фронте стали хорошим боевым крещением для двух танковых дивизий СС, хорошей подготовкой к дальнейшим операциям».

Если бы две танковые дивизии остались на Восточном фронте к моменту начала операции «Багратион», их бы наверняка использовали для контрудара не на южном, а на центральном участке фронта. Корпусу СС в этом случае, скорее всего, удалось бы существенно затормозить наступление Белорусских фронтов, и, быть может, операция «Багратион» не имела бы тогда столь катастрофических последствий для группы армий «Центр».

Что характерно, в мемуарах как немецких, так и советских генералов упор всегда делается на неблагоприятные погодные условия, мешающие наступлению. Вот и командующий 2-м Украинским фронтом маршал И. С. Конев, проводивший наступление в то же самое время по соседству с Хауссером, писал в мемуарах: «Из всех операций, о которых рассказывается в этой книге, самой трудной была Уманско-Ботошанская. История войн не знает более широкой по своим размахам и сложности в оперативном отношении операции, которая была бы осуществлена в условиях полного бездорожья и весеннего разлива рек.

В моей памяти неизгладимы картины преодоления солдатами, офицерами и генералами непролазной липкой грязи. Я помню, с каким невероятным трудом вытаскивали бойцы

застрявшие по самые кузова автомобили, утонувшие по лафеты в грязи пушки, надсадно ревущие, облепленные черноземом танки. В то время главной силой была сила человеческая. Напротив, когда погода благоприятствовала собственному наступлению, это практически никогда не отмечается в мемуарах».

Например, в период проведения операции «Цитадель» погода была вполне благоприятна для наступления, но в мемуарах немецких участников операции этот факт практически не отразился. И немецкие, и советские генералы стремились неблагоприятными погодными условиями либо оправдать свои неудачи, либо подчеркнуть, что успех был достигнут, невзирая на сопротивление матушки-природы.

Как утверждает К. С. Москаленко, «25 марта в гитлеровской Ставке было принято решение осуществить ее (немецкой 1-й танковой армии. — Б. С.) прорыв в западном направлении, организовав одновременно встречный удар 4-й танковой армии, усиленной перебрасываемыми с запада резервами.

В соответствии с этим решением генерал-полковник Хубе создал три группы прорыва. Основная из них, действовавшая в центре, состояла из пяти танковых, моторизованной и пехотной дивизий, а две фланговые группы имели по одной танковой и одной пехотной дивизии каждая. Остальные дивизии предназначались для сдерживания натиска советских войск и отходили за группами прорыва.

Теперь прорыв осуществлялся в западном направлении, причем основная группа отходила из района Лянцкоруни на Борщов, т. е. как раз туда, где у нас имелся разрыв на внутреннем фронте окружения. Поскольку же штаб 1-го Украинского фронта продолжал считать, что противник пытается прорваться на юг, за Днестр, то по-прежнему усилия наших войск направлялись на то, чтобы отрезать гитлеровцев от переправ.

Таким образом, на своих действительных путях отхода враг встретил явно недостаточную преграду — ослабленные части нашей 4-й танковой армии и 30-го стрелкового корпуса».

5 апреля 1-я танковая армия противника отдельными частями, потеряв почти всю технику, соединилась с подгайцевской группировкой в районе Бучач на р. Стрыпе.

Командование 1-го Украинского фронта в попытке предотвратить прорыв врага бросило на пути его движения части двух находившихся на марше стрелковых корпусов. Однако и они не смогли создать надежного заслона, вступая в бой с ходу, нередко без артиллерии. Враг же рвался вперед, не считаясь с потерями. В голове его прорывавшейся на северо-запад группировки находился мощный бронированный кулак, состоявший из танковых дивизий. Немаловажную роль в успешном прорыве противника из окружения сыграла разразившаяся трехдневная снежная вьюга, исключившая массированное применение нашей авиации.

На следующий день, когда ожидался ответ на ультиматум, на всем фронте вокруг окруженной вражеской группировки шли ожесточенные бои. На западном секторе отдельным группам пехоты с танками удалось прорваться в район Толстое, Ягельница. Преодолев р. Серет, они перерезали железную дорогу и шоссе Чортков — Залещики, а вместе с ними и коммуникации 1-й танковой армии генерала Катукова, находившейся за Днестром.

Одновременно противник проявил активность и на внешнем фронте окружения — в районе Подгайцы. Здесь в этот день гитлеровцы силами до пехотного полка с 30 танками вели разведку боем. Успеха они не добились. Однако утром 5 апреля позиции 18-го гвардейского стрелкового корпуса на участке от Подгайцы до Мариамполя были атакованы превосходящими силами четырех дивизий — 100-й и 367-й пехотных, 9-й и 10-й эсэсовских танковых. Они потеснили наши части на глубину до 10 км.

С этого момента, после неожиданного для нашего командования удара стратегических резервов противника, развитие событий как на внутреннем, так и на внешнем фронте окружения показывало, что 1-й танковой армии противника удалось избежать полного уничтожения».

Д. Д. Лелюшенко, командовавший 4-й танковой армией, иначе, чем Москваленко, определяет состав деблокирующей группировки врага: «Одновременно из района Подгайцы, Бучач неприятель силами танкового корпуса СС (9-й и 10-й танковых дивизий СС), 100-й горнострелковой и 37-й пехотной дивизий, переброшенных с запада, нанес удар на восток

навстречу остаткам своей 1-й танковой армии, пробивавшейся из района Каменец-Подольска.

5 апреля 1-я танковая армия противника отдельными частями, потеряв почти всю технику, соединилась с подгайцевской группировкой в районе Бучач на р. Стрыпе».

Историк немецкой 16-й танковой дивизии писал о прорыве под Бучачем: «Мы получили приказ повредить и оставить все моторизованные средства, за исключением боевых машин (танков и САУ. — *Д. Л.*) вплоть до личной автомашины командира дивизии». Тем не менее основную часть боевой техники, уцелевшей к концу марта, из окружения удалось вывести».

Стоит отметить, что Москаленко, как и другие советские мемуаристы и историки, утверждает, что прорыв в районе Подгайц был осуществлен деблокирующей в составе четырех дивизий — двух эсэсовских танковых и двух армейских пехотных — 100-й и 367-й. Замечу, что если насчет эсэсовских дивизий все они сходятся, то насчет пехотных дивизий сохраняется разнобой. Как мы помним, Лелюшенко называет иные дивизии вермахта, чем Москаленко, а именно: 100-ю горнострелковую (что ближе к истине, хотя на самом деле 100-я дивизия называлась егерской (легкопехотной) и 37-ю пехотную. Хауссер же в своих мемуарах перечисляет только две дивизии, участвовавшие в прорыве, — танковую дивизию «Фрундсберг» и 100-ю легкую (егерскую) дивизию. Возможно, в контрударе участвовала также 8-я легкая пехотная дивизия вермахта, о которой говорит Хауссер как о включенной в состав его корпуса, а не 367-я, которую упоминает Москаленко. Что же касается 9-й танковой дивизии СС «Гогенштауфен», то она не могла участвовать в прорыве на Бучач, так как в это время безуспешно пыталась деблокировать Тернополь, окруженный войсками 60-й армии еще 21 марта. Его гарнизон сдался только 14 апреля.

Жуков в мемуарах признает свою ошибку при проведении операции по разгрому 1-й танковой армии противника: «К концу марта группировка в количестве 23 дивизий, в том числе десяти танковых, одной моторизованной и одной артиллерийской, в основном была окружена.

На уничтожение окруженной группировки двигались с

востока 18-я и 38-я армии; с севера удар наносили 3-я и 4-я танковые армии. Часть соединений 1-й гвардейской армии окружили немцев с запада и юго-запада, 4-я и 1-я танковые армии (за исключением 8-го мехкорпуса) вышли за Днестр, отрезав пути противнику на юг. Наши войска, действовавшие на внутреннем фронте, подошли к решительной схватке в крайне ослабленном состоянии, не имели необходимого количества артиллерии и боеприпасов, которые отстали от войск из-за полного бездорожья, 3-я гвардейская танковая армия, имевшая в своем строю небольшое количество танков, понесла большие потери и была выведена по указанию Верховного в резерв на пополнение. 4-я танковая армия к исходу марта находилась в районе Каменец-Подольска (Каменец-Подольский) также в значительно ослабленном состоянии.

Все это, вместе взятое, не обеспечивало энергичных действий войск по расчленению и уничтожению окруженной группы противника. Сейчас, анализируя всю эту операцию, считаю, что 1-ю танковую армию следовало бы повернуть из района Чортков — Толстое на восток для удара по окруженной группировке. Но мы имели тогда основательные данные, полученные из различных источников, о решении окруженного противника прорываться на юг через Днестр в районе Залещиков. Такое решение казалось вполне возможным и логичным.

В этом случае противник, переправившись через Днестр, мог занять южный берег реки и организовать там оборону. Этому способствовало то обстоятельство, что правофланговая 40-я армия 2-го Украинского фронта 30 марта все еще не подошла к Хотину.

Мы считали, что в этих условиях необходимо было охватить противника 1-й танковой армией глубже, перебросив ее главные силы через Днестр, и захватить район Залещики — Черновицы — Коломыя. Для образования внешнего фронта 8-й механизированный и 11-й стрелковый корпус выбросить в район Мариамполь — Станислав — Надворная. Но когда немецкому командованию группы армий «Юг» стало известно о перехвате советскими войсками путей отхода в

южном направлении, оно приказало окруженным войскам пробиваться не на юг, а на запад через Бучач и Подгайцы.

Как потом выяснилось из трофейных документов, командование группы армий «Юг» собрало здесь значительное количество войск, в том числе 9-ю и 10-ю танковые дивизии СС, и 4 апреля нанесло сильный удар по нашему внешнему фронту из района Подгайцы. Смяв оборону 18-го корпуса и 1-й гвардейской армии, танковая группа противника устремилась в район Бучача навстречу выходящим из окружения своим частям.

Сколько гитлеровцев прорвалось из окружения, ни я, ни штаб фронта точно установить так и не смогли. Назывались разные цифры. Как потом оказалось, вышли из окружения не десятки танков с десантом, как тогда доносили войска, а значительно больше.

В ходе тяжелых боев окруженные войска противника потеряли значительно больше половины своих войск, всю артиллерию, большую часть танков и штурмовых орудий. От некоторых соединений остались одни штабы».

Понятно, что подчиненные Жукова стремились всячески приуменьшить количество неприятельских солдат и боевой техники, вырвавшихся из кольца. Однако, судя по дальнейшему ходу событий — последовавшей за прорывом у Бучача стабилизации южного крыла советско-германского фронта, основные силы 1-й танковой армии смогли избежать уничтожения. В этом большую помощь ей оказал II танковый корпус СС.

Если бы прорыв не удался и 1-я танковая армия немцев была бы уничтожена, это бы коренным образом изменило стратегическую обстановку на советско-германском фронте. Уничтожение группировки, по числу дивизий превосходившую даже ту, что в свое время была ликвидирована в Сталинграде, могло еще более кардинально, чем разгром армии Паулюса, подорвать германскую способность к сопротивлению. Тем более что силы вермахта и его союзников на Восточном фронте весной 1944 года были гораздо слабее, чем в начале 1943 года. Представим, что бы произошло, если бы в начале апреля 1944 года немецкая 1-я танковая армия была уничто-

жена. А в таком развитии событий не было бы ничего невероятного. Достаточно было перебросить на Западный фронт окружения советскую 1-ю танковую армию, и одна, пусть даже свежая, танковая дивизия СС вряд ли смогла бы разорвать внешний фронт окружения. Более того, для уничтожения столь мощной группировки немцев, как 1-я танковая армия, Ставка при желании могла бы задействовать и армии соседнего 2-го Украинского фронта, притормозив его вторжение в Румынию. Игра стоила свеч. Однако, как кажется, и Жуков, и Сталин опять переоценили успехи Красной Армии и хотели достичь всех целей сразу. Да и Жуков, всегда ревниво относившийся к успехам Конева, вероятно, не очень-то спешил обратиться к нему за помощью. А ведь если бы 23 дивизии немецкой 1-й танковой армии действительно были бы уничтожены, то, вполне вероятно, Румыния бы уже тогда, в апреле 44-го, вышла бы из войны и повернула оружие против немцев. Гитлер бы уже тогда, по всей видимости, лишился бы как румынской нефти и армии, так и собственной группы армий «Южная Украина». Советские войска уже в апреле вторглись бы в Венгрию, заняли бы Львов, достигли Южной Польши. Гитлеру, скорее всего, пришлось бы отвести войска с «белорусского балкона», а заодно и из Прибалтики, чтобы высвободить силы с южного фланга. Пришлось бы не только не возвращать II танковый корпус СС на Запад, где ожидалось англо-американское вторжение, но и перебрасывать какие-то дополнительные силы из Франции на южное крыло Восточного фронта. Тогда, скорее всего, не понадобилось бы проводить операцию «Багратион», поскольку немцы сами бы отошли к границе Польши, куда Красная Армия не позднее мая уже вошла бы. Западные союзники легче и быстрее вырвались бы с нормандского плацдарма. У немцев не хватило бы сил ни на Арденнское контрнаступление, ни на масштабные контрудары в Венгрии. Война завершилась бы, вполне возможно, уже к концу 1944 года. Так что Хауссер со своими подчиненными внес заметный вклад в то, чтобы война продолжилась еще несколько лишних месяцев. Повлиять же на ее исход эсэсовские дивизии уже не могли.

ТАЙНЫ «ЗВЕЗДЫ» И БОИ «ВИКИНГА»: СРАЖЕНИЯ ПОД ЧЕРКАССАМИ, КОВЕЛЕМ И БЕЛЬСКОМ

Перед неудавшейся попыткой окружить немецкую 1-ю танковую армию Красная Армия провела более успешную, хотя тоже не до конца удавшуюся операцию против Корсунь-Шевченковской (в немецких документах — Черкасской) группировки немцев. Наиболее боеспособными частями в этой группировке были танковая дивизия СС «Викинг» и приданная этой дивизии штурмовая бригада СС «Валлония».

Следует сказать, что до сих пор история Корсунь-Шевченковского «котла» (в немецкой литературе — Черкасского «котла») недостаточно документирована. Многие советские и особенно немецкие документы, в том числе на уровне дивизий, до сих пор не опубликованы и не введены в научный оборот. Вероятно, значительная часть немецких документов была утрачена в ходе боев в «котле». В данной главе мы используем материалы исследования Ильи Мощанского «Разгром под Черкассами. Корсунь-Шевченковская наступательная операция 24 января — 17 февраля 1944 года».

К началу сражения под Черкассами, в конце декабря 1943 года, 5-я танковая дивизия СС «Викинг» насчитывала около 14,8 тыс. человек и имела около 120 танков Т-IV и «пантер» и штурмовых орудий. Командовал дивизией обергруппенфюрер Герберт Гилле. 5-я моторизованная бригада СС «Валлония» имела около 2 тыс. человек личного состава и располагала батареей из 18 штурмовых орудий. В оперативном отношении она была подчинена «Викингу». Командовал бригадой

штурмбаннфюрер Люсьен Липерт, валлон по национальности. В обоих соединениях СС преобладали добровольцы как немцы, так и голландцы, норвежцы, датчане, шведы, фламандцы, а в бригаде «Валлония» — валлоны. Кроме того, дивизии «Викинг» был придан добровольческий батальон «Нарва», состоявший преимущественно из эстонцев.

В составе 1-го Украинского фронта к началу наступления на корсунь-шевченковский выступ 24 января 1944 года насчитывалось 335 танков и САУ, а в составе 2-го Украинского фронта — 335 единиц бронетехники. 27 января «Викинг» вместе с тремя пехотными дивизиями из района Пасторского нанес контрудар по группировке 2-го Украинского фронта, наступающей на Шполу. Завязались бои с частями 4-й гвардейской армии. В ходе трехдневных боев отдельным отрядам немецких танков с пехотой несколько раз удавалось выйти на коммуникации наступающих советских войск, но в конце концов к 29 января они были отброшены. По утверждению Манштейна, в ходе этого контрудара «первый удар наносили 7 ак и 3 тк в восточной части этой брешы по 40-й армии противника. Затем также концентрическим ударом 3 тк и 26 тк, в котором приняли участие кроме танковых дивизий 1 пд, 4 гсд и 18 ад, в западной части брешы были окружены и разбиты крупные силы советской 1-й танковой армии. В результате последнего удара — данными относительно первого удара я сейчас не располагаю — противник потерял наряду с 8000 убитыми только 5500 пленными, 700 танков, свыше 200 орудий и около 500 противотанковых орудий».

Однако эти потери все равно не остановили наступление советских войск. 28 января в районе Звенигородки встретились 5-й механизированный корпус 1-го Украинского фронта и 20-й танковый корпус 2-го Украинского фронта, сомкнув кольцо окружения. Окруженные войска располагали более чем 200 танками и штурмовыми орудиями в составе дивизии «Викинг» и трех дивизионов штурмовых орудий. Группировку возглавил командир 11-го армейского корпуса генерал Вильгельм Штеммерман. По данным командования группы армий «Юг», численность войск, попавших в окружение, достигала 55 тыс. человек, состоявших на довольст-

вии. Это значит, что выше этой цифры число окруженных быть не могло. 1-я танковая армия генерала Ганса Хубе начала создавать деблокирующую группировку. Хубе отправил в «котел» радиogramму, обещая выручить окруженных. То же обещал и командующий 3-м танковым корпусом генерал Брейт. Этот корпус составлял основу деблокирующей группировки. В него входила и дивизия СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер». Начиная с 4 февраля окруженные сами пытались вырваться из кольца, которое советские войска неуклонно сжимали. К 8 февраля вся территория, занимаемая группировкой Штеммермана, насквозь простреливалась советской артиллерией. В тот же день окруженным был предъявлен ультиматум о сдаче, который был отклонен. Ультиматум гласил:

*«Командующему 42-м армейским корпусом.
Командующему 11-м армейским корпусом.
Командирам 112, 88, 72, 167, 168, 82, 57
и 332-й пехотных дивизий, 213-й охранной дивизии,
танковой дивизии СС «Викинг», мотобригады «Валлония».
Всему офицерскому составу немецких войск, окруженных
в районе Корсунь-Шевченковский.*

42-й и 11-й армейские корпуса немецкой армии находятся в полном окружении.

Войска Красной Армии железным кольцом окружили эту группировку. Кольцо окружения все больше сжимается. Все ваши надежды на спасение напрасны...

Попытки помочь вам боеприпасами и горючим посредством транспортных самолетов провалились. Только за два дня, 3 и 4 февраля, наземными и воздушными силами Красной Армии сбито более 100 самолетов Ю-52.

Вы, как командиры и офицеры окруженных частей, отлично понимаете, что не имеется никаких реальных возможностей прорвать кольцо окружения.

Ваше положение безнадежно и дальнейшее сопротивление бессмысленно. Оно приведет только к огромным жертвам среди немецких солдат и офицеров.

Во избежание ненужного кровопролития мы предлагаем принять следующие условия капитуляции:

1. Все окруженные немецкие войска во главе с вами и с вашими штабами немедленно прекращают боевые действия.

2. Вы передаете нам весь личный состав, оружие, все боевое снаряжение, транспортные средства и всю технику неповрежденной.

Мы гарантируем всем офицерам и солдатам, прекратившим сопротивление, жизнь и безопасность, а после окончания войны — возвращение в Германию или в любую другую страну по личному желанию военнопленных.

Всему личному составу сдавшихся частей будут сохранены: военная форма, знаки различия и ордена, личная собственность и ценности, а старшему офицерскому составу, кроме того, будет сохранено и холодное оружие.

Всем раненым и больным будет оказана медицинская помощь.

Всем сдавшимся офицерам, унтер-офицерам и солдатам будет немедленно обеспечено питание.

Ваш ответ ожидается к 11 часам утра 9 февраля 1944 г. по московскому времени в письменной форме через Ваших личных представителей, которым надлежит ехать легковой машиной с белым флагом по дороге, идущей от Корсунь-Шевченковский через Стеблев на Хировка.

Ваш представитель будет встречен уполномоченным русским офицером в районе восточной окраины Хировка 9 февраля 1944 г. в 11 часов по московскому времени.

Если Вы отклоните наше предложение сложить оружие, то войска Красной Армии и воздушный флот начнут действия по уничтожению окруженных Ваших войск, и ответственность за их уничтожение понесете Вы.

*Зам. Верховного Главнокомандующего
Маршал Советского Союза Г. Жуков
Командующий войсками Первого Украинского фронта
генерал армии Н. Ватутин
Командующий войсками Второго Украинского фронта
генерал армии И. Конев».*

Количество сбитых «юнкерсов» в тексте ультиматума, возможно, в пропагандистских целях и преувеличено. Однако несомненно, что потери тихоходных транспортников, очень

слабо прикрываемых истребителями, в условиях господства в воздухе советской авиации были велики. Удивительным было уже то, что корсуньский «котел» все-таки удавалось худо-бедно снабжать с помощью воздушного моста до тех пор, пока в руках окруженных оставались посадочные площадки. Так, с 3 по 16 февраля германская транспортная авиация сделала в «котел» почти 900 вылетов, доставляя боеприпасы, горючее и продовольствие и эвакуируя раненых. 14 февраля, после захвата Корсунь-Шевченковского, в руки советских войск перешла последняя посадочная площадка, после чего грузы приходилось сбрасывать с самолетов. Эвакуация раненых прекратилась.

Попытки 8-й немецкой армии пробиться к окруженным дивизиям через боевые порядки 2-го Украинского фронта генерала И. С. Конева (20 февраля за ликвидацию корсунь-шевченковской группировки его произвели в маршалы) окончились безрезультатно. Более успешно действовала деблокирующая группировка 1-й танковой армии в составе лейбштандарта и трех танковых дивизий вермахта против 1-го Украинского фронта генерала Н. Ф. Ватутина (29 февраля 1944 года он был смертельно ранен бойцами Украинской повстанческой армии). Она сумела вклиниться в позиции 47-го стрелкового корпуса. После этого Ватутин ввел в бой 2-ю танковую армию генерала С. И. Богданова, только что прибывшую из резерва Ставки и насчитывавшую 326 танков и САУ. Эта армия утром 6 февраля атаковала врага во взаимодействии с частями 40-й и 6-й танковой армиями. В результате встречного танкового сражения продвижение немецкого III танкового корпуса было остановлено, но вклинение он удержал. 8 февраля в район Лисянки на случай продолжения неприятельского наступления была выдвинута 8-я гвардейская танковая бригада 20-го танкового корпуса 5-й гвардейской танковой армии вместе с 1895-м самоходно-артиллерийским полком и одним полком 31-й истребительно-противотанковой бригады. Другие бригады 20, 18 и 29-го танковых корпусов 5-й гвардейской танковой армии перекрыли дороги в районах Казацкое, Тарасовка, Топильно, Сердеговка.

11 февраля немецкие 8-я и 1-я танковая армии возобновили наступление на Лисянку с двух направлений. Одновременно окруженные силами двух пехотных дивизий и танковой дивизии «Викинг» и бригады «Валлония» пытались прорваться через Шендеровку на Лисянку. В случае успеха немецкого плана советские войска, действовавшие в треугольнике Рыжановка, Лисянка, Звенигородка, сами попали бы в окружение.

В полосе 2-го Украинского фронта на внешнем фронте окружения неприятелю удалось потеснить части 49-го стрелкового корпуса и занять станции Звенигородка, Ерки и Скалеватка. Остановить дальнейшее продвижение немцев смогли только бригады 20-го танкового корпуса. В полосе 1-го Украинского фронта немецкая ударная группировка, наступавшая из района Ризино, прорвала оборону 47-го стрелкового корпуса и захватила Лисянку. В ночь на 12 февраля окруженные начали прорыв из района Стеблево на узком фронте в 4,5 км. В авангарде шел мотопехотный батальон «Викинга», за ним — моторизованный (панцер-гренадерский) полк «Дойчланд». Им удалось потеснить части 27-й армии и выйти в район Шендеровки. Расстояние до лейбштандарта и других дивизий III танкового корпуса сократилось до 10—12 км.

Конев, узнав о прорыве немцев на участке Ватутина, позвонил Сталину и предложил передать ему, Коневу, руководство всеми войсками на внутреннем фронте окружения, передав во 2-й Украинский фронт 27-ю армию 1-го Украинского фронта. Сталин согласился с этим предложением. Жукову же поручили координировать действия войск Ватутина и Конева на внешнем фронте окружения.

Конев так излагал в мемуарах эти события:

«...окруженной группировке противника удалось прорваться в район Шандеровка, Ново-Буда на участке 27-й армии 1-го Украинского фронта.

Ставка Верховного Главнокомандования в связи с прорывом войск противника проявила беспокойство. 12 февраля 1944 г. около 12 час. меня по ВЧ вызвал Верховный Главнокомандующий.

Сталин, рассерженный, сказал, что вот мы огласили на

весь мир, что в районе Корсунь-Шевченковского окружили крупную группировку противника, а в Ставке есть данные, что окруженная группировка прорвала фронт 27-й армии и уходит к своим, и спросил: «Что вы знаете по обстановке на фронте у соседа?»

По интонации его голоса, резкости, с которой он разговаривал, я понял, что Верховный Главнокомандующий встревожен, и, как видно, причина этого — чей-то не совсем точный доклад.

Я доложил:

— Не беспокойтесь, товарищ Сталин. Окруженный противник не уйдет. Наш фронт принял меры. Для обеспечения стыка с 1-м Украинским фронтом и для того, чтобы загнать противника обратно в «котел», мною в район образовавшегося прорыва врага были выдвинуты войска 5-й гвардейской танковой армии и 5-й кавалерийский корпус. Задачу они выполняют успешно.

Сталин спросил:

— Это вы сделали по своей инициативе? Ведь это за разграничительной линией фронта.

Я ответил:

— Да, по своей, товарищ Сталин.

Сталин сказал:

— Это очень хорошо. Мы посоветуемся в Ставке, и я вам позвоню.

Действительно, через 10—15 мин. Сталин позвонил вновь:

— Нельзя ли все войска, действующие против окруженной группировки, в том числе и 1-го Украинского фронта (27-ю армию), подчинить вам и возложить на вас руководство уничтожением окруженной группировки?

Такого предложения я не ожидал, но ответил без паузы:

— Товарищ Сталин, сейчас очень трудно провести переподчинение 27-й армии 1-го Украинского фронта мне. 27-я армия действует с обратной стороны кольца окружения, т. е. с противоположной стороны по отношению наших войск, с другого операционного направления. Весь тыл армии и связи ее со штабом 1-го Украинского фронта идут через Белую Церковь и Киев. Поэтому управлять армией мне будет очень

трудно, сложно вести связь по окружности всего кольца через Кременчуг, Киев, Белую Церковь; пока в коридоре идет бой, напрямую установить связь с 27-й армией невозможно. Армия очень слабая, растянута на широком фронте. Она не сможет удержать окруженного противника, тогда как на ее правом фланге также создается угроза танкового удара противника с внешнего фронта окружения в направлении Лисянки.

На это Сталин сказал, что Ставка обяжет штаб 1-го Украинского фронта передавать все мои приказы и распоряжения 27-й армии и оставит ее на снабжении в 1-м Украинском фронте. Я ответил, что в такой динамичной обстановке эта форма управления не обеспечит надежность и быстроту передачи распоряжений. А сейчас требуется личное общение и связь накоротке.

Все распоряжения будут идти с запозданием. Я попросил не передавать армию в состав нашего фронта.

— Хорошо, мы еще посоветуемся в Ставке и с Генеральным штабом и тогда решим, — закончил разговор Сталин.

Я настойчиво уклонялся от подчинения мне 27-й армии еще и потому, что, когда план взаимодействия между фронтами нарушен, переподчинение войск серьезно осложняется. Я искренне беспокоился за исход сражения. Ведь передача армии мне не увеличивала ее силы.

В своих воспоминаниях маршал Г. К. Жуков не совсем точно осветил этот вопрос. Вспоминая свой телефонный разговор с Верховным Главнокомандующим, он пишет: «И. В. Сталин сказал: — Конев предлагает передать ему руководство войсками по ликвидации корсунь-шевченковской группы противника, а руководство войсками на внешнем фронте сосредоточить в руках Ватутина».

Каждый поймет, что в такой сложной обстановке напрашиваться самому на переподчинение войск, не зная досконально обстановки на участке соседа, вряд ли целесообразно. В действительности Сталин 12 февраля 1944 г. по ВЧ, возлагая на меня ответственность за ликвидацию окруженной группировки, сам настаивал на подчинении мне 27-й армии 1-го Украинского фронта. Я же, изложив свои мотивы, настойчиво отказывался от этого.

В самом деле прорыв немецко-фашистской группировки все же произошел на участке 1-го Украинского фронта, на рубеже Шандеровка, Хилки, где оборонялась 27-я армия.

Здесь было бы уместным привести телеграмму И. В. Сталина Г. К. Жукову.

«Тов. Юрьеву (псевдоним Г. К. Жукова. — Б. С.) .

Прорыв корсуньской группировки противника из района Стеблев в направлении Шандеровка произошел потому, что:

слабая по своему составу 27-я армия не была своевременно усилена;

не было принято решительных мер к выполнению моих указаний об уничтожении в первую очередь Стеблевского выступа противника, откуда вероятнее всего можно было ожидать попыток его прорыва...

Сил и средств на левом крыле 1-го Украинского фронта и на правом крыле 2-го Украинского фронта достаточно, чтобы ликвидировать прорыв противника и уничтожить корсуньскую его группировку.

12 февраля 1944 г.

16 часов 45 минут

И. Сталин

Антонов» (заместитель начальника Генштаба. — Б. С.).

12 февраля в 16 час. я получил по ВЧ важное решение Ставки, которой на меня возлагалась ответственность за разгром окруженной группировки. Потом эта директива была подтверждена письменно:

«Командующему 1-м Украинским фронтом. Командующему 2-м Украинским фронтом. Тов. Юрьеву.

Ввиду того, что для ликвидации корсуньской группировки противника необходимо объединить усилия всех войск, действующих с этой задачей, и поскольку большая часть этих войск принадлежит 2-му Украинскому фронту, Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Возложить руководство всеми войсками, действующими против корсуньской группировки противника, на командующего 2-м Украинским фронтом с задачей в кратчайший срок уничтожить корсуньскую группировку немцев.

В соответствии с этим 27-ю армию в составе 180, 337, 202 сд, 54, 159 УР и всех имеющихся частей усиления передать с 24 часов 12.2.44 в оперативное подчинение командующего 2-м Украинским фронтом. Снабжение 27 А всеми видами оставить за 1-м Украинским фронтом.

Командующему 2-м Украинским фронтом связь со штабом 27-й армии до установления прямой связи иметь через штаб 1-го Украинского фронта.

2. Тов. Юрьева освободить от наблюдения за ликвидацией корсуньской группировки немцев и возложить на него координацию действий войск 1-го и 2-го Украинских фронтов с задачей не допустить прорыва противника со стороны Лисянка и Звенигородка на соединение с корсуньской группировкой противника».

Этой же директивой Ставки на 1-й и 2-й Украинские фронты возлагалась задача не допустить прорыва противника со стороны Лисянки и Звенигородки на соединение с корсуньской группировкой противника.

Одновременно был решен вопрос о распределении сил авиации. 5-я воздушная армия получила задачу всеми силами поддержать войска 2-го Украинского фронта при уничтожении окруженной группировки врага, а 2-я воздушная армия — вести борьбу с авиацией противника, пытавшейся оказать помощь окруженным...

Данные разведки свидетельствовали о том, что гитлеровцы сделают попытку вырваться из окружения. Загнанным в ограниченный район, прилегавший к населенному пункту Шандеровка, им оставалось одно из двух: или сдаваться, или пробиваться напролом. Потеряв всякую надежду на помощь извне, командование окруженной группировки решило предпринять в ночь на 17 февраля последнюю отчаянную попытку вырваться из «котла».

По разведывательным данным и показаниям пленных, в

ночь на 16 февраля и в течение дня производились перегруппировка и сосредоточение сил в районе Шандеровки с тем, чтобы в ночь на 17 февраля прорваться из окружения в направлении на Лисянку.

Боевой порядок прорывающихся войск был построен в несколько эшелонов. В первый эшелон были назначены 72-я, 112-я пехотные дивизии и танковая дивизия СС «Викинг». Непосредственно за танковыми частями последней под прикрытием штурмовых орудий и автоматчиков следовало командование окруженной группировки — штабы соединений и офицерский состав до командиров полков включительно. Далее двигались обозы с ранеными и санитарные учреждения.

Второй эшелон составили все остальные части и подразделения окруженных войск. Для прикрытия с севера и востока была назначена 88-я пехотная дивизия. С юга прорывающаяся группа обеспечивалась частями 57-й пехотной дивизии.

Кольцо окружения намечалось прорвать на фронте шириной 4,5 км. На правом фланге должна была наступать 112-я пехотная дивизия — в направлении на Хижинцы и далее — на соединение со своими войсками. В центре, в направлении на Шандеровку, севернее Комаровки, на высоту 239,0 и к Лисянке готовилась действовать танковая дивизия СС «Викинг», боевой порядок которой был построен также в несколько эшелонов.

Впереди должен был двигаться фузилерный батальон, усиленный танками и штурмовыми орудиями, за ним — мотополк «Вестланд», мотобригада СС «Валлония», батальон «Нарва» и мотополк «Германия». Слева через Комаровку на Лисянку должна была наступать 72-я пехотная дивизия.

Сосредоточив крупные силы на узком участке фронта, Штеммерман рассчитывал с помощью остатков дивизий внезапными ночными действиями прорвать фронт наших войск и вывести из окружения старший офицерский состав и штабы.

Гитлеровцы хотели, используя ночь, плохую видимость, снегопад и пургу, прорваться и незаметно выскользнуть из

кольца, но удары нашей авиации и артиллерии смешали их планы.

После бомбежки и артиллерийского обстрела противнику потребовалось время для приведения себя в порядок, и таким образом его расчеты на внезапность провалились.

И даже в такой безвыходной для окруженных немецко-фашистских войск обстановке гитлеровские изверги продолжали творить вопиющие зверства. В Шандеровке они согнали жителей деревни в церковь и школу и подожгли их. Фашистские бандиты бегали по хатам и расстреливали беззащитных стариков, женщин и детей, жгли дома. Из горящей церкви, из школы, из хат неслись крики отчаяния и проклятия палачам.

Все наши войска, принимавшие участие в разгроме окруженной группировки, были предупреждены о намерениях гитлеровцев. Командование всех степеней, офицеры штабов, командиры частей и подразделений, оружейные и танковые расчеты — все были на своих местах и ждали врага.

В 3 часа ночи гитлеровцы густыми колоннами двинулись из района Шандеровки, Хилки на наши позиции.

Натиск врага приняли на себя части 27-й и 4-й гвардейской армий. Тотчас была дана команда 18-му и 29-му танковым корпусам и 5-му гвардейскому кавалерийскому корпусу наступать навстречу друг другу, пленить или уничтожить противника. Даже сами гитлеровцы уже понимали безрассудство действий своего командования.

О создавшейся обстановке один из пленных офицеров 57-й пехотной дивизии говорил:

«К вечеру 16 февраля с целью прорыва из окружения в районе Шандеровки были сосредоточены все соединения 11-го и 42-го армейских корпусов. В штабе 157-го артиллерийского полка читали приказ, где было сказано, что в ночь на 17 февраля производится прорыв кольца окружения и что мы обеспечиваем прорыв с юга...

Орудия моего дивизиона заняли огневые позиции среди обозов, запрудивших весь населенный пункт Шандеровка, по которой велся сильный артиллерийский огонь русских...

Основная дорога оказалась забитой остановившимся и

разбитым транспортом, и двигаться по ней не было возможности. На небольшом участке дороги на Лисянку я видел огромное количество убитых немцев. Масса обозов загромодила не только дороги, но и поля и не могла двигаться дальше».

Вот свидетельство другого пленного офицера:

«...из окружения никто не вышел. Все дороги были забиты транспортом, кругом был невероятный беспорядок. Все смешалось в один поток. Все бежали, и никто не знал, куда он бежит и зачем. На дорогах и вне дорог валялись разбитые машины, орудия, повозки и сотни трупов солдат и офицеров».

Это все соответствует истине.

Мы приняли все меры к тому, чтобы ни один из гитлеровцев не вышел из окружения.

Пробить четыре полосы обороны — две на внутреннем и две на внешнем фронте окружения и, кроме того, в центре коридора пройти мимо противотанковых районов, истребительной артиллерии было невозможно. Здесь снова сыграли большую роль противотанковые районы. Артиллеристы проявили себя настоящими мастерами своего дела. Примеров их героизма можно привести множество. Например, когда 17 февраля под покровом темноты, в пургу многочисленные группы врага вместе с танками пытались прорваться из окружения, они напоролась на орудие старшего сержанта А. Е. Харитонов — воина 438-го Черкасского истребительно-противотанкового полка. Подпустив врага вплотную, бойцы Харитонов открыли ураганный огонь. Стреляя из орудия и автоматов, харитоновцы уничтожили свыше 100 вражеских солдат и офицеров, отбили у немцев крупный обоз. За этот подвиг старший сержант А. Харитонов указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 г. был удостоен звания Героя Советского Союза.

Подобных примеров отваги и мужества артиллеристов противотанковых районов немало.

Но не только эти мощные артиллерийские барьеры стояли на пути выхода немцев из окружения. Гитлеровцам, выходящим из «котла», наносили удары не только войска обороны, но главным образом резервы, маневренные ударные группы, танковые корпуса армии Ротмистрова и кавалерийский кор-

пус Селиванова. Они находились в устье коридора, на флангах предполагаемого прорыва и получили команду наступать между 2 и 3 час. утра, т. е. к моменту, когда гитлеровцы начали подходить к нашим передовым позициям обороны.

Танки действовали с зажженными фарами, огнем и маневром они теснили противника, не давали ему возможность выйти из «котла». Казаки с утра с шашками наголо носились по полю боя, брали бегущих гитлеровцев в плен. Бойцы бились врукопашную, штыками, автоматами, карабинами.

Когда наступил рассвет, немцы, увидев всю безнадежность своего положения, большими группами начали сдаваться в плен. В течение всей этой схватки я несколько раз разговаривал с командирами 69, 7 и 41-й дивизий, которые занимали позиции по берегу реки Горный Тикич на внешнем фронте окружения. Они докладывали, что ни один немецкий солдат не прошел через их позиции. Говорил и с командармами Смирновым, Трофименко, Ротмистровым, Галаниным, внимательно следил за их действиями, донесениями и докладами, и ни в одном докладе и донесении не было сказано, что немцы прошли через какой-либо пункт или рубеж наших войск, занимающих оборону как на внешнем, так и на внутреннем фронтах.

Пленные солдаты и офицеры из дивизии СС «Викинг» рассказывали:

«Наша дивизия, насчитывавшая около 7 тыс. солдат и офицеров, за две недели потеряла более 4 тыс. человек. Нам приходилось отступать под ураганным огнем русских. Дороги были запружены брошенными машинами и орудиями. Мы были в отчаянии. В ночь на 17 февраля солдатам выдали по усиленной порции водки и разрешили съесть неприкосновенный запас продуктов. В 2 часа был объявлен приказ, в котором говорилось, что на помощь извне больше нечего рассчитывать...

Пушки, автомашины, все военное имущество и даже личные вещи было приказано бросить. Едва мы прошли 300 м, как на нас напали русские танки. За танками появились казаки».

Да, кавалеристы «поработали» неплохо.

Генерал Гилле, видимо, вылетел на самолете до начала схватки либо пролез через линию фронта переодетый в гражданскую одежду. Я исключаю, чтобы он пробился на танке или транспортере через наши позиции и опорные пункты.

К утру 17 февраля с группировкой врага было покончено. За бессмысленное и преступное упрямство гитлеровского командования, отклонившего 8 февраля наш ультиматум о капитуляции, своей жизнью заплатили десятки тысяч немецких солдат. Трагически закончилась военная карьера и многих немецких генералов».

Сразу скажу, что в мемуарах Конева немало чисто пропагандистской фантастики. Не вызывает доверия, например, рассказ о бойцах «Викинга», при прорыве из окружения сжигающих хаты и расстреливающих мирных жителей. Стали бы они тратить на это столь дефицитные при прорыве время, горючее и патроны! Тут одно из двух: то ли все это — чистая придумка политотдельцев, то ли речь в действительности о бое с партизанами, которые действительно оперировали в том районе и с которыми немцам приходилось сталкиваться и при прорыве из окружения. Утверждения же пленных о том, что из окружения будто бы никто не вышел, призваны были прежде всего удовлетворить явно выраженные пожелания тех, кто их допрашивал. К тому же тем солдатам и офицерам, которые оказались в плену, субъективно могло казаться, что никому вообще не удалось прорваться из «котла». Но на самом деле, как мы хорошо знаем, десяткам тысяч окруженных у Корсунь-Шевченковского удалось прорвать кольцо и соединиться со своими. И «Викинг», насчитывавший к моменту окружения 7 тыс. человек, никак не мог потерять в окружении и при прорыве более 4 тыс. человек, поскольку из «котла» вырвалось 4,5 тыс. солдат и офицеров дивизии. Откуда в «котле» могла найтись «усиленная порция водки» на всех, знал, наверное, только сам Конев, который, правда, спиртное почти не употреблял по причине желудочного заболевания. Если при окружении в «котле» и оказалось какое-то количество шнапса, то его давно уже истребили «для сугрева» за время двухнедельного окружения. Вряд ли «викинги» и другие окруженные рыскали в поисках самогона по ок-

рестным деревням. Да и сомнительно, что крестьянам тогда было из чего гнать самогон. Самолетами шнапс в «котел» точно не доставляли. К тому же за несколько дней до прорыва полеты прекратились. Однако в советской пропаганде существовала установка, что немцы, а особенно эсэсовцы, обыкновенно идут в атаку пьяные. Тем более что красноармейцам перед наступлением выдавали порцию водки или спирта. Вот и подгоняли факты под пропагандистскую схему.

Ватутин до мемуаров не дожил, а Жуков, в свое время покровительствовавший Николаю Федоровичу и никогда не питавший большой любви к Ивану Степановичу, в мемуарах приводит несколько иную версию переподчинения 27-й армии 2-му Украинскому фронту:

«В ночь на 12 февраля окруженная группа войск, собравшись на узком участке, попыталась также прорваться через Стеблев в Лисянку на соединение с танковыми дивизиями. Ей даже удалось выйти в район Шендеровки, но дальнейшее продвижение противника было приостановлено. Расстояние между окруженной группой и деблокирующей группой немецких войск сократилось до 12 километров, но чувствовалось, что для соединения у противника сил не хватит.

В ночь на 12 февраля 1944 года я послал донесение в Ставку:

«У Кравченко:

— противник силой до 160 танков с мотопехотой с фронта Ризино — Чемериское — Тарасовка ведет наступление в общем направлении на Лисянку и, прорвав первую линию 47-го стрелкового корпуса, вклинился в оборону до 10 км.

Дальнейшее продвижение противника было остановлено на реке Гнилой Ткич частями 340-й стрелковой дивизии и 5-го механизированного корпуса, составляющими вторую линию обороны, и резервными полками СУ-85.

За отсутствием связи с командиром 47-го стрелкового корпуса положение на левом фланге армии в направлении Жабинка — Ризино — Дубровка уточняется.

Сил и средств у Кравченко было достаточно для отражения атак противника, но Кравченко при прорыве первой линии нашей обороны потерял управление частями армии.

Приказал Николаеву (псевдоним Н. Ф. Ватутина. — Б. С.) срочно развернуть в Джурженцы управление 27-й армией и подчинить в оперативном отношении Кравченко Трофименко.

Армию Богданова к утру 12 февраля главными силами сосредоточить в районе Лисянка — Дашуковка — Чесновка. 202-ю стрелковую дивизию развернуть на рубеже Хижинцы — Джурженцы, туда же подтянуть полностью укомплектованную бригаду Катукова.

Степину (псевдоним И. С. Конева. — Б. С.) приказал в Лисянке к утру иметь от Ротмистрова две бригады и по реке Гнилой Ткич на участке Лисянка — Мурзинцы занять оборону, и в первую очередь противотанковую.

У Степина:

— армия Ротмистрова сегодня отразила атаки до 60 танков противника от Ерков в направлении Звенигородки. Разведкой установлено движение до 40 танков из Капустина на Ерки. Возможно, противник подтягивает на Звенигородское направление танки с Лебединского направления.

Степин к утру 12 февраля 18-й танковый корпус передвигает в Михайловку (восточнее Звенигородки) и 29-й танковый корпус в район Княжье — Лозоватка.

Армия Смирнова вела бой за Мирополье, Кошак, Глушки.

Для удобства управления с 12.00 12 февраля 180-я стрелковая дивизия Трофименко передается в состав 2-го Украинского фронта.

Приказал Степину 12.2.44 главными силами армий Коротеева и Смирнова удар нанести с востока на Стеблев и в тыл главной группировки окруженного противника, готовящейся для выхода навстречу наступающей танковой группе.

Вся ночная авиация фронтов действует в районе Стеблева.

Жуков».

Утром 12 февраля я заболел гриппом, и с высокой температурой меня уложили в постель. Согревшись, крепко заснул. Не знаю, сколько проспал, чувствую, изо всех сил мой гене-

рал-адъютант Леонид Федорович Минюк старается меня растолкать. Спрашиваю:

— В чем дело?

— Звонит товарищ Сталин.

Вскочив с постели, взял трубку.

— Мне сейчас звонил Конев, — сказал Верховный, — и доложил, что у Ватутина ночью прорвался противник из района Шендеровки в Хилки и Новую Буду. Вы знаете об этом?

— Нет, не знаю. Думаю, это не соответствует действительности.

— Проверьте и доложите.

Я тут же позвонил Н. Ф. Ватутину и выяснил, что противник действительно пытался, пользуясь пургой, вырваться из окружения и уже успел продвинуться километра на два-три и занял Хилки, но был остановлен. Сведения о попытках прорыва как-то раньше попали к И. С. Коневу. Вместо того чтобы срочно доложить мне и известить Н. Ф. Ватутина, он позвонил И. В. Сталину, дав понять, что операция по ликвидации противника может провалиться, если не будет поручено ему ее завершение.

Переговорив с Н. Ф. Ватутиным о принятии дополнительных мер, я позвонил Верховному и доложил ему то, что мне стало известно из сообщения командующего 1-м Украинским фронтом.

И. В. Сталин крепко выругал меня и Н. Ф. Ватутина, а затем сказал:

— Конев предлагает передать ему руководство войсками внутреннего фронта по ликвидации корсунь-шевченковской группы противника, а руководство войсками на внешнем фронте сосредоточить в руках Ватутина.

— Окончательное уничтожение группы противника, находящейся в «котле», дело трех-четырёх дней. Главную роль в Корсунь-Шевченковской операции сыграл 1-й Украинский фронт. Ватутину и возглавляемым им войскам будет обидно, если они не будут отмечены за их ратные труды. Передача управления войсками 27-й армии 2-му Украинскому фронту может затянуть ход операции.

И. В. Сталин в раздраженном тоне сказал:

— Хорошо. Пусть Ватутин лично займется операцией 13-й и 60-й армий в районе Ровно — Луцк — Дубно, а вы возьмите на себя ответственность не допустить прорыва противника из района Лисянки. Все.

Однако через пару часов была получена директива следующего содержания:... (далее идет текст директивы, процитированный выше в мемуарах Конева. — Б. С.).

Н. Ф. Ватутин был очень впечатлительный человек. Получив директиву, он тотчас же позвонил мне и, полагая, что все это дело моих рук, с обидой сказал:

— Товарищ маршал, кому-кому, а вам-то известно, что я, не смыкая глаз несколько суток подряд, напрягал все силы для осуществления Корсунь-Шевченковской операции. Почему же сейчас меня отстраняют и не дают довести эту операцию до конца? Я тоже патриот войск своего фронта и хочу, чтобы столица нашей Родины Москва отсалютовала бойцам 1-го Украинского фронта.

Я не мог сказать Н. Ф. Ватутину, чье было это предложение, чтобы не сталкивать его с И. С. Коневым. Однако я считал, что в данном случае Н. Ф. Ватутин прав как командующий, заботясь о боевой, вполне заслуженной славе вверенных ему войск.

— Николай Федорович, это приказ Верховного, мы с вами солдаты, давайте безоговорочно выполнять приказ.

Н. Ф. Ватутин ответил:

— Слушаюсь, приказ будет выполнен.

Однако у меня от всего этого на душе остался нехороший осадок. Я был недоволен тем, что И. В. Сталин не счел нужным в данном случае вникнуть в психологию войск и военачальников. И. В. Сталин был умный человек и должен был спокойно разобраться со сложившейся обстановкой и, предвидя, чем она в конце концов кончится, решить вопрос без излишней нервозности, которая так без оснований ранила душу замечательного полководца Н. Ф. Ватутина».

Жуков, как и Конев, довольно подробно описывает заключительную попытку прорыва Корсунь-Шевченковской группировки из окружения:

«После 12 февраля противник, как ни пытался пробиться из района Шандеровки в Лисянку, успеха не имел.

14 февраля войска 52-й армии 2-го Украинского фронта заняли город Корсунь-Шевченковский. Кольцо вокруг окруженных продолжало сжиматься. Солдатам, офицерам и генералам немецких войск стало ясно, что обещанная им помощь не придет, рассчитывать приходилось только на себя. По рассказам пленных, войска охватило полное отчаяние, особенно когда им стало известно о бегстве на самолетах некоторых генералов — командиров дивизий и штабных офицеров.

Ночью 16 февраля разыгралась снежная пурга. Видимость сократилась до 10—20 метров. У немцев вновь мелькнула надежда проскочить в Лисянку на соединение с группой Хубе. Их попытка прорыва была отбита 27-й армией С. Г. Трофименко и 4-й гвардейской армией 2-го Украинского фронта.

Особенно героически дрались курсанты учебного батальона 41-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора К. Н. Цветкова. Все утро 17 февраля шло ожесточенное сражение по уничтожению прорвавшихся колонн немецких войск, которые в основном были уничтожены и пленены. Лишь несколькими танками и бронетранспортерами с генералами, офицерами и эсэсовцами удалось вырваться из окружения и проскочить из района села Почапинцы в район Лисянки.

Как мы и предполагали, 17 февраля с окруженной группировкой все было покончено. По данным 2-го Украинского фронта, в плен было взято 18 тысяч человек и боевая техника этой группировки.

Столица нашей Родины 18 февраля салютовала войскам 2-го Украинского фронта. А о войсках 1-го Украинского фронта не было сказано ни одного слова.

Как бывший заместитель Верховного Главнокомандующего, которому одинаково были близки и дороги войска 1-го и 2-го Украинских фронтов, должен сказать, что И. В. Сталин был глубоко не прав, не отметив в своем приказе войска 1-го Украинского фронта, которые, как и воины 2-го Украинского фронта, не щадя жизни, героически бились с враже-

скими войсками там, куда направляло их командование фронта и Ставка. Независимо от того, кто и что докладывал И. В. Сталину, он должен был быть объективным в оценке действий обоих фронтов. Почему И. В. Сталин допустил такую несправедливость, мне и по сей день неясно. Эта замечательная операция была организована и проведена войсками двух фронтов. Я думаю, что это была непростительная ошибка Верховного.

Как известно, успех окружения и уничтожения вражеской группировки зависит от действий как внутреннего, так и внешнего фронтов. Оба фронта, возглавляемые Н. Ф. Ватутиным и И. С. Коневым, сражались одинаково превосходно».

Давно известно, что Жуков и Конев друг друга сильно не любили и ревновали к военным успехам. В данном случае более правдоподобным выглядит изложение событий бывшим заместителем Верховного Главнокомандующего. Ведь Жуков приводит текст своего донесения Сталину в ночь на 12 февраля, из которого явствует, что именно Жуков приказал Коневу («Степину») выдвинуть части армии Ротмистрова для возможного перехвата прорывающейся окруженной группировки. Конев же эту инициативу приписал всецело себе, утверждая, будто она как раз и побудила Сталина передать в его руки дело ликвидации окруженной группировки, тогда как он сам Сталину подобных предложений ни в коем случае не делал. Дескать, и управлять 27-й армией было трудно, и перед Ватутиным неудобно. Думаю, что на самом деле Жуков был прав насчет того, что именно по предложению Конева Сталин передал ему командование всеми войсками на внутреннем фронте окружения.

Жуков более объективно, чем Конев, описывает и прорыв группы Штеммермана, признавая, что хотя бы некоторым танкам и бронетранспортерам удалось вырваться из окружения. К тому же его текст в данном случае практически лишен пропагандистских агиток.

Как же на самом деле происходил прорыв? К 16 февраля окруженные немецкие войска занимали лишь небольшую территорию между тремя деревнями — Хилки, Шендеровка и Комаровка. Штеммерман решил в ночь на 17 февраля пред-

принять последнюю попытку прорыва из Шендеровки. К тому времени наступление обеих деблокирующих группировок было уже остановлено.

На прорыв Штеммерман повел свои войска тремя колоннами. В центральной колонне в первом эшелоне прорывались «Викинг» и «Валлония». В середине колонн следовали штабы Штеммермана и командира XLII корпуса генерала Либа. Штеммерман шел в колонне «Викинга» и «Валлонии». Немцам помогла разыгравшаяся в ночь с 16 на 17 февраля метель, исключившая действия советской авиации. Да и артиллерии было затруднительно стрелять в условиях, когда видимость была почти нулевая.

Той же ночью Коневу доложили о скоплении окруженных войск в Шендеровке. Он распорядился отправить на бомбежку Шендеровки 18 самолетов ПО-2 382-го полка 312-й ночной бомбардировочной дивизии. Их экипажи состояли только из добровольцев. Самолеты смогли сбросить зажигательные бомбы, после чего немцев обстреляла артиллерия, однако без особого успеха. В 4 часа утра колонны прорыва достигли советских окопов. Удар приняли на себя дивизии 27-й, 4-й гвардейской и 5-й гвардейской танковых армий. Ценой больших потерь немцы прорвались к окраинам сел Джурженцы и Почапинцы. Врага атаковали части 18-го и 29-го танковых и 5-го гвардейского кавалерийского корпусов. Однако значительной части окруженных удалось прорваться в Лисянку и соединиться с деблокирующей группировкой. Прорвались также штабы корпусов и дивизий. Генерал Штеммерман, шедший, как и другие генералы, пешком вместе со своими солдатами, умер на поле боя. По свидетельству попавшего в советский плен обер-ефрейтора Герхарда Мюллера, прорывавшегося с той же группой, на теле генерала не было найдено никаких видимых повреждений. Скорее всего, он умер от разрыва сердца. Во всяком случае, никаких бронетранспортеров, в которых будто бы, по уверению Конева, прорывались штабные офицеры и генералы, не было. Командир XLII корпуса генерал Либ и 7 офицеров его штаба вышли из окружения в конном строю. Тот же командир бригады «Валлония» Леон Дегрель, принявший командование

после гибели Липпмана, вел своих людей в атаку, будучи тяжело раненным и с высокой температурой. Уцелевшие танки «Викинга» помогли остаткам «Валлонии» вырваться из смертельного кольца. Дегрель вспоминал: «Машины и телеги опрокидывались, и раненые с воплями падали на мерзлую землю. Волна советских танков накатила на наши передовые машины и возы. В одно мгновение оказалась уничтоженной половина нашей колонны. Волна танков неудержимо, хотя и медленно, приближалась к нам, прокладывая себе путь прямо через конно-гужевую колонну, круша машины и телеги, как спичечные коробки, давя гусеницами раненых и издыхающих лошадей, впряженных в повозки... Наша казавшаяся неминуемой гибель была, однако, на короткое время отсрочена из-за образовавшейся «пробки» — танки красных буквально увязли в колонне, не в силах разметать останки сотен машин и телег, сокрушенных их мощными траками».

К исходу 17 февраля сражение завершилось. 18 февраля были ликвидированы последние разрозненные группы окруженных.

Взятый в плен врач дивизии «Викинг» показал на допросе: «Наш лазарет и перевязочный пункт в Корсуне. За период с 1 по 14 февраля к нам поступило 440 легкораненых солдат и офицеров. Тяжелораненые в лазарет не поступали. Мне известно, что офицеры, выполняя приказ Гитлера, пристреливали всех тяжелораненых немецких солдат».

Можно не сомневаться, что врач «Викинга» ничего подобного не говорил, даже если допрос и имел место в действительности. Это была придумка или «смершевца», или переводчика-спецпропагандиста, которые допрашивали пленного. Она идеально годилась для листовок, которые щедро разбрасывали над окруженными советские самолеты, и для агитации из радиорепродукторов, которую вели офицеры-спецпропагандисты, призывая окруженных сдаваться в плен. Германских солдат пугали тем, что если их тяжело ранят, то по приказу Гитлера непременно должны будут пристрелить. Автор этой «утки» даже не обратил внимания, что в тексте протокола допроса есть явная несуразица. Раз офицеры пристреливали тяжелораненых солдат, значит, тяжелораненых

офицеров все-таки не пристреливали. Но врач будто бы заявил, что за 14 дней боев в лазарет не поступил вообще ни один тяжелораненый. Неужели же за 14 дней ожесточенных боев ни один офицер «Викинга» не был тяжело ранен? На самом деле тяжелораненых эвакуировали самолетами, а легкораненых, которые еще могли передвигаться самостоятельно, оставляли в «котле». После того как самолеты уже не могли садиться, а остатки окруженной группировки пошли на прорыв, то лазареты с тяжелоранеными, вместе с медицинским персоналом, оставили на милость победителей. Подозреваю, что мало кто из них выжил в советском плену, да и не все до него дожили. Вот заранее и придумывалась легенда, будто немцы по приказу Гитлера тяжелораненых пристреливают. И для разложения армии противника вполне подходит, и для оправдания, почему не выжили тяжелораненые, оказавшиеся в советском плену, сойдет. Не было, мол, тяжелораненых немецких солдат. Офицеры их просто пристреливали.

Историк Вольфганг Акунов, основываясь на данных немецких мемуаристов, пишет: «Под Шендеровкой пытавшиеся прорваться из «котла» германские части оказались в поистине отчаянном положении. Пробив узкую брешь в неприятельских линиях, они никак не могли ее расширить. На ходу не осталось почти никакой техники, не на чем было вывозить раненых. Шендеровка превратилась в огромный лазарет для 4000 раненых. Успешной контратакой небольшой танковой группы дивизии «Викинг» удалось хотя бы ненадолго отбросить противника и получить короткую передышку. Но наступление частей Красной Армии развивалось неудержимо и безостановочно. И часа не прошло, как тщетно пытавшиеся остановить красную волну танки «викингов» были уничтожены вместе со своими экипажами (не уцелел ни один человек), а немцы — выбиты из Шендеровки.

Шендеровка стала также свидетельницей драматических сцен, разыгравшихся в ходе попытки эвакуировать самых тяжело раненых «викингов». Их прямо на носилках грузили на немногие все еще остававшиеся на ходу гусеничные машины. Но машин не хватило на всех раненых. Тогда раненых, вынесенных из перевязочного пункта, стали грузить на

крестьянские возы, не забыв обозначить их, как санитарные, флагами Красного Креста. Однако накативших волной 15 советских танков Т-34 флаги Красного Креста не остановили. Они без всякого разбора расстреляли как бронемашину и танки, так и санитарные повозки «викингов». Западнее Шендеровки другой группой советских танков была, с тем же результатом, атакована транспортная колонна санитарной роты дивизии «Викинг». В этой бойне, как и под Шендеровкой, также уцелело не более дюжины «счастливиц». Тем, кто выжил, пришлось идти пешком по раскисшим дорогам, ставшим настолько непроходимыми, что даже немногие сохранившиеся у «викингов» транспортные средства пришлось бросать, так как от них все равно не было никакого толку.

Надо сказать, что неприятельские средства массовой информации упорно распространяли порочащие честь «викингов» слухи о том, что они якобы сами убили своих раненых. Так, некий советский офицер, майор Кампов, якобы участвовавший в Корсунь-Шевченковской операции, будто бы рассказывал английскому журналисту Александру Верту, автору книги «Россия в войне», что окруженные «зеленые эсэсовцы» якобы убили всех своих раненых, «что, несомненно, способствовало той атмосфере истерии, которой была отмечена их последняя ночь в Шендеровке. Приказ убивать раненых выполнялся очень строго. Они не только застрелили... своих раненых — так, как они обычно расстреливали русских и евреев — в затылок, — нет, они... еще поджигали санитарные машины... Что может быть страшнее зрелища, представшего нашим глазам, когда мы открыли эти обгорелые фургоны? Все они были полны обгорелых скелетов с гипсовыми повязками вокруг рук или ног, ставшими слишком просторными для них. Ведь гипс не горит...»

Таким образом, легенда об убийстве эсэсовцами «Викинга» своих раненых — это типичная пропаганда военного времени. Тем более что метод расстрела в упор в затылок — это типичный метод, применявшийся НКВД, но отнюдь не немецкими зондеркомандами, которые евреев и прочих «нежелательных элементов» расстреливали с дистанции, сразу группами и не в затылок.

Тут еще замечу, что несправедливо обвинять наших танкистов в том, что они расстреливали телеги с ранеными, не взирая на флаги Красного Креста. Кто эти флаги мог увидеть в горячке боя, да еще ночью, да еще в метель! Вспомним цитированный в одной из предыдущих глав рассказ А. А. Ветрова о прорыве 15-го танкового корпуса из окружения под Харьковом в марте 1943 года. Там тоже немецкие танкисты в темноте стреляли по прорывающейся советской колонне, совершенно не ведая, в каких машинах сидят вооруженные бойцы, а в каких — тяжелораненые, да и сидели здоровые и раненые чаще всего попеременно, кто где сумел пристроиться. И немцев Ветров за это не винит. А ведь точно такая же картина была и при прорыве группы Штеммермана из черкасского «котла».

Как во время войны, так и после нее не утихали споры, сколько человек насчитывала окруженная группировка и сколько из них смогли прорваться к своим. В приказе Сталина от 18 февраля 1944 года по итогам Корсунь-Шевченковской операции утверждалось: «В ходе этой операции немцы оставили на поле боя убитыми 52 тыс. человек. Сдалось в плен 11 тыс. немецких солдат и офицеров. Вся имевшаяся у противника техника и вооружение захвачены нашими войсками».

В последующем число пленных возросло до 18 200, а число убитых — до 55 тысяч. Однако именно число в 11 тыс. пленных, причем только применительно к окруженной группировке, хорошо согласуется с архивными данными, согласно которым в период с 1 января по 1 марта 1944 года Красная Армия на всех фронтах взяла в плен лишь 15 351 неприятельских солдат и офицеров. С учетом этого цифра в 11 тыс. пленных из состава собственно Корсунь-Шевченковской группировки представляется довольно точной. Цифра же в 18 200 человек, скорее всего, возникла за счет двойного счета в боевых донесениях, когда одних и тех же пленных записывали на свой счет разные части и соединения.

Официальные же советские цифры по итогам операции таковы. Из 80 тыс. окруженных в Корсунь-Шевченковском «котле» немцев было захвачено в плен 18 200 человек, убито и

ранено — 52 тыс. человек, захвачено и уничтожено вооружения и боевой техники: 271 танк, 110 штурмовых орудий, 32 бронемашины (скорее всего, речь идет о бронетранспортерах), 994 орудия, 536 минометов, 1689 пулеметов. По советским оценкам, 2—3 тыс. раненых было эвакуировано самолетами, а еще 8—9 тыс. человек сумели прорваться сквозь кольцо окружения.

Здесь бросается в глаза явная нестыковка цифр. Получается, почти все пленные — это раненые, которых, очевидно, было все-таки больше, чем убитых. Но если более чем за две недели боев в окружении было всего 2—3 тыс. раненых, нуждавшихся в эвакуации, то почему за последние три дня боев число раненых оказалось на порядок больше?

Применительно к уничтоженной и захваченной боевой технике можно предположить, что, как и в случае с пленными, имеет место двойной счет. Если данные цифры относятся только к окруженным войскам, то они, вне сомнения, были сильно преувеличены. У Корсунь-Шевченковской группировки танки были лишь у «Викинга», и их было не более 120, а вместе со штурмовыми орудиями — двести с небольшим. Надо также отметить, что несколько десятков единиц бронетехники все-таки смогли вырваться из «котла». Скорее всего, данные о потерях противника брались из донесений частей, соединений и армий, где были как двойной счет, так и сознательное преувеличение ущерба, нанесенного неприятелю. Ведь надо было уничтожить примерно столько же танков, сколько их раньше насчитала разведка, а она частенько преувеличивала численность немецкой бронетехники.

Также понятно, что и Конев, и Жуков в своих мемуарах стремились всячески приуменьшить число немецких солдат и офицеров, сумевших прорваться из корсуньского «котла». Ведь оба они отвечали за, чтобы не допустить прорыва. По утверждению Конева, сквозь четыре оборонительных линии внутреннего и внешнего фронта окружения не прошел вообще ни один немецкий танк или солдат. Как писал в своих мемуарах бывший командующий 2-м Украинским фронтом И. С. Конев, Гилле и другие генералы, выбравшиеся из окружения, вылетели из «котла» на самолетах, а не прорвались с

боем через советские позиции. При этом маршал не учел, что вылететь из района окружения перед последним прорывом ни Гилле, ни кто-либо другой в принципе не мог, поскольку начиная с 14 февраля уже ни один самолет не мог приземлиться в «котле». Гилле же прорывался вместе со своей дивизией и, по свидетельству очевидцев, лично возглавил переправу остатков дивизии вброд через последнюю водную преграду — реку Гнилой Тикач. И еще Конев свидетельствует, что «ни в одном докладе и донесении не было сказано, что немцы прошли через какой-либо пункт или рубеж наших войск, занимающих оборону как на внешнем, так и на внутреннем фронтах». Да какой же советский командир дивизии или корпуса рискнет доложить вышестоящему начальнику, что окруженный неприятель прорвался через боевые порядки его частей! Получится, что генерал не выполнил боевую задачу, и вместо ордена и новой звезды на погоны ему может светить если не трибунал, то выговор.

Жуков, напротив, полагал, что «лишь несколькими танками и бронетранспортерами с генералами, офицерами и эсэсовцами удалось вырваться из окружения и проскочить из района села Почапинцы в район Лисянки». Позднее советские и российские историки пришли к выводу, что на этих танках и бронетранспортерах смогли уехать ни много ни мало 8—9 тыс. человек. Это сколько же тогда единиц бронетехники должно было вырваться из «котла»? Если принять, что на одном танке или бронетранспортере могли ехать максимум 10—12 человек, то получается, что из окружения должно было выйти порядка 900 единиц бронетехники. А это в несколько раз больше, чем было у окруженных даже по самым смелым донесениям советской разведки. Думаю, что дальше доказывать абсурдность цифр, фигурирующих в советских донесениях и маршальских мемуарах, уже не надо. В последние годы некоторые российские историки говорят уже о 20 тысячах вырвавшихся из Корсунь-Шевченковского «котла». Что ж, для вывоза на броне такой оравы, я думаю, не хватило бы и всей бронетехники, имевшейся в тот момент у немцев на Восточном фронте. Потери же в 70 тыс. убитых, раненых и плененных теперь отнесли не только к окруженной группировке, но и к войскам, действовавшим на внешнем фронте окру-

жения. Как мы увидим дальше, и эта цифра значительно преувеличена.

Обратимся теперь к немецким свидетельствам о Корсунь-Шевченковском (Черкасском) сражении. Манштейн утверждает в мемуарах: «Первая танковая армия получила приказ как можно скорее завершить разгром окруженных на ее левом фланге частей советской 1-й танковой армии. 3 тк должен быть в самое ближайшее время высвобожден с этого участка. Вместе с 16, 17 тд, лейбштандартом и полком тяжелых танков под командованием Веке, особенно отличившимся в последнем сражении, его необходимо было перебросить на участок, где теперь наметился кризис, 1-я танковая дивизия при первой возможности должна была последовать за ними.

Перед 8-й армией была поставлена задача снять с занимаемого ею участка 3 тд 47 тк и сосредоточить ее у места прорыва. Из состава 6-й армии было приказано выделить для усиления этой группировки еще 24 тд. Однако, когда последняя прибыла туда, Гитлер приказал возвратить ее группе армий «А», так как обстановка на никопольском плацдарме становилась угрожающей. Она подошла туда, однако, слишком поздно.

По приказу командования группы армий оба корпуса должны были нанести удар силам противника, окружившим 42 и 11 ак, во фланг и в тыл: корпус 1-й танковой армии — с запада, корпус 8-й армии — с юга.

Командование группы армий сосредоточило сравнительно большое количество дивизий, чтобы деблокировать окруженные корпуса. Это было необходимо, так как противник бросил в этот район с северо-западного и с восточного направлений не более и не менее как двадцать шесть стрелковых дивизий и семь-восемь танковых, механизированных и кавалерийских корпусов. Использование такого большого количества дивизий объясняется тем, что, за исключением свежих и пополненных соединений, советские дивизии имели неполный состав. Задача наших обеих ударных групп состояла в том, чтобы перерезать тыловые коммуникации скопившегося здесь большого числа соединений и затем уничтожить их концентрическими атаками.

боем через советские позиции. При этом маршал не учел, что вылететь из района окружения перед последним прорывом ни Гилле, ни кто-либо другой в принципе не мог, поскольку начиная с 14 февраля уже ни один самолет не мог приземлиться в «котле». Гилле же прорывался вместе со своей дивизией и, по свидетельству очевидцев, лично возглавил переправу остатков дивизии вброд через последнюю водную преграду — реку Гнилой Тикач. И еще Конев свидетельствует, что «ни в одном докладе и донесении не было сказано, что немцы прошли через какой-либо пункт или рубеж наших войск, занимающих оборону как на внешнем, так и на внутреннем фронтах». Да какой же советский командир дивизии или корпуса рискнет доложить вышестоящему начальнику, что окруженный неприятель прорвался через боевые порядки его частей! Получится, что генерал не выполнил боевую задачу, и вместо ордена и новой звезды на погоны ему может светить если не трибунал, то выговор.

Жуков, напротив, полагал, что «лишь несколькими танками и бронетранспортерами с генералами, офицерами и эсэсовцами удалось вырваться из окружения и проскочить из района села Почапинцы в район Лисянки». Позднее советские и российские историки пришли к выводу, что на этих танках и бронетранспортерах смогли уехать ни много ни мало 8—9 тыс. человек. Это сколько же тогда единиц бронетехники должно было вырваться из «котла»? Если принять, что на одном танке или бронетранспортере могли ехать максимум 10—12 человек, то получается, что из окружения должно было выйти порядка 900 единиц бронетехники. А это в несколько раз больше, чем было у окруженных даже по самым смелым донесениям советской разведки. Думаю, что дальше доказывать абсурдность цифр, фигурирующих в советских донесениях и маршальских мемуарах, уже не надо. В последние годы некоторые российские историки говорят уже о 20 тысячах вырвавшихся из Корсунь-Шевченковского «котла». Что ж, для вывоза на броне такой оравы, я думаю, не хватило бы и всей бронетехники, имевшейся в тот момент у немцев на Восточном фронте. Потери же в 70 тыс. убитых, раненых и плененных теперь отнесли не только к окруженной группировке, но и к войскам, действовавшим на внешнем фронте окру-

жения. Как мы увидим дальше, и эта цифра значительно преувеличена.

Обратимся теперь к немецким свидетельствам о Корсунь-Шевченковском (Черкасском) сражении. Манштейн утверждает в мемуарах: «Первая танковая армия получила приказ как можно скорее завершить разгром окруженных на ее левом фланге частей советской 1-й танковой армии. 3 тк должен быть в самое ближайшее время высвобожден с этого участка. Вместе с 16, 17 тд, лейбштандартом и полком тяжелых танков под командованием Веке, особенно отличившимся в последнем сражении, его необходимо было перебросить на участок, где теперь наметился кризис, 1-я танковая дивизия при первой возможности должна была последовать за ними.

Перед 8-й армией была поставлена задача снять с занимаемого ею участка 3 тд 47 тк и сосредоточить ее у места прорыва. Из состава 6-й армии было приказано выделить для усиления этой группировки еще 24 тд. Однако, когда последняя прибыла туда, Гитлер приказал возвратить ее группе армий «А», так как обстановка на никопольском плацдарме становилась угрожающей. Она подошла туда, однако, слишком поздно.

По приказу командования группы армий оба корпуса должны были нанести удар силам противника, окружившим 42 и 11 ак, во фланг и в тыл: корпус 1-й танковой армии — с запада, корпус 8-й армии — с юга.

Командование группы армий сосредоточило сравнительно большое количество дивизий, чтобы деблокировать окруженные корпуса. Это было необходимо, так как противник бросил в этот район с северо-западного и с восточного направлений не более и не менее как двадцать шесть стрелковых дивизий и семь-восемь танковых, механизированных и кавалерийских корпусов. Использование такого большого количества дивизий объясняется тем, что, за исключением свежих и пополненных соединений, советские дивизии имели неполный состав. Задача наших обеих ударных групп состояла в том, чтобы перерезать тыловые коммуникации скопившегося здесь большого числа соединений и затем уничтожить их концентрическими атаками.

К сожалению, вначале глубокий снег, а затем наступившая распутица значительно замедлили сосредоточение обеих ударных групп. Тем не менее им удалось нанести удар, в результате которого значительная часть сил, окруживших Черкасскую группировку, была разбита. Свыше 700 танков, более 600 противотанковых орудий и около 150 орудий было уничтожено, однако оба корпуса захватили всего 2000 пленных.

Это был признак того, что соединения противника в основном состояли из моторизованных частей. В конце концов непролазная грязь со снегом вынудили нас остановиться (думаю, что сопротивление советских войск сыграло здесь не меньшую роль. — Б. С.). Ударный клин 3 тк подошел на 13 км к юго-западной стороне «котла», 47 тк удалось оттянуть на себя значительную часть сил противника...»

Значение атак деблокирующих группировок заключалось в том, что, хотя им и не удалось прорвать кольцо окружения извне, лейбштандарт и другие танковые дивизии нанесли большие потери советским танковым и механизированным соединениям и существенно уменьшили их возможности противодействовать прорывающимся из окружения немецким войскам.

Манштейн продолжал: «Так как не было больше надежды на то, что наши танки доберутся до «котла», я приказал обоим окруженным корпусам прорваться на юго-запад. За это время в результате возобновившихся атак противника со всех сторон оба корпуса скучились на небольшом пространстве, простиравшемся в направлении с севера на юг на 45 км, а с запада на восток лишь только на 15—20 км. Таким образом, надо было действовать, если мы хотели еще спасти эти корпуса. 4 февраля Советы уже потребовали от них капитуляции (на самом деле ультиматум, как мы помним, был предъявлен окруженным только 8 февраля. — Б. С.)...

В ночь с 16 на 17 февраля оба корпуса под руководством своих командиров Штеммермана и Либа предприняли попытку прорваться из окружения в юго-западном направлении, навстречу 3 тк, который напрягал все силы, чтобы, не смотря на непролазную грязь, бросить навстречу прорываю-

щейся группировке хотя бы несколько танков. По приказу командования группы армий оба окруженных корпуса должны были использовать для обеспечения выхода из окружения всю артиллерию и имеющиеся боеприпасы. Так как во время выхода из окружения войскам пришлось бы передвигаться по бездорожью и глубокой грязи, было приказано бросить орудия после того, как будут расстреляны все боеприпасы. Арьергарды с несколькими орудиями прикрывали выходящие из окружения войска от атак противника с севера, востока и юга.

Можно себе представить, с какими чувствами, надеясь и беспокоясь, мы ожидали в нашем штабном поезде известий о том, удался ли выход из окружения. В ночь с 16 на 17 февраля в 1 ч. 25 мин. пришло радостное известие о том, что первая связь между выходящими из окружения корпусами и передовыми частями 3 тк установлена. Противник, находившийся между ними, был буквально смят. 28 февраля мы узнали, что из «котла» вышло 30 000—32 000 человек. Поскольку в нем находилось шесть дивизий и одна бригада, при учете низкой численности войск это составляло большую часть активных штыков. Огромную боль нам причинило то, что большую часть тяжелораненых вышедшие из окружения не могли взять с собой. Генерал Штеммерман погиб во время боя.

Таким образом, нам удалось избавить эти два корпуса от той судьбы, которая постигла 6-ю армию под Сталинградом. Гитлер и здесь сначала отдал приказ о продолжении борьбы в «котле», однако затем задним числом одобрил приказ группы армий о подготовке к выходу из окружения. Приказ о самом выходе из окружения был отдан командованием группы без предварительного согласования с Гитлером, чтобы исключить возможность возражений с его стороны.

Конечно, при выходе из окружения большая часть тяжелого оружия и орудий застряла в грязи. Только несколько из них ценой невероятных усилий войскам удалось взять с собой. Вырвавшиеся из «котла» дивизии пришлось временно отвести в тыл. Вследствие этого шесть с половиной дивизий группы армий не принимали участия в боях, что еще больше осложняло обстановку. Однако это не могло омрачить радо-

сти, которую доставляло нам удавшееся спасение, по крайней мере, личного состава обоих корпусов».

По данным Манштейна, на довольствии в 6 окруженных дивизиях и одной бригаде, а также в двух корпусных управлениях состояло 54 тыс. человек, но часть тыловых подразделений не попала в кольцо.

Генерал Курт Типпельскирх в своей «Истории Второй мировой войны», изданной раньше мемуаров Манштейна и являющейся поэтому независимым от Манштейна свидетельством, утверждал: «28 января клинья русских войск, наступавших с севера и востока, сомкнулись в районе Звенигородки, и таким образом в результате противоречившего всякому здравому смыслу упрямства Гитлера, который неизменно приказывал «не оттягивать войска с неатакованных участков фронта, дабы лишить противника свободы действий», два немецких корпуса оказались в «котле». Как и всегда в подобных случаях, окруженные дивизии приходилось снабжать по воздуху, спешно перебросив сюда транспортные самолеты Ю-52; многие из этих самолетов из-за недостаточного прикрытия истребителями легко сбивались русской истребительной авиацией. За счет оголения других участков фронта были, хотя и с большим трудом, выделены танковые дивизии, по четыре от 8-й полевой и 1-й танковой армий, которые получили задачу концентрическими ударами уничтожить прорвавшиеся силы противника и освободить окруженные войска. Назначенное на 3 февраля наступление неожиданно натолкнулось на серьезные трудности. Слишком рано наступающая на юге России распутица затянула сосредоточение необходимых сил. Кроме того, осложнения на других участках вынудили бросить туда часть предназначавшихся для контрудара дивизий. Выделенные для нанесения удара с юга дивизии 1-й танковой армии основными силами смогли перейти в наступление только 4 февраля, а удар с северо-запада силами 8-й армии последовал лишь 11 февраля. Эти контрудары оказались разрозненными и, несмотря на ряд первоначальных успехов, цели не достигли. Тем временем кольцо вокруг окруженных корпусов сжималось все теснее; русская бомбардировочная авиация непрерывно наносила

по ним мощные удары, и, наконец, окруженная группировка оказалась настолько сжатой вокруг Корсунь-Шевченковского, что потеряла последние аэродромы, через которые осуществлялось ее снабжение. Когда к 15 февраля наступательная сила деблокирующих войск истощилась, окруженные корпуса получили приказ пробиваться в южном направлении, куда навстречу им должен был наступать танковый корпус 1-й танковой армии. Блестяще подготовленный прорыв в ночь с 16 на 17 февраля не привел, однако, к соединению с наступавшим навстречу корпусом, так как продвижение последнего, и без того медленное из-за плохого состояния грунта, было остановлено противником. После этого окруженным корпусам пришлось, бросив все тяжелое оружие, артиллерию и большое количество снаряжения, последним отчаянным броском пробиваться к своим войскам. Из окружения вышли лишь 30 тыс. человек».

Другой немецкий генерал, Фридрих Вильгельм Меллентин вспоминал: «...наша 8-я армия удерживала очень опасный выступ, который включал Корсунь-Шевченковский и доходил до Днепра; Гитлер решительно настаивал на удержании этого выступа. Результатом такого решения оказался новый Сталинград — правда, масштабы катастрофы на этот раз были меньше. Войска 1-го Украинского фронта маршала Ватутина и 2-го Украинского фронта маршала Конева прорвали нашу оборону по обе стороны Корсунь-Шевченковского и окружили свыше 50 тыс. немецких войск. С огромным трудом Манштейну удалось вывести из «котла» около 35 тыс. человек, но потери, особенно в артиллерии, были огромные. Большинство орудий пришлось бросить на дорогах».

Следовательно, число вырвавшихся из черкасского «котла» разными немецкими генералами оценивается в 30—35 тысяч. Не исключено, что Меллентин просто прибавил к максимальному числу прорвавшихся, приведенному у Манштейна, еще около 3 тыс. раненых, эвакуированных по воздуху, и таким образом получил цифру в 35 тыс. спасшихся. Правильность данных Манштейна можно проверить следующим образом. Известно, что из кольца окружения удалось прорваться 4,5 тыс. солдат и офицеров «Викинга» и 632

бойцам бригады «Валлония». Среди последних, между прочим, оказался также будущий руководитель Российского Имперского Союза-Ордена в Аргентине Николай Иванович Сахновский и еще несколько русских эмигрантов, проживавших в Бельгии и вступивших в валлонский легион. Вместе два эти соединения можно приравнять к полутора дивизиям. Общую же численность окруженных можно приравнять к 7 дивизиям (считая численность попавших в окружение частей корпусного подчинения равной половине средней численности дивизии на момент окружения). Если предположить, что примерно такая же доля военнослужащих, как в «Викинге» и «Валлонии», прорвалась из окружения и в других дивизиях, то общую численность спасшихся можно оценить в 23 949 человек. Однако, если учесть, что «Викинг» и «Валлония» составляли главную ударную силу прорыва, их потери должны были быть существенно больше, чем потери других соединений. Как отмечалось позднее в рапорте о прорыве из Черкасского окружения, «храбрые гренадеры полка «Германия», применив оружие ближнего боя, подбили 24 советских танка и в ожесточенном ближнем бою подготовили прорыв из «котла». Мы возьмем минимальную из цифр Манштейна в 30 тыс. прорвавшихся и добавим к ним 3 тыс. эвакуированных по воздуху раненых. Тогда безвозвратные потери в «котле» должны были составить около 21 тыс. человек — 11 тыс. пленных и 10 тыс. погибших. Если добавить к этому еще 3 тыс. раненых, эвакуированных ранее, и предположить, что среди прорвавшихся тоже было не менее 3 тыс. раненых, общие потери окруженной группировки можно оценить в 27 тыс. человек. Численность деблокирующей группировки примерно вдвое превышала численность окруженной группировки, следовательно, ее потери ранеными, требующими эвакуации, в период с 28 января до 14 февраля можно оценить в 6 тыс. человек. 14—17 февраля, когда бои были еще более ожесточенными, деблокирующая группировка могла потерять ранеными не менее 3 тыс. человек. Пленных из состава деблокирующих войск почти не было, а доля убитых была значительно меньше, чем среди окруженных, которым приходилось идти на прорыв, не считаясь с потерями. Можно

предположить, что у деблокирующих войск число убитых было вдвое меньше числа раненых. Тогда потери немецких войск на внешнем фронте окружения можно оценить в 4,5 тыс. убитыми, а общие потери — в 13,5 тыс. человек. Общие же немецкие потери немцев в период корсунь-шевченковского окружения с 28 января по 17 февраля включительно оцениваются нами в 40,5 тыс. человек, а потери всех этих войск в период до окружения, с 24 по 27 января, оцениваются нами в 4,5 тыс. убитых и раненых. Итого все потери немцев в ходе Корсунь-Шевченковского сражения можно оценить в 45 тыс. человек, в том числе 11 тыс. — пленными и не менее 16 тыс. убитыми. Это значительно меньше, чем оценка официальных российских историков этих потерь в 70 тыс. убитых, раненых и пленных.

Данные о советских потерях гораздо более скудны и ненадежны. По официальным, существенно заниженным данным, как мы уже убедились на примере Курской битвы, 1-й Украинский фронт безвозвратно потерял 124 467 человек в период с 24 декабря 1943 года по 17 апреля 1944 года. Его санитарные потери за это время достигли 331 902 человек. 2-й Украинский фронт за тот же период потерял 66 059 убитыми и пропавшими без вести и 200 914 ранеными. Можно предположить, что безвозвратные потери фронтов были занижены не менее чем вдвое и в реальности составили соответственно около 229 тыс. и около 132 тыс. За указанный период 1-й Украинский фронт провел Житомирско-Бердичевскую операцию (24 декабря 1943 года — 13 января 1944 года), Корсунь-Шевченковскую операцию (с 24 января по 17 февраля 1944 года), Ровенско-Луцкую (27 января — 11 февраля) и Проскурово-Черновицкую операцию (с 4 марта по 17 апреля 1944 года). 2-й Украинский фронт за тот же период провел Кировоградскую операцию (5—16 января 1944 года), Корсунь-Шевченковскую операцию, Проскуровско-Черновицкую операцию и Умано-Ботошанскую операцию (с 5 марта по 17 апреля 1944 года). Чисто условно можно принять, что уровень потерь не слишком сильно отличался от среднего ежедневного за данный период. Для 1-го Украинского фронта в указанный период боевые действия продолжались 89 дней. Следова-

тельно, среднесуточные безвозвратные потери могли составить 2,57 тыс. человек, а санитарные — 3,73 тыс. человек. Надо также учесть, что параллельно с Корсунь-Шевченковской проводили Ровенско-Луцкую операцию, которая, однако, была на 9 дней короче, а если учесть, что 1-й Украинский фронт начал Корсунь-Шевченковскую операцию 26 января, — то на 7 дней короче. В Корсунь-Шевченковской операции же участвовали две общевойсковые и одна танковая армии 1-го Украинского фронта. Принимая все это во внимание, можно предположить, что в период с 27 января по 11 февраля, т. е. в течение 16 дней, 55,6% ежедневных потерь 1-го Украинского фронта приходилось на Корсунь-Шевченковскую операцию. Таким образом, только в течение 7 дней все потери 1-го Украинского фронта приходились на эту операцию. Соответственно, безвозвратные потери 1-го Украинского фронта в ходе Корсунь-Шевченковской операции могли достигать 40,9 тыс. человек, а в ходе Проскурово-Черновицкой операции — 115,7 тыс. человек. Санитарные потери фронта, соответственно, могли достигать в первой из операций 59,3 тыс. человек, а во второй — 167,9 тыс. человек.

Для 2-го Украинского фронта боевые действия в указанный период продолжались 82 дня. Среднесуточные безвозвратные потери фронта могли достигать 1,61 тыс. человек, а санитарные — 2,45 тыс. человек. Соответственно, за время Корсунь-Шевченковской операции 2-й Украинский фронт потерял убитыми и пропавшими без вести 40,3 тыс. человек и ранеными — 61,3 тыс. человек. Гораздо сложнее определить потери 2-го Украинского фронта в ходе Проскуровско-Черновицкой операции, поскольку параллельно с ней фронт также проводил Уманско-Ботошанскую операцию. В этой операции участвовало пять общевойсковых и три танковых армии. В Проскуровско-Черновицкой операции 2-й Украинский фронт участвовал всего лишь одной общевойсковой армией. С учетом того, что танковая армия по численности уступала как минимум вдвое общевойсковой армии, на 40-ю армию 2-го Украинского фронта в период Проскуровско-Черновицкой операции должно было приходиться не более 13,3% потерь фронта за этот период. С учетом этого потери

2-го Украинского фронта в этой операции могли составить 9,6 тыс. убитыми и пропавшими без вести и 14,7 тыс. ранеными.

Таким образом, потери советских войск в Корсунь-Шевченковской операции составили около 81,2 тыс. убитыми и пропавшими без вести и около 120,6 тыс. ранеными. В Проскуровско-Черновицкой операции советские безвозвратные потери составили около 125,3 тыс. человек, а санитарные — около 182,6 тыс. человек.

Общие советские потери в ходе Корсунь-Шевченковской операции, по нашей оценке, оказываются в 4,5 раза больше немецких. По безвозвратным потерям это соотношение составляет 3,0 раза, а по раненым — в 6,7 раза.

По оценке американского историка Дэвида Глэнца, в ходе Корсунь-Шевченковской операции советские войска потеряли убитыми 24 286 человек и 55 902 ранеными. Нам эта оценка представляется заниженной, в том числе и потому, что здесь не учтены пленные. Ведь, по утверждению Манштейна, в ходе Корсунь-Шевченковской операции немцы захватили около 7 тыс. пленных. Если учитывать только погибших, то соотношение будет 4,6:1 в пользу немцев.

Сложнее оценить германские потери в Проскуровско-Черновицкой операции. Здесь у нас есть лишь данные о месячных безвозвратных потерях германских сухопутных сил (включая потери войск СС) в 1944 году. В январе они составили 66 500 человек, в феврале — 60 744, в марте — 72 200 и в апреле — 47 000. В феврале немцы потеряли в ходе Корсунь-Шевченковского сражения около 20 тыс. погибшими и пленными, что составило треть всех германских безвозвратных потерь. Надо учесть, что в это время германская армия сражалась также в Италии, где среднемесячные безвозвратные потери с июля 1943 года по конец ноября 1944 года составляли 3,9 тыс. человек. Если вычесть их из потерь марта и апреля, то на Восточный фронт на этот период придется около 111,4 тыс. погибших и пропавших без вести. Эти потери были понесены в ходе Проскуровско-Черновицкой, Уманско-Ботошанской, Березнеговато-Снигиревской (6—18 марта), Тыргу-Фрумосской (8 апреля — 6 мая), Крымской (8 ап-

реля — 12 мая), Витебской (2 февраля — 13 марта) и Псковской (9 марта — 15 апреля) операций Красной Армии. Во всех этих операциях, кроме первых четырех, советские войска, по официальным данным (без принятого нами удвоения безвозвратных потерь), понесли в марте и апреле общие потери примерно в 234 тыс. человек. В Уманско-Ботошанской операции 2-й Украинский фронт, если брать только официальные данные, должен был потерять около 124,3 тыс. человек. Можно предположить, что в значительно меньших по размаху Березнеговато-Снигиревской и Тыргу-Фрумосской операциях, направленных к тому же главным образом против румынских войск, в сражениях с немецкими войсками советские войска понесли потери в размере не более одной трети от тех, что они понесли в Уманско-Ботошанской операции, т. е. около 40 тыс. человек. Официальные же данные о советских потерях в Проскуровско-Черновицкой операции можно оценить в 245 тыс. человек.

Тогда общие советские официальные потери в марте — апреле 1944 года можно оценить в 643 тыс. человек, из которых на Проскуровско-Черновицкую операцию приходится около 38%. Можно предположить, что, в свою очередь, в немецких безвозвратных потерях на Восточном фронте на эту операцию приходится примерно такая же доля. Она составит около 42,3 тыс. человек. В этом случае соотношение по безвозвратным потерям, принимая во внимание нашу оценку советских безвозвратных потерь, составит примерно 3,0:1 в пользу немцев и окажется точно таким же, как и в случае Корсунь-Шевченковского сражения.

После прорыва из черкасского «котла» «Викинг» и «Валлония» были отправлены с фронта на переформирование. Из состава «Викинга» был выведен батальон «Нарва». Но завершить переформирование не удалось. В марте «Викинг» был переброшен в район Ковеля для отражения советского наступления.

История боевых действий «Викинга» под Ковелем и позднее в районе Клещелей в Польше получила любопытное преломление в советской литературе, а потом и в кинематографе. В 2003 году на майские праздники по двум программам

одновременно демонстрировали новый российский блокбастер «Звезда» режиссера Николая Лебедева по одноименной повести Эммануила Казакевича, написанной в 1946 году, и фильм Михаила Пташука «В августе 44-го». Первый призван затмить американский кинобестселлер «Спасти рядового Райана», хотя далеко не дотягивает до него по спецэффектам и масштабу постановки. Второй же приятно пересматривать не один раз из-за блестящей игры Евгения Миронова и Александра Балуева, когда группу «Неман» «качают на косвенных». И мало кто знает, что и «Звезда» Казакевича, и «Момент истины» Богомолова имеют вполне конкретную документальную основу, только оба писателя, в соответствии со своими идеологическими задачами, внесли сознательное искажение в хронологию событий и совместили каждый по две военные операции, в действительности осуществлявшиеся в разное время.

Фильм «Звезда» Николая Лебедева далеко превосходит в техническом отношении скромную экранизацию повести Казакевича, осуществленную еще в 1949 году Александром Ивановым, но выпущенную на экран только в 1953 году, после смерти генералиссимуса. Николай Крючков вспоминал: «В этом фильме Сталину не понравилось, что мой герой — сержант Мамочкин — перед тем, как взорвать себя, говорит «Вот так вот», а не «За Сталина». И картину запретили...» Фильм Лебедева, напротив, судя по шумихе, поднятой накануне премьеры, ждет счастливая прокатная судьба. Похоже, картина Лебедева должна стать частью нового мифа о Великой Победе, добытой русским народом без Сталина и без партии. И повесть Казакевича в качестве литературной основы для этой цели подходит идеально. Здесь нет политруков, да и имя Сталина герои ни разу не упоминают. Упоминание конкретной дивизии противника — танковой дивизии СС «Викинг», являющейся главной целью разведгруппы лейтенанта Травкина, создавало у читателей впечатление, что они имеют дело с почти документальной повестью, что все так и было в действительности. Наверняка и у зрителей нового фильма создается точно такое же впечатление.

На самом же деле повесть Казакевича «Звезда» хотя и действительно основана на реальных событиях, но представ-

ляет собой героический миф. Как это часто бывает в истории Великой Отечественной войны, на самом деле все происходило с точностью до наоборот.

Майор Эммануил Казакевич, несмотря на сильную близорукость, гарантировавшую ему белый билет, в годы войны был командиром разведроты, потом — начальником разведки дивизии и помощником начальника разведки армии, стал кавалером 8 боевых орденов и медалей. И в основу повести положил реальные события: два контрудара, который нанесла дивизия СС «Викинг» под Ковелем и в Польше, в районе Клещелей, в июле 1944 года по войскам 65-й армии. Только в отличие от того, как он представлен у Казакевича, оба контрудара оказались а) успешными и б) абсолютно неожиданными для советского командования.

Внезапный для противника удар 2-го Белорусского фронта на ковельском направлении вызвал серьезную обеспокоенность у немецкого командования. Ведь возникла реальная угроза выхода советских войск в глубокий тыл группы армий «Центр». Пришлось принять срочные меры. Все соединения немецкой 4-й танковой армии группы армий «Центр», действовавшие против 2-го Белорусского фронта, передавались в состав 2-й армии той же группы армий. На стык групп армий «Юг» и «Центр» было перегруппировано до 8 дивизий, в том числе одна танковая, из резерва группы армий «Центр» и с других участков фронта. С конца марта на ковельском направлении начались упорные бои. 4 апреля немцам удалось прорваться к Ковелю и деблокировать окруженный гарнизон. Под ударами превосходящих сил противника 70-я советская армия также была вынуждена отойти назад. 5 апреля из-за недостатка сил 2-й Белорусский фронт прекратил наступление. В тот же день последовала директива Ставки о его расформировании. Так вкратце можно охарактеризовать ход сражения под Ковелем, в котором «Викингу» довелось сыграть важную роль.

Казакевич место действия своей повести приурочивает к району Ковеля, а время — весна 1944 года. Он пишет: «Под командованием группенфюрера (генерал-лейтенанта войск СС) Герберта Гилле дивизия в составе 9-го мотополка «Вест-

ланд», 10-го мотополка «Германия», 5-го танкового полка, 5-го дивизиона самоходной артиллерии и 5-го полевого артиллерийского полка, во всем блеске своей первокласснейшей техники, тайно сосредоточилась в этих огромных лесах, с тем чтобы неожиданным ударом деблокировать окруженный русскими город Ковель, расчленив русских на изолированные группы и, уничтожая их, отбросить на рубеж двух знаменитых рек — Стоход и Стырь.

Последнее время дивизия с обычной своей свирепостью умирала непокорную Югославию.

Получив сильное пополнение в людях и шестьдесят танков нового типа «тигр», о котором господин рейхсминистр Шпеер отозвался как о «короле танков», дивизия насчитывала пятнадцать тысяч человек. Полками командовали неоднократно отмеченный фюрером штандартенфюрер Мюлленкамп, бывший личный адъютант Гитлера штандартенфюрер Гаргайс и другие гиммлеровские волки, высоко стоящие на лестнице национал-социалистской и военной иерархии, удачливые и безжалостные интриганы.

Вслед за дивизией «Викинг» готовилась к прибытию из Франции на этот участок фронта отборная, хотя и не столь блестящая 342-я гренадерская дивизия под командованием генерал-лейтенанта Никкеля. Ей предстояло развить успех эсэсовцев.

Вся эта операция проводилась в глубокой тайне.

— Русские слишком близко прорвались к генерал-губернаторству, — сказал группенфюреру Гилле его покровитель фон дем Бах, командир корпуса СС, приняв его в своем особняке на острове Пфауен-инзель близ Берлина. — Последствия, партайгеноссе Гилле, вам понятны. Это будет означать активизацию всех антигерманских сил в Европе и, пожалуй, может заставить действовать англичан и американцев... Фюрер придает вашей операции первостепенное значение.

Главная квартира заинтересована в глубокой тайне данной перегруппировки. Соблюдайте все меры предосторожности.

Теперь, сосредоточив свою дивизию в сумрачных лесах западной города Ковель, Гилле ожидал дальнейших распоря-

жений, полный уверенности в успехе порученной ему операции».

У читателя создается полное впечатление, что группе разведчиков противостоит свежая дивизия, пополненная новейшей бронетехникой. В действительности все обстояло прямо противоположным образом. Дивизия «Викинг» только что, в конце февраля, вырвалась из корсунь-шевченковского «котла», понесла большие потери, особенно в бронетехнике. «Викинг» вместе с бригадой СС «Валлония» были ударными частями группировки, прорывавшейся из окружения, и понесли особенно тяжелые потери. Бывший командир «Валлонии» Леон Дегрель вспоминал: «Спустя год (после Сталинграда. — Б. С.) дивизии СС «Викинг» и «Валлония» были окружены аналогичным образом под Черкассами. Сталинградская катастрофа еще была свежа в памяти наших солдат, и они могли легко поддаться деморализации. В довершение ко всему я лежал с глубоким боковым ранением и температурой 39 градусов. Являясь командиром бригады СС «Валлония», я знал, что все это отнюдь не способствует высокому боевому духу. Я встал и в течение 17 дней возглавлял атаку за атакой для прорыва блокады, участвовал в многочисленных рукопашных схватках, был четыре раза ранен, но никогда не прекращал сражаться. Все мои солдаты делали то же самое, и даже больше. Кольцо было прорвано беспредельной эсэсовской отвагой и духом». После прорыва из окружения в бригаде «Валлония» осталось всего 632 человека, и она была отведена с фронта на переформирование. Дивизия «Викинг», потерявшая в окружении почти половину личного состава, имела в строю менее 4000 человек. Всего из окружения вышло 4,5 тыс. солдат и офицеров «Викинга», но значительная часть их была ранена и не могла участвовать в сражении за Ковель.

А бывший оберстгруппенфюрер и генерал-полковник войск СС Пауль Хауссер в своей книге «СС в бою» писал: «Остатки «Викинга» после их прорыва из Черкас (так в немецкой историографии называют Корсунь-Шевченковский «котел». — Б. С.) должны были быть переформированы после прорыва в районе восточнее Люблина — Красностова — Хол-

ма, солдат, особенно европейских добровольцев, нужно было отправить в отпуск. Для получения тяжелого вооружения, техники и пополнения требовалось время. В Германии готовились два подразделения для грядущего переформирования. Из оружия в общей сложности в распоряжении дивизии находилось только 400 карабинов и автоматов.

12 марта последовал приказ Верховного командования вермахта немедленно усилить боевой группой, численностью примерно в 4000 человек, войска, оборонявшиеся в Ковеле. На этих позициях тогда находились около 4000 человек (кавалерийский полк СС, ополченцы, полицейские формирования с небольшим количеством артиллерии и легких зениток). Командиром группы был генерал полиции фон дем Бах-Зелевски, командир «соединений СС по борьбе с бандформированиями». Однако он не соответствовал поставленной перед ним задаче и при этом объявил, что заболел.

Приказ о формировании боевой группы, учитывая состояние дивизии на тот момент, был абсолютно невыполним. Однако все возражения остались без внимания. 16 марта командир дивизии СС «Викинг» вылетел в «котел» и принял на себя командование Ковельской группировкой. Боевая группа командира 5-го танкового полка Рихтера, составленная из различных частей дивизии, должна была последовать за ним по железной дороге. Однако прорваться ей не удалось.

Положение в полностью окруженном городе было критическим. Советские войска атаковали ежедневно. Наша оборона была слабой, солдаты — неопытными, без боеприпасов и противотанковых орудий. При этом особенно не хватало медикаментов и перевязочных материалов. Снабжение по воздуху стоило больших потерь. Поскольку Ковель находится на болотистой местности, там было крайне мало спасительных подвальных помещений.

Подкреплений не было. Час от часу положение ухудшалось. Лишь 30 марта группе из 7 танков дивизии СС с 50 солдатами 131-й пехотной дивизии удалось прорваться с запада. Их радостно приветствовали — это было значительное подкрепление.

Между тем на внешнем фронте «котла» Рихтер, после первой неудачной попытки, собрал остатки дивизии в Холме. Солдаты были вооружены кое-как, особенно не хватало тяжелого вооружения, средств связи, техники и полевых кухонь. Оставалось только переправить их по железной дороге. Несколько частей обеспечивали прикрытие железнодорожного моста через Буг восточнее Холма.

После того как прибыла 131-я пехотная дивизия, боевая группа Рихтера вошла в ее состав. Железная дорога, разрушенная во многих местах партизанами, была восстановлена. Исходным пунктом будущих атак был вокзал Масеева. Дорогу полностью развезло, кроме того, она была еще заминирована. Проехать по ней на автотранспорте было невозможно, застревали даже тягачи. Противник продвинулся дальше на запад, так что мы могли удерживать лишь проход от Буга на восток. Несмотря на постоянные неудачные атаки, противник день ото дня становился все сильнее. Прорыв все еще представлялся невозможным.

Наконец, ударная группировка была подкреплена 5-й, а позже — еще и 4-й танковой дивизией вермахта. Совместными усилиями 131-й пехотной, 4-й и 5-й танковых дивизий и группы Рихтера в конце концов удалось освободить дорогу на Ковель и на железнодорожном узле западнее Ковеля протянуть руку помощи отважным защитникам. Сначала были вывезены все раненые — почти 2000 человек. Командир XLVI танкового корпуса генерал Фридрих Хоссбах принял на себя командование Ковельской группировкой. До конца месяца продолжались бои, имевшие целью увеличить узкий Ковельский коридор и наладить снабжение в полном объеме.

Гилле за мужество и успешную оборону Ковеля получил бриллианты к Рыцарскому кресту. Кроме него, в войсках СС эту высокую награду получил еще только Зепп Дитрих. Для «Викинга» Черкассы и Ковель стали великими страницами воинской славы. После них дивизия была отведена в Люблин, а позднее направлена в учебный лагерь Хейделагер».

Вместе с Гилле в Ковель были переброшены штаб дивизии, саперный батальон и штабная батарея из 7 штурмовых орудий. Всего в дивизии в ходе боев за Ковель насчитывалось

79 танков и штурмовых орудий, которые прибывали отнюдь не одновременно и сразу же вступали в сражение.

Стоит еще указать, что с 27 марта в боях за Ковель участвовало 16 танков «пантера» 8-й роты 5-го полка 5-й танковой дивизии СС «Викинг» и 22 танка Т-IV 1-й роты. Кроме того, частям дивизии, находившимся в деблокирующей группировке, был придан дивизион из 10 штурмовых орудий. 28 марта 8-я рота атаковала, но прорваться в Ковель не смогла. В донесении штаба «Викинга» от 28 марта так рассказывалось об этом бое: «Первой в Масеев пришла 8-я рота 5-го танкового полка. Ее командиром был отважный офицер, уроженец Южного Тироля оберштурмфюрер СС (обер-лейтенант) Карл Николусси-Лек, зарекомендовавший себя как замечательный танковый командир еще в сражениях на Кавказе. Его танковая рота была хорошо подготовлена, полностью вооружена новыми, «с иголки» 16 «пантерами». Они прибыли как раз вовремя для того, чтобы поддержать наступление на Ковель. Оно должно было проводиться под командованием полковника Набера, командира 434-го полка из района Старе-Козары вдоль железной дороги Холм — Ковель в направлении Ковеля. Для этого танковая рота Николусси-Лека должна была наступать прямо на Черкассы, прорвать противотанковый рубеж на высоте западнее этого населенного пункта и овладеть Черкассами. Мотопехотный батальон мотопехотного полка «Германия» с десятью штурмовыми орудиями под командованием штурмбаннфюрера СС Хака должен был поддержать атаку, а 1-му батальону 434-го полка капитана Больма с семью штурмовыми орудиями предстояло атакой в направлении северной части Черкасс обеспечить северный фланг наступающих.

В 12 часов подготовка закончилась, и можно было начинать атаку. Полковник Наберт передал в подчинение оберштурмфюрера СС Николусси-Лека около 30 добровольцев из своего полка, которые сели на «пантеры», чтобы обеспечить их стрелковое прикрытие.

В 14.30 Николусси доложил по радио: «Рота стоит на высоте в 600 метрах западнее Черкасс. Позиции противника

прорваны. Сильная метель. Сначала очистим от противника высоту, затем продолжим атаку».

В 16.30. «Ведем бой за Черкассы».

17.15. «Черкассы взяты, очищаются от пехоты. Семь противотанковых пушек, четыре орудия, 300 пленных, восемь танков в строю, три подбито, пять застряли в болоте».

Тем временем оставшаяся пехота противника оставила Черкассы. Около 1000 человек отошли на Можжену, преследуемые пятью танками. Но о том, чтобы продолжать атаку в направлении Можжены, как это было приказано, нельзя было и думать. Метель и наступившая ночь, а также приказ полковника Набера удержали боевую группу в Черкассах. Преодолев три рубежа противотанковой обороны и разгромив крупные силы противника, Николусси-Лек не хотел упускать из рук одержанный успех. Он поговорил с капитаном Большом из 434-го пехотного полка, и они решили использовать успех и под покровом предрассветной мглы, не обращая внимания на приказ об остановке, продолжить наступление на Ковель. К тому же войсковая разведка доложила, что им противостоит слабый противник. В 4.00 они снова пошли в атаку».

А вот как сам Карл Николусси-Лек впоследствии вспоминал об этом бое: «Ковель был объявлен «узлом обороны». Я получил приказ прорваться через силы красных внутрь города и помогать удерживать его до тех пор, пока нашим войскам не удастся организовать контрнаступление и прорвать кольцо окружения. Из-за превосходства неприятельских сил, заснеженной и в то же время болотистой местности осуществление прорыва оказалось очень трудным и занявшим много времени делом. Через десять часов крайне медленного продвижения, преодолевая постоянное сопротивление неприятеля, к полуночи мы прошли лишь половину пути, лишившись при этом трети наших боевых машин. В этой ситуации план прорыва в город стал представляться мне совершенно безнадежным. Когда авангард моей танковой колонны отделили от Ковеля всего лишь 2 километра, я получил приказ своего батальонного командира остановиться. Правда, к этому времени мой головной танк уже ввязался в бой с красны-

ми, вклинившись в их линию обороны в северо-западном пригороде Ковеля. Поняв, в какое отчаянное положение мы попали, я решился нарушить приказ и продолжить атаку.

На этот раз нам помогла сама природа. Под защитой снежного вихря и огромных сугробов, прикрывавших нас на левом фланге, после 18-часового боя, лишившись половины наших боевых машин, мы наконец-то на рассвете добрались до города. Потом мы долго обороняли Ковель от контратак превосходящих сил противника, пока атака одного из германских танковых корпусов не прорвала кольцо вражеского окружения, что позволило ввести в Ковель подкрепления и эвакуировать оттуда наших раненых. А пока мы дрались внутри города, люфтваффе снабжало нас по воздуху питанием, медикаментами, боеприпасами и горючим, сбрасывая нам все необходимое в контейнерах. Правда, часть контейнеров при этом попадала в руки красных — но тут уже мы ничего поделывать не могли...

После нескольких попыток разгромить неприятельские части, оборонявшие северо-восточные кварталы Ковеля, я с несколькими танками вернулся на командный пункт Гилле и доложил группенфюреру обстановку».

Таким образом, при повторной атаке 29 марта семи танкам роты Николусси-Лека удалось пробиться в Ковель, еще один танк был поврежден. После этого в танковом полку «Дойчланд» осталось 6 «пантер», которые сыграли главную роль при деблокировании Ковеля 5 апреля, а также 22 Т-IV. Больше в нем танков не было. Все эти «пантеры» были новыми танками, а не теми несколькими, что удалось вытащить из Корсуньского «котла».

Кстати сказать, Карл Николусси-Лек — это один из немногих ветеранов «Викинга», который был еще жив в 2008 году. В конце войны он дослужился до гауптштурмфюрера, в марте 1945 года получил Золотой Германский крест, а в апреле сдался в плен американцам. Николусси-Лек, родившийся в австрийском городе Пфаттен в Южном Тироле в 1917 году, ныне разводит розы в своем саду и занимается садовым дизайном в Боцене, в родном Южном Тироле.

Как видим, «Викинг» к моменту начала боев под Ковелем

отнюдь не представлял собой полнокровную дивизию, какой его хотел изобразить Казакевич, сам служивший в разведке 47-й армии, дравшейся под Ковелем. Вместо 15 тысяч у Гилле было менее 4 тысяч солдат, измученных недавним прорывом из корсуньского окружения. И всего 22 танка Т-IV и 16 «пантер», 7 из которых пробились в Ковель. Кроме того, 17 штурмовых орудий — вот и вся бронетехника, которой располагал тогда «Викинг». Ни о каких 60 новеньких «тиграх» и речи нет. Да и странно звучит утверждение Казакевича о «тиграх» как о танках «нового типа». Впервые «тигры» появились на Восточном фронте в декабре 1942 года, весь 1943 год они активно участвовали в боях, и к марту 1944 года никак не могли рассматриваться как новинка. Быть может, писатель имел в виду более новый тип танка, так называемые «королевские тигры», обладавшие более толстой броней и более бронебойной пушкой, чем простые «тигры». Поэтому и привел слова Шпеера о «тигре» как о «короле танков». Однако впервые «королевские тигры» появились на Восточном фронте только в августе 1944 года, и в марте под Ковелем их быть никак не могло.

Гилле, оказывается, отнюдь не возглавлял прорыв к Ковелю своей дивизии, а руководил обороной Ковеля, находясь непосредственно в «котле». Никакого контрудара «Викинг» тогда фактически не наносил, а командир дивизии с семью танками находился в Ковеле. И с генералом и обергруппенфюрером СС Эрихом фон дем Бах-Зелевски Гилле если и мог беседовать в то время, то отнюдь не в особняке под Берлином, а только в Ковеле. И, конечно, никакого покровительственного тона по отношению к себе от генерала, который явно спасался бегством из Ковельского «котла» под предлогом болезни, командир «Викинга» никогда бы не допустил. Да не мог Бах-Зелевски, служивший совсем по другому ведомству, способствовать служебной карьере Гилле. И бои под Ковелем в конце концов увенчались для немцев успехом, так как ковельский гарнизон им удалось деблокировать.

А вот что вспоминал о группировке противника перед началом 15 марта советского наступления на Ковель генерал М. Х. Калашник, бывший начальник политотдела 47-й ар-

мии, в которой служил Э. М. Казакевич: «В результате хорошо организованной разведки штаб армии, командиры и штабы соединений к началу наступления располагали довольно точными сведениями о противостоящих силах врага. Группировка немецко-фашистских войск в полосе наступления армии состояла из частей 213-й немецкой охранной дивизии, 17-го полицейского полка СС, 50-го и 622-го саперных батальонов, 12-го железнодорожного батальона и 10-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона. Войска объединялись в дивизионную группу под командованием обергруппенфюрера СС Баха. В тылу ковельского выступа располагались 9-я и 19-я легкопехотные венгерские дивизии, несшие охрану коммуникаций в районе Ковель, Малорита, Холм, Владимир-Волынский». Как видим, никакой дивизии «Викинг» тут не упоминается. Правда, по словам Калашника, командующий армией генерал В. С. Поленов высказал опасения, что в критический момент немцы могут перебросить к Ковелю крупные резервы, так как постараются любой ценой удержать этот важный железнодорожный узел, открывающий Красной Армии дорогу в Польшу.

По словам Калашника, бои за Ковель проходили следующим образом: «...К исходу дня 18 марта вражеский гарнизон в Ковеле был окружен, а остальные войска противника, оборонявшие ковельский выступ, оттеснены на 10—20 километров на запад от города. С 19 по 29 марта 60, 175 и 260-я стрелковые дивизии вели напряженные бои непосредственно за Ковель. Однако ввиду исключительно упорного сопротивления немецких войск, использовавших для обороны все сколько-нибудь пригодные кирпичные здания, систему дотов, дзотов, разнообразных железобетонных укреплений, за все эти дни нашим частям удалось овладеть лишь двумя небольшими улицами. Прорваться к центру города оказалось весьма трудно.

На внешнем фронте, на рубеже Стара Выжма, Тарговище, столь же напряженные бои вели другие соединения армии, отбивая почти непрерывные контратаки противника. Положение там осложнялось. Немецко-фашистское командование бросало в бой все больше танков, а наши противотанковые артиллерийские части не имели достаточного ко-

личества боеприпасов: из-за бездорожья, весеннего разлива рек, речушек и болот подвоз снарядов сократился до минимума.

Позже из показаний пленных немецких офицеров и данных захваченных штабных бумаг станет известно, какое большое значение придавало обороне района Ковеля Верховное немецко-фашистское командование. В наши руки попадет оперативный приказ № 7 за подписью Гитлера, в котором командованию группы армий «Центр» вменялось в обязанность сосредоточить основные оборонительные усилия на узком участке фронта в районе Бреста и подчеркивалось, что «первоочередная задача группы армий «Центр» состоит в том, чтобы вновь овладеть Ковелем и установить связь с войсками группы армий «Юг». Узнаем мы позже и о том, что еще до подписания Гитлером этого приказа немецко-фашистское командование, предвидя реальную угрозу прорыва советских войск из района Ковеля в тылы группы армий «Центр», приняло срочные меры для укрепления обороны на этом направлении. Во второй половине марта и начале апреля немцы перебросили сюда с менее опасных участков фронта четыре пехотные и три танковые дивизии, два дивизиона штурмовой артиллерии и отдельный танковый батальон.

Все это станет известно уже после разгрома ковельской группировки врага... Все мы были уверены: пройдет еще день-два, от силы пять, и окруженный ковельский гарнизон капитулирует, город будет взят».

Под разгромом ковельской группировки здесь, несомненно, имеется в виду освобождение Ковеля войсками 1-го Белорусского фронта 6 июля 1944 года. Значит, во время мартовско-апрельских боев разведка 47-й армии не имела представления о составе группировки, сосредоточенной для деблокады Ковеля. Следовательно, налицо был еще один просчет разведки, породивший у командования армии шапкозакладательские настроения, будто Ковель удастся взять за пару дней. Калашник также не указывает, что, по крайней мере, в одной из трех германских танковых дивизий, в «Викинге», было всего 38 танков, да и другие дивизии были укомплектованы техникой далеко не полностью. Не было под Ковелем и

ни одного отдельного танкового батальона. Отдельные батальоны тогда укомплектовывались танками «тигр», и ни один из них под Ковелем в тот период не действовал.

Вот как описывает дальнейшие события Калашник:

«Некоторые работники политорганов соединений, пользуясь отрывочными сведениями, делали даже поспешные выводы о панике, якобы царившей в окруженном немецком гарнизоне в Ковеле. Например, из 143-й Конотопско-Коростенской стрелковой дивизии пришло донесение о том, что, по сведениям, полученным от перебежчиков, многие немецкие солдаты и даже эсэсовцы из окруженного гарнизона «переодеваются в гражданскую одежду и прячутся в подвалах, на чердаках, пробираются в лес и ближайшие хутора, ожидая развязки ковельской операции».

В действительности же сопротивление врага не ослабевало. Пользуясь опорными пунктами и укреплениями, окруженные в городе гитлеровцы, особенно эсэсовцы, продолжали с отчаянным фанатизмом оборонять каждую улицу, каждый переулок, каждый дом. Несмотря на противодействие нашей авиации, немецким летчикам время от времени удавалось забрасывать в город контейнеры с боеприпасами и продовольствием. Судя по всему, окруженный гарнизон все еще верил, что его непременно выручат действовавшие на внешнем фронте немецкие войска. А там, на внешнем фронте, в десятке километров от Ковеля, гитлеровцы почти непрерывно контратаковали наши части. Контратаки вражеской пехоты поддерживались все большим количеством танков и самолетов.

С каждым днем становилось очевиднее, что немецко-фашистское командование делает ставку на затяжку боев в районе Ковеля, а окруженные в городе войска стремятся любой ценой удержать его, надеясь на скорое деблокирование гарнизона. Переданные нами с помощью радиоустановок предложения о капитуляции оставались без ответа.

Тем временем стало известно, что в район Ковеля немцы перебросили с других участков фронта несколько крупных воинских соединений, в том числе отборную танковую дивизию СС «Викинг». Захваченный нашими войсками развед-

чик из этой дивизии показал, что она получила задачу вместе с другими частями деблокировать окруженный в Ковеле гарнизон, после чего ей обещана отправка в Германию на переформирование. Тот же военнопленный всячески расхваливал способности командира дивизии «Викинг» 50-летнего группенфюрера СС Гилле — одного из приближенных Гимmlера и Розенберга.

Переброска в район Ковеля дивизии «Викинг» и других отборных пехотных и танковых частей противника грозила нам новыми серьезными испытаниями, тем более что советские полки и дивизии, как окружавшие Ковель, так и сражавшиеся на внешнем фронте, понесли значительные потери...

Судя по всему, командование фронта убедилось в необходимости усиления войск нашей армии. Но момент был упущен. Противник успел сосредоточить на внешнем фронте мощный бронетанковый кулак. Через день или два после отъезда из армии начальника политуправления фронта гитлеровцы нанесли контрудар. Ценой больших потерь им в первых числах апреля удалось прорваться из района Мацюв, Тупалы вдоль железной дороги к Ковелю и несколько потеснить наши войска. Части и соединения армии закрепились на подступах к городу, имея задачу оборонять этот район, накапливать силы и готовиться к новому решительному штурму».

Получается, что в разгар боев за Ковель советская разведка не знала, что Гилле давно уже находится в Ковеле и руководит действиями окруженного гарнизона. Никаким приближенным Гимmlера и Розенберга он, разумеется, не был. Да и мудрено было быть приближенным одновременно и к тому, и к другому, поскольку рейхсфюрер СС и рейхсминистр восточных территорий друг друга не жаловали, в частности, из-за конфликта по поводу того, кому должна подчиняться полиция и полицейские формирования на оккупированных советских территориях. Из-за того, что подчиненные Гимmlера игнорировали указания Розенберга о проведении более гибкой политики по отношению к местному населению, этот конфликт еще больше обострился. И совсем уж непонятно, что это за отборная эсэсовская часть, которую нужно срочно отправлять на переформирование. Ни Калашник,

ни тем более Казакевич ничего не говорят о том, что «Викинг» недавно вырвался из Корсуньского котла и, даже после пополнения боевой техники, во время боев под Ковелем располагал лишь 38 танками, среди которых не было ни одного «тигра».

Интересно, что и после окончания апрельских боев, вплоть до начала советского наступления в Белоруссии, разведка 47-й армии продолжала числить дивизию «Викинг» в составе противостоявшей армии вражеской группировки вплоть до начала советского наступления в Белоруссии 23 июня, хотя еще в мае она была переброшена для переформирования в учебный лагерь Хейделлагер в Польше.

В своей повести Казакевич предпочел поражение превратить в победу. Тем более что в свое время за неудачу под Ковелем командованию 47-й армии и 2-го Белорусского фронта крепко попало. Разбираться с ними был послан командующий соседним 1-м Белорусским фронтом К. К. Рокоссовский. Он, правда, пришел к выводу, что сейчас проводить операцию по захвату Ковеля нецелесообразно, и предложил подождать до проведения операции «Багратион». Тем не менее перед началом этой операции, закончившейся освобождением Белоруссии, восточной части Польши, Литвы и Ковеля, в апреле — мае 1944 года, командующий 2-м Белорусским фронтом генерал П. А. Курочкин и командующий 47-й армией В. С. Поленов лишились своих постов (первый — в связи с расформированием 2-го Белорусского фронта). Они заплатились за неудачу под Ковелем.

Кстати сказать, то место повести Казакевича, где рассказывается, как советская авиация разбомбила в пух и прах места дислокации «Викинга», выявленные группой Травкина, ветераны того сражения, наверное, читали с горькой улыбкой. Как пишет российский военный историк С. И. Михалев, операция по взятию Ковеля «из-за слабого боевого состава 6-й воздушной армии, опоздания с ее перебазированием и неблагоприятных погодных условий проводилась при малоэффективной авиационной поддержке».

Советская сторона оценивала немецкие потери в сражении за Ковель (оно в советских источниках обычно именуется

Полесской операцией) в более чем 10 тыс. человек убитыми и пленными, до 100 орудий и минометов, 50 танков, 36 самолетов. Эти данные, несомненно, сильно преувеличены. Потери же 2-го Белорусского фронта в период с 15 марта по 5 апреля 1944 года составили 2761 убитыми и пропавшими без вести и 8371 ранеными и больными. Нетрудно заметить, что вражеские потери в донесениях показаны таким образом, чтобы безвозвратные потери немцев были примерно равны общим советским потерям. Советские же потери, особенно безвозвратные, наверняка занижены.

В своей повести писатель Казакевич сделал «Викинг» таким, каким он стал лишь к июлю 44-го, когда дивизия, пополненная и перевооруженная, вернулась на фронт и действительно нанесла контрудар, только не на ковельском направлении, а в Восточной Польше. Тогда дивизия насчитывала более 17 тыс. человек и располагала порядка 50 «пантерами» и 40 танками других типов (но не «тигров»), а также 15 штурмовыми орудиями. И контрудар этот, вопреки тому, что написано в «Звезде», оказался совершенно неожиданным для советских войск и, по тому времени, когда была разгромлена группа армий «Центр», относительно успешным для немцев.

Вот что пишет в своих мемуарах «В походах и боях» бывший командующий 65-й армией генерал армии Павел Иванович Батов: «Наступила ночь на 23 июля... В блиндаж почти вбежал полковник Никитин. Свет керосиновой лампы тускло освещал его лицо, и, может быть, потому оно казалось необычно бледным.

— Что случилось?

— Перехвачен радиоразговор командира пятой танковой дивизии СС «Викинг» Галла (в действительности — группенфюрера СС Герберта Гилле. — Б. С.) с командиром четвертой танковой Петцелем. Галл в Высоколитовске, Петцель в Бельске. Готовятся в четыре ноль-ноль нанести по нашим войскам встречные удары и соединиться в районе Клещелей.

Можно было ожидать чего угодно, только не этого. Никто не предполагал, что с севера, от Бельска, может назреть

такая угроза. Это был просчет нашей разведки. Немцы верно оценили слабость нашего правого фланга.

Контрудар врага преследовал ограниченные цели — вывести высоколитовскую группировку на соединение с бельской. Чтобы ускорить решение этой задачи, генерал Галл открытым клером по радио попросил командира 4-й немецкой танковой дивизии оказать ему помощь» (в повести Казакевича информацию о дивизии «Викинг» передает в эфир открытым текстом группа Травкина).

И своих целей немцы в тот раз достигли, уничтожив советский плацдарм за Западным Бугом и выведя основные силы дивизии «Викинг» в Бельск на соединение с 4-й танковой дивизией вермахта. Вот что пишет П.И. Батов: «Сто танков с севера и столько же с юга. В этой обстановке не оставалось ничего иного, как сжать основные силы армейской группировки к центру, оставить часть занятой территории, сократить линию фронта и занять круговую оборону. Очень мало времени, чтобы отдать этот приказ войскам. Решаем передавать открытым текстом по радио, маскируя намеченные рубежи обороны одними цифрами кодированной карты. Чтобы не терять драгоценные минуты, приказываю настроить рации всех корпусов на одну волну. Приказ принимают все комкомы одновременно. Иванов тут же докладывает, что потерял связь с 69-й. Этой дивизии необходимо было поставить задачу: оставить плацдарм на Западном Буге и выйти на помощь управлению корпуса. Но как сообщить об этом? Рядом со мной стоял штабной офицер полковник Рондарев.

— Разрешите прорваться на мотоцикле.

Крепко пожал Рондареву руку:

— Спешу, но будь осторожен.

Он умчался на мотоцикле к Западному Бугу. Ему удалось проскочить по не занятым противником дорогам до командного пункта 69-й и передать приказ.

К полудню стало ясно, что северной и южной немецким группировкам удастся соединиться. Оперативной группе командарма пора отходить к Гайновке, чтобы оттуда организовать удар по прорвавшемуся врагу. Шум боя приближался. Но нужно еще доложить обстановку Рокассовскому. Вместе

с Николаем Антоновичем заскочили в машины к телеграфистам. Рокоссовский ответил быстро. Докладываю: «Противник наносит встречный контрудар с двух направлений на Клещели. Штаб армии отведен в Гайновку. Сам с оперативной группой нахожусь и управляю боем на...»

Доклад закончить не удалось. Николай Антонович прервал:

— Немцы!

Через открытую дверь автобуса было видно, как метрах в трехстах среди высокой ржи появилась башня немецкого танка. Ствол пушки развернулся в нашу сторону, и в ту же минуту раздался сильный взрыв. Первый снаряд противник послал в плохо замаскированный грузовик, на котором был смонтирован движок телеграфной установки.

— Все за мной!

Бросаемся к ржаному полю, где у дороги были замаскированы наши «виллисы». Сзади второй взрыв. Телеграфная установка загорелась. К счастью, телеграфисты успели убежать с нами. «Виллисы» помчались вдоль ржаного поля на Гайновку, проскочили буквально в нескольких десятках метров от боевых порядков немецкой танковой части. Спасла густая рожь.

Рассказывали, что командующий фронтом был очень обеспокоен внезапным прекращением переговоров и запрашивал по радио: «Где Батов?» Не получив ответа, выслал в разведку эскадрилью истребителей. Мы видели самолеты, летавшие над районами Клещелей и Черемхи, но летчики наших машин не обнаружили. Нашелся среди них шутник: он доложил с борта самолета по радио своему непосредственному начальнику, что видел по дороге от Клещелей на Гайновку... рассыпанные военторговские тарелки...

24 июля стрелковые корпуса И. А. Гарцева и Д. Ф. Алексеева во взаимодействии с 17-й танковой бригадой разгромили немцев под Клещелями и за два дня боев восстановили прежнее положение войск армии. Враг потерял более 40 танков, до 50 орудий и свыше 5 тысяч солдат и офицеров, но ему все же удалось вывести на Бельск часть боевой техники и

штабы соединений. Остальные силы высоколитовской группировки отошли по дороге на Дрогочин».

Командующий 1-м Белорусским фронтом маршал К. К. Рокоссовский также оценил немецкий контрудар против армии Батова как совершенно неожиданный: «Наш правый сосед — 2-й Белорусский фронт — несколько поотстал, а 65-я армия, не встречая особого сопротивления со стороны противника, быстро преодолела лесные массивы Беловежской Пуши, вырвалась вперед и тут попала в неприятную историю, будучи атакованной с двух сторон частями двух немецких танковых дивизий. Они врзались в центр армии, разъединили ее войска на несколько групп, лишив командарма на некоторое время связи с большинством соединений. Был такой момент, когда перемешались наши части с немецкими, и трудно было разобрать, где свои, где противник; бой принял очаговый характер.

Невольно вспомнились мне бои конца 1914 года в районе Лодзь, Бржезины. Тогда создалась подобная же ситуация. Окруженный русскими войсками немецкий корпус, выходя из кольца, окружил русские части. Все перемешалось... Мне самому довелось побывать в этом «слоеном пироге» — я служил в то время в 5-м Каргопольском драгунском полку 5-й кавалерийской дивизии.

...Части и подразделения 65-й армии проявили большую выдержку в столь сложной обстановке. Они быстро занимали круговую оборону, отражали вражеские атаки, стремились пробиться друг к другу. П. И. Батов и его штаб приняли необходимые меры. Командование фронта послало на выручку стрелковый корпус и танковую бригаду. Положение было восстановлено, а противник, понеся большие потери, с трудом унес ноги. Но Павлу Ивановичу пришлось пережить тяжелые минуты».

Суровая военная действительность была далека от оптимистической концовки «Звезды»: «Важно было то, что сосредоточившаяся в этих лесах, чтобы нанести удар исподтишка по советским войскам, отборная дивизия с грозным именем «Викинг» обречена на гибель. И машины, и танки, и бронетранспортеры, и тот ээсовец с грозно поблескивающим

пенсне, и те немцы в подводе с живой свиньей, и все эти немцы вообще — жрущие, горланящие, загадившие окружающие леса, все эти Гилле, Мюлленкампы, Гаргайсы, все эти карьеристы и каратели, вешатели и убийцы — идут по лесным дорогам прямо к своей гибели, и смерть опускает уже на все эти пятнадцать тысяч голов свою карающую руку». Вероятно, кому-то из коллег Казакевича по военной разведке крепко попало за то, что проморгал дивизию «Викинг» в Высоколитовске. И в повести он заново переиграл, так сказать «в нашу пользу», реальный сюжет, наделив его, по законам героического мифа, совсем другим исходом.

Но еще интереснее, что между «Звездой» и «В августе 44-го» существует прямая связь. Начальник капитана Алехина и его товарищей подполковник Поляков, бывший профессиональный литератор и журналист, близорукий интеллигент в очках и с характерным заиканием, имеет своим прототипом... Эммануила Казакевича. И сюжет «Звезды» в Богомоловском романе присутствует, но в перевернутом виде. У Казакевича — советская разведгруппа пытается найти и находит скрытно сосредоточенную для контрудара дивизию СС «Викинг», и ценой своей жизни передает бесценную информацию в штаб армии. У Богомолова — немецкая разведгруппа из бывших советских граждан ищет в тылу скрытно сосредоточенную для наступления танковую армию, но частью гибнет, частью попадает в плен и задачу не выполняет. Как у Казакевича разведчики убивают после допроса «языков» немцев, чтобы не выдать себя, так у Богомолова немецкая разведгруппа убивает после пыток друга Таманцева Лешку Басоса, шофера Гусева и др. Советская разведгруппа — это три мушкетера — Алехин, Таманцев и Блинов, рыцари без страха и упрека. А противостоящий им «Неман» — это их отражение в кривом зеркале, но отнюдь не карикатурное. Мищенко — двойник Алехина, «амбал» — Таманцева, лейтенант-радиотехник — Блинова.

Да и место действия романа Богомолова, Западная Белоруссия, совпадает с тем регионом, Гродненской и Виленской губерниями, по административному делению царского вре-

мени, где проходил июльский контрудар дивизии «Викинг», отразившийся в повести Казакевича.

Но есть у «Августа 44-го» еще одно литературное зеркало. Это — «Август четырнадцатого» Александра Солженицына, опубликованный на Западе незадолго до романа Богомолова. Солженицын рассказывал о бездарном, проигрышном наступлении русских армий на Восточную Пруссию. Богомолов — о блестяще подготовленном и успешном наступлении Красной Армии на Восточную Пруссию 30 лет спустя. Быть может, не случайно глава немецкой разведгруппы Мищенко предстает перед нами в облике капитана Красной Армии с характерным южнорусским говором. Солженицын тоже в Красной Армии был капитаном и родился и жил до войны на юге России.

Для того чтобы добиться такой параллели с романом Солженицына, как мы покажем в одном из следующих очерков, писателю даже пришлось сдвинуть на месяц, с сентября на август 44-го, проведение Мемельской операции 1-го Прибалтийского фронта. Но полемика с «Августом» не ограничивается противопоставлением неудачи русской армии в ходе вторжения в Восточную Пруссию в августе 14-го и удачных действий советских контрразведчиков в августе 44-го, обеспечивших успешное вторжение Красной Армии в Восточную Пруссию. Богомолов к тому же заставляет Сталина лично брать на контроль дело «Немана». На самом деле подобных групп у немцев одновременно действовали десятки и сотни, в основном из пленных и перебежчиков. Такие группы засылали едва ли не тысячами. 90 процентов из них или сразу обезвреживались, или сами являлись с повинной. Но немцы делали расчет на те несколько процентов, что уцелеют. И сведения о группе типа «Немана» дальше штаба армии никогда бы не пошли. Но Богомолову нужен был Сталин — чтобы опровергнуть того Сталина, который был у Солженицына, только не в «Августе четырнадцатого», а в романе «В круге первом». Там Абакумов — жалкий и злобный, крик души которого: «Товарищ Сталин, верните нам смертную казнь!» А Сталин — мрачный диктатор, замышляющий мировую войну. У Богомолова Сталин — мудрый стратег, хоро-

шо разбирающийся в военном деле, а жестокости — удел Берии и Меркулова, в каждом готовых видеть врага, неверно истолковывающих указания вождя. Абакумов же — самый мудрый из сталинских собеседников. У Солженицына смершевцы — палачи, более страшные своим офицерам и солдатам, чем немецким шпионам, мародеры, грабящие на сотни, тысячи, а сам Абакумов — на миллионы рублей. У Богомолова смершевцы — герои-молодцы, лихо расправляющиеся с шпионами, качающие маятник, стреляющие по-македонски (по свидетельству некоторых ветеранов, смершевцы зачастую вообще стрелять не умели). Книга оказалась идеологически очень полезной, оттого и очень охотно переиздавалась в советское время. При том, что книга — прекрасная, лучшее, что написал Богомолов, замечательно передающая быт войны, и без какой-либо неправды. А все равно рождает миф!

БАЛАТОНСКОЕ СРАЖЕНИЕ

Оба Балатонских сражения, происходивших в январе и марте 1945 года в районе озера Балатон в Венгрии, довольно плохо документированы как с советской, так и особенно с немецкой стороны. Основные документы по этим сражениям до сих пор не опубликованы. Хуже того, основные немецкие документы, связанные с боями у Балатона, до сих пор не изучены и не введены в научный оборот. Большая их часть была захвачена Красной Армией в качестве трофеев в последние дни войны и, скорее всего, до сих пор хранится неразобранными в Особом архиве в Москве. По причине слабости документальной базы мы лишены возможности объективно сравнивать численность войск, вооружения и боевой техники и потери сторон. Опираясь, особенно с немецкой стороны, приходится в значительной мере на мемуары. При написании данной главы нами использовано исследование М. Свирина, О. Баронова, М. Коломийца и Д. Недогонова «Бои у озера Балатон».

Первое Балатонское сражение в январе 1945 года, в котором немецкая 6-я армия, включавшая IV танковый корпус СС, пыталась деблокировать Будапешт и восстановить оборону по Дунаю, начало готовиться немецким командованием еще до окружения венгерской столицы. Столь пристальное внимание к Венгрии объяснялось тем, что к концу 1944 года Германия лишилась нефтяных месторождений и нефтеперерабатывающих заводов Румынии, перешедшей на сторону Антигитлеровской коалиции. Кроме того, практически все германские заводы по производству синтетического горючего были уничтожены англо-американской авиацией. Един-

ственные нефтяные месторождения и нефтеперерабатывающие заводы, оставшиеся в распоряжении Рейха, находились в австрийском Цистердорфе и на венгерской территории к западу от Балатона. Как вспоминает бывший командующий группой армий «Юг» генерал-полковник Ганс Фриснер, «группа армий получила так называемые «директивные указания фюрера» о порядке использования в наступательных действиях вновь прибывших к нам танковых соединений — 3, 6 и 8-й танковых дивизий и трех батальонов танков Т-V «пантера». Гитлер ограничил их использование только двумя участками фронта: между озерами Балатон и Веленце или на северо-восточном участке будапештского плацдарма. Гитлер отдавал предпочтение наступлению между озерами Балатон и Веленце в юго-восточном направлении и настаивал на скорейшем его проведении. Однако плохие дорожные условия и заболоченная местность в этом районе не позволяли танковым войскам осуществить широкий оперативный маневр. 14 декабря командование группы армий обратило внимание ОКХ на это обстоятельство, заявив, «что оно не может взять на себя ответственность за немедленное наступление предоставленными ему танковыми силами в условиях распутицы. Оно считает необходимым дождаться наступления морозов, когда можно будет вести операции, не придерживаясь твердых грунтовых дорог.

Новая операция группы армий под кодовым наименованием «Поздняя жатва» готовилась с таким расчетом, чтобы начать ее незамедлительно, как только позволят условия погоды и будут созданы все предпосылки для успешных действий войск».

Немецкие войска все еще не были готовы нанести контрудар, хотя окружение Будапешта становилось все более реальной перспективой. Войска, которые вскоре были окружены в венгерской столице, насчитывали всего 79 тыс. человек — 41 тыс. немцев и 38 тыс. венгров. Венгерские части к тому времени обладали очень низким моральным духом и даже собственную столицу обороняли без энтузиазма, предчувствуя неизбежное поражение и скорый конец войны. Но и немецкие войска в будапештском гарнизоне обладали в своем

большинстве не слишком высокими боевыми качествами. Здесь были и недавно сформированные венгерские дивизии СС, и спешно направленные на фронт народно-гренадерские дивизии. Гитлер не придавал ему особенно большой ценности и готов был пожертвовать, лишь бы он оттянул на себя советские войска и замедлил советское наступление в Западной Венгрии. Потом, в случае успеха контрудара эссовских танковых дивизий, он рассчитывал вновь захватить венгерскую столицу и восстановить оборону по Дунаю.

Фриснер вспоминал: «17 декабря главное командование сухопутных войск потребовало срочно начать контрудар танковыми силами из района озерного дефиле у Секешфехервара. Я приказал еще раз изучить и проверить все исходные данные для контрудара, в котором руководство войсками должен был взять на себя штаб 3-го танкового корпуса. Командование корпуса сообщило:

«Наступление возможно осуществить лишь при условии сильных морозов, которые сделают заболоченную местность в этом районе проходимой для танков. В настоящий момент местность не благоприятствует проведению операции. Опыт 3-го танкового корпуса в сражении под Черкассами говорит о том, что подобные условия чреваты потерей большей части вводимых в наступление танков. Даже при благоприятном развитии обстановки танки могут застрять в грязи и выйти из строя уже на второй день наступления».

Положение со снабжением (распределение боеприпасов и горючего по войскам еще не было завершено) также указывало на то, что в данный момент операция не может быть проведена. Я еще раз убедился в этом, совершив инспекционную поездку по войскам, окончившуюся тем, что я сам застрял со своей машиной в грязи. Дожди чередовались со снегом. Дороги были полностью размыты. В этих условиях я отклонил требование ОКХ о наступлении и просил перенести срок его начала, пока мороз не сделает возможным использование танковых частей и, прежде всего, пока не будут иметься в достаточном количестве боеприпасы и горючее. При существующих обстоятельствах брать на себя ответственность за успех контрудара я не мог, особенно учитывая общую оперативную

обстановку. Тем не менее Гудериан во второй половине дня еще раз потребовал незамедлительно начать наступление. Между нами вспыхнула острая телефонная перепалка, после которой я решил вылететь в Будапешт. Венгерская столица к тому времени все еще была полна народом. Город являл собою мирную рождественскую картину, хотя противник стоял у самых его ворот. Все магазины работали, городской транспорт функционировал как ни в чем не бывало. На улицах царило оживление. Горожане закупали рождественские подарки. Противник лишь время от времени, по ночам, обстреливал город из дальнобойных орудий. Авиационные налеты на город случались редко. Несмотря на повторные представления в адрес венгерского правительства, эвакуация города все время откладывалась. Возможно, что практически ее уже нельзя было осуществить.

Видя все это, я придерживался той точки зрения, что Будапешт не следовало бы рассматривать как «крепость», тем более что в городе все еще находились госпитали. Вести бои в городе, как того требовал Гитлер, и превратить в очаг обороны каждый дом, каждый перекресток, да еще привлечь к обороне города самих горожан мог только утопист или фанатик.

Я не тешил себя надеждами на успешную оборону обширного плацдарма против во много раз превосходивших нас сил противника и тем более не верил в успех уличных боев, предписанных приказом Гитлера. Ведение уличных боев могло лишь привести к истощению сил. Кроме того, противник, по всем данным, вовсе и не думал об уличных боях. Он наверняка собирался окружить Будапешт вместе с оборонявшими его четыремя дивизиями ударом с западного берега Дуная, как это в конце концов и случилось.

Учитывая общую обстановку, я придерживался мнения, что все войска, действующие в восточной части будапештского плацдарма, следовало бы использовать для усиления хорошо продуманной и глубоко эшелонированной обороны на высотах в районе Секешфехервара. Я не изменил своих взглядов и по сей день считаю, что при такой организации обороны противник не смог бы совершить тогда столь быстрый и глубокий прорыв. Кроме того, и войскам, обороняв-

шим Будапешт, и самому городу удалось бы избежать тех неприятностей, которые имели место позже».

Немцы сознавали, что на венгерскую армию полагаться нельзя. 19 марта 1945 года Геббельс принял нового венгерского посланника в Берлине Мечера. После встречи гауляйтер Берлина записал в дневнике: «На мадьяр совершенно нельзя положиться. Они уже умерли, не будучи еще мертвыми. Посланник Мечер описывает мне настоящие ужасы, рассказывая о большевистских зверствах в захваченных венгерских городах, от которых стынет кровь в жилах. Он добавляет, что информировал об этом папского нунция в Берлине, но нунций только пожал плечами. По-видимому, нунций в Берлине думает так же, как и папа, а именно, что нельзя дразнить сильных мира сего, а надо пытаться не спорить с ними, каким бы черным делом они ни занимались».

8-ю танковую дивизию пришлось использовать для контрудара у Ипольсега, куда также была направлена мотопехота 3-й и 6-й танковых дивизий. Танки же этих дивизий попали под мощный удар советской пехоты, начавшей 20 декабря штурм позиции «Маргарита».

23 декабря Фриснер, скептически относившийся к возможности удержать Будапешт, был снят со своего поста и заменен генералом Отто Вёлером. На следующий день, 24 декабря, Будапешт был полностью окружен.

Вот что пишет Пауль Хауссер о боях у озера Балатон: «Без ведома Верховного командования сухопутных сил (Гейнц Гудериан) Верховное командование вермахта 24 декабря отдало приказ перебросить штаб IV танкового корпуса СС (Герберт Гилле) с дивизиями СС «Мертвая голова» и «Викинг» в Венгрию и освободить Будапешт. Передний край немецкого фронта проходил от озера Балатон через Штульвайсенбург (Секешфехервар), Мор, за рекой Альталь, у Татабаны, до Дуная восточнее Комарно...

Корпус был высажен у Рааба и Комарно; основная часть войск прибыла 31 декабря».

Контрудар с целью деблокады Будапешта наносила 6-я армия генерала Германа Балька. Кроме корпуса СС, в нее во-

шли 6-я танковая и 96-я и 711-я пехотные дивизии, а также венгерская кавалерия.

Гудериан протестовал против переброски IV танкового корпуса СС в Венгрию. В «Воспоминаниях солдата» он утверждал: «25 декабря, в первый день Рождества, я выехал на поезде в Цоссен. Я находился в пути, когда Гитлер за моей спиной распорядился о переброске корпуса СС Гилле, в который входили две дивизии СС, из района севернее Варшавы, где он был сосредоточен в тылу фронта в качестве резерва группы армий Рейнгардта, к Будапешту для прорыва кольца окружения вокруг этого города. Рейнгардт и я были в отчаянии. Этот шаг Гитлера приводил к безответственному ослаблению и без того чересчур растянутого фронта. Все протесты оставались без внимания. Освобождение от блокады Будапешта было для Гитлера важнее, чем оборона Восточной Германии. Он начал приводить внешнеполитические причины, когда я попросил его отменить это злосчастное мероприятие, и выпроводил меня. Из резервов, собранных для отражения наступления русских (четырнадцать с половиной танковых и моторизованных дивизий), две дивизии были посланы на другой фронт. Оставалось всего двенадцать с половиной дивизий на фронте протяженностью в 1200 км».

Конечно, Гудериана гораздо больше заботила оборона его родной Померании, чем деблокада Будапешта. Но Гитлер был абсолютно прав насчет того, что продолжать борьбу без горючего невозможно. Непонятно, на что рассчитывал Гудериан. Опытный полководец, он наверняка сознавал, что лишние две танковые дивизии не помогут разбить Красную Армию в Восточной Германии. Скорее всего, Гудериан и другие генералы вермахта еще тогда, в конце декабря 1944 года, когда уже определилась неудача Арденнского контрнаступления, старались любой ценой задержать советские войска как можно дальше от Берлина, надеясь, что англо-американские войска сумеют занять основную часть Германии, включая ее столицу, и германским войскам удастся сдаться в плен им, а не Красной Армии. Однако крах сопротивления на Западном фронте неизбежно привел бы и к краху сопротивления и на Восточном фронте. Войска Восточного фронта ста-

ли бы стараться быстрее отступить на Запад, чтобы поскорее сдать англличанам и американцам, уступая Красной Армии территории. А к Берлину она все-таки тогда, в конце 44-го, была гораздо ближе, чем западные союзники.

Да и с точки зрения снабжения горючим танковые дивизии было целесообразнее держать ближе к последним оставшимся в руках немцев нефтеперерабатывающим заводам в Австрии и Венгрии. Снабжать оттуда танки в Померании было очень трудно в условиях, когда англо-американская авиация полностью господствовала в небе над Рейхом, и перевозки по железным дорогам были крайне затруднены.

Гитлер же в то время обдумывал план длительной обороны «Альпийской крепости», а для успеха такой обороны надо было любой ценой удержать нефтяные месторождения и НПЗ Западной Венгрии и Восточной Австрии. Более-менее надежно удерживать этот район можно было только вынеся линию обороны на такую серьезную водную преграду, как Дунай. Этой цели должна была достичь операция по деблокированию Будапешта.

Следует еще раз подчеркнуть, что боеспособность венгерской армии к тому времени была невысокой. Как вспоминал бывший командующий группой армий «Юг» генерал Ганс Фриснер, «даже в считавшихся до сих пор надежными 10-й и 12-й венгерских дивизиях, действовавших восточнее Будапешта, появились первые признаки разложения. Венгерские солдаты поодиночке и большими группами, до 100 человек, с белыми флагами переходили на сторону противника. Всего лишь за 2—3 дня к русским перебежало 5 офицеров и 1200 солдат. Доверие к венгерской армии было полностью потеряно, и на нее уже можно было не делать ставки».

Тот же Фриснер утверждал: «Путь на Вену через Новы-Замки и Братиславу был тогда совершенно свободен. Весь район между Дунаем и словацкой границей представлял собой вакуум, в котором не было почти ни одного немецкого солдата. 2-му Украинскому фронту ничего не стоило теперь, под прикрытием Дуная, нанести удар в направлении Вены. Если бы Малиновский знал, как мало немецких сил противостояло ему здесь в то время, ему бы недолго пришлось ломать

голову над этим решением. Однако такого решения он не принял».

Однако в тот момент советское командование думало о наступлении на Будапешт, быстрейшего взятия которого требовал Сталин, и не имело сведений о слабости немецких войск на венском направлении.

Согласно плану «Последняя жатва», обе танковые дивизии СС должны были прорваться между Татабаньей и Дунаем. «Викинг» должен был наступать на правом фланге корпуса, а «Мертвая голова» — на левом. Достигнув Дуная, обе дивизии должны были повернуть на юго-восток и обойти с севера лесами гору Вертеш, чтобы достигнуть линию Бичке — Жамбек. Сосед корпуса слева должен был форсировать Дунай и ударить в тыл советским войскам, а затем защищать фланг «Мертвой головы» во время броска корпуса к Будапешту.

Наступление началось 1 января 1945 года в 18 часов по берлинскому времени (в 20 часов по московскому), без артиллерийской подготовки. Весь расчет был на внезапность. Немецкое командование рассчитывало, что советские солдаты и офицеры еще не отошли от празднования Нового года. Наступление в темноте гарантировало от воздействия на наступающих со стороны господствовавшей в воздухе советской авиации. Проводить же в темноте собственную артподготовку не было смысла из-за ее низкой эффективности, поэтому от нее отказались.

С первых же часов атакующие столкнулись с густыми минными полями на выходах с гор. Дороги были перекрыты противотанковыми заграждениями. Части 3-го Украинского фронта ожидали вражеского наступления и готовились его отразить. Однако в тактическом отношении, по времени и месту, немецкое наступление было внезапным. Поэтому первоначальных целей наступающие достигли довольно быстро. 5 января дивизии СС вышли на линию Бичке — Жамбек, оторвавшись от соседей. Здесь танкисты-эсэсовцы вынуждены были остановиться, так как защита открытых флангов съела слишком много сил, а советские контратаки становились все ожесточеннее.

Прорыв немцев на этом направлении заставил маршала

Толбухина еще 3 января отдать приказ о срочном создании второй полосы обороны на рубеже Эстергом — Бичке и о размещении там танкового и двух механизированных корпусов. Сюда же была стянута артиллерия с неатакованных участков.

Уже утром 4 января был создан фронтовой оборонительный заслон в полосе шириной около 25 километров. Основные дороги и выходы из дефиле гор, окраины населенных пунктов и опушки рощ были заняты мотопехотой, танками и артиллерийскими батареями вплоть до 152-мм, а также зенитными орудиями, способными поражать «королевские тигры». На флангах развернулись истребительно-противотанковые артиллерийские полки. На закрытых огневых позициях расположились минометные, гаубичные и тяжелые пушечные полки. Два ИПТАПа остались в резерве командующего фронтом.

Средняя плотность артиллерийских средств на направлении главного удара противника была доведена до 56 орудий и минометов на 1 километр фронта, а глубина противотанковой обороны достигла 10—14 километров.

Главный удар был направлен против 4-й гвардейской армии, захватившей Секешфехервар, точнее, против ее 31-го гвардейского стрелкового корпуса. Командование армии ожидало вражеское наступление на участке 20-го гвардейского стрелкового корпуса, поэтому вражеский удар оказался в тактическом отношении внезапным. Корпус смог противопоставить противнику лишь 217 орудий от 45 до 122-мм, плотность которых была вдвое ниже, чем по фронту 4-й гвардейской армии. На участке Дунальмаш — Банхида фронт 31-го гвардейского корпуса был прорван. Немцы продвинулись до 30 км.

В свою очередь, будапештская группировка немецко-венгерских войск, пытаясь прорвать кольцо окружения, потеснила части 46-й армии и овладела Эстергомом, но дальше продвинуться не смогла.

Во время прорыва фронта 4-й гвардейской армии выяснилось, что пехота под натиском танков в беспорядке отступала и оставляла артиллерию без прикрытия. Большинство же противотанковых препятствий немецкие танки смогли

обойти. В результате артиллерия 31-го гвардейского корпуса потеряла 70% матчасти и до двух третей личного состава, поскольку многие батареи и опорные противотанковые пункты попали в окружение.

За 2 января самолеты советской 17-й воздушной армии, которой командовал генерал В. А. Судец, совершили 671 вылет, а самолеты германского 4-го воздушного флота, ограниченные жесткой нехваткой горючего, — только 450.

Когда дивизии IV танкового корпуса 4 января вышли в район города Тат, их здесь встретила 12-я истребительно-противотанковая артиллерийская бригада из резерва 46-й армии. Части 86-й стрелковой дивизии в беспорядке отошли, и артиллеристы опять остались без пехотного прикрытия. 1255-й истребительно-противотанковый полк потерял из-за этого 14 орудий, 4 автомашины, 12 тракторов и 45 человек убитыми и ранеными и вынужден был отступить.

Необходимо учитывать, что советские солдаты в тот момент уже в значительной мере подверглись моральному разложению. Яркие свидетельства этого применительно к Венгрии содержатся в мемуарах Алэн Польш, ставшей впоследствии известным психологом. Она вспоминает: «...ночью к нам ворвался целый отряд, тогда нас повалили на пол, было темно и холодно, вокруг стреляли. В памяти осталась картина: вокруг меня сидят на корточках восемь-десять русских солдат, и каждый по очереди ложится на меня. Они установили норму — сколько минут на каждого. Смотрели на наручные часы, то и дело зажигали спички, у одного даже была зажигалка — следили за временем. Поторапливали друг друга. Один спросил: «Добре робота?»...

Сколько прошло времени и сколько их было — не знаю. К рассвету я поняла, как происходит перелом позвоночника. Они делают так: женщину кладут на спину, закидывают ей ноги к плечам, и мужчина входит сверху, стоя на коленях. Если налегать слишком сильно, позвоночник женщины треснет. Получается это ненарочно: просто в угаре насилия никто себя не сдерживает. Позвоночник, скрученный улиткой, все время сдавливают, раскачивают в одной точке и не замечают, когда он ломается. Я тоже думала, что они убьют меня, что я

умру в их руках. Позвоночник мне повредили, но не сломали. Так как в этом положении все время трещься спиной о пол, кожа со спины у меня была содрана, рубашка и платье прилипли к ссадине — она кровоточила, но я обратила на это внимание лишь потом. А тогда не замечала этого — так болело все тело».

И подобных эпизодов в этих мемуарах — множество. Правда, Польц оговаривается, что в русских деревнях венгерские солдаты вели себя лишь немногим лучше. И у нее все же остались о русских солдатах более теплые воспоминания, чем о немцах, тем более что в ходе боев ее городок Чаквао несколько раз переходил из рук в руки: «Вернулись немцы, потом — снова русские. Немцев я всегда боялась больше. Если они говорят: «казнь» — можешь быть уверен — наверняка казнят. Страх начался еще с гестапо, было в нем и что-то атавистическое. Гонения против евреев лишь углубили его.

С русскими никогда ничего нельзя было предвидеть, предугадать; удивительно, как с их неорганизованностью у них что-то вообще получалось. Если они уходили, то никогда не прощались, а попросту исчезали. Возвращаясь, они приветствовали нас с невероятной радостью, громкими криками, подхватывали, подбрасывали в воздух, словно встретили самых близких и родных людей. Они были люди с добрым сердцем, но невероятно дикие».

Тем не менее, что важно в данном случае, массовые изнасилования, грабежи и расстрелы мирного населения разлагали Красную Армию, в которой было много новобранцев с недавно освобожденных территорий. Из-за огромных безвозвратных потерь, десятикратно превышавших немецкие, доля солдат, имевших боевой опыт и привычных к военной дисциплине, была к концу войны чрезвычайно мала. Особенно это касалась пехоты, где потери были особенно велики. Поэтому она в большей мере утратила боеспособность к концу войны. Напротив, в артиллерии потери были относительно меньше, соответственно, доля опытных солдат и офицеров выше. Поэтому они смогли успешно противостоять вражеским танкам.

Характерно, между прочим, что бойцов эсэсовских дивизи-

зий за период боев в Венгрии никто в военных преступлениях, равно как и в преступлениях против человечности, до сих пор никто как будто не обвинял.

Тем временем к месту прорыва перебрасывались противотанковые резервы 46-й армии: два пушечных полка, гаубичный полк, а также минометный полк, полк гвардейских минометов и сводный батальон трофейных танков «пантера». Другие значительные резервы из состава 2-го Украинского фронта были переброшены на рубеж Жамбек — Бичке. К 5 января наступающей немецкой группировке противостояли 31 артполк РВГК, 8 арtdивизионов и 8 полков тяжелых и гвардейских минометов. Вторую линию обороны заняли 1-й гвардейский мехкорпус генерала Руссиянова, 18-й танковый корпус генерала Говоруненко и 5-й гвардейский кавкорпус генерала Горшкова. Всего советская группировка имела 1305 орудий и крупнокалиберных минометов и 210 танков и САУ (СУ-76). Среди танков было более 70 американских М-4 «Шерман».

К вечеру 5 января немецкое наступление было остановлено. После окончания боев трофейная команда 4-й гвардейской армии обнаружила 5 подбитых «королевских тигров», 2 «тигра», 7 «пантер», 19 Т-IV, 6 Т-III, 5 75-мм штурмовых орудий, 19 бронетранспортеров и броневедомостей. По донесениям советских частей, в этих боях было подбито 120 немецких танков и штурмовых орудий и около 100 бронетранспортеров.

Не сумев организовать прорыв к Будапешту со стороны Комарно, немецкое командование спешно запланировало второй контрудар — из района северо-западнее Секешфехервара. Наступление предполагалось вести в двух направлениях: с северо-запада на Бичке и с юго-запада на Замоль. Это должно было привести к окружению соединений 3-го Украинского фронта, действовавших под Бичке. После этого обе немецкие группировки должны были пробиться к Будапешту.

Наступление вели по три немецкие танковые дивизии в каждой из группировок.

Атака на Замоль началась в 8 часов 40 минут 7 января. На

боевые порядки 5-й гвардейской воздушно-десантной дивизии 20-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майора Н. И. Бирюкова наступали более 120 танков и штурмовых орудий. На 40 минут позже возобновились атаки немцев в полосе 31-го гвардейского стрелкового корпуса в направлении Бичке.

Особенно стойко сражались и наносили большой урон противнику в районе Секешфехервара и Замоля артиллеристы 9-й и 42-й истребительно-противотанковых артиллерийских бригад полковников И. В. Грищенко и К. А. Леонова. Например, батарея майора А. Н. Бородая за 40 минут боя сожгла 5 и подбила 4 вражеских танка.

За пять дней в районе Секешфехервара немцы продвинулись только на 7 километров, а под Бичке остались практически на исходных позициях.

Из-за сплошной облачности и частых снегопадов с дождями советская авиаразведка не смогла установить, куда перегруппировываются немецкие танковые дивизии. В штаб фронта поступали противоречивые донесения на этот счет.

Гудериан скептически оценивал итоги первых дней наступления на Будапешт. В мемуарах он писал: «1 января я снова отправился к Гитлеру, чтобы доложить ему, что корпус СС Гилле в составе 6-й армии Балька начнет в этот день вечером наступление на Будапешт. Гитлер возлагал на это наступление большие надежды. Я был скептически настроен, так как для подготовки наступления было очень мало времени, командование и войска не обладали тем порывом, какой у них был раньше. Несмотря на первоначальный успех, наступление провалилось... В течение нескольких дней, с 5 по 8 января 1945 года, я посетил генерала Вёлера, преемника Фриснера на должности командующего группой армий «Юг», генерала Балька и генерала СС Гилле и обсудил с ними вопросы продолжения операций в Венгрии. Я получил информацию о причинах неудачи наступления на Будапешт. По всей вероятности, это произошло потому, что первоначальный успех вечернего сражения 1 января не был использован ночью для совершения решительного прорыва. У нас не было больше офицеров и солдат 1940 г., иначе мы, возможно, достигли бы

направлении, командование 6-й немецкой армии сумело к 17 января скрытно перебросить два танковых корпуса против левого фланга 4-й гвардейской армии.

Теперь в контрударе участвовали пять немецких танковых дивизий и несколько венгерских пехотных и кавалерийских частей. Они располагали 600 танками и 1200 орудиями и минометами.

Немцы собирались прорвать советскую оборону между озерами Веленце и Балатон и стремительным броском к Дунаю рассеять войска 3-го Украинского фронта на части, а затем, повернув на север, выйти к Будапешту.

Наступление в районе между Балатоном и Берхидой началось 18 января в 4.30 утра (в этот день стояла нелетная погода). Здесь его не ожидали. Целью наступления был прорыв позиций 4-й гвардейской армии и выход к Будапешту с юга. В этот день советская авиация все же совершила 718 вылетов, но ее действия были малоэффективны. Весь первый день ушел на медленное прогрызание обороны, где главными препятствиями служили минные поля и проволочные заграждения под током. Удар приняли на себя соединения 135-го стрелкового корпуса генерал-майора П. В. Гнедина. Благодаря внезапности нападения немецкие танковые дивизии прорвали оборону и утром 20 января достигли Дуная в районах Дунапентеле и Адонь. Отдельные танковые подразделения вышли также на подступы к Дунафельдвару, где находился штаб фронта, охраняемый лишь одной батареей 45-мм противотанковых пушек. 3-й Украинский фронт был рассечен надвое. Положение осложнялось тем, что накануне сильный ледоход снес все понтонные переправы через Дунай.

Сбив части 135-го стрелкового корпуса, немецкие танки стали охватывать Секешфехервар с севера и юга. Немецкие войска продолжали боевые действия и ночью. Эти действия осуществлялись малыми группами (1—3 танка или штурмовых орудия), которых поддерживали автомобили, тягачи или бронетранспортеры с зажженными фарами, создавая видимость большого танкового подразделения. Иногда с этой целью использовались макеты танков с зажженными фарами, призванные вызвать на себя огонь советской артиллерии.

Благодаря впервые примененным во время наступления к Будапешту приборам ночного видения с инфракрасными ночными прицелами, обеспечивавшими ведение огня на дистанции до 400 метров, немецкие танки и штурмовые орудия и ночью стреляли очень точно.

19 января в полосе обороны 18-го танкового корпуса было захвачено подбитое штурмовое орудие с таким прибором. После этого для борьбы с этим нововведением красноармейцы стали заготавливать топливо и при приближении вражеских танков зажигать костры, которые должны были дезориентировать приборы ночного видения, улавливающие тепловое излучение.

Со своей стороны, советские войска старались осветить ночное поле боя осветительными ракетами и прожекторами, но большого эффекта это не давало. Тем более что прожектора сами по себе являлись хорошими мишенями для немецких танков.

«Пантеры» и другие немецкие танки также получили приборы ночного видения, что привело к большим потерям советских танков в обоих сражениях у Балатона.

19 января «Викинг» пересек канал Шарвиз у Калоша и Шопоньи. К тому времени советские стрелковые части по традиции первыми отошли на восточный берег канала, оставив на западном берегу артиллеристов, которые почти все погибли, но задержали врага. Навстречу прорвавшейся группировке командование 3-го Украинского фронта выдвинуло 133-й стрелковый корпус с двумя ИПТАП и 18-й танковый корпус с полком СУ-76. Эти войска вступали в бой с ходу, разрозненно и без должной подготовки. Они были разбиты танкистами «Викинга» и частично оказались в окружении, хотя из-за малочисленности немецких войск кольцо не было плотным. 21 января остатки окруженных вышли в распоряжение 57-й армии. При этом была потеряна почти вся артиллерия, поскольку отступающие пехотинцы реквизируют артиллерийские тягачи и лошадей, чтобы сподручнее было удирать от немцев. 18-й танковый корпус безвозвратно потерял половину своих танков, в том числе из-за отсутствия горючего, а также тягачей для эвакуации поврежденных ма-

шин. 110-я танковая бригада корпуса загнала 20 своих танков в болото, где они несколько дней бездействовали.

Пришлось экстренно создавать полосу обороны между озером Веленце и городом Адонь на Дунае. С неатакованных участков фронта были сняты 30 артиллерийских полков и брошены в район прорыва. Здесь была создана плотность до 32 орудий и минометов на 1 километр фронта. В результате танковые дивизии СС «Викинг» и «Мертвая голова» были остановлены. Маневренные группы корпусной, армейской и фронтовой артиллерии быстро выдвигались в районы наступления немецких танков. В этом случае плотность артиллерии на отдельных участках доходила до 50—100 и более орудий на 1 километр фронта.

10-я истребительно-противотанковая бригада полковника А. В. Князя с вечера 17 января и по 19 января 1945 года ожесточенно сражалась с вражескими танками южнее Секешфехервара. В результате бесперебойных налетов авиации, огня танков и артиллерии врага отважная бригада потеряла половину своих орудий.

20 января наступавшая на правом фланге 3-я танковая дивизия вышла к Дунаю. 21 января 1-я танковая дивизия взяла Секешфехервар (Штульвайсенбург), наступая на город с юго-востока. Советская пехота из-за угрозы окружения вынуждена была отступить в район Чала. Отход прикрывали 338-й ИПТАП, два сводных батальона пехоты и сводная рота трофейных танков. Карьергарду также пристали заблудившиеся обозы 4-й гвардейской армии и часть отступавших в беспорядке и утративших боеспособность пехотных подразделений. ИПТАП поджег танк и бронетранспортер, но вынужден был оставить при отходе четыре орудия и три тягача. Также были брошены все трофейные «пантеры», для которых не оказалось горючего.

В 10 часов утра 23 января две группы автоматчиков по 50—60 человек при поддержке 4 танков в районе станции Чала обошли позиции 338-го ИПТАП.

В результате 3-й Украинский фронт оказался разрезан надвое, а его группировке в районе Секешфехервара угрожало окружение. На Дунае начался ледоход, снесший понтон-

ные мосты и паромные переправы. Советские войска на правом берегу Дуная снабжались только с помощью канатных дорог. Однако ледоход в конечном счете спас 3-й Украинский фронт от еще больших неприятностей, поскольку из-за него войска IV танкового корпуса СС не смогли форсировать Дунай и захватить плацдарм для наступления на Будапешт. Как водится, прикрывавшая пушки советская пехота при виде танков бежала, переправившись через находившийся в тылу позиций канал. При этом саперы взорвали мосты через канал. Артиллеристы 338-го ИПТАП с помощью одной САУ, на броне которой было несколько саперов, смогли отремонтировать один из мостов и с помощью самоходки переправить через канал девять тягачей и три орудия. Остальные орудия и тягачи пришлось бросить. В 16 часов к каналу подошел 762-й ИПТАП, предотвративший его форсирование немцами.

«Викинг» только 23 января после тяжелых боев смог достичь Дуная у Адони. Советские войска отступили на линию Замоль — Чала — озеро Веленце.

21 января в связи с ухудшением обстановки в районе озера Балатон Ставка Верховного Главнокомандования возложила координацию действий 2-го и 3-го Украинского фронтов на маршала С. К. Тимошенко, освободив его от координации действий 4-го Украинского фронта. Маршал бросил часть 5-й воздушной армии генерала Горюнова из 2-го Украинского фронта на поддержку войск 3-го Украинского фронта, отражавшего вражеский контрудар. 22 января было совершено 1034 самолето-вылета, чему способствовала улучшившаяся погода. Однако действия авиации не привели к прекращению немецкого наступления. Отметим, что 17-я воздушная армия 3-го Украинского фронта всего в январе совершила 16 501 вылет и, по докладам летчиков, сбила 280 неприятельских самолетов.

Между озером Веленце и Дунаем наступали около 100 немецких танков при поддержке пехоты. Но они смогли продвинуться лишь на 3—4 км.

Командованию 6-й немецкой армии вновь пришлось совершать перегруппировку. 25 января IV танковый корпус СС

был повернут для наступления на Будапешт вдоль правого берега Дуная. Наступление должно было начаться с рубежа реки Фоли. В свою очередь, 57-я армия была развернута фронтом на север. Между озером Веленце и Дунаем спешно разворачивались 5-й гвардейский кавкорпус и части 1-го гвардейского мехкорпуса, подкрепленные 13 артиллерийскими и минометными полками, собранными с различных участков 2-го и 3-го Украинских фронтов. Две бригады 1-го гвардейского мехкорпуса, оснащенные танками «Шерман», с ходу вступившие в бой, потеряли 70% боевой техники. «Шерманам» с узкими гусеницами было трудно маневрировать в грязи, которая образовалась из-за частых оттепелей. Полный разгром корпуса предотвратил срочно брошенный ему на помощь полк СУ-100. А 5-му гвардейскому кавкорпусу помогли удержать свои позиции инженерно-штурмовая бригада и гаубичный дивизион.

Гилле был сторонником наступления на Будапешт. Однако командующий 6-й армией Бальк предлагал продолжать наступление на северо-запад и запад против сильной группировки советских войск, сосредоточенной западнее Дуная.

25 января IV танковый корпус СС в 9 часов утра начал наступление из района Замоль на Миклош. В нем участвовали 12 «пантер» и 10 «королевских тигров». Их противником был 1272-й ИПТАП. Потеряв за 6 часов боя 16 орудий, 39 убитых и 47 раненых, он, по донесению своего командира, уничтожил 10 «королевских тигров» и «пантер», а также три средних танка и 6 штурмовых орудий (не очень понятно, откуда они взялись). На поле боя будто бы осталось 119 трупов немецких солдат. И опять непонятно, кто же их считал, если поле боя осталось за немцами. В ходе этих боев танки 1-го гвардейского мехкорпуса по ошибке раздавили 5 советских орудий, приняв их за немецкие.

26 января два немецких пехотных полка и до 60 танков осуществили прорыв в районе Каполнаш — Барачка. В ходе этих боев советская пехота подбила 4 советских «Шермана», приняв их за вражеские танки. Навстречу им, в район Валь — Вертешачь, командование 3-го Украинского фронта выдвинуло 104-й стрелковый и 23-й танковый корпуса, а также

полк СУ-100, 1501-й и 184-й ИТПАП и 1669-й САП (Су-76). В результате наступавшая немецкая группировка была остановлена в 26—29 км от Будапешта.

27 января началось наступление советских войск из района Надь — Дунапентеле, выходя на коммуникации IV танкового корпуса СС. Немецкое командование начало разворачивать корпус фронтом на юг. 27—28 января 110-я танковая бригада нарвалась на засаду немецких танков и штурмовых орудий и потеряла 15 танков.

29 января началось наступление этой советской группировки из района Вертеш Аска. У Петтенда произошло большое танковое сражение. Немцы оценивали советские потери в 200 танков. Столь большие потери стали следствием качественного превосходства немецкой бронетехники и танкистов. Командиры 18-го и 23-го танковых корпусов, вопреки указаниям свыше, использовали для борьбы с танками врага в первую очередь не самоходную и противотанковую артиллерию, а танки, и несли большие потери.

30 января удару подверглись и позиции 2-й немецкой танковой армии южнее Балатона. IV танковый корпус СС из-за фланговых угроз вынужден был отступить на запад по обе стороны Веленце. Но германские войска смогли удержать район между Веленце и Цамолой, образовав фронт по рубежу озеро Веленце — озеро Балатон.

Окруженная в Будапеште немецко-венгерская группировка включала малобоеспособные и малоподвижные соединения (особенно это касалось венгерских дивизий), которые оказались не в состоянии нанести эффективный удар на встречу деблокирующей группировке. Поэтому Гитлер и настаивал на обороне Будапешта до последней возможности. Он знал, что оборонявшие его войска не годятся для маневренных действий и будут легко уничтожены при попытке самостоятельно вырваться из города. Как отмечал Фриснер, «на будапештский плацдарм помимо венгерских частей были введены войска 3-го танкового корпуса в составе 8-й и 22-й кавалерийских дивизий СС, 13-й танковой дивизии и моторизованной дивизии «Фельдхернхалле», а на остров Сентендре, расположенный севернее города, — 357-я пехотная дивизи-

зия, усиленная отдельным пулеметным батальоном «Саксония». Он же признавал: «18-я кавдивизия СС, сформированная в основном из венгерских немцев, была полностью деморализована и сдалась по частям в плен противнику». Немного лучше была оборонявшая Будапешт 22-я кавдивизия СС, состоявшая также из венгерских фольксдойче. Попытку прорыва будапештская группировка предприняла в ночь с 11 на 12 февраля 1945 года, когда уже испарилась всякая надежда на помощь извне, а боеприпасы подошли к концу. К своим добрались лишь 785 человек, включая 170 эсэсовцев. Остальные части капитулировали, в том числе 8-я кавалерийская дивизия СС «Флориан Гейер». Ее командир бригадфюрер СС Иоахим Румор покончил с собой. Следует оговориться, что, хотя 8-я кавалерийская дивизия СС была сформирована еще в июне 1942 года, ее боеспособность была невелика. Ее основой послужила кавалерийская бригада «Фегелейн», занимавшаяся в основном карательными операциями против партизан. Всего за время сражения за Будапешт в плен сдались более 100 тыс. немецких и венгерских солдат.

Бывший командующий 17-й воздушной армией маршал авиации В.А. Судец вспоминал, что при ликвидации будапештского гарнизона произошел инцидент, который поссорил Ф. И. Толбухина и Р. Я. Малиновского. 13 февраля 1945 года Малиновский доложил Ставке о взятии Будапешта. Но оговорился, что в городе еще сопротивляются 16—20 тысяч немецких и венгерских солдат.

На следующий день командир одного из зенитных полков 17-й воздушной армии, переброшенных к Будапешту для борьбы с остатками окруженной группировки, связался по телефону с командующим воздушной армией и сообщил:

— Товарищ командующий, крупное фашистское соединение разгромлено. Пленен один генерал-лейтенант и с ним еще несколько генералов и офицеров. Что прикажете с ними делать? Куда их доставить?

Судец, находившийся рядом с Толбухиным и Неделиным, сообщил им об этом донесении. Толбухин приказал немедленно доставить немецких генералов на командный пункт фронта. Но к Толбухину они так и не прибыли. А вечером

Совинформбюро сообщило, что 15 февраля войска 2-го Украинского фронта разгромили остатки окруженной группировки врага в районе Будапешта, взяв в плен ее командующего и еще двух генералов.

Толбухин потребовал объяснений от Судеца. Тот смог лишь назвать точное время, когда отбыл командир зенитного полка с немецкими генералами с места их пленения. По требованию маршала Судец позвонил Малиновскому и попросил его сообщить в Москву о том, как обстояло дело в действительности.

— Дело сделано, зачем сейчас об этом говорить? — раздраженно бросил Малиновский.

Тогда Толбухин тут же позвонил в Ставку и доложил Сталину о том, кто захватил последних немецких генералов в Будапеште. Верховный Главнокомандующий, по словам Судеца, решил так:

— Опровержения давать не будем, но мы будем считать, что окончательную победу над врагом в Будапеште одержал именно ваш, 3-й Украинский фронт.

Когда в штаб 3-го Украинского фронта наконец приехал командир зенитного полка 17-й воздушной армии, он рассказал, что, выполняя приказ командующего, он с усиленной охраной на двух легковых машинах перевозил пленных генералов. Однако по дороге его остановили сотрудники Особого отдела 2-го Украинского фронта и приказали доставить пленных на КП Малиновского. Так делили маршалы лавры покорителей Будапешта за два месяца до того, как Жуков и Конев спорили о том, кто взял Берлин.

19 февраля 1945 года штаб артиллерии 3-го Украинского фронта получил распоряжение Артуправления Красной Армии и Наркомата вооружения «О проведении обследования новых типов немецких танков и САУ, уничтоженных в ходе оборонительных боев в районе оз. Балатон — оз. Веленце — р. Дунай». В конце февраля 1945 года комиссия под руководством начальника артиллерии 3-го Украинского фронта М. И. Неделина в количестве 14 человек при участии представителей Наркомата вооружения, а также штабов артиллерии и бронетанковых войск Красной Армии произвела учет,

маркирование и обследование 90 различных образцов немецкой бронетехники, в том числе тяжелых новых типов средних танков и различных образцов штурмовых орудий и бронетранспортеров.

Всего было обнаружено 7 «королевских тигров», 31 «пантера», 12 Т-IV, 4 Т-III, 32 штурмовых орудия и 4 бронетранспортера. Из 90 единиц бронетехники 86 были поражены артиллерийским огнем и 4 подорвались на минах. Весьма показательным, ни один танк не был поражен с воздуха, что указывает на сравнительно низкую эффективность действий советской авиации против танков, несмотря на ее господство в воздухе. Несомненно, советские безвозвратные потери в танках были значительно выше, хотя бы потому, что поле боя осталось за немцами, и они смогли перед отступлением на линию озер эвакуировать подбитую бронетехнику. Иная ситуация сложилась, как мы увидим дальше, к концу второго сражения в районе озера Балатон, когда из-за отсутствия горючего и из-за угрозы окружения немцы вынуждены были бросить не только поврежденную, но и значительную часть исправной бронетехники.

Всего было исследовано 7 сгоревших танков типа «тигр II», 31 танк «пантера», 12 танков Т-IV, 4 танка Т-III, 32 различных САУ и 4 бронетранспортера. Из 90 обследованных бронеединиц 86 было уничтожено огнем артиллерии и 4 подорвалось на минах, причем 80 машин сгорело. На всех образцах были найдены 152 снарядные пробойны, 35 случаев повреждения гусениц, 5 случаев прострела орудийных стволов и два случая сброса танковых башен. Из 152 пробойн — 100 (65,8%) приходилось на борта танков и САУ, 27 (17,8%) — на корму и 25 (16,4%) — на лоб корпуса. 49 пробойн было сделано бронебойными снарядами 76-мм орудий, 30—57-мм снарядами, 50 — снарядами неустановленного типа (наиболее вероятно — сердечниками подкалиберных снарядов), три пробойны были сделаны кумулятивными минами «фаустпатронов», и лишь 20 пробойн приходилось на снаряды всех остальных типов. Впрочем, исследованные образцы техники имели также многочисленные «ссадины» и «шрамы» от самых различных снарядов, пуль и иных боеприпасов (напри-

мер, оплавленные несквозные «язвы» от «фаустпатронов»), не приведшие к пробитию брони.

По немецким данным, в январских боях дивизии «Викинг» и «Мертвая голова» потеряли около 8 тыс. человек убитыми, в том числе около 200 офицеров. На них пришлась основная тяжесть наступления.

После завершения боев за Будапешт войска 2-го и 3-го Украинского фронтов начали готовиться к наступлению на Братиславо-Брновском направлении. Для этого 27-я армия генерала Трофименко была передана из 2-го Украинского фронта в 3-й, а 46-я армия и 2-й гвардейский мехкорпус, наоборот, — из 3-го во 2-й. 2-й Украинский фронт был дополнительно усилен 9-й гвардейской армией и Дунайской военной флотилией.

По свидетельству С. М. Штеменко, «уже 17 февраля — через три дня после взятия Будапешта — Ставка отдала 2-му и 3-му Украинским фронтам директивы на подготовку и проведение Венской наступательной операции. Главная роль в ней отводилась войскам Р. Я. Малиновского. Основные силы их должны были наступать севернее Дуная, где противник, как утверждали разведчики, не имел танков, а его оборона опиралась в основном на пехоту. Войскам Ф. И. Толбухина, действовавшим южнее, противостояло, по данным разведки, семь танковых дивизий. Этим войскам первоначально ставилась скромная задача: содействовать своему соседу справа — 2-му Украинскому фронту. В составе фронтов производились некоторые изменения за счет взаимной передачи войск. В распоряжение Р. Я. Малиновского (в район Сольнока) направлялась из резерва Ставки сильная 9-я гвардейская армия генерала В. В. Глаголева. 1-я болгарская армия, подчиненная Ф. И. Толбухину, получила задачу обеспечить операцию фронта с юга, действуя вдоль северного берега Дравы. Начало наступления намечалось на 15 марта».

Планировалось, что войска 2-го и 3-го Украинских фронтов ликвидируют немецкую группу армий «Юг» и овладеют городами Братислава, Брно и Вена, овладев последним промышленным районом, еще остававшимся в руках Германии.

Однако осуществить задуманное наступление помешал

новый немецкий контрудар, для осуществления которого с Западного фронта была переброшена 6-я танковая армия СС.

Пауль Хауссер вспоминал: «По поводу дальнейшего использования 6-й танковой армии СС после неудачи в Арденнах взгляды в Берлине резко разошлись. В то время как Верховное командование сухопутных сил (Гейнц Гудериан) предложило операцию по зажиманию противника в «клещи» из Силезии (Глогау — Котбус) и Померании, чтобы обеспечить действенную защиту Берлина, Верховное командование вермахта (Адольф Гитлер) приказало задействовать армию в Венгрии. Не здесь решался исход войны! Военно-экономические причины, нефть у озера Балатон не являлись достаточным основанием для такой стратегии. Таким образом, в конце января был отдан приказ о переброске армии с Западного фронта. Положение на железной дороге позволяло одновременно перевозить лишь четыре эшелона, поэтому штаб армии прибыл в район у Рааба (Дьёра) 20 февраля, последние части же — лишь в начале марта. Дивизии были кое-как пополнены».

Строго говоря, использование 6-й танковой армии СС в Силезии или Померании все равно не привело бы к перелому на Восточном фронте. Конечно, в этом случае советское наступление на берлинском направлении замедлилось бы. Однако оно и так было остановлено аж до 16 апреля, но отнюдь не из-за опасений, что к Берлину или в Померанию будет переброшена 6-я танковая армия СС. Да и добраться туда она смогла бы в полном составе, как свидетельствует Хауссер, только в начале марта, что для предотвращения советского наступления на Берлин, которое, по прикидкам штаба 1-го Белорусского фронта, должно было начаться уже 9—10 февраля, было бы слишком поздно. Причина же отмены этого наступления, уже разработанного в штабе Жукова, заключалась в том, что Сталин приказал до наступления на Берлин сосредоточить все усилия на овладении Померанией и Восточной Пруссией. Он опасался, что там, а также в Курляндии могут высадиться западные союзники, которым охотно сдадутся немецкие войска. И тем самым добыча ускользнет из рук.

Если бы 6-ю танковую армию СС отправили бы в Силезию или Померанию, как предлагал Гудериан, то советские войска в Венгрии начали бы наступление в середине марта, как и планировали, и овладели бы нефтепромыслами и НПЗ в Венгрии и Австрии, а также австрийской столицей не более чем за две недели. Именно так развивались события в конце марта — начале апреля, после краха немецкого контрнаступления в Венгрии. И это при том, что тогда 6-я танковая армия СС осталась на юге и продолжала сражаться на венгерской и австрийской территории. Без нее советские войска двигались бы еще быстрее. А в случае если бы армия Зеппа Дитриха действовала в Померании, она очень скоро, к концу марта, осталась бы без горючего.

С точки зрения Гитлера, в переброске 6-й армии СС в Венгрию была не только военно-экономическая, но и военно-стратегическая логика. Вплоть до середины апреля фюрер собирался обороняться не в Берлине, а в «Альпийской крепости», включающей Австрию и Баварию, а также прилегающие районы Италии и Чехии. Венгрия как раз прикрывала «Альпийскую крепость» с Востока. И не случайно именно на юге сосредотачивались наиболее преданные Гитлеру и боеспособные дивизии СС. Они должны были оборонять «Альпийскую крепость». Гитлер рассчитывал с помощью армии Зеппа Дитриха отбросить советские войска к Дунаю. Окружить и уничтожить войска 2-го и 3-го Украинских фронтов он не рассчитывал, принимая во внимание ограниченность собственных сил.

Учитывая эти соображения, можно сказать, что поражение 6-й танковой армии СС у Балатона стало одним из тех событий, которые предопределили крах идеи «Альпийской крепости».

По показаниям офицеров 6-й армии СС, попавших в советский плен, их армия должна была, выйдя к Дунаю, разрезать пополам 3-й Украинский фронт, а затем, повернув на север и на юг, уничтожить основные соединения этого фронта. После этого 6-я танковая армия СС и должна была по тылам передовых соединений 2-го Украинского фронта уйти в Че-

хословакию, чтобы в дальнейшем действовать на центральном участке.

Данные показания и их интерпретация разведорганами и штабом 3-го Украинского фронта вызывают большие сомнения. Ни в немецких документах, ни в воспоминаниях лиц, причастных к планированию операции, Гудериана и Дитриха, столь амбициозные задачи, как уничтожение основных сил 3-го Украинского фронта, не упоминаются. Так, Гудериан гораздо скромнее определяет цели наступления у Балатона. Он отмечает, что группа армий «Юг» «имела своей задачей: после подхода резервов с запада перейти в наступление по обеим сторонам озера Балатон с целью овладеть правым берегом Дуная, укрепить южный фланг Восточного фронта и прикрыть нефтеносные районы». Легко убедиться, что ни о каком уничтожении противостоящих советских сил Гудериан ничего не говорит. И он, и Гитлер прекрасно понимали, что для того, чтобы устроить советским войскам новые Канны в Венгрии, у немцев не хватит сил, особенно принимая во внимание катастрофическое для вермахта положение на других фронтах. А уж мысль о том, что 6-я танковая армия должна была по советским тылам своим ходом уйти в Чехословакию, вообще выглядит абсурдной. Такой марш, особенно в условиях весеннего бездорожья и неизбежных столкновений с советскими войсками, грозил 6-й танковой армии СС потерей почти всего парка бронетехники.

Наступление 6-й танковой армии СС у озера Балатон часто сравнивают с германским наступлением в Арденнах в декабре 1944 года. По количеству задействованных сил с немецкой стороны, в том числе танков, эти операции оказываются сопоставимы, однако цели у них были совершенно разного порядка. В ходе Арденнского наступления Гитлер рассчитывал захватить Антверпен, парализовать снабжение союзных войск и заставить их эвакуироваться с континента. Глубина Западного театра военных действий сравнительно с Восточным была мала, что позволяло лелеять столь амбициозные замыслы, хотя реальных шансов на их достижение не было. В Венгрии же наступление у Балатона преследовало лишь чисто тактическую цель — выход к Дунаю, что должно

было улучшить условия обороны нефтеносных районов Венгрии и Австрии и предотвратить в ближайшее время советское наступление на этом участке фронта.

О том, куда перебрасывается с Запада 6-я танковая армия СС, поступали противоречивые данные. Так, 20 февраля 1945 года руководитель американской Военной миссии в Москве бригадный генерал Джон Р. Дин попросил начальника советского Генерального штаба (ГШ) генерала армии А. И. Антонова принять его по важному делу. Во время встречи Дж. Р. Дин передал данные американской разведки, из которых следовало, что немцы создают две группировки для контрнаступления против Красной Армии: одну в Померании для удара на Торн, вторую в районе Вены, Моравска Острова для наступления в направлении на Лодзь. При этом в южную группировку предполагалось включение 6-й танковой армии СС. Подобные сведения неделей раньше А. И. Антонов получил и от начальника армейской секции английской Военной миссии в Москве полковника Бринкмана. Но, строго говоря, эти данные не могли повлиять на решение Сталина отказаться от немедленного наступления на Берлин, которое было принято еще в начале февраля.

Правда, 27 января начальник Главного разведывательного управления Красной Армии генерал-лейтенант И. И. Ильичев доложил: «Установлено, что 1, 2 и 12-я танковые дивизии СС, входящие в состав 6-й танковой армии СС, из Арденн перебрасывались в северном и северо-восточном направлении, но не исключено появление 6 ТА СС на советско-германском фронте». Первоисточником этих данных был генерал-лейтенант А. Ф. Васильев, глава советской Военной миссии в Великобритании, который в свою очередь получил их в британском военном ведомстве. Необходимо подчеркнуть, что эти данные, сообщенные Ильичевым руководству Генштаба, носили слишком неопределенный характер, чтобы на их основе принимать какое-то окончательное решение.

31 января 1945 года Ильичев направил И. В. Сталину уже более определенное специальное сообщение:

«1. 6 танковая армия СС в срочном порядке перебрасывается с Западно-Европейского на советско-германский фронт.

Погрузка частей армии в эшелоны должна была начаться в районе Дюссельдорф, Вуперталь и Кёльн 27 января и закончиться к 3—5 февраля 1945 г.

Выгрузка 6 ТА СС будет произведена, по-видимому, в Центральном секторе фронта, а не в Силезии. Такое предположение сделано на основании следующих данных: ...

— офицерам 12 танковой дивизии СС, входящей в состав 6 танковой армии СС, приказано явиться из отпусков в район Шнайдемюль;

— конвойной бригаде «Фюрер», входящей в состав 6 танковой армии СС, приказано получить танки и людское пополнение в Котбус...».

Далее шли данные о составе 6-й танковой армии СС, в которую входили:

«...1 тд СС «Адольф Гитлер» — 11 000 чел[овек], 40 танков; 2 тд СС «Райх» — 12 500 человек, 60 танков; 9 тд СС «Хоенштауфен» — 10 000 человек, 40 танков; 12 тд СС «Гитлерюгенд» — 9000 чел[овек], 40 танков; конвойная бригада «Фюрер» — 6000 чел[овек], 20 танков; пехотная бригада «Фюрер» — 4000 чел[овек], 20 танков. Переброска 6 танковой армии СС на советско-германский фронт кодируется в немецких сообщениях условным наименованием операции «Grey» («Грей»).

2. Имеются признаки, что часть сил 5 танковой армии и 19 армии также может быть переброшена с Западно-Европейского на советско-германский фронт. Обе армии получили инструкции, в которых даны указания о порядке действий выгружающихся войск против атакующего противника.

Из состава указанных армий на советско-германский фронт могут быть переброшены:

— из 5 танковой армии — 11, 116 танковые дивизии, 3 и 5 артиллерийские дивизии;

— из 19 армии — 17 артиллерийская дивизия».

Завершая донесение, И.И. Ильичев сообщал: «...По официальным данным англичан, переданным 30 января 1945 года главе нашей Военной миссии в Англии генерал-лейтенанту Васильеву, значительная часть сил 6 танковой армии СС 24—26 января 1945 года перебрасывалась из районов Дюссель-

дорф, Нейсе, Крефельд на Оснабрюк. Англичане полагают, что 6 ТА СС должна полностью сосредоточиться в районе Франкфурт-на-Майне к 7 февраля 1945 года. К настоящему времени в армии насчитывается немногим более 200 танков. К моменту сосредоточения за счет доукомплектования 6 ТА СС может иметь до 400—500 танков...»

Однако 21 февраля 1945 года И. И. Ильичев направил И. В. Сталину, Н. А. Булганину и А. И. Антонову срочное специальное донесение, данные которого противоречили материалам, которые днем раньше были получены от американского генерала Дж. Р. Дина, ибо выяснялось, что «вся 6 танковая армия СС направляется в Венгрию».

В подтверждение этого вывода начальник ГРУ приводил следующие доказательства:

«...2 февраля 1945 года командующий Южной группой армий получил из Берлина распоряжение о снабжении 2 танкового корпуса СС, а копия приказа была направлена командующему 6 танковой армией СС генерал-полковнику Зеппу Дитриху;

— оперативный отдел войск СС в своем распоряжении от 8 февраля 1945 года указывал, что районами сосредоточения грузов для 1 танкового корпуса (в который входят 1 и 12 танковые дивизии) являются Вена и Гензерндорф (35 км северовосточнее Вены);

— 9 февраля 1945 года оперативный отдел войск СС отдал приказание о направлении через Вену двух офицеров в разведывательные части 1 и 9 танковых дивизий СС;

— 9 февраля 1945 года командующий Южной группой армий отдал приказ — под страхом смертной казни сохранять в абсолютной секретности все, что касается «группы отдыха и пополнения» (имеется в виду 6 танковая армия СС в составе 1, 2, 9 и 12 танковых дивизий СС).

Место нахождения указанной группы не должно показываться ни на каких картах...».

Далее И. И. Ильичев сообщал о том, что «немецкое Верховное командование (ОКВ) в приказе от 10 февраля 1945 года указало командующим немецкими войсками, расположенными на южном секторе советско-германского фронта,

что для операций в Южной Венгрии потребуются переброска части сил из Кroatии (Хорватии. — Б. С.). В связи с этим некоторые местные наступательные операции в Кroatии необходимо приостановить и перейти к обороне... В операциях в Венгрии будут принимать участие 1-я горнострелковая дивизия, 7-я горнострелковая дивизия СС «Принц Евгений» и 11 артиллерийская дивизия, которые будут изъяты из подчинения группы армий «Ф».

Данная информация о переброске 6-й танковой армии СС в Венгрию советскими военными разведчиками были получены через подполковника Козлова от британского источника «Х». Не вполне понятно, был ли это кто-то из знаменитой «кембриджской пятерки» или официальный представитель британской разведки. Эти сведения основывались на перехвате германских донесений, поскольку британские специалисты смогли смоделировать германскую шифровальную машину и читали германские коды.

Начальник Разведывательного управления ГШ генерал-полковник Ф. Т. Кузнецов тотчас получил задание уточнить и проверить информацию британского источника, а также организовать оперативную разведку в районах возможного появления соединений 6-й танковой армии СС.

В свою очередь, Ставка ВГК направила указания командующему 3-м Украинским фронтом Ф. И. Толбухину: не останавливая подготовки наступательной операции на Вену, принять меры к отражению возможного контрудара противника.

К тому времени соединения 6-й танковой армии СС уже появились против его фронта, так что информация из центра в какой-то мере устарела.

Хауссер так описывает замысел операции «Весеннее пробуждение»: «Русские находились перед группой армий «Юг» западнее Дуная: линия фронта делала большой глубокий выступ от Дравы до западного края озера Балатон — на узком переходе между этим озером и озером Веленце — потом, выдаваясь на запад, до горного масштаба Вертеш — затем открытой на запад дугой до Дуная у Грона. Севернее Дуная русские удерживали плацдарм западнее реки Грон. Против них

были задействованы: южнее озера Балатон — 2-я танковая армия, сразу слева от нее 6-я армия генерала Германа Балка, на Дунае — 1-я венгерская армия, к северу от нее — 8-я армия.

Нужно было найти место в этом боевом порядке для 6-й танковой армии СС. Ее задачей было уничтожение русских сил западнее Дуная, перенос нашей линии обороны вперед, на линию реки, чтобы освободить резервы для решающей битвы».

В изложении Хауссера конечная цель наступления у Балатона выглядит довольно нелепо. Зачем предпринимать наступление, чтобы в результате высвободить резервы для действий на берлинском направлении. Не проще ли было бы сразу бросить 6-ю танковую армию СС под Берлин. И где гарантия, что русские будут спокойно ждать, пока армия Зеппа Дитриха разделается с советскими войсками в Венгрии! Ведь они в любую минуту могут перейти в наступление на столицу Рейха. Зато все становится логичным, если допустить, что Гитлер в случае успеха собирался оставить 6-ю танковую армию СС на юге, а затем перебросить туда дополнительные войска и присоединиться к ним вместе с имперским правительством, чтобы до последнего обороняться в «Альпийской крепости».

Хауссер следующим образом характеризует состав 6-й танковой армии СС: «Армия сначала состояла из I и II танковых корпусов СС с дивизиями «Лейбштандарт Адольф Гитлер», «Гитлерюгенд», «Райх» и «Гогенштауфен». Все они были замаскированы под учебные части. Эта маскировка стала лишней, когда с 17 по 22 февраля части I танкового корпуса СС севернее Дуная были использованы на участке 8-й армии для уничтожения советского плацдарма на Гроне. Следствием этого стала перегруппировка противника, который значительно усилил свою группировку южнее Будапешта».

Атаку на советский плацдарм на Гроне I корпус СС группенфюрера Германа Отто Присса во взаимодействии с другими соединениями вермахта начал 18 февраля и к 25 февраля ликвидировали его. Корпус Присса потерял при этом около 3 тыс. человек убитыми и ранеными. Потери советских войск, сброшенных с плацдарма, были значительно больше.

Таким образом, к 21 февраля, когда поступили сообщения разведки из Англии, советское командование и без них уже твердо знало, что 6-я танковая армия СС — в Венгрии. Немцы пожертвовали внезапностью ради того, чтобы ликвидировать опасный советский плацдарм и исключить тем самым возможность немедленного советского наступления на Вену.

По утверждению Хауссера, «штаб армии сопротивлялся плану, по которому армии предстояло наступать из узкого прохода севернее озера Балатон в юго-восточном направлении, и неоднократно предлагал альтернативы. Но, к сожалению, в этом споре победил план штаба группы армий, поддержанный ОКВ. Погода и местность не благоприятствовали операции. Еще 1 марта территория, по которой предстояло наступать, была затоплена. Несмотря на это, ОКВ настаивало на прежней дате начала наступления — 6 марта. Целью наступления был Дунафельдвар на Дунае.

6-я танковая армия СС состояла из:

— кавалерийского корпуса с двумя или тремя кавалерийскими дивизиями;

— I танкового корпуса СС с 1-й «Лейбштандарт Адольф Гитлер») и 12-й («Гитлерюгенд») танковыми дивизиями СС;

— II танкового корпуса СС со 2-й («Райх») и 9-й («Гогенштауфен») танковыми дивизиями СС, а позднее — с 44-й гренадерской дивизией вермахта «Хох-унд-Дойчмейстер»;

— III танкового корпуса вермахта генерала Германа Брейта с двумя танковыми дивизиями. Резервов не было».

С воздуха наступление поддерживал 4-й воздушный флот, имевший на бумаге, если верить советским оценкам, до 850 самолетов, но крайне ограниченные запасы горючего.

А вот что вспоминал об обстановке, предшествовавшей второму Балатонскому сражению, бывший начальник оперативного управления Генштаба С. М. Штеменко: «17 февраля — через три дня после взятия Будапешта — Ставка отдала 2-му и 3-му Украинским фронтам директивы на подготовку и проведение Венской наступательной операции. Главная роль в ней отводилась войскам Р. Я. Малиновского. Основные силы их должны были наступать севернее Дуная, где

противник, как утверждали разведчики, не имел танков, а его оборона опиралась в основном на пехоту. Войскам Ф. И. Толбухина, действовавшим южнее, противостояло, по данным разведки, семь танковых дивизий. Этим войскам первоначально ставилась скромная задача: содействовать своему соседу справа — 2-му Украинскому фронту. В составе фронтов производились некоторые изменения за счет взаимной передачи войск. В распоряжение Р. Я. Малиновского (в район Сольнока) направлялась из резерва Ставки сильная 9-я гвардейская армия генерала В. В. Глаголева. 1-я болгарская армия, подчиненная Ф. И. Толбухину, получила задачу обеспечить операцию фронта с юга, действуя вдоль северного берега Дравы.

Начало наступления намечалось на 15 марта.

Как всегда бывает на войне, противник пытался по-своему направить ход военных действий, создать выгодный для себя перелом в обстановке, разгромить советские войска в Венгрии, отбросить их за Дунай и не допустить к южным границам Германии.

В тот день, когда указания Ставки пошли в войска, немецко-фашистское командование двинуло в полосе войск Р. Я. Малиновского крупные силы танков. Удар направлялся из района Комарно вдоль северного берега Дуная против 7-й гвардейской армии генерала М. С. Шумилова, занимавшей очень важный для предстоящего наступления на Вену оперативный плацдарм к западу от реки Грон. Гвардейцы упорно сопротивлялись несколько дней, но враг все же вынудил их отойти на восточный берег Грона.

В ходе боев удалось установить, что под Комарно действует один из танковых корпусов 6-й танковой армии СС, воевавшей до этого на западе и известной как лучшее ударное объединение гитлеровских войск. Командовал ею генерал Зепп Дитрих — фаворит самого фюрера. Вооружение этой армии составляли тяжелые танки «пантера», «тигр» и «королевский тигр».

Появление 6-й танковой армии СС на нашем фронте было весьма серьезным новым элементом обстановки. Никто не ожидал ее здесь, поскольку наши союзники специально пре-

дупредили Ставку, что эта армия находится на Западном фронте. Очевидно, перегруппировка армии на восток была связана с каким-то особо важным замыслом противника. Так мы и расценили полученные тогда со 2-го Украинского фронта разведывательные сведения, но до поры до времени не могли выяснить, какие цели преследовало гитлеровское командование.

Применив лишь часть сил 6-й танковой армии СС против войск генерала М. С. Шумилова, враг поступил опрометчиво. Правда, он лишил нас выгодного исходного рубежа для наступления на Вену, каким был плацдарм за Гроном, но зато сам потерял наиболее важный фактор успеха — внезапность. Наше внимание было привлечено к танковой армаде, а это в конечном счете позволило определить намерения и замыслы немецкого командования. Советская разведка, применяя различные способы, неустанно добывала новые сведения о противнике.

Целеустремленная разведывательная работа дала возможность постепенно выявить, что юго-западнее Будапешта в районе озера Балатон сосредоточена очень крупная группировка немецких сил и средств, ядром которых были танки. Здесь, как стало известно в последующем, находилась 31 дивизия (из них 11 танковых) и некоторые другие войска. Общая численность их превышала 430 тыс. солдат и офицеров. На вооружении их было почти 900 танков и штурмовых орудий, свыше 5600 орудий и минометов, 850 самолетов. Такая сильная вражеская группировка могла быть сосредоточена и предназначена, вероятнее всего, для контр наступления.

Ставка сразу же приказала Генштабу предупредить войска и внимательно следить за противником. Но подготовка к наступлению на Вену продолжалась полным ходом.

Постепенно был вскрыт и замысел врага. На карте разведчиков пролегли вероятные направления его ударов. Главный — с рубежа межозерья Веленце и Балатона на юго-восток, чтобы рассечь войска 3-го Украинского фронта и выйти к Дунаю по кратчайшему пути (30 км). Здесь ожидалось наступление основных сил 6-й танковой армии СС и 6-й полевой армии. Противостояла врагу 26-я армия генерала Н. А. Гагена.

Вспомогательные удары предполагались: один — из района Надьканижи на восток силами 2-й танковой армии с целью разгрома 57-й армии генерала М. Н. Шарохина; другой — частью сил группы армий «Ф» с южного берега Дуная против 1-й болгарской армии генерала В. Стойчева. Направления вспомогательных ударов сходились с направлением главного удара в районе Сексарда.

Теперь вопрос о том, какие цели мог преследовать противник, постепенно прояснялся. После потери Будапешта наиболее очевидным было стремление гитлеровского командования удержать за собой последние крупные нефтяные промыслы Венгрии и сохранить Венский промышленный район, откуда пока еще поступало различное вооружение, в том числе танки, самолеты, боеприпасы. Не исключалось также, что фашистская Германия перенесет центр сопротивления в горные районы Австрии и Чехословакии. Эта территория была наиболее удобной для обороны. Кроме того, если сопротивление окажется невозможным, капитулировать здесь удастся перед англо-американцами, а не перед Красной Армией. Сосредоточение 6-й танковой армии в районе Балатона могло служить всем этим целям.

По всему было видно, что войскам 3-го Украинского фронта предстоят большие испытания, и к ним тщательно готовились. Ставка приказала создать глубокую оборону, особенно сильную в противотанковом отношении. К началу активных действий противника в составе 3-го Украинского фронта было около 400 тыс. солдат и офицеров, 400 танков и самоходно-артиллерийских установок, почти 7 тыс. орудий и минометов, свыше 950 самолетов. Таким образом, при равенстве в численном составе противник обладал более чем двойным превосходством в танках и штурмовых орудиях, но уступал нам в артиллерии и авиации. Все это позволило Ставке с уверенностью принять решение на оборонительную операцию».

Здесь численность советских войск Сергей Матвеевич существенно приуменьшил. Как мы увидим дальше, в войсках 3-го Украинского фронта к началу боев было 465 тыс.

солдат и офицеров. А вот вражеский замысел Штеменко определил верно.

Тем временем 20 февраля командование 3-го Украинского фронта получило приказ Ставки, не оставляя подготовки к наступлению на Вену, особое внимание уделить противотанковой обороне на случай вероятного неприятельского контр удара с участием 6-й танковой армии СС. Эта двойственность поставленной задачи, когда одновременно приходилось готовиться и к наступлению, и к обороне, негативно сказалась на способности войск фронта отразить вражеский удар. В ожидании вражеского наступления Ф. И. Толбухин провел совещание руководящего состава штаба 3-го Украинского фронта, на котором потребовал от начальника разведки фронта генерал-майора А. С. Рогова выяснить наиболее вероятные направления возможного контрнаступления противника. Вскоре было установлено, что наиболее вероятное направление немецкого наступления — севернее Секешфехервара на Будапешт и между озерами Веленце и Балатон на Дунапентеле. Здесь противник находился в 25—30 км от Дуная, и его удары для частей 3-го Украинского фронта могли быть наиболее опасными.

Толбухин приказал сосредоточить усилия войск в полосах обороны 4-й гвардейской армии генерала Захарова и 26-й армии генерала Гагена. Каждой из армий было придано по 11 противотанковых полков РВГК. 27-я армия генерала С. Г. Трофименко была расположена во втором эшелоне фронта за стыками 4-й гвардейской и 26-й армий. Всего с учетом артиллерии 27-й армии на этом направлении было сосредоточено 50 артиллерийских и 13 минометных полков, а также 4 пушечные бригады РВГК.

В полосе 4-й гвардейской армии генерал-лейтенанта Н. Д. Захватаева, сменившего Г. Ф. Захарова, и 26-й армии генерал-лейтенанта Н. А. Гагена, оборонявшихся в первом эшелоне на направлении вероятного главного удара противника, было сосредоточено более 90 процентов всей артиллерии резерва Верховного Главнокомандования, переданной в распоряжение 3-го Украинского фронта. В районе переднего края планировалось создать сплошную зону многослойного

орудийно-минометного огня. Но к началу немецкого наступления сделать это не успели.

Зато были оборудованы ротные противотанковые опорные пункты, имевшие 3—5 орудий и 4—6 противотанковых ружей, батальонные противотанковые узлы, противотанковые районы и подвижные артиллерийские противотанковые резервы полков, дивизий, корпусов и армий. Батальонные узлы были усилены отдельными танками и самоходно-артиллерийскими установками. Противотанковые районы, имевшие от 12 до 24 орудий, организовывались на угрожаемых танкоопасных направлениях, а также на стыках и флангах соединений. Было использовано около 30 тысяч противотанковых мин в минных полях.

Кроме 4-й гвардейской и 26-й, в первом эшелоне фронта располагалась 1-я болгарская армия генерала Стойчева и 57-я армия генерала Шарохина. В резерве фронта находился 1-й гвардейский мехкорпус, 18-й и 23-й танковые корпуса и 5-й гвардейский кавалерийский корпус. Все вместе они насчитывали 142 танка, из которых 12 требовали ремонта. 23-й танковый корпус был усилен 207-й самоходно-артиллерийской бригадой с 63 СУ-100, а 18-й танковый корпус — 208-й самоходно-артиллерийской бригадой с 65 СУ-100. 23-й танковый корпус располагался в районе Ловашверень, 18-й танковый — в районе Адони, Шарашд, 1-й гвардейский мехкорпус — в районе Карачони, Дунафельдвара, который и был целью немецкого наступления, а 5-й гвардейский кавкорпус — в районе Алап, Шимонтариниа, Пинцехель. Командирам было приказано обратить особое внимание на организацию противотанковой обороны, создать в войсках сильные противотанковые резервы и подвижные отряды заграждений. 3-й Украинский фронт располагал 5535 орудиями и минометами, из которых 2976 можно было использовать для борьбы с танками.

Наибольшая плотность обороны была на рубеже Гант — озеро Веленце. Здесь дивизия в среднем имела участок обороны в 3,3 км, а на 1 км фронта приходилось 24,7 орудия.

По всему фронту предполагаемого немецкого наступления на 1 километр было установлено в среднем 700—750 про-

тивотанковых и 600—690 противопехотных мин. Были организованы подвижные отряды заграждения на трофейных бронетранспортерах.

За несколько дней до начала наступления, 2 марта, Зепп Дитрих встретился с Йозефом Геббельсом. Рейхсминистр пропаганды записал в дневнике: «В беседе со мной Зепп Дитрих разъясняет мне ближайшие задачи, поставленные перед ним фюрером. Он надеется, что через шесть дней сможет начать уже ранее часто упоминавшиеся здесь операции в районе Венгрии. Он рассчитывает, что эти операции продлятся примерно 10—12 дней. Если все пойдет хорошо, можно ждать громадного успеха. А затем, как он полагает, через 14 дней он будет готов к дальнейшим операциям на территории Германии. До сих пор удавалось также скрыть от противника развертывание 6-й танковой армии на территории Венгрии; по крайней мере, пока нет оснований говорить о принятии им контрмер. Следовательно, в общем и целом можно рассчитывать, что в конце марта станут возможны более крупные операции и на территории Восточной Германии. Но до того времени нам придется еще пережить большие трудности.

В своих высказываниях Дитрих подвергает довольно откровенной критике мероприятия фюрера. Он жалуется, что фюрер дает слишком мало свободы своим военным соратникам и это уже-де привело к тому, что теперь фюрер решает даже вопрос о введении в действие каждой отдельной роты. Но Дитрих не вправе судить об этом. Фюрер не может положиться на своих военных советников. Они его так часто обманывали и подводили, что теперь он должен заниматься каждым подразделением. Слава Богу, что он этим занимается, ибо иначе дело обстояло бы еще хуже».

Совершенно непонятно, как Дитрих мог в начале марта надеяться на внезапность появления его армии в Венгрии, раз его дивизии за две недели до беседы с рейхсминистром пропаганды уже сражались за гронский плацдарм. Да и мечты разгромить советские войска западнее Дуная за 10—12 дней отдают явной маниловщиной.

По результатам же наступления, 21 марта Геббельс с сожалением констатировал в беседе с Гитлером, что «Зепп Дит-

рих тоже не относится к первому классу. Он хороший войсковой командир, но отнюдь не стратег». Совершенно верное определение! Другое дело, что и настоящий стратег вроде Манштейна вряд ли бы что мог сделать в тех условиях.

На наступление в районе Балатона вожди Третьего рейха возлагали большие, явно преувеличенные надежды. 5 марта Геббельс записал в дневнике свою беседу с Гитлером: «6 марта, в ближайший вторник, начинается наше наступление в Венгрии. Фюрер опасается, что противник уже узнал о сосредоточении наших войск в этом районе и соответственно подготовился к отпору. Тем не менее он надеется, что наше наступление завершится полным успехом. Ведь здесь к наступлению у нас готовы отборные войска под командованием Зеппа Дитриха.

Генштаб сознает сейчас необходимость нашего удара в Венгрии, хотя до сих пор всячески противился мысли о том, что сначала нам надо проявлять активность здесь. Но теперь, прежде всего в связи с проблемой обеспечения бензином, он осознал, что нам надо при любых обстоятельствах удержаться в Венгрии, если мы не хотим совсем отказываться от ведения моторизованной войны. Фюрер прав, говоря, что Сталин имеет целый ряд выдающихся военачальников, но ни одного гениального стратега; ибо если бы он имел его, то советский удар наносился бы, например, не по баранувскому плацдарму, а в Венгрии. Если бы нас лишили венгерской и австрийской нефти, то мы оказались бы вообще неспособными к контр-наступлению, которое мы планируем на востоке».

Гитлер был куда проницательнее Дитриха и понимал, что к началу марта Советы уже наверняка узнают о присутствии 6-й танковой армии СС в Венгрии, хотя бы потому, что две ее дивизии участвовали в ликвидации гронского плацдарма. Фюрер также подчеркнул, что Венгрия — это единственный оставшийся у Рейха источник получения бензина. С потерей Западной Венгрии и прилегающих районов Австрии сопротивление сможет длиться лишь несколько недель, пока не иссякнут запасы горючего. В случае же утраты последних НПЗ нельзя будет долго оборонять ни Берлин, ни «Альпийскую крепость».

6 марта, в день начала наступления в Венгрии, Геббельс записал в дневнике: «Было бы действительно необходимо добиться снова успеха хотя бы в одном месте. Я надеюсь, что в ближайшие дни это произойдет в Венгрии». Но тут же оговорился: «Мы сейчас готовим наш крупный контрудар в Померании. Я надеюсь, что его вскоре можно будет нанести. Во вторник ожидается наше наступление в Венгрии. Если бы обе операции удались, то это было бы, конечно, великолепно. Но надежды на то, что они обе могут осуществиться, были бы, пожалуй, слишком уж велики». В действительности ни один из двух контрударов не привел к существенным результатам. Но даже если бы все дивизии, предназначавшиеся для обоих контрударов, были бы использованы только для одного из них, например, в Венгрии, это все равно не привело бы к перелому.

Хауссер вспоминал: «Наступление из района между озерами Веленце и Балатон началось рано утром 6 марта без артиллерийской подготовки и без какой-либо поддержки с воздуха.

Территория была разделена на две части широким каналом и болотами западнее шоссе Штульвайсенбург (Секешфехервар) — Цеце. Основное направление удара приходилось на правую сторону. Особенности местности позволяли использовать здесь только пехоту. Танки и артиллерия могли действовать лишь вдоль дорог и в населенных пунктах.

Несмотря на это, наступавшие западнее канала продвинулись до канала Шио и Шимонториния, в то время как восточнее русские ожесточенно удерживали каждую пядь земли. Здесь I и II танковые корпуса СС сумели лишь незначительно продвинуться вперед. Командир дивизии «Дас Райх» группенфюрер Вернер Остендорф был тяжело ранен (это произошло 9 марта. — Б. С.) и впоследствии скончался.

Это наступление было запланировано как концентрическое: части группы армий «Балканы» должны были ударить от Дравы в северном направлении, 2-я танковая армия южнее озера Балатон — в восточном направлении; здесь была задействована и 16-я танково-гренадерская дивизия.

Севернее озера Веленце на правом фланге армии Балька

в тяжелых оборонительных боях участвовал корпус СС Гилле с 3-й и 5-й дивизиями СС. Все случилось так, как и должно было случиться: в сражении наступил перелом, через два дня после начала наступления по участку фронта армии Балька от озера Веленце до Дуная были нанесены сильные удары, основная их мощь при этом приходилась на район севернее Штульвайсенбурга (Секешфехервара). Соседние слева от армии Балька войска находились под угрозой. 6-я армия СС тотчас прекратила наступление и начала вынужденное отступление.

Корпус Гилле смог в мужественном оборонительном бою предотвратить прорыв противника, что, к сожалению, не удалось к северу от него, где венгры обороняли Вертеши. Таким образом, сильные передовые танковые отряды русских оказались на дороге Штульвайсенбург — Мор, левый фланг корпуса Гилле был окружен.

К этому времени дивизия «Райх» под командованием штандартенфюрера Рудольфа Лемана уже двигалась через Веспрем, чтобы перехватить противника западнее Кишбера и освободить тыл 6-й танковой армии СС.

Штаб армии планировал бросить войска на арьергардные позиции, примерно от Веспрема до Дуная. В то время как он руководил отводом войск и проходом их через территорию между озерами, группа армий приказала армиям Дитриха и Балька сменить зону ответственности. Первый должен был принять на себя командование на участке фронта от района севернее Веспрема до Дуная над венгерскими соединениями. На юге командовал Балк, который одну за другим отдавал освобождающиеся здесь части Дитриху на север. Эти маневры при сегодняшнем рассмотрении кажутся необъяснимыми. Их можно рассматривать лишь как знак недоверия. Освободившиеся части по отдельности были брошены против русских. Лишь дивизия СС «Дас Райх» действовала как единое целое и выполнила свою задачу.

Но таким образом невозможно было защитить ни арьергардные позиции восточнее Папы, ни канал Шавриц, ни Рааб. Советские войска уже везде стояли западнее этих позиций. Теперь уже нельзя было останавливаться: без связи с другими

войсками I и II танковые корпуса СС с боями отошли до границы. Дальнейшее отступление — как когда-то в Нормандии — было запрещено сверху. Ради исторической правды здесь стоит упомянуть, что Адольф Гитлер, полностью не разобравшись в фактах, приказал отобрать у дивизий СС манжетные ленты. Однако этот приказ не был передан по инстанции».

В ночь на 6 марта внезапно, без проведения артиллерийской подготовки, немецкие войска форсировали Драву и нанесли удар по частям 3-й югославской и 1-й болгарской армий. Первый удар силами трех дивизий армейской группы «Ф» был нанесен с рубежа реки Драва в направлении на Мохач. Немецкие войска форсировали Драву в районе Дольни-Михоляц и Валпово. Части болгарской и югославской армий были отеснены от реки. Немцы захватили небольшой плацдарм на северном берегу Дравы. В случае продолжения наступления противник мог выйти к переправам на Дунае и в тыл 57-й армии. Поэтому Толбухин приказал ускорить переброску 133-го стрелкового корпуса в состав 57-й армии и, организовав его контрудар во взаимодействии с болгарскими и югославскими войсками, восстановить оборону по Драве. Контрудар успеха не имел, но дальнейшее продвижение немцев на этом участке было остановлено. Впрочем, они и не собирались вводить здесь большие силы. Удар на Драве носил вспомогательный характер и призван был отвлечь внимание и силы советского командования от основного наступления в межозерье. Своей цели этот удар достиг, поскольку в состав 57-й армии был переброшен 133-й стрелковый корпус.

Второй отвлекающий удар немцы нанесли в 7 часов 6 марта, после 55-минутной артиллерийской подготовки, силами 2-й танковой армии в направлении Капошвара. Они вклинились на узком участке фронта в оборону 57-й армии на глубину до 5 км. Дальнейшее продвижение противника на этом направлении было остановлено контратаками вторых эшелонов дивизий и мощным артогнем.

В 8 часов 45 минут началась атака на главном направлении между озерами Веленце и Балатон. Если советские источники утверждают, что ей предшествовала мощная полу-

часовая артподготовка, то Хауссер и другие немецкие источники настаивают, что ни артиллерийской, ни авиационной подготовки перед наступлением не было. Атаку повели 1-я танковая дивизия СС «Адольф Гитлер», 12-я танковая дивизия СС «Гитлерюгенд» и венгерская 25-я пехотная дивизия. В наступлении участвовали свыше 300 танков и штурмовых орудий. Часть из них вместе с пехотой пробилась на стыке 4-й гвардейской и 26-й армий и к исходу дня вклинились в позиции 30-го стрелкового корпуса на глубину 3—4 километра. Создалась угроза прорыва главной полосы советской обороны.

Неудивительно, что наибольшего успеха немецкое наступление достигло к западу от канала Шарвиз. Там, между озером Балатон и каналом, где оборонялись левофланговые соединения 26-й армии, плотность советской обороны была самой слабой. На дивизию приходился участок обороны в 4,7 км, а на 1 километр фронта приходилось только 9,7 орудия. В тылу обороняющихся здесь располагался 5-й гвардейский кавкорпус. Командование 3-го Украинского фронта считало эту местность не подходящей для действий больших групп танков.

По донесениям советских войск, в межозерье их атаковали до 600 немецких танков, что значительно превышало их истинное число. 1-я и 12-я танковые дивизии СС быстро двигались по западному берегу канала Шарвиз в направлении Цеце. 356-я пехотная и 23-я танковая дивизии вермахта с гораздо большим трудом продвигались по восточному берегу канала к Шаркерестуру и к Шарашду. Здесь они продвинулись лишь на 2—3 км и были остановлены концентрированным огнем артиллерии. А вот на западном берегу канала немецкие танковые подразделения, умело находя проходы между непроходимыми участками местности, быстро продвигались вперед. Особенно ожесточенные бои шли за крупные населенные пункты и шоссейные дороги. Советская пехота опять, как и в январе, частенько отступала под натиском танков, бросая артиллеристов на произвол судьбы.

К концу дня 6 марта части 6-й танковой армии СС захватили местечко Шерегельеш, находящееся на стыке 4-й гвар-

дейской и 26-й армий. Это объяснялось тем, что противник застал врасплох части 1-го гвардейского укрепленного района, а также плохим обеспечением его стыка с 30-м стрелковым корпусом. Две армии так и не смогли наладить здесь взаимодействие. Сперва немцы потеснили 1-й гвардейский укрепленный район, который отступил и открыл правый фланг 155-й стрелковой дивизии. Ударив в него, немецкая мотопехота ворвалась в Шерегельеш. Советские контратаки, предпринятые силой одного из стрелковых полков 155-й дивизии и 110-й танковой бригады, окончились неудачей.

Овладев в 10 часов утра Шерегельешем, немцы на узком участке вклинились в советскую оборону на глубину 3—4 км, а западнее канала Шарвиз продвинулся всего на 1—1,5 км. На других участках немецкие атаки противника были успешно отражены.

Тем временем две бригады 18-го танкового корпуса заняли подготовленный рубеж восточнее и южнее Шерегельеш. Танковый полк из состава 1-го гвардейского механизированного корпуса занял заранее подготовленный рубеж в районе Шаркерестур. Одна дивизия 27-й армии была выдвинута на вторую полосу обороны восточнее Шерегельеша.

7 марта для усиления обороны по указанию командующего фронтом на вторую полосу южнее озера Веленце выдвинулись части трех дивизий 27-й армии. Широко проводился маневр артиллерийскими частями. За два дня боев в район южнее озера Веленце было переброшено из резерва фронта и с неатакованных участков 4-й гвардейской армии три истребительно-противотанковых артиллерийских полка. В связи с вклинением вражеских войск в оборону западнее канала Шарвиз 5-й гвардейский кавалерийский корпус занял оборону по восточному берегу канала Шарвиз и по южному берегу каналов Елуша и Капош. 33-й стрелковый корпус начал выдвижение на правый берег Дуная.

После падения Шерегельеша создалась угроза флангу 155-й стрелковой дивизии. Ей пришлось развернуть один стрелковый полк на север и подкрепить его ИПТАПом из резерва корпуса.

436-й стрелковый полк получил приказ отойти и занять

оборону на третьей позиции. Артиллерия корпуса остановила дальнейшее продвижение немцев. На левом фланге корпуса танки противника ворвались в главную полосу 68-й гвардейской стрелковой дивизии. Части дивизии, развернувшись фронтом на запад, в ночь на 8 марта отошли на восточный берег канала Шарвиз. Однако дальше немцы пройти не смогли.

Западнее канала Шарвиз соединения 135-го стрелкового корпуса не смогли удержать занимаемые позиции, и танковые дивизии противника прорвали вторую полосу обороны, потеснив войска 26-й армии в направлении Шимонторния.

Чтобы остановить противника, был принят ряд неотложных мер. Оборона участка от озера Веленце до канала Шарвиз была возложена на 27-ю армию, в состав которой были переданы 30-й стрелковый корпус (155-я, 36-я гвардейская, 21-я и 68-я гвардейская стрелковые дивизии) и 206-я стрелковая дивизия из 33-го стрелкового корпуса. В оперативное подчинение армии были переданы 1-й гвардейский механизированный, 18-й и 23-й танковые корпуса. Южнее озера Веленце был осуществлен маневр артиллерии, в результате чего плотность артиллерии значительно увеличилась.

С утра 10 марта южнее озера Веленце был введен в бой немецкий 3-й танковый корпус. Ему удалось прорвать главную полосу и вклиниться в нашу оборону южнее озера Веленце на глубину до 10 км. Западнее канала Шарвиз немцы вышли к каналам Елуша и Капош, где были остановлены артиллерийским огнем.

Утром 7 марта ожесточенные бои развернулись в районе Калоза. Здесь отличились 1964, 1965 и 1966-й ИТПАПы. Как обычно, оставленные отступившей пехотой без прикрытия, они мужественно сдерживали натиск немецких танков. Когда несколько танков были подбиты, немцы начали обстреливать артиллеристов из штурмовых орудий с больших дистанций. Потом их атаковала пехота. За 7 марта три полка, согласно их донесениям, подбили и сожгли 44 танка и 5 бронетранспортеров, потеряв 32 орудия, 3 тягача и 4 грузовика высокой проходимости. После этого 1965-й и 1966-й полки были выведены в тыл на доукомплектование, а 1964-й вновь

был брошен в бой под Шарсентаготом. Туда были стянуты два дивизиона трофейных штурмовых орудий, имевшие 8 150-мм штурмовых орудий и 8 зенитных 88-мм штурмовых орудий. В бою 9 марта эти дивизионы потеряли всю боевую технику. А 12 марта под Эньингом в бой был брошен батальон трофейных танков, имевший 4 «тигра» и 7 «пантер», а также 2 штурмовых 75-мм орудия. Этому батальону не повезло. Еще на подходе к полю боя он был атакован советскими штурмовиками, не разглядевшими звезды и красные флаги на башнях трофейных танков. В результате две машины были сожжены, а пять, спасаясь от «дружественного огня», съехали с дороги и застряли в грязи. Впоследствии немцы вытащили застрявшие машины и использовали их для наступления к рубежу Цеце — канал Капош 13—15 марта. В дальнейшем в этом районе советская трофейная команда обнаружила брошенную немцами «пантеру» со звездой, прикрытой фанерой, — трижды трофейный танк. 13 марта к каналу Капош из района Або, Шарашд была переброшена 23-я танковая дивизия, но преодолеть рубеж каналов Елуша — Капош она так и не смогла. К полудню 15 марта немецкое наступление здесь окончательно остановилось.

На правом фланге 26-й армии дивизии СС не смогли за первые два дня наступления достичь заметных успехов. Здесь, к северу и востоку от Шерегельеша, успешно оборонялись 170-я танковая бригада 18-го танкового корпуса, 3-я гвардейская воздушно-десантная дивизия и 1016-й самоходно-артиллерийский полк.

За 7 марта армия Дитриха продвинулась лишь на 2 — 5 километров. На следующий день, 8 марта, в бой были введены армейские резервы — 2-я и 9-я танковые дивизии СС, атаковавшие позиции 26-й армии. К концу дня они нанесли большие потери 63-й кавалерийской дивизии на восточном берегу канала Шарвиз. Ей на помощь были спешно брошены 1068-й и 1922-й самоходно-артиллерийские полки, а также большое количество штурмовой авиации. В бой были дополнительно введены 236-я стрелковая дивизия, 60-й танковый и 1896-й самоходно-артиллерийский полк 5-го гвардейского кавалерийского корпуса. Продвижение немцев было оста-

новлено. Однако уже на следующий день советские войска вынуждены были отступить.

К 9 марта все армейские и фронтовые резервы 3-го Украинского фронта были израсходованы, а использовать для отражения вражеского удара 9-ю гвардейскую армию Ставка запрещала. К исходу дня немецкие танки и пехота сбили с важной высоты 159,0 части 110-й танковой бригады, но дальнейшее продвижение противника было остановлено из-за темноты.

10 марта, бросив в бой не использовавшиеся ранее части 1-й и 3-й танковых дивизий, командование 6-й танковой армии СС нанесло новый удар на узком участке фронта. Его встретили полки 209-й самоходно-артиллерийской бригады и четыре истребительно-противотанковых полка, переброшенных из резерва Ставки. Плотность артиллерии на участке немецкой атаки была доведена до 49 орудий на 1 км фронта. В этот день, согласно донесению командования 3-го Украинского фронта, противник потерял 81 танк и штурмовое орудие, 25 бронетранспортеров и бронемашин, 36 орудий и минометов, 21 самолет и до 3,5 тыс. солдат и офицеров.

14 марта немецкие войска попытались прорваться вдоль берега озера Веленце. Здесь им противостоял 23-й танковый корпус, поддержанный бригадой СУ-100. Они контратаковали противника, но понесли большие потери, поскольку контратаки проводились без должной разведки и подготовки. Однако наши танкисты смогли не только остановить вражеские танки, но и местами потеснить их на 1—3 км.

Зепп Дитрих вспоминал: «Мой левый фланг (II танковый корпус СС) не добился сколько-нибудь заметного успеха. Противник хорошо укрепился на западном берегу Дуная; болотистая местность, непроходимая для танков, помешала нашему продвижению. Атака захлебнулась в районе Шаранц и Шаркерестур. Центр — первый танковый корпус и кавалерийские дивизии — докладывал об успехе, но когда танки начали развивать его, то оказались на непроходимой местности. Предполагалось, что болота замерзнут, как обещал генерал фон Вёлер, и станут проходимыми. На самом деле всюду были сырость и болота. Для обеспечения внезапности я за-

претил проводить предварительную разведку местности. Теперь 132 танка увязли в грязи, а 15 «королевских тигров» погрузились по башню. Атаку могла продолжать только пехота, и ее потери были велики».

В данном случае бывший командующий 6-й танковой армией СС по забывчивости или намеренно погрешил против истины. Группировка, остановленная в районе Шарашд — Шаркерестур, как раз наступала по относительно проходимой для танков местности, и была остановлена не болотами, а крепостью плотной советской обороны. Непонятно также, почему Дитрих отказался от рекогносцировки местности. Ведь после того, как 1-й танковый корпус СС в середине февраля засветился в боях за гронский плацдарм, ни о какой внезапности появления его армии в Венгрии говорить уже не приходилось. В сущности, Дитрих совершил ту же ошибку, что и Ротмистров под Прохоровкой, когда пошел в наступление без рекогносцировки.

Гebbельс так описал в дневнике первый день немецкого наступления у Балатона: «Армия Зеппа Дитриха начала крупное наступление в Венгрии. Пока еще нельзя делать какие-то прогнозы. Первые сообщения ни о чем еще не говорят — разве только о том, что наши войска встретили весьма сильное сопротивление и поэтому продвинулись в первый день не на очень большое расстояние. Противник уже принимает контрмеры, прежде всего сильно атакует с воздуха».

На следующий день рейхсминистр пропаганды с оптимизмом отметил, что «в Венгрии несколько сильных местных атак между Балатоном и Дравой дали хорошие результаты, и наши войска продвинулись в районе Капошвара примерно на шесть-восемь километров в направлении Осиека. Одновременно с юга из района Вировитизара (Вировитицы) через Драву на север тоже отмечено продвижение на шесть-восемь километров (это были вспомогательные удары, наносившиеся группой армий «Е» против югославской и болгарской армий. — Б. С.). При атаках со стороны восточной части Балатона, в районе южнее Штульвайсенбурга (Секешфехервара), также достигнуты хорошие первоначальные результаты».

Однако эти местные успехи еще не создавали серьезных

угроз советским войскам. И оптимизм Геббельса улетучился уже к вечеру 7 марта, когда из Венгрии сообщили, что «наши войска встречают там исключительно ожесточенное сопротивление. Поэтому они пока что не смогли захватить большого пространства».

9 марта Геббельс опять воспрянул духом: «По всей Венгрии продолжается наше наступление. Особенно заметны успехи у канала Малом и юго-западнее Секешфехервара... Из Венгрии поступили хорошие вести. 6-й танковой армии удалось глубоко вклиниться в оборону противника. Теперь предпринимается попытка выйти в тыл противника с целью уничтожить его войска и тем самым добиться развала значительной части его фронта. Советы, конечно, защищаются всеми силами, но, надеюсь, Зеппу Дитриху удастся осуществить план фюрера».

10 марта, по мнению Геббельса, события в Венгрии развивались столь же благоприятно для немцев: «В Венгрии в ходе германских наступательных операций за вчерашний день достигнуты новые местные успехи. Особенно отрадно события развиваются между Балатоном и Дунаем, где на широком фронте продолжается наше наступление вдоль канала Малом. Сильные контратаки противника на флангах отражены... Наши штурмовики в Венгрии и на центральном участке Восточного фронта опять добились больших успехов». Удивительно, но немногочисленная и сидевшая на голодном бензиновом пайке немецкая авиация в Балатонском сражении действовала эффективнее советской, нанеся потери советским танкам и артиллерии. Геббельс в тот день надеялся, что вот-вот придет решающий успех: «На востоке события развиваются пока благоприятно в Венгрии. Наш клин расширен дальше на запад. Здесь можно уже говорить почти о прорыве. Мы прорвали оборону противника на фронте 25 километров и продвинулись в глубину тоже на 25 километров. Расширен и наш клин в направлении Балатона, так что и здесь можно говорить о существенном начальном успехе».

12 марта Геббельс все еще радовался успехам 6-й танковой армии СС: «Наше наступление в Венгрии началось хорошо. Правда, продвижение вперед еще не настолько велико,

чтобы совершенно воспрянуть духом. Надо подождать, пожалуй, еще несколько дней, чтобы получить возможность окончательно оценить это наступление... Наше наступление в Венгрии дает медленные, но верные результаты. В общем и целом развитие событий там можно назвать благоприятным, мы существенно продвинулись вперед. Мы также продвинулись вперед у озера Веленце, так что теперь можно говорить о действительно крупном наступлении». Днем раньше в беседе с Гитлером Геббельс связал тему успешного наступления в Венгрии со зверствами советских войск в Восточной Германии и Европе: «Я подробно докладываю фюреру о впечатлениях от своей поездки в Лаубан (только что отбитый у Красной Армии город в Силезии. — Б. С.), детально описывая ужасы, с которыми сам столкнулся там. Фюрер считает, что отныне нам надо широко пропагандировать идею мести Советам. Мы должны теперь бросить свои наступательные силы на восток. На востоке решается все. Советы должны расплачиваться кровью за кровь; тогда, возможно, удастся образумить Кремль. Наши войска теперь обязаны выстоять и преодолеть страх перед большевизмом. Если мы действительно перейдем к массированному наступлению, то добьемся успеха, о чем свидетельствует развитие событий в Венгрии, которое фюрер считает весьма многообещающим. Остается надеяться, что таким оно будет и в дальнейшем. Во всяком случае, фюрер считает, что начатая мною пропаганда по поводу зверств абсолютно правильна и должна проводиться дальше».

Во время той же беседы с Геббельсом Гитлер так изложил германские цели на Востоке, в рамках которых и предпринимались наступления в Венгрии и Померании: «Итак, наша цель должна была бы заключаться в том, чтобы погнать Советов на востоке назад, нанося им самые тяжелые потери в живой силе и технике. Тогда Кремль, возможно, проявил бы больше уступчивости по отношению к нам. Сепаратный мир с ним, конечно, радикально изменил бы военное положение. Естественно, это не было бы достижением наших целей 1941 года, но фюрер все же надеется добиться раздела Польши, присоединить к сфере германского влияния Венгрию и Хорватию и получить свободу рук для проведения операций на западе.

Такая цель, конечно, стоит усилий. Закончить войну на востоке и освободить руки для развертывания операций на западе — какая прекрасная идея! Поэтому фюрер также считает, что следует проповедовать месть по отношению к Востоку и ненависть по отношению к Западу. В конце концов, именно Запад вызвал эту войну и довел ее до таких ужасных масштабов. Ему мы обязаны нашими разрушенными городами и памятниками культуры, лежащими в развалинах. И если бы удалось отбросить англо-американцев, имея прикрытие с востока, то, без сомнения, была бы достигнута цель, состоящая в том, чтобы на все времена вытеснить Англию из Европы как нарушителя спокойствия».

Геббельс был в восторге. Похоже, речь фюрера подействовала на него магически и заставила его поверить в возможность успеха в самых безнадежных обстоятельствах. Рейхсминистр записал в дневнике: «Программа, изложенная мне здесь фюрером, грандиозна и убедительна. Ей недостает пока возможности для реализации. Эту возможность должны создать сначала наши солдаты на востоке. В качестве предпосылки ее осуществления необходимо несколько внушительных побед; и, судя по нынешнему положению, они, вероятно, достижимы. Для этого надо сделать все. Для этого мы должны трудиться, для этого мы должны бороться, и для этого мы должны во что бы то ни стало поднять на прежний уровень моральный дух нашего народа».

Скорее всего, подобные прожекты Гитлер выдвигал лишь для ободрения собственного окружения. Вряд ли он сам верил в их реальность.

Но уже ситуация, сложившаяся в Венгрии 12 марта, начинает тревожить Геббельса. Он записал в дневнике: «В Венгрии в результате наших атак достигнут лишь частичный и незначительный прогресс. Советы укрепили свои позиции за счет подхода болгарских и румынских частей». Единственным утешением рейхсминистру служило то, что в Венгрии и на Центральном участке фронта люфтваффе будто бы сбило 65 неприятельских самолетов.

Но к концу дня, под влиянием новых сводок, оптимизм опять возобладал: «Что касается востока, то весьма отрадно

развиваются события в Венгрии. Мы форсировали реку Шио и создали два плацдарма на другом берегу. Это удовлетворительное известие. Теперь надо попытаться окончательно обратить противника в бегство. Прорыв удался нам и в верховье, так что отсюда, очевидно, можно двигаться дальше». Впрочем, министру пропаганды быть оптимистом полагалось по должности.

13 марта обстановка как будто не внушала большой тревоги. Геббельс записывает: «В Венгрии юго-восточнее Балатона достигнут значительный прогресс. За рекой Шио созданы два плацдарма. Юго-восточнее Балатона также отмечено продвижение вперед у Аба. Восточнее Секешфехервара наша танковая колонна, возглавляемая «тиграми», продвинулась в результате атаки примерно на восемь километров в восточном направлении». Но уже к вечеру наступило отрезвление. Характеризуя обстановку, сложившуюся в этот момент, Геббельс записал в дневнике: «В Венгрии наши войска добились лишь незначительного успеха. У меня складывается впечатление, что наше наступление застопорилось, что могло бы иметь роковые последствия. Зеппу Дитриху удалось создать один плацдарм за рекой Шио, но еще остается под большим вопросом, сможет ли он развернуть с него дальнейшие операции. В Ставке, по крайней мере, высказывают мнение, что теперь и надо бы наступать. Но последовательность в операциях пока еще совершенно отсутствует».

Уже 14 марта немецкое наступление фактически остановилось. Геббельс вынужден констатировать: «В Венгрии отбиты многочисленные атаки на наши новые позиции... Довольно удручающие известия поступают из Венгрии. Наше наступление там, как кажется, не может развиваться. Наши дивизии завязли в советских оборонительных позициях и сталкиваются теперь со значительными контратаками Советов. Кажется, все идет прахом. Ни одна из наших военных операций, как бы она ни была хорошо подготовлена, не привела в последнее время к успеху. Сталин имеет все основания чувствовать, прямо как кинозвезд, советских маршалов, которые проявили выдающиеся военные способности. Из Москвы поступают об этом известия, почти напоминающие обы-

чаи из жизни пашей... В Венгрии теперь уже говорят о мощных вражеских контратаках против наших наступавших войск. Во всяком случае, сейчас нет никакого продвижения вперед. Обе стороны перегруппировываются. Но ведь известно, что это может означать». Геббельс слишком хорошо знал, что отступление генералы часто называют перегруппировкой.

Последняя надежда вспыхнула 15 марта. Геббельс записал: «В Венгрии мы расширяем фронт своих атак ударами между Капошваром и западным побережьем Балатона, где мы на фронте протяженностью от 20 до 30 километров продвинулись на три-четыре километра по сильно минированной местности (но это было второстепенное направление, успех на котором уже не играл существенной роли. — Б. С.). На реке Шио мы создали один плацдарм и разбили несколько вражеских плацдармов на нашем берегу этой реки». В этот день в Венгрии удалось сбить 37 неприятельских самолетов, включая 4 тяжелых бомбардировщика союзников, действовавших из Италии.

Вечером того же дня Геббельс отметил: «В Венгрии, к сожалению, достигнуты лишь незначительные местные успехи. О планомерном продвижении вперед говорить не приходится. Напротив, наша 6-я армия перешла теперь к обороне».

15 марта, в последний день немецкого наступления, Геббельс записал: «В Венгрии в результате наступления между западной оконечностью Балатона и Капошваром наши войска на широком фронте продвинулись на два-три километра, но на других участках — в частности, в районе Секешфехервара — противник усиленно контратаковал, главным образом пехотными частями. Все атаки, за исключением вклинения в наши позиции между Секешфехерваром и Фельзэгаллой, были отражены».

А 20 марта Геббельс признал успех советского наступления, происшедшего накануне: «В Венгрии между Секешфехерваром и Фельзэгаллой противник, действуя в западном и северо-западном направлениях, атаковал слабые позиции венгерских войск на горном массиве Вертеш и вклинился в них во многих местах на глубину от 15 до 20 километров. Ата-

ки на Мор сорваны. Между Мором и Секешфехерваром противник вышел к железной дороге Секешфехервар — Коморн (Комарно). Наша атака южнее Балатона увенчалась продвижением вперед у Марцали».

Только теперь Геббельс признал очевидное: «В Венгрии мы полностью перешли к обороне. Севернее озера Веленце противнику опять удалось немного продвинуться вперед. О наступлении нашей ударной армии нет больше речи».

На следующий день, как отметил Геббельс, положение стало еще более мрачным: «В Венгрии наше наступление окончательно застопорилось. Здесь мы были вынуждены перейти к обороне, которая вдобавок оказалась чрезвычайно слабой, что привело уже к глубоким вклинениям и серьезным потерям. Город Секешфехервар перешел в руки противника. Мы, правда, предпринимаем контратаку за контратакой, но эти операции не приносят успеха».

Вот как охарактеризовал сложившуюся обстановку С. М. Штеменко: «6 марта началось ожидаемое нами контрнаступление противника, особенно мощное на главном направлении. Бои не прекращались в течение девяти дней и носили крайне ожесточенный характер. Хотя гитлеровские войска и обладали весьма значительными силами, вырваться к Дунаю они так и не смогли, несмотря на то что порой вводили в бой до 450 танков на одном участке фронта».

Балатонское оборонительное сражение стало еще одним примером величайшего мужества, несгибаемой стойкости и героизма советских воинов. В ходе обороны за два дня — 6 и 7 марта — враг потерял почти 100 танков и штурмовых орудий, а за все время сражения (6—15 марта) — почти 500! Массовый героизм солдат и офицеров 3-го Украинского фронта развеял последние надежды гитлеровского командования восстановить положение в центре Европы. Наша победа содействовала также англо-американским войскам в Италии и помогла довершить разгром оккупантов в братской Югославии.

Твердая уверенность в том, что контрнаступление противника в районе озера Балатон будет отбито, ни на минуту не покидала Генеральный штаб и Ставку. Здесь отчетливо представляли себе, какие тяжелые бои развернулись на за-

падном берегу Дуная и какие чрезвычайные трудности преодолевают советские воины. Ставка усилила в ходе сражения войска 3-го Украинского фронта за счет правого соседа. Но советское Верховное Главнокомандование не снимало с фронтов задачи перейти в решительное наступление после завершения оборонительного сражения. Оно располагало и готовыми к действиям свежими силами.

...Нельзя забыть тревожных мартовских дней 1945 г. Тогда советское стратегическое руководство не раз и не два взвешивало шансы противника при различных вариантах действий войск. Прикидывали возможные условия и исход борьбы, особенно в случае жесткой обороны на правом берегу Дуная, где нашим войскам предстояло удержать плацдарм. Здесь сражение обещало быть особенно трудным и кровопролитным. Обсуждался и другой вариант: отойти с правого берега Дуная на левый, отказаться от плацдарма. В этом случае, прикрывшись широкой водной преградой, можно было гарантировать удержание позиций за рекой.

Но неизбежно возникал вопрос: как действовать дальше? Ведь нужно было кончать войну и обрушить на врага самые чувствительные удары, наступать далее на запад. Вот тут-то и выяснилось, что оборона на правом берегу Дуная значительно выгоднее и перспективнее, чем на левом. Было бы неизмеримо труднее переходить потом в наступление: враг тоже прикрывался бы рекой. И конечно, мы потеряли бы время.

В Ставке и Генштабе оценили все «за» и «против» и остановились на том, что проводить в жизнь следует первый вариант — обороняться на правом берегу Дуная и немедленно после окончания оборонительного сражения переходить в контрнаступление.

К этому вопросу примыкал и второй — о 9-й гвардейской армии генерала В. В. Глаголева.

9 марта Ф. И. Толбухин по телефону обратился в Ставку за разрешением использовать в оборонительных целях 9-ю гвардейскую армию, только что переданную в состав его фронта. Он спрашивал также, не стоит ли его войскам и, в крайнем случае, штабу отойти на левый берег Дуная, чтобы не потерять управления.

Мы с А. И. Антоновым были в это время в кабинете Верховного Главнокомандующего. И. В. Сталин выслушал сообщения командующего 3-м Украинским фронтом, немного помедлил и ровным голосом сказал примерно следующее:

— Товарищ Толбухин, если вы думаете затянуть войну еще на пять-шесть месяцев, то, конечно, отводите свои войска за Дунай. Там, безусловно, будет потише. Но я сомневаюсь, что вы так думаете. Поэтому обороняться следует на правом берегу реки и вам со штабом надо быть именно там. Уверен, что войска с честью выполнят свои нелегкие задачи. Нужно только хорошо ими руководить.

Затем он высказал мысль о необходимости выбить танки врага еще в ходе оборонительного сражения, сказал, что нельзя давать противнику время закрепиться на достигнутых им рубежах и организовать прочную оборону.

— Следовательно, — рассуждал вслух Верховный Главнокомандующий, — переходить в наступление надо немедленно после того, как враг будет остановлен, и полностью разгромить его. Для этого нужны значительные свежие силы. Они у нас есть — это армия Глаголева. Поблизости находится также 6-я гвардейская танковая армия генерала Кравченко. Пока она подчинена Малиновскому, но, если потребуется, ее можно передать вашему фронту. Сделайте отсюда нужные выводы. — Посмотрев на А. И. Антонова, он добавил: — Генштаб на моей стороне.

Ф. И. Толбухин сказал, что приказание понял, и положил трубку.

Генштабу было приказано подтвердить задачи фронтов директивой, что мы и сделали. В директиве говорилось: «Командующему войсками 3-го Украинского фронта в оборонительных боях измотать танковую группировку противника, наступающую из района Секешфехервара, после чего не позже 15—16 марта с. г. правым крылом фронта перейти в наступление с целью разбить противника севернее озера Балатон и развивать удар в общем направлении на Папа, Шопрон.

9-ю гвардейскую армию в оборонительные бои не втягивать, а использовать ее для развития удара и окончательного разгрома противника».

Командующему 2-м Украинским фронтом приказывалось севернее Дуная перейти к жесткой обороне, а левым флангом, то есть там, где фронт непосредственно примыкал к ударной группировке войск Ф. И. Толбухина, наступать на Дьер.

Так, говоря в общем виде, Ставка намечала действия, направленные на разгром основных сил противника в районе озера Балатон. Здесь предполагалось заложить основы успеха Венской операции. Заметим, что подготовка операции проходила в условиях продолжающегося тяжелого оборонительного сражения.

Как мы и ожидали, силы врага были окончательно измотаны, и 15 марта он отказался от наступления. Теперь пришел наш час. 16 марта войска Ф. И. Толбухина, усиленные 6-й гвардейской танковой армией из 2-го Украинского фронта, двинулись вперед. Так, без оперативной паузы после оборонительного сражения, началась Венская наступательная операция, в ходе которой были достигнуты весьма крупные результаты».

Возможно, Дитрих и не подозревал, как близок он был к намеченной цели. Ведь командование 3-го Украинского фронта 9 марта уже готово было рассматривать возможность отвода войск за Дунай. Кроме того, оно просило разрешить ему использовать в оборонительном сражении 9-ю гвардейскую армию — стратегический резерв, предназначавшийся для наступления на Вену. Если бы эти предложения Толбухина были осуществлены, цель Гитлера фактически была бы достигнута. Советские войска были бы оттеснены к Дунаю и вынуждены были бы значительную часть своих стратегических резервов использовать в оборонительном сражении. Это могло затянуть войну если не на полгода, то хотя бы на два-три месяца. Однако такое развитие событий представляется абсолютно невероятным.

Штеменко в мемуарах, вольно или невольно, драматизирует обстановку, сложившуюся к 9 марта в районе Балатона. Ведь в распоряжении Ставки здесь были значительные резервы, 6-я гвардейская танковая и 9-я гвардейская армии. С этими силами дунайский плацдарм, безусловно, удалось

бы удержать. Другое дело, что обе эти армии в оборонительных боях понесли бы потери и, вероятно, наступление на Вену пришлось бы отложить еще на две-три недели. Однако и немецкие войска понесли бы дополнительные потери в боях с двумя советскими армиями и были бы еще более ослаблены к началу Венской операции, что уменьшило бы их сопротивление. Так что война могла бы затянуться максимум на неделю-другую, но никак не на полгода.

Уже 11 и 14 марта Дитрих просил Гитлера прекратить наступление из-за того, что местность из-за распутицы стала непроходимой для танков, но получил отказ. Немецкое наступление прекратилось только после того, как 16 марта началось советское наступление на Вену.

Пока шли оборонительные бои, Ставка Верховного Главнокомандования сосредотачивала 9-ю гвардейскую армию и другие резервы для наступления на Вену. 16 марта эта армия при поддержке 2-го гвардейского мехкорпуса 2-го Украинского фронта и 4-й гвардейской армии начала наступление севернее Секешфехервара, охватывая немецкую группировку, наступавшую в межозерье. 19 марта в прорыв была введена 6-я гвардейская танковая армия. Из-за угрозы окружения 6-й танковой армии СС пришлось спешно отходить на линию Веспрем — Папа — Таркань.

Зепп Дитрих вспоминал: «Русские бросили свои дивизии на находившуюся слева от меня 6-ю армию генерала Балька и добились прорыва. Воздушная разведка сообщила о движении из района Будапешта 3—4 тысяч грузовиков с пехотой и танков. Командование группы армий немедленно приказало 12-й танковой дивизии СС двигаться на Штульвайсенбург (Секешфехервар) и к северу от него, чтобы там закрыть русский прорыв. Тем временем русские достигли Замоля, Ошаквара и Баконьского леса. Дорога между Штульвайсенбургом, Варполотой и Веспремом должна была удерживаться 12-й дивизией СС для того, чтобы была возможность локализовать русский прорыв. Удар русских с юго-запада по направлению к озеру Балатон преследовал цель разъединить мою армию и армию Балька. Завязалось тяжелое сражение. Мы выявили у противника четыре механизированные брига-

ды, пять танковых корпусов и десять гвардейских дивизий, состоявших из молодых, хорошо обученных и вооруженных солдат».

Тут командующий 6-й танковой армией СС не преувеличил численность соединений Красной Армии, действовавших против него, но преувеличил степень обученности красноармейцев. Наоборот, молодые, недавно призванные красноармейцы, особенно из числа жителей оккупированных территорий, а также бывших «восточных рабочих», бросались в бой необученными и по степени боевой подготовки уступали германским солдатам, хотя в 45-м ветеранов с обширным боевым опытом там, повторяю, тоже было гораздо меньше, чем в 41—42-м.

Гитлер медлил с тем, чтобы бросить армию Дитриха в контратаку против наступающих советских соединений, как того требовал командующий группой армий «Юг» генерал Вёлер. Фюрер никак не мог смириться с тем, что широко задуманная операция в Венгрии провалилась. В результате советские войска продвинулись так далеко на запад, что контратака 6-й танковой армии СС безнадежно запоздала. Эсэсовским дивизиям пришлось спешно отступать на юго-запад вдоль побережья Балатона.

2 апреля были потеряны нефтяные месторождения и нефтеперерабатывающие заводы Западной Венгрии. Это означало агонию германского сопротивления.

Таким образом, неудача контрнаступления 6-й танковой армии СС в Венгрии похоронила последние надежды на возможность успешной обороны «Альпийской крепости».

В результате десятидневных ожесточенных боев 6-я танковая армия СС вклинилась в оборону советских войск южнее озера Веленце до 12 км, а западнее канала Шарвиз — до 30 км. 15 марта немецкое наступление было прекращено. А уже на следующий день силами войск 3-го Украинского и левого крыла 2-го Украинского фронтов началась Венская стратегическая наступательная операция с целью завершения разгрома немецко-фашистских войск в западной части Венгрии и освобождения столицы Австрии — Вены, которую армия Дитриха оставила 13 апреля. Теперь идея «Альпийской

крепости» утратила всякий смысл. Эти события повлияли на решение остаться в Берлине, вопреки первоначальному намерению эвакуироваться с правительством на юг, в Берхтесгаден, чтобы продолжать борьбу «в Альпийской крепости». Фюрер понял, что агония на юге не продлится долго, и ему куда почетнее будет погибнуть в Берлине, чем в какой-нибудь безвестной альпийской деревушке. Не случайно интенсивное строительство фортификационных сооружений в Берлине и вокруг него началось в конце марта, когда стало понятно, что удержаться в Венгрии не удастся.

Весь итог действий 6-й танковой армии СС в Венгрии свелся к тому, что было на десять дней отсрочено начало советского наступления на Вену. Кроме того, во встречном танковом сражении армия Дитриха нанесла значительные потери 6-й гвардейской танковой армии и не позволила ей развить успех и замкнуть кольцо окружения к югу от Секешфехервара. Все это лишь на несколько дней отодвинуло захват Красной Армией нефтеперегонных заводов Западной Венгрии и Австрии, а также австрийской столицы.

Разумеется, никакого стратегического значения это затягивание войны на пару-тройку недель иметь не могло. Но следует признать, что 6-я танковая армия СС, хотя объективно и не могла решить амбициозную задачу разгрома 3-го Украинского фронта и выхода к Дунаю, тем не менее достаточно близко подошла к решению другой более реальной задачи, — максимально ослабить войска 3-го Украинского фронта и заставить его использовать для отражения немецкого контрнаступления хотя бы часть сил, предназначенных для наступления на Вену. Толбухину действительно пришлось использовать для отражения удара 6-й танковой армии СС все армейские и фронтовые резервы. Еще немного — и пришлось бы ввести в бой стратегический резерв — 9-ю гвардейскую армию. А своим быстрым отступлением и встречным сражением, остановившим продвижение 6-й гвардейской танковой армии, Дитрих спас собственную армию от неминуемого разгрома. Но своим отходом, совершенным без приказа, он вызвал гнев Гитлера. 27 марта состоялась очередная беседа Гитлера с Геббельсом, так изложенная в дневнике последне-

го: «И на венгерском участке фронта обстановка принимает очень критический характер. Здесь нам, по-видимому, грозит потеря важного для нас района нефтедобычи. Наши соединения войск СС показали себя здесь очень неважно. Даже «Лейбштандарт», потому что старые кадры его офицерского и рядового состава перебиты. Нынешний «Лейбштандарт» сохранил лишь свое почетное название. И несмотря на это, фюрер решил проучить войска СС. Гиммлер по его поручению вылетел в Венгрию, чтобы отобрать у этих частей нарукавные нашивки. Для Зеппа Дитриха это будет, конечно, самым страшным позором, какой только можно себе представить. Генералы из сухопутных войск страшно этому рады: такой удар для их конкурентов! Войска СС в Венгрии не только не сумели осуществить собственное наступление, но и отступили, а частично даже разбежались. Плохое качество человеческого материала проявило себя здесь самым неприятным образом. Зеппа Дитриха можно только пожалеть, но можно посочувствовать и Гиммлеру, который, будучи шефом войск СС, не имеющим никаких военных наград, должен совершить эту трудную акцию в отношении Зеппа Дитриха, носящего бриллианты (к Рыцарскому кресту. — Б. С.). Но еще хуже то, что наш район нефтедобычи находится сейчас под сильной угрозой. Нужно любой ценой удержать хотя бы эту базу, необходимую нам для ведения войны».

А вот что написал по этому поводу немецкий военный историк генерал Курт Типпельскирх в «Истории Второй мировой войны»: «Произошло событие, поразившее Гитлера точно гром среди ясного неба. Использувавшиеся для наступления танковые дивизии СС, а также отряды его личной охраны, на которые он полагался как на каменную гору, не выдержали: у них истощились силы и вера. В припадке беспредельного бешенства Гитлер приказал снять с них нарукавные знаки с его именем».

После окончания боев, в период с 29 марта по 10 апреля 1945 года, комиссия, созданная штабом артиллерии 3-го Украинского фронта и рядом центральных наркоматов, обследовала поле сражения в районах озера Балатон, Секешфехервара, Цеце и каналов Капош, Шарвиз и Елуша. Она нашла

968 неприятельских танков и штурмовых орудий, а также 446 бронетранспортеров и грузовиков повышенной проходимости, подбитых, сожженных или брошенных немцами при отступлении. В это число вошла и техника, учтенная еще во время февральской инспекции. Кроме того, сюда была частично включена бронетехника, потерянная немцами в период Венской наступательной операции, в частности, во время боев с 6-й гвардейской танковой армией. 968 танков и штурмовых орудий — это безвозвратные потери 6-й танковой армии СС, 6-й армии и 2-й танковой армии за период боев в Венгрии в марте — начале апреля 1945 года. Кроме того, сюда входят 86 танков и штурмовых орудий и 4 бронетранспортера, потерянные немцами в январских боях. Надо также учесть, что многие танки и штурмовые орудия были брошены немцами при отступлении из-за недостатка горючего или невозможности вытащить их из грязи. Перед этим их постарались привести в негодность путем подрыва, хотя некоторые и попали в руки Красной Армии в исправном состоянии.

Среди изученных 400 сгоревших танков и штурмовых орудий было обнаружено 19 танков «тигр II», 6 танков «тигр», 57 танков «пантера», 37 танков Т-IV, 9 танков Т-III (танки этого типа представляли собой огнемётные, командирские танки и танки артиллерийских наблюдателей), 27 танков и САУ венгерского производства, а также 140 штурмовых и самоходных орудий и 105 инженерных машин, бронетранспортеров и бронеавтомобилей. Среди обследованных образцов преобладали подбитые артиллерийским огнем (389 машин), и лишь небольшая часть подорвалась на минах или была выведена из строя иными средствами (например, один танк «пантера» по всем признакам был сожжен бутылкой КС). По главным статистическим показателям эти исследования в основном повторяли февральские. Новым было то, что количество снарядных пробоин, сделанных 76-мм и 57-мм орудиями, приблизительно сравнялось, а также немного (на 2,5—3,2%) увеличилось число пробоин, сделанных крупнокалиберными (100—122 мм) боеприпасами.

Среди 968 уничтоженных и брошенных единиц бронетехники было исследовано комиссией 400 наиболее интерес-

ных образцов. Из них 389 было выведено из строя артиллерийским огнем, 10 подорвались на минах и один танк был уничтожен бутылкой с зажигательной смесью. О потерях советских бронетанковых войск в двух сражениях у Балатона достоверных данных в опубликованных источниках не имеется.

968 танков и штурмовых орудий, безвозвратно потерянных немцами в Венгрии, — это огромная цифра. Мощь немецких танковых соединений, отступивших в Австрию, была основательно подорвана. Позднее Зепп Дитрих невесело шутил, что его армия называется 6-й танковой потому, что имеет в строю всего шесть танков.

Немецкие войска, предназначенные для наступления в районе озера Балатон, имели на вооружении, по оценкам советской разведки, 807 танков и штурмовых орудий (в том числе до 300 тяжелых танков типа «тигр» и «королевский тигр» и до 240 танков типа «пантера»), 816 бронетранспортеров и 3280 орудий и минометов. Кроме того, 2-я танковая армия имела 70 танков и штурмовых орудий. Точная численность немецких и венгерских войск, участвовавших в Балатонском сражении, неизвестна. Разведка 3-го Украинского фронта считала, что перед войсками фронта находится 35 неприятельских соединений численностью в 431 тысячу солдат и офицеров. Они имели на вооружении 5630 орудий и минометов, 877 танков и штурмовых орудий и 900 бронетранспортеров.

3-й Украинский фронт располагал 37 стрелковыми и воздушно-десантными дивизиями (последние использовались только как стрелковые), 6 пехотными (болгарскими) и 3 кавалерийскими дивизиями, а также 2 танковыми и 1 механизированным корпусом и 1 укрепленным районом. Фронт имел свыше 465 тыс. советских солдат и офицеров, кроме того, входившая в состав фронта 1-я болгарская армия насчитывала более 100 тыс. человек. Войска фронта, без учета болгарских соединений, насчитывали 6889 орудий и минометов, 407 танков и самоходно-артиллерийских установок и 965 самолетов.

Согласно официальным данным Министерства обороны

России, приведенным в справочнике «Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил», численность советских войск в составе 3-го Украинского фронта к началу Балатонской операции составляла 465 тыс. человек. Безвозвратные потери составили 8492 человека (к сожалению, не указано, сколько было убитых, а сколько — пропавших без вести), санитарные — 24 407 человек, а всего — 32 899 человек. По советским оценкам, немецкие потери в Балатонском сражении в феврале — марте 1945 года составили до 45 тысяч солдат и офицеров, около 500 танков и штурмовых орудий, до 300 орудий и минометов, почти 500 бронетранспортеров и 250 самолетов. Немцы взяли 4400 пленных. Если принять близкими к истине немецкие данные о 4400 пленных, то количество погибших можно оценить в 4092 человека. Получается, что раненых было в шесть раз больше, чем убитых (доля больных в санитарных потерях во время ожесточенных боев была пренебрежимо мала). Обычно же количество раненых превышает число убитых в 3—4 раза. Если допустить, что на самом деле превышение раненых над убитыми в советских войсках в Балатонском сражении было хотя бы четырехкратным, это увеличит число убитых как минимум на 6 тыс. человек. Надо также учесть, что в состав 3-го Украинского фронта входила 1-я болгарская армия, насчитывавшая около 100 тыс. человек и также понесшая определенные потери убитыми и ранеными.

К моменту начала 16 марта 1945 года Венской наступательной операции состав 3-го Украинского фронта значительно увеличился. В его состав была введена свежая 9-я гвардейская армия из резерва Ставки. Число стрелковых дивизий возросло до 42, добавились 4 воздушно-десантные дивизии, число танковых корпусов возросло с 2 до 3, число механизированных корпусов — с 1 до 2, а число кавалерийских дивизий и укрепленных районов осталось прежним — соответственно, 3 и 1. Кроме того, фронт получил дополнительно одну отдельную механизированную и одну отдельную самоходно-артиллерийскую бригаду. Общая численность войск фронта возросла до 536 700 человек. Если принять танковый и механизированный корпуса равными по численности пол-

нокровной стрелковой дивизии, а две бригады приравнять по численности к одной дивизии, то с момента начала второго Балатонского сражения до момента начала Венской операции общая численность расчетных дивизий возросла с 43,5 до 55,5 (укрепленный район мы принимаем равным половине дивизии), не считая 1-й болгарской армии. При этом вновь прибывшие соединения и части армейского подчинения 9-й гвардейской и 6-й гвардейской танковых армий были значительно более полнокровными, чем соединения, уже находившиеся в составе 3-го Украинского фронта. Только за счет пополнения новыми соединениями численность войск 3-го Украинского фронта по сравнению с той, что была к 6 марта 1945 года, к 16 марта должна была увеличиться как минимум на 27,6%. И это без учета маршевых пополнений. Если бы не было потерь в Балатонской операции, войска 3-го Украинского фронта насчитывали бы к 16 марта, т. е. ко дню начала Венской операции, около 593,3 тыс. человек, в составе же фронта оказалось только 536 700 человек. Таким образом, без учета маршевых пополнений, общие советские потери можно оценить как минимум в 56,6 тыс. человек.

Опыт показывает, что основная масса недоучета потерь в Красной Армии в годы Великой Отечественной войны приходилась на безвозвратные потери (убитыми и пропавшими без вести), которые учитывались гораздо хуже, чем санитарные потери. Если предположить, что весь недоучет в случае второго Балатонского сражения приходится на безвозвратные потери Красной Армии, то их общий размер можно оценить в 23,7 тыс. Если вычесть из этой цифры 4,4 тыс. пленных, то на долю убитых приходится 19,3 тыс. человек.

Потери 1-й болгарской армии во втором балатонском сражении можно оценить следующим образом. Всего болгарские войска во время боевых действий на стороне Антигитлеровской коалиции потеряли около 7 тыс. убитыми и около 25 тыс. ранеными. Основные потери 1-я болгарская армия понесла в трех операциях — Будапештской, Балатонской и Венской. В Венской операции она потеряла 2698 убитых и пропавших без вести и 7107 раненых. Можно предположить, что оставшиеся потери пришлось на две другие операции, в

которых роль болгарских войск была сугубо вспомогательной. В Будапештской операции болгары сражались в 6 раз дольше, чем в Балатонской, но в последней они испытали значительно более сильный удар со стороны немцев. Поэтому можно предположить, что потери армии в двух этих операциях были примерно одинаковыми. Тогда на долю второго Балатонского сражения придется примерно 2,15 тыс. убитых и пропавших без вести и около 9 тыс. раненых болгар.

Данных о потерях югославской армии во втором Балатонском сражении нет. Поскольку ее боевая активность была небольшой, предположим, что ее потери были вдвое ниже потерь болгарской армии. Тогда ее потери можно оценить в 1,1 тыс. убитых и 4,5 тыс. раненых. В этом случае общие потери советской стороны с учетом потерь болгар и югославов составят 73,4 тыс. человек, в том числе безвозвратные — 27 тысяч.

Немецкие потери нам известны только в советской оценке — 45 тыс. человек, без подразделения на убитых и раненых. Если предположить, что наступающие немецкие войска почти не понесли потерь пленными, то можно предположить, что санитарные и безвозвратные потери у немцев и венгров соотносились примерно как 3:1. Тогда потери германо-венгерских войск убитыми и пропавшими без вести можно оценить в 11,3 тыс. убитых и пропавших без вести. В этом случае соотношение общих потерь советско-болгарско-югославских войск и германо-венгерских войск во втором Балатонском сражении будет 1,6:1, а безвозвратных потерь — 2,4:1. Оно оказывается неблагоприятным для советской стороны.

Слабым местом советской противотанковой обороны традиционно явилась низкая стойкость пехотного прикрытия, которое часто не выдерживало даже первоначальных ударов немецких танков и беспорядочно отступало. Значительную часть пополнения 3-го Украинского фронта, как и других советских фронтов в последние два года войны, составляли призывники из освобожденных областей, практически не обученные военному делу. Это также существенно понижало боеспособность советских войск. Все это, равно как и недос-

татки управления и взаимодействия, привело к большим людским потерям.

Несомненно, в Венской наступательной операции соотношение потерь было гораздо более благоприятным для Красной Армии, прежде всего за счет больших потерь венгерских войск убитыми и пленными. А успех Венской операции был во многом обеспечен стойкой обороной армий 3-го Украинского фронта в ходе Балатонской оборонительной операции. О больших потерях немецкой бронетехники в период Венской операции, когда немцам, в частности, пришлось бросить почти все танки и штурмовые орудия, поврежденные в ходе второго Балатонского сражения, уже говорилось выше. Из 1024 танков и САУ немецко-венгерских войск, участвовавших в Балатонском сражении, а также противостоявших советским войскам на первом этапе Венской операции, когда боевые действия разворачивались на территории Венгрии, 515 были уничтожены огнем артиллерии, а 185 захвачены в исправном состоянии. Эта была в основном техника, брошенная при отступлении.

По свидетельству С. М. Штеменко, передаваемом в биографии бывшего командующего начальника артиллерии 3-го Украинского фронта М. И. Неделина, написанной В. Ф. Толубко, когда, уже после взятия Вены, генерал-полковник артиллерии Неделин был представлен к званию Героя Советского Союза, Толбухина и особенно Неделина в Ставке Верховного Главнокомандования обвинили в больших неоправданных потерях в ходе Балатонской оборонительной операции, в результате которой фронт лишился значительного числа людей, артиллерии и танков. Правда, звезду Героя Митрофан Иванович тогда все-таки получил. По словам Штеменко, И. В. Сталин, получив от Ф. И. Толбухина материалы Венской операции и изучив, вызвал в свой кабинет А. М. Василевского и С. М. Штеменко и сообщил им:

«Совершенно очевидно, что артиллерия 3-го Украинского в Балатонской операции блестяще выполнила свои задачи. Да и потери немцев намного превышают наши. Штаб артиллерии фронта поработал хорошо, а Неделин руководил войсками умело, с большим пониманием обстановки. Я думаю,

что командующий артиллерией достоин звания Героя Советского Союза». Ясное дело, маршал и генерал-полковник постарались убедить Сталина, что враг потерял гораздо больше, чем наши войска, по крайней мере в бронетехнике. Да и немецко-венгерские потери в людях, если верить донесениям 3-го Украинского фронта, были больше советских — 45 тысяч против 33. Вот только Толбухин звание Героя Советского Союза получил посмертно, в 1965 году. Выходит, не так уж доволен был Сталин своими генералами и маршалами, сражавшимися у Балатона, как о том писал в дневнике Геббельс.

Этот эпизод — свидетельство также о том, что официальные данные о советских потерях во втором Балатонском сражении существенно занижены. Ведь, согласно этим данным, среднесуточные безвозвратные потери советских войск составляли 849 человек, или 0,18% от общей численности участвовавших в сражении армий. Между тем в Венской операции размер среднесуточных безвозвратных потерь на том же 3-м Украинском фронте, по тем же официальным, явно заниженным данным, составил 1060 человек, или 0,20% от общей численности войск фронта, т. е. был заметно выше, чем в Балатонском сражении. Однако гнева Сталина это обстоятельство не вызвало, и за Венскую операцию Сталин маршалов не ругал.

Наступление 6-й танковой армии СС, а также эсэсовских дивизий IV танкового корпуса СС у озера Балатон в марте 1945 года было последней крупной операцией войск СС во Второй мировой войне. Она преследовала цель продлить германское сопротивление, создать условия для эффективной обороны «Альпийской крепости» и возможного затягивания войны до тех пор, пока проявятся противоречия между СССР и западными союзниками. Крах этого наступления сделал неизбежным капитуляцию Германии менее чем через два месяца. С ней прекратили свое существование и войска СС, наиболее боеспособные дивизии которых были разбиты на Восточном фронте Красной Армией.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

ПО СЛЕДАМ СОВЕТСКИХ ШТИРЛИЦЕВ

В № 5 журнала «Родина» за 2007 год появилась очень интересная статья Владимира Макарова и Василия Христофорова «Загадка для «Цеппелина», в которой были впервые опубликованы документы из архива ФСБ, посвященные одной из радиоигр, проведенных чекистами в 1943—1945 годах. Можно предположить, что сюжет этой игры отразился в классике советского военного детектива — романе Вадима Кожевникова «Щит и меч». Действительно, главный герой романа Иоганн Вайс (Иван Белов) напоминает советского разведчика Северова, внедрившегося в немецкую разведшколу и завербовавшего там немецкого разведчика Бойцова. Оба они стали главными персонажами упомянутой советской радиоигры «Загадка». Бойцов же, возможно, послужил прототипом другого героя «Щита и меча» — рижского немца Генриха Шварцкопфа, сотрудника СД и племянника одного из видных нацистских бонз группенфюрера СС Вилли Шварцкопфа. В романе Вайс-Белов успешно вербует Генриха, и тот становится убежденным антифашистом, работающим на советскую разведку. В жизни же Бойцов был, как сообщается в справке, цитируемой в статье Макарова и Христофорова, вот каким: «Агент Бойцов, 1922 года рождения, уроженец г. Либава Латвийской ССР. Немец, моряк торгового флота. До 1938 года состоял в «Союзе немецкой молодежи Латвии». В 1941 году был репатриирован из Латвии в Герма-

нию. С 1940 года являлся агентом германской разведки в Латвии. Окончил германскую разведшколу в г. Мунки-Ниemi (недалеко от Хельсинки, Финляндия). Лично был знаком с адмиралом Канарисом. В начале войны с СССР дважды перебрасывался в советский тыл в составе диверсионных групп в район Мурманской железной дороги. В декабре 1941 года переведен в «Бюро Целлариуса», а оттуда в группу зондерфюрера Бушмана «Зондерзатц-Ленинград» (цель — захват особо важных документов, прежде всего органов безопасности). В связи с провалом планов захвата Ленинграда группу Бушмана перевели в Таллин. Инспектировал германские разведшколы. В 1942 году в одной из германских разведшкол познакомился с советским зафронтовым агентом Северовым и был перевербован для разведывательной работы в пользу советской контрразведки». В романе Кожевникова, как мы помним, Генрих Шварцкопф тоже инспектирует разведшколы, где вновь встречается с Вайсом-Беловым, который его и вербует. Морскую профессию Бойцова Кожевников превратил в увлечение Вайса и Генриха парусным спортом и поселил их не в Либаве (Лиенае), а в более знакомой ему Риге. В романе, конечно, вербовка проходит без сучка и задоринки. Но могло ли все так быть в действительности? Судя по биографической справке, Бойцов был вполне убежденным нацистом, давним и успешным агентом Абвера. С чего бы это вдруг он в 1942 году, еще до Сталинграда, разуверился в Гитлере и в победе Германии и проникся симпатиями к Советскому Союзу? Тут у меня закралось подозрение, что радиоигра была двойная. Немцы поняли, кто такой Северов, и Бойцов дал себя завербовать по заданию своего руководства. Оно понимало, что русские будут вести с ним радиоигру через Северова и Бойцова, и решило воспользоваться этим обстоятельством. Ведь если ты знаешь, что поступающие сведения — заведомая дезинформация, то на их основе можно попытаться составить представление о действительном положении вещей. На эту версию работают и некоторые вопросы, которые немцы ставили перед агентами. По легенде, двоюродный брат Северова Колесников был крупным чиновником Наркомата путей сообщений, что не мешало ему быть ярким антисоветчиком и

мечтать о побеге на Запад. Бойцов и Северов его завербовали и основную массу сведений черпали из этого источника. И что же немцы хотели выведать у Колесникова? Например, в начале ноября агенты получают такое вот задание: «Постарайтесь узнать истинные цели Сталина на Московской конференции и до какой степени ему удалось убедить союзников в принятии его планов». Простите, но ведь в Абвере и СД сидели отнюдь не дураки. Неужели они не понимали, что даже высокопоставленный чиновник НКПС на такие вопросы никогда не сможет дать достоверные ответы, которые вряд ли знает даже сам нарком Каганович? Зато если немцы знают, что имеют дело с советской радиоигрой, то такие вопросы оказываются вполне логичными. Ответы на них можно оценить примерно так: русские хотят, чтобы мы, немцы, имели бы такое представление о событиях, которые происходили на Московской конференции министров иностранных дел Англии, СССР и США, и это представление, скорее всего, весьма далеко от истины. Ради успеха такой двойной радиоигры легко можно было пожертвовать мелкой сошкой, вроде рядового сотрудника СД Алоиза Гальфе. А вот Бойцова немцы, как видно, стремились эвакуировать в Германию, но чекисты не позволили это сделать. Интересно, как сложились после войны судьбы людей, которых мы знаем пока только по псевдонимам Северов и Бойцов. Если верна моя версия, то Бойцов после войны мог попытаться бежать на Запад. А быть может, его арестовали. Любопытно, что юридически инкриминировать ему ничего было нельзя. Ведь никаких действий по сбору разведывательной информации он не вел, а только передавал ту дезинформацию, которую ему давала советская контрразведка.

История, которая, возможно, легла в основу романа «Щит и меч», заставила меня вспомнить еще об одном советском Штирлице, только мнимом, который считал самым правдивым произведением о разведке именно роман Кожевникова. Недавно в Риге на международной конференции я познакомился с израильским историком Ароном Шнеером, который подарил мне свою книгу «Перчатки без пальцев и драный цилиндр». Это была запись его бесед с человеком, которого он

встретил в Иерусалиме и который представился бывшим советским разведчиком-нелегалом в нацистской Германии. У собеседника Шнеера была бурная биография. Он будто бы попал к немцам в 1937 году, во время гражданской войны в Испании, будучи военным советником у республиканцев и перебежав на сторону противника. В Германии он доказал свое родство с родом известного генерала Леонтия Беннигсена, что открыло ему двери аристократических салонов. Затем он служил в лейбштандарте СС, участвовал в кампаниях 1939—1940 годов в Польше и во Франции, командуя ротой в танковом батальоне лейбштандарта. Под Амьеном в июне 40-го он был тяжело ранен, после чего его демобилизовали. После этого наш разведчик стал уполномоченным концерна Мессершмитта по рабочей силе, набирал в концлагерях рабочих для авиационных заводов, дослужился до штурмбаннфюрера СС, вернулся в лейбштандарт в конце 1944 года, накануне контрнаступления в Арденнах, во время которого сдался в плен американцам. Затем в чине полковника и под фамилией Борис Михайлович Гоглидзе в 1945—1947 годах работал в советской репарационной миссии во Франции, в 1948—1951 годах был советником торгового атташе в Бельгии, в 1952—1953 годах — представителем в комиссии по ленд-лизу во Франции, в 1953—1956 годах — торговым атташе в Париже, и 1963—1966 годах — там же, но уже советником советского посольства по торговле. Все эти должности были лишь прикрытием для разведдеятельности. После 1956 года собеседник Шнеера устроился художником-аниматором на студию «Грузия-фильм», куда и вернулся в 1966 году. Там он, в частности, нарисовал знаменитые в свое время мультфильмы «Приключения Самоделкина» и «Свадьба соек». Это признание позволяет однозначно идентифицировать героя книги как Авенира Михайловича Хускивадзе (Арон сообщил мне, что читатели в письмах после выхода книги такую идентификацию произвели). Умер Хускивадзе в Иерусалиме 24 мая 2000 года. Книга вышла после его смерти.

Авенир Михайлович так отозвался о детективной литературе: «Если что-то и похоже на правду, так это «Щит и меч».

Книга Шнеера читалась как увлекательный роман. Я про-

чел ее за два дня в Риге, и у меня сразу же закрались сомнения в достоверности рассказа Хускивадзе. Уж слишком был он похож на советские шпионские романы, а его путь слишком уж был похож на путь Иоганна Вайса, который, правда, дослужился только до гауптштурмфюрера СС, но тоже ездил по лагерям — в поиске кадров для разведшкол. В Москве, когда я добрался до компьютера, сомнения переросли в уверенность. Легко найдя в сети боевое расписание «Лейбштандарта СС Адольф Гитлер», я выяснил, что в 1940 году в лейбштандарте никакого танкового батальона не было, так что служить Хускивадзе оказалось просто негде. Да и брали в ту пору в лейбштандарт только чистокровных арийских grenадер не ниже 1 м 80 см, а Хускивадзе, как сообщает Шнеер, был низкорослым. Зато в Интернете обнаружилась справка на Хускивадзе как на репрессированного со ссылкой на «Книгу памяти Кемеровской области»: «Хускивадзе Авенир Михайлович: (ГОГЛИДЗЕ) 1918 года рождения; тренер Ленинск-Кузнецкой спортивной школы.

Осужд. 03.03.1952 Военным трибуналом ЗапсибВО. Обв. по ст. 58 — 10 ч. 1, 58-8.

Приговор: 25 лет с поражением в правах на 5 лет. Определением Верховного Суда РСФСР 18.01.56 г. наказание снижено до 5 лет лишения свободы, по ст. 58-8 оправдан, освобожден по указу об амнистии 14.02.56 г.». Тут стоит напомнить, что ст. 58-10 — это антисоветская агитация и пропаганда, а ст. 58-8 — совершение террористических актов.

Замечу, что в Интернете есть указание и на точную дату рождения А. М. Хускивадзе — 5 октября 1918 года. В книге же Шнеера в качестве года рождения мнимого штурмбаннфюрера фигурировал 1912 год. С 1918 же годом начисто рушилась версия о службе Хускивадзе в качестве советника у испанских республиканцев и о его переходе в Испании к немцам. В Испанию 18-летнего юнца никто бы не послал. Пребывание же его в лагере приходилось на тот период, когда Хускивадзе, по его утверждению, будто бы служил в советских торгпредствах в Бельгии и Франции. Стало ясно, что биографию себе Авенир Михайлович придумал. Что ж, не он первый, не он последний. Вспомним хотя бы известного писателя Владимира Богомолова (Войтинского), придумавшего

себе героическую военную биографию и службу в СМЕРШе, а на самом деле, как показала журналист Ольга Кучкина, ни дня не воевавшего. Я решил попытаться реконструировать подлинную биографию Авенира Михайловича Хускивадзе, замечательного художника и не менее замечательного рассказчика и фантазера. И направил запрос о нем в Управление ФСБ по Кемеровской области. Ответ пришел очень быстро.

Вот он, датированный 18 декабря 2007 года:

«Уважаемый Борис Вадимович!

На Ваше заявление сообщаем, что в архиве Управления ФСБ России по Кемеровской области находится на хранении архивное уголовное дело (АУД) № П-15717 в отношении Хускивадзе Авенира Михайловича, он же Гоглидзе Борис Михайлович.

Согласно документам, имеющимся в АУД, Хускивадзе А. М., 1918 года рождения, уроженец г. Москвы, проживавший до ареста в г. Ленинск-Кузнецком Кемеровской области по улице Ленина, д. 2, кв. 2, работавший тренером по боксу в спортивной школе, был арестован 14 февраля 1951 года УМГБ по Кемеровской области.

Хускивадзе А. М. был обвинен в том, что «систематически среди окружающих проводил антисоветские разговоры, в которых клеветал на советскую действительность, восхвалял военную мощь Америки и жизнь трудящихся в капиталистических странах, восхвалял уничтоженных врагов народа» (так в деле).

Состав семьи на момент ареста Хускивадзе Авенира Михайловича: отец — Хускивадзе Михаил Сократович, 1882 года рождения; мать — Хускивадзе Екатерина Модестовна, 1882 года рождения; жена — Битная Анна Никодимовна, 1925 года рождения; дочь — Хускивадзе Кармен Авенировна, 1947 года рождения.

Он был осужден Военным трибуналом Западно-Сибирского военного округа 3 марта 1952 года по ст.ст. 58-10 ч.1, 58-8 УК РСФСР к 25 годам исправительно-трудовых лагерей, с поражением в правах на 5 лет, с конфискацией имущества.

Определением Верховного Суда СССР 18.01.1956 года приговор Военного трибунала Западно-Сибирского военно-

го округа по ст. 58-8 УК РСФСР отменен, по ст. 58-10 ч. 1 мера наказания снижена до 5 лет ИТЛ, конфискация имущества из приговора исключена. На основании указа «Об амнистии» Хускивадзе А. М. из мест заключения освобожден.

Заключением прокуратуры Кемеровской области 8 февраля 1993 года Хускивадзе А. М. полностью реабилитирован.

В период с 1937 по 1941 год Хускивадзе А. М. обучался в Тбилисской художественной академии, в 1941 году проходил курсы в Тбилисском артиллерийском училище. В июне 1942 года ушел на фронт добровольцем. 7 июля 1942 года в деревне Лукьяновка Воронежской области при попытке прорваться через кольцо немецких войск Хускивадзе А. М. был ранен в левое плечо, вследствие чего был взят в плен. В плену находился до апреля 1945 года, после освобождения сменил фамилию и имя (Гоглидзе Борис). С августа 1947 года по июль 1950 года Хускивадзе А. М. проживал в городе Кемерово, работал в Центральной механической мастерской, на шахте «Северная», Кемеровском подковном заводе.

Заместитель начальника Управления Г. П. Удовиченко (подпись)».

Из этого ответа ясно, что раньше второй половины 1942 года Хускивадзе никак не мог попасть в Германию. И учился он только в Тбилисской художественной академии, тогда как Шнееру говорил, что из Тбилисской перевелся в Ленинградскую художественную академию, а заодно окончил три курса Ленинградского политехнического института. А вот про Тбилисское артиллерийское училище умолчал, потому что оно в легенду не вписывалось. То, что в Кемеровской области Хускивадзе оказался только в августе 1947 года, заставляет предположить, что он сравнительно поздно был репатриирован из западных зон оккупации Германии или Австрии, может быть, уже в 1946 году. Он мог провести несколько месяцев в фильтрационном лагере в Германии, а потом — в Сибири. Именно такая судьба постигла, например, бывшего бойца Красной Армии и узника Маутхаузена и будущего писателя Юрия Пиляра. После освобождения он с товарищами несколько месяцев провел в фильтрационном лагере в советской оккупационной зоне в Австрии, а затем для дальнейшей

проверки их отправили в один из сибирских лагерей. Между прочим, Пиляр-то как раз был немцем, из рода баронов Пиллар фон Пильхау. Род этот также состоял в родстве и с фельдмаршалом Михаилом Кутузовым. Не исключено, что Хускивадзе был знаком с Пиляром, и это знакомство побудило его придумать немецкую ветвь своей родословной и связать ее с Беннигсеном, который одно время был начальником штаба у Кутузова.

Жена у Хускивадзе тоже оказалась из репрессированных. Согласно базе данных общества «Мемориал», Битная Анна Никодимовна, 1924 года рождения, проживавшая в Смоленском районе, была приговорена Смоленским областным УВД 21 марта 1931 года, по всей вероятности, к ссылке в Сибирь (реабилитировали ее только в 1994 году). Ее, очевидно, осудили в один день вместе с отцом, русским, Никодимом Варфоломеевичем Битным, 1885 года рождения, матерью, Степанидой Антоновной, 1888 года рождения, братом Никодимом, 1921 года рождения, и сестрой Степанидой, 1929 года рождения. А жили они в деревне Закалино.

Можно предположить, что Хускивадзе мог встретить свою жену по выходе из лагеря (или познакомился еще будучи в лагере), и это побудило его остаться в Сибири, тем более что в европейской части страны бывших пленных прописывали не очень охотно. И, может быть, ему было что скрывать от власти. Вряд ли случайно сразу после войны Хускивадзе сменил свое редкое имя и фамилию. Возможно, скрывал он свою службу у немцев. Но в лейбштандарте Хускивадзе точно не служил, а вот в грузинском легионе СС — вполне мог. Замечу только, что в СС грузинский легион был переведен вместе с другими восточными легионами лишь в 1944 году, а до этого числился в составе вермахта. Между прочим, о бойцах грузинского легиона Хускивадзе в беседах со Шнеером отзывается очень дурно:

«А. Ш. А со своими земляками вам приходилось встречаться?»

А. П. А как же. Особенно в Париже: Кавказцы в основном на Западном фронте сражались. Вы видели фильм «Герои острова Тексель»? В прокате — «Распятый остров». Это об од-

ном из грузинских батальонов. Их несколько было: «Дора-1», «Дора-2». Я на киностудии беседовал с одним из таких «товарищей», когда этот фильм снимали. Так я прямо и сказал, что их всех перевешать надо было, когда они в Советский Союз вернулись, а не фильм о них снимать. Когда этот батальон дрался с партизанами в Белоруссии, они не восставали? Нет. А в мае 45-го подняли восстание. Пять дней до победы, где вы раньше были?.. И правильно их в лагерь направили, с моей точки зрения — служили немцам. А один то ли грузинский, то ли армянский батальон сдался вообще в середине мая. Они защищали форт «Линдерман» на западном побережье. Батальон сидел там со дня высадки союзников и не сдавался, а англичане и американцы не хотели людей терять. К ним в 20-х числах привезли немецкого генерала, который объяснил, что война закончилась». Может быть, это своеобразная защитная реакция человека, который сам служил в легионе? Хускивадзе настолько вжился в образ, что относился к грузинам-коллаборационистам так, как к ним и должен был относиться бывший советский разведчик. Между прочим, в конце 1944 года большинство грузинских батальонов из-за низкой боеспособности использовались в основном на строительстве укреплений, так что Хускивадзе легко было скрыть свою службу у немцев и заявить англичанам и американцам, что он — военнопленный, которого использовали на строительных работах.

Арон Шнеер любезно прислал мне фрагменты воспоминаний Владимира Мельникова, встречавшегося с Хускивадзе в лагере. Их пути пересеклись на пересыльном пункте Майкудук Песчлага в Караганде в апреле 1952 года. По словам Мельникова, начальником там был ст. лейтенант или капитан Удодов, «действительно редкая сволочь». Хускивадзе же Мельников характеризовал следующим образом в письме к Шнееру: «Был выдающейся личностью. Я сам был под его обаянием, да и остаюсь сегодня через 50 лет. Но это не значит, что он мне и Вам говорил правду. В лагерях правда шла рядом с вымыслом, придуманной биографией. Иногда преследовалась определенная цель, а чаще человек как бы писал роман, где действующим лицом был сам. Однако А. М. не

обязан был рассказывать о себе «правду, только правду и одну правду». Мельников также рассказал, основываясь то ли на рассказах самого Хускивадзе, то ли на лагерной молве, некоторые интересные эпизоды его биографии: «На одном из допросов полковник Баландин стал кричать на него, обвиняя в измене Родине (основание — фото в немецкой форме), и ударил Авенира. В ответ тот избил полковника. Солагерник Мельникова Владимир Рейхман, сидевший вместе с Хускивадзе в Кемеровской областной тюрьме, вспоминал: «Там разнесся слух, что его забрали в Москву, так как на одном из допросов он отбил печень начальнику следчасти Кемеровского областного управления МГБ полковнику Баландину». Эта история обросла легендами. После истории с избиением Баландина, по словам Мельникова, «Хускивадзе этапировали в Москву. Запросили ГРУ и получили ответ, что никаких претензий нет, что выполнял задания командования. Имеет награды. Статья «измена Родине» отпала, остался «террор против представителей органов».

Мельников утверждал: «На его личном деле было написано: «На работы не выводить, склонен к побегу». Когда в апреле 1953 г. нас собрали на этап, Авенир Михайлович надел странное обмундирование, очень удобное. По его словам, это обмундирование английского десантника. В 56-м году, когда Хускивадзе получил постановление об освобождении, он отказался выйти из зоны, пока ему не вернут форму майора. Это вызвало у начальства большой переполох. Но через день-два он получил форму с погонами майора, и, когда выходил из зоны, начальник лагпункта Удодов взял под козырек. Для меня Хускивадзе остался милым, интеллигентным, энциклопедически образованным старшим товарищем».

Арон также прислал мне, за что ему огромная благодарность, фрагмент воспоминаний Марины Перельман, работавшей вместе с Хускивадзе на «Грузия-фильм»:

«Дядя Веня (так его называла вся студия) или «Веня» для тех, кто перешагнул 40-летний рубеж, был весьма примечательной фигурой во всех смыслах. Во-первых, внешне. Полностью выбритый череп, манера держаться абсолютно прямо, немного странная походка: из-за ранения.

Веня всегда поддерживал хорошую спортивную форму. Дети и внуки воспитывались соответственно. Здоровое тело нужно было для защиты здорового духа от тех слоев населения, которые признавали и понимали только язык силы. В защите нуждающимся не отказывал.

Для тренировок Веня соорудил в подвальчике спортзал. Да-да, настоящий спортзальчик, с тренажерами собственного изготовления, гирями и штангами. Веня увлекался «культуризмом», как тогда называли bodybuilding. В то время власти не поощряли культуризм. Чем-то он не вписывался в идеологию. А в дяди-Венину подпольную «качалку» валил народ. Многие со студии тренировались бесплатно.

Вообще, дядя Веня умел помогать, когда надо. Устроил моего сынишку в хороший детский сад напротив работы. Однажды услышал, что я ищу дефицитное лекарство для мамы, отправился в закрытую партийную аптеку и принес мне флакон, сказав, чтобы сообщила, если понадобится еще.

Полагаю, что я была вовсе не единственной, кого он выручал.

Народ любил пошутить и поворчать, как Веня любит всех воспитывать, поучать и т. д.

Рассказы его казались иной раз такими нереальными, слишком из «кина» про Штирлица, Кузнецова или Зорге. Однако в целом его любили. Без него студия казалась скучной, он был частью ее лица».

Тут стоит заметить, что человек может ходить полностью бритым не только тогда, когда он склонен к раннему облысению, но и в том случае, если он заинтересован в том, чтобы его не узнали те, кто помнит его с шевелюрой, усами или бородой. Рассказ о том, что Хускивадзе избил следователя полковника Баландина, большого доверия не вызывает. За такое, скорее всего, расстреляли бы. Хотя, может быть, за это дело ему и добавили статью о терроризме, увеличившую его срок до 25 лет. А вот упоминание о фотографии Хускивадзе в немецкой военной форме кажется вполне правдоподобным и может служить доказательством службы Хускивадзе в грузинском легионе. По всей вероятности, в 1946—1947 годах эту службу Авениру Михайловичу удалось утаить от следст-

вия, а теперь каким-то образом нашлась компрометирующая его фотография. Можно также допустить, что из факта службы Хускивадзе у немцев в дальнейшем следователи сострепали дело о терроризме (арестован-то он был за антисоветскую агитацию, в качестве которой сочли восхваление американской военной мощи).

Рассказ о наличии у Хускивадзе потертой военной формы британского десантника выглядит вполне правдоподобно. Хорошо известно, что некоторые советские военнопленные после освобождения завербовались в британскую армию, где успели до репатриации прослужить несколько месяцев. Бывшие советские военнопленные, например, были в составе британского патруля, арестовавшего Гиммлера. Вероятно, Авениру Михайловичу довелось послужить в одной из британских воздушно-десантных дивизий. Другой же рассказ, насчет того, что перед освобождением Хускивадзе потребовал вернуть ему мундир майора, — это расхожая легенда, применяемая к различным известным личностям, например, к Константину Рокоссовскому, который будто бы потребовал, чтобы ему перед освобождением доставили мундир и белого коня. Ни грана правды, разумеется, в таких легендах нет. Очевидно, в лагерных рассказах Хускивадзе присвоил себе майорский чин, а в беседах со Шнеером произвел себя в полковники. На самом деле после выпуска из училища Хускивадзе имел звание не выше лейтенанта, а поскольку провоевал считанные дни, никакого производства получить не мог.

И действительно, в лагере Хускивадзе, по словам Мельникова, излагал несколько иную версию своей биографии, чем в беседах со Шнеером, не менее фантастическую: «Родился он в Петербурге в январе 17 года. Называл себя человеком николаевского засола, задела, розлива. После революции семья жила то в Ленинграде, то в Тбилиси. Отец был членом ЦК компартии Грузии...

Учился Авенир Михайлович в Ленинграде в Технологическом институте на электротехническом факультете и одновременно в Академии художеств, в 1939 г. в Тбилиси открылся факультет связи, и Хускивадзе перевелся туда. В 1940—1941 гг. участвовал в союзных соревнованиях по боксу в лег-

ком весе. Выступал под фамилией Гоглидзе, которая стала спортивным псевдонимом. Объяснение простое: отец член ЦК, а сыну морду бьют.

В Красную Армию призван в конце 1940-го или начале 1941 г., попал в военную разведку. Подробно рассказывал об отступлении Красной Армии. Дальше работает в немецком тылу... Одна из историй его такова. В 1943 г. немцы отозвали с фронта гауптмана и направили на должность начальника сборки ФАУ-2. Этот немец благополучно доехал до Варшавы. Когда пересаживался с поезда на поезд, его взяли наши разведчики и убили. Я спросил А. М.: Вы его сами убили?

Нет, это сделали другие люди в моем присутствии.

А я с его документами поехал на завод, где собирали ФАУ... и полгода работал. Убитый немец был инженером, выпускник Лейпцигского высшего технического училища (подобно МВТУ им. Баумана). У нас с ним схожие специальности. Все документы, моя подготовка были сделаны заранее. Затем мне приказали исчезнуть. Я взял отпуск и уехал в Бельгию. Меня случайно задержали на эльзасской границе. Хороших документов у меня не было. Мой немецкий язык с русским и грузинским акцентом определили как эльзасский. Поскольку я не называл свою национальность, меня долго допрашивали, а затем отправили в Бухенвальд, как лицо без гражданства. Я спросил, как протекали допросы, били или нет.

Нет, не били, но следователь постоянно тушил об мои руки сигареты, а курил он без перерыва. И действительно, на руках А. М. были шрамы. По Бухенвальду его знали два человека: подполковник Бонифатьев, командир погранполка, попавший в плен раненым.

Стараниями разведки А. М. был переведен из Бухенвальда в какой-то маленький лагерь, откуда ему организовали побег. После войны работал в комиссии по репатриации. Среди немецких военнопленных в американской зоне опознал своего следователя, забрал у американцев и расстрелял. Немец был поражен, узнав в Хускивадзе советского офицера...

Почему-то последнее место службы Венгрия. Какие-то были неприятности. Мне было непонятно, почему он посе-

лился в Ленинск-Кузнецке. Ответ был уклончив: хотел затеряться. Начал работать инженером-механиком в каком-то тресте, но там что-то не заладилось. Тогда ушел в спортивную школу».

Можно предположить, что на этот раз выдуманная дата рождения — январь 1917 г. призвана была показать, что Хускивадзе-Гоглидзе родился еще до Февральской революции.

Вероятно, со стремлением затеряться связана была и смена имени и фамилии. Мельников подтвердил, со слов своего солагерника Владимира Рейхмана, который учился в той школе, где Авенир Михайлович был тренером по боксу, что в Ленинск-Кузнецке его знали под фамилией Гоглидзе.

Между прочим, от советских орденов Хускивадзе избавился почти так же, как и другой фантазер, писатель Владимир Богомолов. Авенир Михайлович будто бы имел два ордена Ленина, ордена Красного Знамени и Красной Звезды, а за службу в германской армии имел два Железных креста. И, по его словам, после трагических событий апреля 1989 г. на проспекте Руставели в Тбилиси, «мы с женой после апрельских событий в Тбилиси пришли в ЦК и партбилеты вместе с наградами на стол швырнули». Богомолов же, будто бы в начале 50-х, отсидев почти год под следствием по ложному обвинению, после освобождения швырнул возвращенные ему награды в мусорную урну.

Полагаю, что на самом деле весь рассказ о мнимом советском Штирлице-штурмбаннфюрере, как правильно заметил Владимир Мельников, родился во время заключения в лагере. Ведь там от умения красиво сочинить себе биографию, превратив ее в настоящий роман, способный увлечь соседей по бараку, порой зависело выживание (см. «Колымские рассказы» Варлама Шаламова). Вот так и рождаются легенды о Штирлицах. Правильно сказал старый зэк литературовед Марлен Кораллов, встречавшийся с Мельниковым и Хускивадзе в Майкудуке: «Вдоволь наслушавшись тюремно-лагерного трепа, давненько пришел я к выводу, что зэки врут покруче, чем рыбаки и охотники. Врут не все, не всегда, однако же, образуя в России мощный народный пласт, и не случайно, а по мотивам историко-социально-психологическим. Со-

гнутому в три погибели необходим реванш. Как в глазах счастливичков, кому до сих пор везло проскакать мимо тюрьги, так и в собственных, потускневших. Униженным и оскорбленным надо оставаться личностями. Загребев в лагерь, молодой лейтенант, как правило, жаждет себе присвоить звание капитана. А хорошо бы майора. Командир полка раздругой нечаянно вспоминает, что приходилось командовать корпусом. А отсидев пяток или семь-девять годков, начинает в это твердо верить. И не пробуй его опровергнуть».

Хускивадзе же, как сообщается в картотеке безвозвратных потерь, ныне доступной в Интернете (<http://www.obd-memorial.ru/Memorial/Memorial.html>), в Красной Армии был всего лишь старшим лейтенантом, заместителем командира батареи 526-го легкого артиллерийского полка. Там же сообщается, что он родился в 1918 г. в Москве и был членом ВЛКСМ (тогда как сам он в беседах с Шнеером утверждал, что был членом ВКП(б)). Запрос о нем не позднее января 1944 г. направила Мария Георгиевна Солдатова, проживавшая в Москве по адресу: Авиамоторная улица, д. 4, корп. 4, кв. 7 и не получавшая писем от него с августа 1942 г. Скорее всего, это была гражданская жена Авенира Михайловича, которой он, по всей вероятности, посылал свой аттестат на получение денежного довольствия. Может быть, откликнется кто-то из ее родственников и поможет прояснить историю Хускивадзе.

Приложение 2

ДОКУМЕНТЫ ПО КУРСКОЙ БИТВЕ

**ПОТЕРИ 5-Й ГВАРДЕЙСКОЙ ТАНКОВОЙ АРМИИ
В ПЕРИОД С 11 ПО 14 ИЮЛЯ.**

ТАБЛИЦА ИЗ ДОНЕСЕНИЯ КОМАНДОВАНИЯ АРМИИ

18 танковый корпус					
Тип танка	Положено по штату	Имелось в наличии	Осталось на поле боя	Безвозвратные потери	Эвакуировано
Churchill	21	21	9	7	—
Т-34-76	131	103	45	23	10
Т-60 и Т-70	70	63	44	—	11
БА-64	51	58	46	—	1
БТР	39	29	10	2	—
29-й танковый корпус					
КВ	21	1	—	—	—
Т-34-76	131	130	123	99	п/а
Т-70	70	85	76	55	п/а
БА-10	—	12	—	—	—
БА-64	51	56	4	4	—
СУ-76	—	9	9	6	—
СУ-122	—	12	10	8	2
Группа генерала Труфанова					
Т-34-76	нет	71	ок. 20	18	нет
Т-60 и Т-70	нет	29	17	11	нет

**П. А. РОТМИСТРОВ — Г. К. ЖУКОВУ,
20 АВГУСТА 1943 ГОДА**

Первому заместителю
народного комиссара обороны Союза ССР —
Маршалу Советского Союза тов. Жукову
СОВ. СЕКРЕТНО

Экз. № 1

**ПЕРВОМУ ЗАМЕСТИТЕЛЮ НАРОДНОГО
КОМИССАРА ОБОРОНЫ СОЮЗА СССР —
МАРШАЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА**

Тов. Жукову

В танковых боях и сражениях с 12 июля по 20 августа 1943 года 5 Гвардейская Танковая Армия встретила с исключительно новыми типами танков противника. Больше всего на поле боя было танков Т-V («Пантера»), в значительном количестве танки Т-VI («Тигр»), а также модернизированные танки Т-III и Т-IV.

Командуя танковыми частями с первых дней Отечественной войны, я вынужден доложить Вам, что наши танки на сегодня потеряли свое превосходство перед танками противника в броне и вооружении.

Вооружение, броня и прицельность огня у немецких танков стали гораздо выше и только исключительное мужество наших танкистов, большая насыщенность танковых частей артиллерией не дали противнику возможности использовать до конца преимущества своих танков. Наличие мощного вооружения, сильной брони и хороших прицельных приспособлений у немецких танков ставит в явно невыгодное положение наши танки. Сильно снижается эффективность использования наших танков и увеличивается их выход из строя.

Проведенные мною бои летом 1943 года убеждают меня в том, что и теперь мы самостоятельно маневренный танковый бой можем вести успешно, пользуясь отличными маневренными свойствами нашего танка Т-34.

Когда же немцы своими танковыми частями переходят, хотя бы временно, к обороне, то этим самым они лишают нас наших маневренных преимуществ и, наоборот, начинают в полной мере применять прицельную дальность своих танко-

вых пушек, находясь в то же время почти в полной недосягаемости от нашего прицельного танкового огня.

Таким образом, при столкновении с перешедшими к обороне немецкими танковыми частями мы, как общее правило, несем огромные потери в танках и успеха не имеем.

Немцы, противопоставив нашим танкам Т-34 и КВ свои танки Т-V («Пантера») и Т-VI («Тигр»), уже не испытывают былой танкобоязни на полях сражений.

Танки Т-70 просто нельзя стало допускать к танковому бою, так как они более чем легко уничтожаются огнем немецких танков.

Приходится с горечью констатировать, что наша танковая техника, если не считать введение на вооружение самоходных установок СУ-122 и СУ-152, за годы войны не дала ничего нового, а имевшие место недочеты на танках первого выпуска, как-то: несовершенство трансмиссионной группы (главный фрикцион, коробка перемены передач и бортовые фрикционы), крайне медленный и неравномерный поворот башни, исключительно плохая видимость и теснота размещения экипажа не полностью устранены и на сегодня.

Если наша авиация за годы Отечественной войны по своим тактико-техническим данным неуклонно идет вперед, давая все новые и новые более совершенные самолеты, то, к сожалению, этого нельзя сказать про наши танки.

Ныне танки Т-34 и КВ потеряли первое место, которое они по праву имели среди танков воюющих стран в первые дни войны.

Еще в декабре месяце 1941 года мною была захвачена секретная инструкция немецкого командования, которая была написана на основе проведенных немцами полигонных испытаний наших танков КВ и Т-34.

Как результат этих испытаний, в инструкции было написано, примерно, следующее: немецкие танки вести танкового боя с русскими танками КВ и Т-34 не могут и должны танкового боя избегать. При встрече с русскими танками рекомендовалось прикрываться артиллерией и переносить действия танковых частей на другой участок фронта.

И действительно, если вспомнить наши танковые бои

1941 и 1942 гг., то можно утверждать, что немцы обычно и не вступали с нами в бой без помощи других родов войск, а если и вступали, то при многократном превосходстве в числе своих танков, чего им было нетрудно достичь в 1941-м и в 1942 году.

На базе нашего танка Т-34 — лучшего танка в мире к началу войны, немцы в 1943 году сумели дать еще более усовершенствованный танк Т-V («Пантера»), который, по сути дела, является копией нашего танка Т-3, по своим качествам стоит значительно выше танка Т-34 и в особенности по качеству вооружения.

Для характеристики и сравнения наших и немецких танков привожу следующую таблицу:

Марка танка и СУ	Броня носа в мм	Лоб башни и кормы	Борт	Корма	Крыша, днище	Калибр пушки в мм	Кол. снарядов	Скорость макс.
Т-34	45	95—75	45	40	20—15	76	100	55,0
Т-1	90—75	90—45	40	40	15	75*)		
КВ-1С	75—69	82	60	60	30—30	76	102	43,0
Т-VI	100	82—100	82	82	28—28	88	86	44,0
СУ-152	70	70—60	60	60	30—30	152	20	43,0
«Фердинанд»	200		160	85		88		20,0

* Ствол 75-мм орудия в 1,5 раза длиннее ствола нашего 76-мм орудия, и снаряд обладает значительно большей начальной скоростью.

(Мое примечание — Т-1 — явно имеется в виду «Пантера»)

Я, как ярый патриот танковых войск, прошу Вас, товарищ Маршал Советского Союза, сломать консерватизм и зазнайство наших танковых конструкторов и производителей и со всей остротой поставить вопрос о массовом выпуске уже к зиме 1943 г. новых танков, превосходящих по своим боевым качествам и конструктивному оформлению ныне существующих типов немецких танков.

Кроме того, прошу резко улучшить оснащение танковых частей эвакуационными средствами.

Противник все свои подбитые танки, как правило, эвакуирует, а наши танкисты этой возможности зачастую лишены, в результате чего мы много теряем на этом в сроках восстановления танков. Одновременно в тех случаях, когда поле танковых боев на некоторый период остается за противником, наши ремонтники взамен своих подбитых танков находят бесформенные груды металла, так как в этом году противник, оставляя поле боя, все наши подбитые танки взрывает.

*Командующий войсками
5 Гвардейской танковой армии
Гвардии генерал-лейтенант
танковых войск —
(Ротмистров) Подпись.*

«20» августа 1943 г.
Действующая Армия.

СОДЕРЖАНИЕ

Войска СС — «идеологические солдаты» или отборная гвардия?	5
Сражение за Харьков (февраль — март 1943 года)	13
Войска СС в Курской битве	136
Сражение на Миус-фронте и контрудары под Богодуховом . . .	244
Прорыв у Бучача. Спасение немецкой 1-й танковой армии весной 1944 года.	281
Тайны «Звезды» и бои «Викинга»: сражения под Черкассами, Ковелем и Бельском	297
Балатонское сражение	357
Приложения	
Приложение 1. По следам советских Штирлицев	427
Приложение 2. Документы по Курской битве	442

Борис Соколов
КРАСНАЯ АРМИЯ ПРОТИВ ВОЙСК СС

Издано в авторской редакции
Художественный редактор *П. Волков*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *В. Фирстов*
Корректор *Е. Сырцова*

ООО «Издательство «Яуза»
109507, Москва, Самаркандский б-р, д. 15

Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клара Цеткин, д. 18/5.
Тел.: (495) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клара Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

*По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в ООО «Дип pocket»*
E-mail: foreignseller@eksmo-sale.ru

*International Sales: international wholesale customers should contact «Deep Pocket» Pvt. Ltd.
for their orders. foreignseller@eksmo-sale.ru*

*По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформле-
нии, обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118. E-mail: vrzakaz@eksmo.ru*

*Оптовая торговля бумагами-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:*
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kancs@eksmo-sale.ru, сайт: www.kancs-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
■ Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел. (812) 365-46-03/04.
■ Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.
■ Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.
■ Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 220-19-34.
■ Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.
■ Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а. Тел. (343) 378-49-45.
■ Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс (044) 501-91-19.
■ Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-00-19.
■ Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153. Тел./факс (9652) 22-90-03, 54-32-99.
■ Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Димитровского, д. 3а. Тел./факс (727) 251-59-90/91.
gm.eksmo_almaty@ama.kz

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 780-58-34.

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:
■ В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухарева гл., 12. Тел. 937-85-81.
Волгодонский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.
■ Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазины на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 03.10.2008.
Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.

Бумага тип. Усл. печ. л. 23,52.

Тираж 7000 экз. Заказ № 1561

Отпечатано в типографии

ОАО «Издательство «Самарский Дом печати».

443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Ваффен-СС – «гвардия» Гитлера, «идеологические солдаты» национал-социализма – по праву считались элитой вооруженных сил Третьего Рейха, наиболее боеспособными войсками гитлеровской Германии. Эсэсовцев бросали на самые опасные участки фронта, применяли на решающих направлениях, в самых сложных ситуациях. Сокрушительный удар войск СС не раз решал исход сражений и целых кампаний. Названия эсэсовских дивизий – «Мертвая голова», «Рейх», «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер», «Викинг» и др. – знал каждый солдат по обе стороны фронта. Нацистская пропаганда культивировала миф об их непобедимости.

В своей новой книге известный историк анализирует основные сражения и операции Великой Отечественной войны, в которых дивизии и корпуса СС играли решающую роль, – бои за Харьков в феврале–марте 1943 года, Курская битва, ликвидация советского плацдарма на реке Миус в июле–августе 1943-го, Корсунь-Шевченковская операция, деблокада немецкой 1-й танковой армии в апреле 1944-го, контрудары в районе озера Балатон в январе и марте 1945-го.

Подробно рассматривая ход сражений и стиль ведения боевых действий, а также стратегические возможности, не реализованные обеими сторонами, автор показывает, как, несмотря на высокую боеспособность элитных эсэсовских частей и то решающее значение, которое Гитлер придавал операциям с их участием, они оказались не в состоянии переломить неблагоприятный для Германии ход войны и были в конце концов разбиты Красной Армией.

ISBN 978-5-699-31086-9

9 785699 310869 >